Д 67/1821 №3/1

Д 67/1821 л 3/1 566/68

Западная Монголия
и Урянхайский край.

1926.

Г-306.
67
1821
5/1

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

ЗАПАДНАЯ МОНГОЛИЯ
И
УРЯНХАЙСКИЙ КРАЙ

ТОМ ТРЕТИЙ

ВЫПУСК ПЕРВЫЙ

Антропологический и этнографический
очерк этих стран

составлен

Г. Е. ГРУММ-ГРЖИМАЙЛО

Почетным членом Государственного Русского и Королевского
Нидерландского Географических Обществ

1926
ЛЕНИНГРАД

© ГПНТБ СОРАН

State Russian Geographical Society

Western Mongolia

AND

the Uriankhai Country

VOLUME III

FIRST PART

An anthropological and ethnographical sketch of these countries

by

G. GRUMM-GRSHIMAILO

Honorary Member of the State Russian Geographical Society and the Royal Dutch Geographical Society

Печатается по распоряжению Государственного Русского Географического Общества

Секретарь *акад. В. Комаров*

© ГПНТБ СО РАН

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО.

ЗАПАДНАЯ МОНГОЛИЯ
И
УРЯНХАЙСКИЙ КРАЙ

91 +902
Г-30

ТОМ ТРЕТИЙ
ВЫПУСК ПЕРВЫЙ

Подготовил 6

Антропологический и этнографический
очерк этих стран

составлен

Г. Е. ГРУММ-ГРЖИМАЙЛО

Почетным членом Государственного Русского и Королевского
Нидерландского Географических Обществ

БИБЛИОТЕКА

1926
ЛЕНИНГРАД

© ГПНТБ СО РАН

Д 67
1821
№3/1

Western Mongolia

AND

the Uriankhai Country

Volume III

First part

An anthropological and ethnographical sketch of these countries

by

G. Grumm-Grshimailo

Honorary Member of the State Russian Geographical Society and the Royal Dutch Geographical Society.

566 1/68

СВЕРЕНО

ИПТБ СО АН СССР
Гос. публ. науч.-техническая

Сверено 1994 г.

Ленинградский Гублит № 8161. Тираж 1000 экз.

Типография Главного Ботанического Сада, Аптекарский пр., № 1.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Этнографическая литература по Западной Монголии и Уряпхайскому краю оказалась не только бедной, но и дающей преимущественно материал, страдающий такими дефектами, как его отрывочность и несистематичность, чего, впрочем, я не хочу ставить в вину тем исследователям этих стран, которые собирали между прочим и этот материал. Это „между прочим“ об'ясняет все дело. Этнографические исследования от исследователя, помимо знания языка изучаемой им народности и соответственной подготовки, требуют стационарной работы и продолжительного среди нее пребывания; этих требований ученые миссии, посылавшиеся до сего времени в Монгольский Алтай и за Саяны, за весьма немногими исключениями [1]) выполнять не могли, так как их задачи, иногда очень широкие, заставляли их разбрасывать сеть своих работ на возможно бо́льшие территории. При таких условиях схватывалось на лету лишь то, что можно было схватить, что само бросалось в глаза; сравнительных же исследований не производилось, как не делалось и попыток выяснения, что в этнографических явлениях у изучавшейся народности являлось продуктом ее творчества, а что взято было ею извне, причем не делалось и различия между явлениями, свойственными всей народности, и такими, которые встречались у одной из ее

[1]) Таким исключением является экспедиция *Ф. Я. Кона* в Урянхайскую землю. Этот исследователь имел возможность точно и полно установить этнографические явления в изучавшейся им стране и, повидимому, удовлетворительно справился со своей трудной и сложной задачей, но по возвращении своем в Россию ограничился одним лишь „предварительным“ отчетом, страдающим недостатками, свойственными большинству таких научных работ. Впрочем и в таком виде его отчет представляет весьма ценный вклад в нашу бедную литературу по этнографии Средней Азии.

© ИПНТБ СО РАН

частей, кости или рода. В еще менее совершенном виде находятся материалы, обнимающие духовную культуру племен и народную психику. Наконец, и соматическая антропология, едва затронувшая описываемую здесь часть Азии, дает для нее материал, требующий существенных оговорок, так как и в нем группируются данные по народностям, а не по родам, слагающим эти народности, причем упускается из вида тот факт, что народности, населяющие ныне Монголию, составляют в большинстве случаев лишь об'единенный политически конгломерат чуждых друг другу этнических элементов. „Кто видел одного тодаса, пишет Маршалль, тот видел их всех". Ни про одну из современных народностей Средней Азии сказать того же нельзя. Но среди этих народностей удержался еще родовой строй, причем экзогамные браки не успели сгладить в них физических, психических и бытовых отличий между родами. Этим следовало-бы воспользоваться, но работ, посвященных выяснению современного этнического их состава, который в дальнейшем дал-бы нам возможность отделить их основные ядра от адоптированных частей, мы не имеем. Зато нет недостатка в антропологических характеристиках на основании средних из нескольких измерений; но эти характеристики столь-же мало научны, как если-бы кому-нибудь пришло в голову дать антропологическую характеристику французов на основании измерений десятка басков и бретонцев или такого-же числа овернцев и потомков норманнов.

Последние главы 2-го выпуска этого тома посвящаются мною пришлым в Монголию элементам—китайцам и русским, причем я выбрал из имеющейся литературы все, что могло служить к выяснению той роли, какую сыграли и те и другие в этой стране. Особое внимание я уделил русской деятельности за Саянами: она заслуживает того, чтобы получить, наконец, правдивое освещение, в котором ей до сих пор отказывали даже те русские исследователи, задачей которых было изучение русской промышленной и торговой деятельности среди монголов и урянхайцев, отказывали потому, что приступали к этому изучению с предвзятым мнением, нашедшим себе отражение, между прочим, в следующих словах одного из деятельнейших наших консулов, в восьмидесятых годах прошлого столетия державшего в своих руках русскую торговлю

в Тарбагатае: „в спорах между русскими и туземцами я всегда отдаю предпочтение показаниям последних, так как большинство работающих в Китае русских — элемент весьма мало падежный".

Таков в общих чертах характер литературных источников, давших главный материал для составления настоящей книги: их недостатки, несомненно, должны были отразиться и на ее содержании. Моей задачей было собрать материал, классифицировать и организовать его и затем использовать его в той его части, которая заслуживала доверия; насколько-же я хорошо выполнил эту работу, судить, конечно, не мне, а читателю.

После того как последние страницы этой книги сданы были в набор, мною были получены наконец вполне достоверные известия о тех изменениях в государственном строе и всем жизненном укладе Монголии, которые вызваны были в ней событиями конца 1924 года. Изложению хода этих событий и вызванным ими реформам будут посвящены заключительные строки II тома настоящего труда, здесь же мне приходится лишь сказать, что многое из того, что было еще верно для начала 1924 года и нашло отражение на страницах этой книги, стало ныне уже достоянием истории; между прочим логическим последствием упразднения княжеской власти в стране явилась и замена существовавших еще до 1925 года названий аймаков и хошунов названиями географическими в основу которых легли имена наиболее характерных для каждого хошуна географических предметов. Изменены были не только названия хошунов, но также их границы с одновременным упразднением некоторых из них и созданием новых. Все это придется иметь в виду читателю при пользовании настоящей книгой. Она не могла угнаться за жизнью Монголии, вступившей ныне в новое русло.

В заключение считаю долгом выразить здесь глубокую признательность профессорам Вл. Л. Котвичу и Б. Я. Владимирцову, которые охотно делились со мною своими знаниями Монголии и тем облегчали мне нелегкую задачу довести настоящий трехтомный труд до конца. Я обязан также благодарностью геологу И. П. Рачковскому, под общим руководством которого было произведено в 1920 году геологическое исследование Бей-кем'ского комплекса, предоставившему

© ГПНТБ СОРАН

мне возможность использовать рукопись А. П. Ермолаева и новый картографический материал по Урянхайскому краю.

В виду недостаточности отпущенного Географическому Обществу кредита на печатание III тома, его пришлось разбить на два выпуска. Этим об'ясняется выход в свет настоящей книги ранее II тома, хотя оба тома и были сданы в типографию одновременно.

Алфавитные указатели будут приложены ко второму выпуску.

ГЛАВА I.

Народности, населяющие Западную Монголию и Урянхайский край.

Сойоты (урянхайцы)

Благодаря тем почти непреодолимым препятствиям, какие лес кладет на пути человека, лесные горные пространства в пределах бассейнов Верхнего Енисея и Ангары остались вне исторически известных народных передвижений, что в значительной степени должно было способствовать сохранению населявшими эти пространства лесными племенами их этнических особенностей [1]). В действительности мы этого однако не наблюдаем. Они не удержали чистоты своего типа и представляют народности, носящие все следы длительной метисации. В виду этого их сложный состав приходится об'яснить предположением, что в доисторическую эпоху Алтайско-Саянское нагорье заселялось не цельными охотничьими племенами, а беглецами, осколками различных покоренных народов, искавшими в них убежища от врагов, из каковых элементов здесь засим и сложились уже племена, поражающие нас теперь разнообразием и смешанностью своих этнических признаков.

Дав приют остаткам различных племенных групп, те же лесные пространства не послужили однако долговременным и надежным оплотом тому культурному ядру, которое возникло севернее Саянской магистрали и центром которого была Минусинская долина [2]).

---

[1]) Роль леса в истории расселения народов хорошо выяснена *Richard Marek*'ом в его статье—„Zur Anthropogeographie des Waldes", напечатанной в „Geographische Zeitschrift", 1912, Heft 1.

[2]) См. т. II, гл. I.

© ГПНТБ СО РАН

Исчезновение этого культурного ядра—одно из самых темных мест истории Средней Азии, и если-бы не та помощь, какую встретила наука в пальэтнологических данных, мы даже не знали-бы, к какой народности его отнести.

Минусинская долина не была очагом самостоятельной материальной культуры: в основе своей она была заимствованной [1]). Да она и не могла-бы возникнуть самостоятельно в одной из самых глухих местностей Средней Азии, отмежеванной от остального культурного мира огромными пространствами тайги и диких песчаных и каменистых пустынь.

История нам свидетельствует, что носителем ее была ничтожная по своей численности народность, жившая мелкими самоуправляющимися общинами; то же подтверждает и археология. Эта рознь была ее слабостью и, без сомнения, способствовала тому, что она была стерта с лица земли, повидимому, задолго до того переворота, который внесла в Среднюю Азию эпоха Чингис-хана.

Но она исчезла не совершенно бесследно. Ее наследием остались те, часто вьющиеся, белокурые, рыжие и темно-русые волосы, голубые, серые и зеленые глубоко сидящие глаза и выдающиеся, иногда горбатые, носы, те продолговатые черты лица и румяные щеки, которые и поныне еще встречаются у кумандинцев [2]), кизыльцев, сагаев, качинцев, койбалов, бельтиров, сойотов (урянхайцев), чулымских и других инородцев [3]) бассейнов Верхнего Енисея и Ангары. Примесь

---

[1]) См. т. II, гл. I.

[2]) *Ядринцев*—„Об алтайцах и черневых татарах“ в „Известиях И. Русск. Геогр. Общ.“, 1881, XVII, вып. 4, стр. 233.

[3]) *Горощенко*—„Материалы по антропологии Сибири. Сойоты, бельтиры, койбалы, качинцы, сагаи, кизильцы и мелецкие (чулымские) инородцы“ в „Зап. Красноярск. под'отд. Вост.-Сиб. отд. И. Русск. Геогр. Общ. по этнографии“, т. I, вып. 2, 1905.

Расовые черты народности, населявшей в первые века истории Средней Азии Минусинскую долину, сохранили нам некоторые из уцелевших еще масок (см. т. II, гл. I). Может быть также, что со временем возможно будет воссоздать их и по черепам. См. *H. Eggeling*—„Die Leistungsfähigkeit physiognomischer Rekonstruktionsversuche auf Grundlage des Schädels“ в „Archiv für Anthropologie“, 1913, Bd. XII, Heft. 1.

крови этой народности значительно изменила монгольский тип этих племен, а некоторые элементы ее культуры и до сих пор еще удержались по обе стороны Саянского кряжа.

Всего резче среди алтайско-саянских народностей смешение этнологических признаков обнаруживают урянхайцы или сойоты, к ближайшему ознакомлению с коими мы и переходим.

Урянхайцы, пишет Каррутерс, [1]) представляют племя смешанного типа. В общем их можно разделить на две группы: западных, населяющих бассейн Кемчика, и восточных, занимающих верхний бассейн Енисея, причем эти естественные (?) подразделения об'ясняются, повидимому, помимо других причин, районами их обитания. Восточные, и среди них преимущественно оленеводы, населяющие наименее доступные части Саянского нагорья, менее всего подверглись процессу омонголения, обитатели же бассейна Кемчика испытали заметное влияние внешнего мира. Различия между обоими типами колеблются в широких пределах от почти чисто монгольского до характерно европейского. Указанные типовые различия можно наблюдать всюду, как в пределах верхней части бассейна Енисея, так и на Кемчике, но ближе всего к монгольскому типу подходят уроженцы бассейна последней реки.

На примере Ала-суйского стойбища оленеводов, пишет далее Каррутерс, мы имели возможность воочию убедиться, насколько значительны типовые различия даже в пределах одного клана урянхайцев. Здесь нам не только не удалось установить какой-либо один тип, но даже редко мы наталкивались на двух индивидуумов, которые отличались-бы одинаковыми особенностями. В общем же урянхайцев можно

---

[1]) „Неведомая Монголия“, т. I, „Урянхайский край“, перев. с англ. Н. В. Турчанинова, изд. Пересел. Упр., Петрогр., 1914, стр. 228—229.

Перевод этот местами неудовлетворительно передает английский текст; кое-где встречаются даже английские слова, оставшиеся без перевода; многие географические названия транскрибированы очень неудачно уже автором, еще хуже переводчиком и часто очень далеки от принятых в русской картографии. Все это дает возможность пользоваться этой книгой для научных целей лишь с большой осторожностью.

© ЦНБ СОРАН

назвать низкорослыми, худощавыми и подвижными; некоторые из них производили впечатление хорошо сложенных, сильных людей. По измерению Прайса, средняя высота роста мужчин колебалась между 5 ф. 4 д. (1,63 м.) и 5 ф. 6 д. (1,68 м.), а женщин между 4 ф. 6 д. (1,39 м.) и 4 ф. 7 д. (1,40 м.).

Оленеводческие части урянхайского племени в большинстве имеют темные, прямые, реже мягкие волосы; однако блондины среди них не составляют исключения; в особенности это следует сказать о детях, так как с годами процент светловолосых быстро убывает. Что касается уроженцев бассейна Кемчика, то их отличают от оленеводов больший рост, смуглость кожи и более выдающиеся скулы; Клеменц находит даже, что по типу лица их всегда легко отличить от их восточных соседей.

Подобную же характеристику урянхайцев, притом тех из них, которые населяют бассейн Кемчика и долину Улукема, находим мы и у А. В. Адрианова [1]), который пишет: „Указать типические черты лица сойотов кемчицких и улукемских я не возьмусь, ибо так много встречал между ними лиц, которых охотно принял-бы за монголов, что не разберешь, сколько в физиономии сойота монгольского, сколько сойотского. Большинство из них черноволосые и черноглазые, с слегка коричневым цветом лица, менее темным, чем, например, у качинских татар. Лица выразительные, весьма подвижные, черты лица резкие, часто красивые; плоских, широких лиц и плоских носов, как у помянутых татар, я не видел. Нос прямой, высокий, сдавленный; губы толстые, выворочённые и большею частью отвислые, так что рот у большинства открытый. У сойотов я часто замечал одну особенность—узкий, сильно отброшенный назад лоб, что придает таким лицам обезьянье выражение. Растительность лица скудная; кроме небольших усов и эспаньолки, весьма немногие носят реденькие баки или бороду. Телосложение сойотов плотное, крепкое, гибкое и сухощавое“. Вообще же, „народ этот весьма

[1]) „Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 году“ в „Зап. И. Русск. Геогр. Общ. по общ. географии“, 1888, XI, стр. 339.

подвижной, бойкий, необыкновенно легкий на подъем и быстрый в работе“.

Мне лично урянхайцев довелось видеть преимущественно в западной части хребта Танну-ола и по реке Улу-кему, причем многолюдных их стойбищ посетить не удалось, большинство же тех из них, с коими мне пришлось ближе столкнуться, принадлежало к управляющему классу и их челядинцам, у которых примесь монгольской крови должна была проявиться всего сильнее. И тем не менее индивидуумов, которые чертами лица походили-бы на забайкальских бурят, среди них я не встретил. Не нашлось, правда, между ними и светловолосых, но зато другие признаки динлинской расы, а именно: сжатые с боков черепа [1]), меньшие, чем у монголов, размеры ушей, почти европейские физиономии и торс с резко выраженной поясницей выступали у многих. Встретились мне и два субъекта с светлыми, почти голубыми глазами—признак, который Топинар считает наиболее устойчивым для белокурой расы. Среди детей попадалось не мало с румянцем на щеках—особенность кожи также не менее характерная для белокурых, утрачиваемая урянхайцами с возмужалостью, как и светлый цвет волос. Как известно, существует корреляция между цветом волос и эпидермисом, но в данном случае дети оказывались темноволосыми. Субъекты с „овальным лицом, круглой головой, выдающимися скулами, плоским и толстым носом, низким лбом и редкой черной растительностью“ встретились мне только в долине Чуи, левого притока Барлыка, в виду чего я не могу не присоединиться к замечанию Горощенко [2]), который, приводя эту характе-

[1]) *Горощенко* („Сойоты“ в „Русск. Антроп. Журн.“, 1901, № 2, стр. 69—70), измеривший 92 туземцев (в том числе 20 женщин) долины Улу-кема, дает следующие предельные цифры их головных указателей—79 и 92, замечая далее, что на долю субдолихоцефалов пришлось при этом всего лишь 5,4%, на долю же брахицефалов большинство, а именно—44,7%. Мне кажется, что у сойотов долины Кемчика процент первых должен быть значительно большим, и теперь я крайне сожалею, что сложность лежавших на экспедиции задач помешала мне заняться по пути и антропометрическими измерениями.

[2]) *Op. cit.*, стр. 66.

© ГПНТБ СО РАН

ристику сойотского типа, даваемую Яковлевым [1]), пишет, что это определение, диаметрально противуположное тому, какое мы находим у Реклю [2]), имеет конечно свое основание, но такого типа сойоты встречаются далеко реже, чем сойоты с правильными чертами лица, тонким и прямым носом, широким лбом и острым подбородком, чему в подтверждение он и дает фотографический снимок с кучки случайно собравшихся урянхайцев. Единственный признак, общий почти всем сойотам, сближающий их с монголами, это слабо развитая волосяная растительность на лице, вызвавшая, может быть,

---

[1]) „Этнографический обзор инородческого населения долины южного Енисея и об'яснительный каталог Этнографического Отдела (Минусинского) Музея", Минусинск, 1900, стр. 23.

Далее у того же автора читаем: „У тоджинцев и мадинцев—глаза на уровне (?) носа, веки с глубокой монгольской складкой, толстые отвислые губы. толстый и плоский нос, крупные зубы, оливковый цвет лица—и этот тип считается у сойотов наиболее красивым (?). Ему противополагаются „ангак харак"—„вдавленные глаза". И засим:

„По Кемчику можно встретить нередко рыжую и светло-русую окраску волос и голубые глаза, а также тонкий и сухой нос („хырлан хай"—острое переносье); в Ойнарском хошуне попадаются суб'екты с окладистой бородой. Распространенные именные названия „синий глаз", „желтый глаз", „желтый" и проч. указывают также на распространенность светлой окраски глаз и волос"...

В этих расовых признаках *Е. К. Яковлев* усматривает лишь результат соседства с русским населением Енисейской долины.

Что соседство это не осталось без влияния на изменение типа саянских инородцев, эте не подлежит сомнению. Но когда заходит речь о сойотах, то не следует забывать, что их более тесное общение с русскими началось лишь в самое последнее время и пока ограничилось ничтожнейшей частью их территории, в частности же вовсе почти не распространялось на бассейн Кемчика, заселенный преимущественно русскими инородцами. В виду сего и во внимание к этническому прошлому этой страны мы должны видеть в белокурых туземцах не метисов, в жилах которых течет русская кровь, а отклик этого прошлого.

[2]) Сотрудником *Реклю* по обработке материалов, относящихся к южной Сибири, в частности к Алтайско-Саянскому нагорью, был *кн. П. Кропоткин*, лично исследовавший Саянский хребет и неоднократно при этом сталкивавшийся с урянхайцами. Ему, а не *Реклю*, принадлежит, вероятно, и все то, что мы находим в книге последнего об этой народности.

и обычай, в подражание монголам, выщипывать у себя бороду и усы.

Общей им всем особенностью следует также считать и их рост ниже среднего [1]). Выше были приведены цифры Прайса. Горощенко [2]) для туземцев долины р. Улу-кема дает очень близкие числа: для мужчин—1,49-1,71 м., для женщин—1,43-1,57 м. Эти цифры указывают, что у улукемских урянхайцев мужчины в среднем несколько ниже, женщины выше, чем у измеренных Прайсом тоджинцев [3])—

---

[1]) Впрочем указание это следует принимать с большой осторожностью. Против того, что низкий рост есть общая особенность урянхайцев говорят следующие слова *Родевича* („Урянхайский край и его обитатели" в „Изв. И. Русск. Геогр. Общ.", 1912, XLVIII, стр. 154), имевшего разносторонние и многочисленные сношения с этим народом: „По внешности урянхи довольно рослый, крепкий народ, сухого сложения".

[2]) „Сойоты" („Русский Антропологич. Журн.", 1901, № 2, стр. 69); в „Материалах по антропологии Сибири" („Зап. Красноярск. Под'отд. Вост.-Сиб. Отд. И. Русск. Геогр. Общ.", 1905, т. I, вып. 2, табл. 1) им даны несколько иные цифры, а именно, для мужчин—1,51-1,72, для женщин—1,43-1,55 (средн. 1,498).

[3]) *Островских*—„Краткий отчет о поездке в Тоджинский хошун Урянхайской земли" в „Изв. И. Русск. Геогр. Общ.", 1898, XXXIV, вып. 4, стр. 431, приводит для тоджинцев следующие средние цифры: 1,60 для мужчин и 1,48 для женщин. *Ядринцев* (см. *А. Н. Хурузин* — „Киргизы Букеевской орды", вып. 2, ч. I, в „Изв. И. Общ. Любит. Естеств., Антроп. и Этногр. при И. Моск. Унив.", 1891, XXII) дает для урянхайцев среднюю 3-х измерений—1,54. *Ф. Я. Кон* („Предварительный отчет по экспедиции в Урянхайскую землю" в „Изв. Вост.-Сиб. Отд. И. Русск. Геогр. Общ.", 1903, XXXIV, № 1) определяет средний рост сойотских мужчин в 1,61 м. при крайних цифрах 1,53 и 1,74 м., женщин в 1,52 м. при таких же цифрах 1,50—1,54, не указывая ни к какому числу измеренных им суб'ектов относятся эти цифры, ни к какому роду или хотя-бы хошуну принадлежали они. *Г. Сафьянов* („Эпизод из странствий по Монголии" в „Восточн. Обозр.", 1883, № 7, стр. 11) встретил в долине Баш-кема, высоко в горах Ергик-Иргак-тайга, улус в пять юрт, душ с 20 сойотов Тоджинского хошуна, которые отличались поразительно низким ростом. Эти карлики достигали едва двух аршин, т.-е. 1,42 м., и были настолько тщедушны, что, как показалось *Сафьянову*, поднятый им старик весил не более пуда. К сожалению *Сафьянов* не пишет, к какому роду (кости) принадлежали эти сойоты.

Весьма малорослое племя (1,39—1,56 м.) брахицефалов, жившее, повидимому, в самом начале железной эпохи, обнаружено было французскими

© ГПБ СОРАН

факт, который находится в противоречии с тем выводом, к которому пришел Каррутерс, и который указывает, что для урянхайского племени в его целом антропологическая характеристика должна считаться еще преждевременной [1]).

Аристов [2]) думает, что низкий рост урянхайцев (сойотов) подтверждает их самоедское происхождение, признававшееся за ними и ранее писавшими об этой народности: Клапротом [3]), Кастреном [4]), Вамбери [5]) и др.; но

исследователями *Мёнье* и *Эйхталем* (см. реферат В. М-ва (*В. Майнова*) в „Изв. И. Русск. Геогр. Общ.“, 1874, X, № 5, мелк. изв., стр. 195—196) в курганах у Барнаула. По замечанию этих исследователей, краниологические данные заставляют их отнести это курганное племя к метисам (к „переходному племени“) финнов и тюрко-татар.

[1]) Попытку такой характеристики мы, между прочим, находим и у *И. Силинича*—„К краниологии сойот“ в „Русском Антропол. Журн.“, 1901, № 2, стр. 79, исследовавшего всего лишь 11, повидимому, мужских черепов, поступивших в Антропологический Музей Моск. Университета; между прочим он пишет: „Суммируя вышеприведенные данныя, мы видим, что сойоты не представляют собой однородного цельного физического типа, а смешанный, составной. Они являются вместе с самоедами как-бы переходом от типа монголо-тюркского к типу финскому, причем по некоторым признакам стоят к финнам ближе, чем самоеды, более зато приближающиеся к монголо-тюркам. Наличность всех этих элементов в физическом типе сойотов нам кажется довольно вероятной, несмотря даже на ограниченность фактического материала, которым мы располагаем“.

[2]) „Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности“ в „Жив. Стар.“, 1896, вып. III и IV, стр. 449.

[3]) „Asia polyglotta“, 1823, стр. 150—151.

[4]) У него читаем: Целью моего путешествия в Китай „было отыскание следов происхождения сойотов, и оказалось, что, согласно с предположением *Палласа*, они действительно отатарившиеся самоеды и частью, может быть, даже остяки“ („Путешествие в Минусинском округе до китайской границы“ в „Магазине землеведения и путешествий“, 1860, т. VI, ч. II, стр. 417). И в другом месте („Путешествие в Канском округе до Иркутска“, там же, стр. 430): „Так как койбальская, карагасская и сойотская диалектная разность примыкает всего более к качинскому наречию, то и нельзя не предположить, что именно качинские татары уничтожили небольшие самоедские и остяцкие народцы, известные под именами: койбалов, карагасов и сойотов“.

[5]) „Das Türkenvolk in seinen ethnologischen und ethnographischen Beziehungen“, 1885, стр. 99.

все эти ориенталисты опирались в своих суждениях, повидимому, лишь на Палласа, относившего сойотов на основании их языка к южной отрасли самоедского племени [1]). Однако уже Кастрен, по замечанию Катанова [2]), а засим и этот последний не нашли в языке урянхайцев ни в фонетическом, ни в морфологическом, ни в лексическом отношениях ничего остяцкого или самоедского [3]), а при таких условиях свидетельство Палласа утрачивает значение непреложного факта. Что касается физического типа сойотов, то он достаточно отличен от самоедского, хотя нельзя отрицать, что самоедский элемент должен был войти в состав этой народности в виду существования в ней самоедских костей: мады, чжода, иргит (иркит, ирхыт) и кёль (куль) [4]).

Этнический характер народности, сохранившей свой родо-

[1]) „Merkwürdigkeiten der Obischen Ostjaken, Samojeden, daurischen Tungusen, Udinskischen Bergtataren“, etc., ч. III, стр. 135. *Н. Абрамов*—„Описание Березовского края“ в „Зап. И. Русск. Геогр. Общ.“, 1857, XII, стр. 350, подтверждает, что остяки и до сего времени называют самоедов урьяхами.

[2]) „Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня“, 1903, стр. IV. Вероятно, он имел в виду следующие места книги *Кастрена* (op. cit., стр. 429)... „Настоящий язык их (карагасов)—тюркский, того самого наречия, к которому кроме карагасского можно причислить и качинское, и койбальское и сойотское. Между карагасским и сойотским сродство так велико, что их можно принять за один вариант“. „Я сейчас сказал, что сродство языка—доказательство одного общего происхождения карагасов, койбалов и сойотов. Но сказав это, я разумею никак не более того, что три поименованные народца преобразовывали свою национальность (?) под одним общим влиянием, и что это преобразование происходило отчасти в то время, когда койбалы и карагасы жили еще в близких сношениях с сойотами. Иначе невозможно об'яснить упомянутого выше сродства, особенно касательно карагасов, которые со времени переселения их в Нижне-Удинский округ не были ни в каких сношениях с татарскими племенами. А так как тем не менее они татары и говорят тем самым тюркским наречием, которым говорят сойоты, то из этого и следует прямо, что в старину они жили в близких связях с сойотами или по крайней мере тогда уже заимствовали язык их“.

[3]) Ibid, стр. III—IV.

[4]) *Кастрен*, op. cit., стр. 392 и 429.

ОТНТБ СОРАН

вой быт, определяет ее родовой состав, но это только в том случае, если большинство ее родов (костей) может быть в расовом отношении достаточно выяснено. Роды (кости) сойотов в этом последнем отношении представляют, однако, трудности, которые едва-ли когда-нибудь будут побеждены, и таким образом, если антропология своевременно не придет нам на помощь, эта народность останется для нас навсегда в этническом смысле неопределимой человеческой группой.

Урянхайские роды (кости) по имени нам в настоящее время известны, и дополнения и изменения в этом направлении хотя и возможны [1]), но едва-ли в состоянии будут изменить общую, в достаточной степени уже определившуюся, картину родового состава этой народности, которая представляется в следующем виде [2]):

Хасутский хошун [3])	халюш	Район озера Косогола
	иркит (ирхыт) [4])	

[1]) А что они возможны, это доказывается тем, во-первых, что мне при самом беглом исследовании этой народности все же удалось внести некоторые дополнения в состав даже таких хошунов, на территории которых работал *Катанов* (см. „Письма Н. Ф. Катанова из Сибири и Восточного Туркестана“ в „Зап. И. Академ. Наук“, 1893, LXXIII, приложение № 8), а во-вторых, тем, что родовой состав некоторых хошунов и доныне остается еще под сомнением.

[2]) Я держался транскрипции *Катанова*—„Письма из Сибири и Восточного Туркестана“ (Приложение № 8 к LXXIII т. „Зап. И. Акад. Наук“, 1893), стр. 12—16; к сожалению в эти письма вкрались опечатки (напр., тюлют вместо тюлюш—ошибка, перешедшая и в статью *Аристова* (op. cit., стр. 347), что заставляет пользоваться ими с осторожностью.

[3]) *Потанину* („Очерки Северо-Западной Монголии“, вып. IV, стр. 12) даны были два указания на состав этого хошуна:

хасут	хасут
калиучин	ирхит
хердэк	шерьхитын
мундэй	хуреклыг.

Ему не удалось выяснить причину этого разногласия.

[4]) Как выше было уже указано, этот род *Кастрен* относит к числу самоедских. *Катанов*, op. cit., стр. 3, называет его в числе турецких, но не указывает к сему оснований; вероятно, он при этом полагается на авторитет *Радлова* — „Aus Sibirien“, I, стр. 217, который включает его в число

Хасутский хошун	хасут [1])	Район озера Косогола
	аргамык	
Ойнарский хошун	оин [2])	По обоим склонам хребта Танну-ола.
	ирхыт (иркит)	
	соен (соян)	
	чоды (чжода) [3])	
Сальджакский хошун	сальджак [4])	По р.р. Брень, Улу-Дживей и Улу-кему.

киргизских родов. Иркит—ирген у койбалов, иргэ у карагасов, ургун у русских XVIII столетия, составляли некогда отдельный улус в Канском округе (см. „Памятники Сибирской истории XVIII века“, кн. I, 1882, № 59); западный отдел иркитов населял бассейн Юса (см. „Дополнения к Актам историческим, изд. Археографической Коммиссиею“, VII, № 72).

[1]) *Нейман, К.*, („Исследования в Тункинском крае и на оз. Косоголе“ в „Отчете Сиб. отд. И. Русск. Геогр. Общ.“, 1872) пишет—„хаасут“.

А. Бурдуков—„Очерк Баитского хошуна князя Тюмы-баир-гуна“, Томск, 1915, стр. 7, среди баитских костей этого хошуна называет кость хасгут.

[2]) О племени оин, оин-урянха упоминает *Рашид-эд-Дин* („История Монголов“. „Введение: о турецких и монгольских племенах“, стр. 9, 86 и 156), который и относит его к числу коренных монгольских. В до-чингисово время оно жило по соседству с ойратами, на окраине монгольских земель, к северо-западу от Селенги, в местности, носившей название Баргуджин-Токум, и, вероятно, к этому времени следует отнести вступление в его состав кости ölёт (улет). См. *Ф. Кон*—„Предварительный отчет по экспедиции в Урянхайскую землю“ в „Изв. Вост.-Сиб. отд. И. Русск. Геогр. Общ.“, 1903, XXXIV, № 1, отд. отт., стр. 2. Тот же автор называет кроме ölёт следующие кости в составе оин-сумо: сат, тангак, байгара, унгер, ходуш, телек и олп. О первых трех будет упомянуто ниже, унгер, вероятно, то же, что унгира, упоминаемые в „Юань-чао-ми-ши“ („Труды членов Росс. Дух. Миссии в Пекине“, IV, стр. 91; см. также „Примечания“ *арх. Палладия* стр. 207, где говорится, что супруга Чингис-хана была из этого рода, который *Ван-гуань-дай* пишет хунгира), т. е. хонкираты *Рашид-эд-Дина*, нынешние конграты—одно из коренных монгольских племен, вошедшее в состав киргиз-казацкого союза (Средней орды), о ходуш же, если только это не одна из форм коту (наименование коттов; среди остяков есть кость коту, у киргиз—кутту), телек и олп я ничего сказать не могу. Засим, и *Аффриканов*—„Урянхайская земля и ея обитатели“ в „Изв. Вост.-Сиб. отд. И. Русск. Геогр. Общ.“, 1890, XXI, № 5, называет четыре кости в составе ойнарского сумына: тонгак, байгара, кизек-соин и иргиз, где последнее наименование вероятный вариант имени иргит. *Аристов*, op. cit., стр. 348, включает ойнарский род в число уйгурских по основаниям, мне неизвестным.

[3]) Этот род *Кастрен* также относит к числу самоедских.

[4]) Сальджак, вероятно, один из вариантов Рашид-эд-Дин'овского саль-

© ГПНТБ СО АН

Сальджакский хошун	киргиз [1]	По р.р. Иртыш, Дзайгыл-гол и Нарин.
	куль [2]	В горах, окружающих котловину оз. Тери-нур.
	пайгара	На правом берегу р. Хакем, и по р. Улу-кему.

джиут. Сальджиуты были одним из первых коренных монгольских племен, покоренных Чингис-ханом (*Рашид-эд-Дин*, op. cit., стр. 56). Они принимали участие во всех враждебных ему коалициях, стояли на стороне Чжамухи и Даян-хана найманского и после поражения последнего вскоре сошли с исторической сцены. Часть их отброшена была засим далеко на запад, где и вошла в узбекский союз. Среди урянхайских сальджаков имеется кость ölёт (*Ф. Кон*, loc. cit.). Из других костей сальджак-сумо *Кон* называет: иргит, соён, хуюк, кезек-сальджак и какта. Первые две назывались выше, хуюк встречается и среди тоджинцев, кезек в соединении с сальджак, может быть, означает лишь название местности (кесык, как название географическое, встречается в Средней Азии; так называется, например, горная группа в Нарымском хребте), о какта никаких сведений дать не могу.

[1]) Вероятно, мы встречаемся в этом роде с потомками древних киргизов (т. е. динлинов), а не того конгломерата народностей, которому впоследствии присвоено было это название (см. т. II, гл. I).

[2]) Эта кость встречается и у других алтайских народностей: у койбалов и сагайских татар. *Кастрен*, op. cit., стр. 392, считает ее самоедской. Сумын *Куль* состоит из четырех костей: балыкчи, хердэк или хердыгыт, иргит и хускун (*Потанин*, op. cit., IV, стр. 11); кость балыкчи не может быть отнесена к самоедской. Засим, у кульских же урянхайцев *Потанину* (loc. cit.) называли кости: мингыт, монгош, сойон, хиреид и хередяк, в ином произношении — чердэк. В „Мэн-гу-ю-му-цзи", стр. 448, мингыт пишется мингат, что правильнее, так как *ат*—окончание множественного числа коренного племенного названия минг, и далее говорится, что мингаты „вышли из урянхайцев" и в 1765 г. образовали особое знамя, которому и отведены были земли к северо-западу от Кобдо, между р. Кобдо и оз. Хара-усу. Часть этого племени была однако еще ранее отброшена далее к западу, где и вошла в состав узбекского союза. Более подробно об этом племени говорилось во II т. настоящего труда, к которому я и отсылаю читателя, а засим о мингытах я буду иметь еще случай говорить ниже в V-ой главе. Среди мингытов *Потанину*, op. cit., II, стр. 40, называли кости: пашкыт, мынгыт, киргиз, хуулыр, шуу и китыт. Кость хуулыр имеется и среди дархатов (см. ниже), кость шуу (шю) у кузнецких татар, китыт (китат) у алтайцев; в „Мэн-гу-ю-му-цзи", стр. 325, читаем: монголы только в эпоху пяти династий (Ву-дай, 907—960 гг.) проникли в пределы Серединного государства, когда 16 северных его округов принадлежали киданям; вот почему название китат и было перенесено ими на ханьцев; все же в этой кости

Тоджинский хошун	тоджи (точжи)	Бассейн р. Бей-кема.
	ак-чеда (чжода) [1]	
	кара-чеда (чжода)	
	куль [2]	
	хуюк (хоик) [3]	
Кемчикский хошун	камышку (комышку, комушку [4])	По р. Барлыку и в верховьях Кемчика.

скорее следует видеть потомков киданей, чем китайцев. Монгош (менгус), вероятно, один из вариантов имени монгол. Сойон, повидимому, одна из основных костей урянхайцев. Хиреид, вероятно, лишь вариант имени кераит; эта кость встречается и среди ордосских монголов в произношении хереит и херет. Хередяк, хердэк, чердэк, хердыгыт — варианты одного и того же имени, которое, может быть, представляет лишь видоизменение имени керемучин (у монголов—белка—*хэрим*, у дёрбётов—*кэрмын*, у алтайцев—*чырдык*); керемучинов *Рашид-эд-Дин*, op. cit., стр. 8, 86 и 88, относит к числу турецких племев, населявших некогда местность Баргуджин-Токум.

[1]) См выше стр. 11 сноску 3.

[2]) *Аффиканов* — „Урянхайская земля и ее обитатели" в „Изв. Вост.-Сиб. отд. И. Русск. Геогр. Общ.", 1890, XXI, № 5, стр. 50, помещает этот сумым (сумо) в котловине оз. Доро-куль и по рекам Азасу (Доро-кему) и Ин-суку, замечая при этом, что там-же находятся куря и ставка огурды этого хошуна, по происхождению принадлежащего к этому сумо. *Островских*, op. cit., стр. 427, перечисляет следующие кости (?) в этом сумо: кол (т. е. куль), соён, шагда (чагда), каратод, хаазот, хэмдэ. Шагда это вариант имени чжода; действительно *Крыжин* („Труды Сибирской экспедиции И. Русск. Геогр. Общ.", математ. отд., 1864, стр. 90) пишет ту же кость джет. Каратод, вероятно, та же кость, что и хара-додот, о которой упоминает *Крыжин*. *Кастрен*, op. cit., стр. 411, считает род тот самоедским. *Е. Яковлев* — „Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея", стр. 18, пишет—тодут, считая эту кость за отдельный сумын из числа четырех, слагающих тоджинский хошун. С хаазот в форме хасут мы уже встретились раньше, в котловине оз. Косогол.

[3]) *Островских*, loc. cit., *Крыжин*, loc. cit.

[4]) Среди камышку (у *Ф. Кона*, loc. cit.,—хомушхо) имеется кость ölёт. Сверх же того *Кон* называет: тюрбет, хёюк, сарыг, кара и таву. Тюрбет это—дёрбёт, хёюк—хуюк, сарыг (сарыхляр)—очень распространенная кость среди инородцев Алтайско-Саянского нагорья (встречается у сагайцев, бельтиров, карагасов), своим названием указывающая на динлинское свое происхождение, кара в смысле „младший" очень часто сопровождает названия родов, что касается таву, то как ни близко это название к китайскому дубо, отождествить их все же нельзя (см. ниже).

ОТДЕЛ РАН

Кемчикский хошун	иргит (ирхыт) [1]	По р.р. Кемчику и Б. Чуе.
	сая (сой)	Бассейны левых притоков р. Кемчика.
	монгуш [2]	По р.р. Джакуль, Джадана и Кемчику.
	кара-монгуш	Бассейн р. Ак-су.
	кидя-орчжак [3]	По р.р. Алашу и Манджу-реку.

[1]) См. выше стр. 10, сноску 4.

[2]) *Аристов* („Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой орды и кара-киргизов на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и о родовых тамгах, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследований" в „Живой Старине", 1894, вып. III—IV, стр. 437—438) считает монгуш производной формой имени монгол; но если это и так, то одновременное существование этого рода среди урянхайцев и кара-киргизов (в отделе адгене) указывает на то, что прежде, чем проникнуть в Тянь-шань, монголы должны были слиться с киргизами (бурутами) уже в пределах Алтайско-Саянского нагорья, где в их состав тогда же вошли, между прочим, и части урянхайских родов сарыхляр, адай и др., о которых мне придется еще говорить ниже. Отсюда следует, что и гипотеза того же автора („Заметки об этническом составе тюркских племен и сведения о их численности", стр. 396) о позднейшем происхождении монгушской ветви кара-киргизского народа, образовавшейся, будто-бы, из числа тех джагатаидских монголов, которые должны были осесть в Тянь-шаньских горах, теряет под собой почву.

[3]) Китя (кидя, Hi-ti) упоминаются в числе тех 18 племен, князья которых были собраны в 1120 году Ѣлюй-Даши и засим под его предводительством во главе своих отрядов выступили на запад для завоевания государства Караханидов (*Bretschneider* — „Mediaeval researches from Eastern Asiatic Sources", I, стр. 212—214). В настоящее время китя входят в состав отдела алчин под'отдела алимулы Малой киргиз-казачьей орды. В племени алчин *Аристов*, op. cit., стр. 381, видит метисов тюрков и белокурых динлинов, помещая их родину в стране Алакчин, лежавшей на Енисее, при устье Ангары, где, согласно одному из узбекских преданий, все лошади были пегими, а очаги золотыми (см. baron *Desmaisons* — „Histoire des Mogols et des Tatares par Aboul-Ghasi Béhadour khan", 1874, стр. 44). А если так, то и китя могут быть потомками белокурых динлинов.

Орчжак входят в состав адгене, одного из отделов кара-киргизской народности. *Аффиканов*, loc. cit., называет два отдела этого рода — ишиты-орчжак и казан-орчжак. Ишиты, вероятно, остяцкая кость; остяк, быть может, лишь русская переделка татарского иштек. Казан, правильнее казган (козган), находится в числе родов племени аргын, в жилах которого

Кемчинский хошун	адай [1]	По р. Ак-су.
	ондар [2]	По р.р. Большому и Малому Иш-кемам.
	ховалык (хобалык) (2 сумо)	По р.р. Джакуль, Джадана, нижнему Кемчику и Аксу
Хошун Сайн-ноина [3]	тюлюш	По р.р. Джадана и Джакуль.
	адыг-тюлюш [4]	Там-же, а также по Улукему и Темир-суку.
	тонгак-сарык [5]	По р. Чуе.
	джадана-тонгак	По р. Джадана.

течет динлинская кровь. *Яковлев*, loc. cit., насчитывает также два рода орчжаков: иштэ-орчжак и кёдё-орчжак, которые и принимает за отдельные сумыны. То же находим мы и у *П. Осташкина* („Доклад об урянхайцах и их стране по сведениям 1883 г., рукоп., цитир. *Катановым* в его „Библиографическом Указателе", приложенном к „Опыту исследования урянхайского языка", стр. 1498), который называет два сумына орчжаков—ишты и кидя. *Катанов*, op. cit., пишет также орчак.

[1]) Адай, как было уже замечено, входит в состав кара-киргизских родов, образующих отдел адгене. Этим именем карагасы называют монголов (*Катанов* — „Поездка к карагасам в 1890 году" в „Зап. И. Русск. Геогр. Общ. по отд. этногр.", 1891, XVI, вып. II, стр. 221 и в др. местах).

[2]) *Катанов*, op. cit., стр. 3, называет среди урянхайцев род ондар-уйгур, живущий по Кемчику. Речь идет здесь об этом роде (ср. op. cit., стр. 14). *Ф. Кон*, op. cit., называет в ондар-сумо следующие кости: кара-ондар, унгер, кыргыз, шагай. О кости унгер см. выше стр. 11, сноску 2; что касается кости шагай, то это, вероятно, лишь вариант чага—деления рода увак, входящего в состав особого союза сибирских киргиз-казаков (см. *Красовский* — „Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба", „Область сибирских киргизов", Спб., 1868, цит. по *Аристову*, op. cit., стр. 379).

[3]) *Осташкин*, loc. cit., в числе сумынов этого хошуна называет сумын кара-толчик, пропуская одновременно сумын кара-тонгак. Вероятно, мы имеем здесь дело с ошибкой *Катанава*, не разобравшего рукопись. Засим в списке *Осташкина* отсутствует род толан-шара.

[4]) Адыг, адыге, представляет лишь вариант атгене, адыгене (етиген). *Потанин*, op. cit., IV, стр. 12, пишет, что в долине р. Ар-Торхалык кочует небольшой хошун тулюш (тюлюш), подчиненный халхасскому князю Ша-бэйсэ. В его составе ему называли кости: киргиз, тулюш и тумат. О последней я говорю ниже.

[5]) Кость тонгак встречается и у других алтайских племен.

© ОТДЕЛ РАН

Хошун Сайн-ноина	хоулар (2 сумо) [1]	По р. Джадана, в уроч. Джиргак и Су-баши (Сукбаяси).
	киргиз [2]	По обоим склонам Саян к в. от р. Енисея.
	тумат [3]	По лев. берегу Улу-кема и по р. Кедерген-голу.
	кара-сал	По р. Джадана.
	чжоды-тонгак [4]	По р.р. Кемчику и Хандагайту.
	сарыхляр [5]	По р.р. Эдэгэю, Алашу и Ак-суку.
	хертек-соён [6]	В верховьях Кемчика.
	кара-тонгак [7]	По р. Джадана.
	кожегет (кюнчжюгет) [8]	В верховьях р. Алаша.
	саттар [9]	По р. Джадана и в низовьях Кемчика.

[1]) *Африканов*, loc. cit., перечисляет три сумо хоуларов; но мне называли только два сумо этого рода. *Катанов* — „Письма", etc., стр. 4 и 15, пишет также кулар. Об этом роде см. ниже.

[2]) См. выше стр. 12, сноску 1.

[3]) Тума, тумэты—один из отделов баргутов-бурутов или баргу-бурутов, жили некогда в числе других монгольских (*Рашид-эд-Дин*, op. cit., стр. 130 и 167) племен в пределах страны киргизов, в Саянских горах, к востоку от р. Енисея (*Рашид-эд-Дин*, op. cit., стр. 131), в местности Баргуджин-Токум (*Рашид-эд-дин*, op. cit., стр. 79 и 87). В „Юань-чао-ми-ши" („Труды членов Российской Духовной Миссии в Пекине", т. IV) на стр. 132 говорится о народе холи-тумат (хори-тумат), а далее на стр. 133 о туматах без соединения их с хори. Кости тумэтов (тума) встречаются среди кара-киреев и найманов, а засим тумэты образуют 2 хошуна в Джасатуском сейме Внутренней Монголии.

[4]) См. выше стр. 11, сноску 3.

[5]) Кость сарыхлар встречается у сагайских татар (сарыг), бельтиров и карагасов. *Аристов*, op. cit., стр. 352, как мне кажется, не без оснований считает племя сары, сарыг, сарыхлар „помесью тюрков с динлинами".

[6]) См. стр. 13, последний абзац сноски 2 на стр. 12. *Катанов*, op. cit., стр. 4, пишет также кертес-соян.

[7]) Согласно моей записи.

[8]) *Яковлев*, loc. cit., пишет кюпегет.

[9]) Саттар (у *Африканова*, loc. cit., сат; также пишет и *Катанов*, op. cit., стр. 4) — одна из костей кара-киргизского отдела адгене. Кость саты входит в состав байджигитов, которые называются *Ван-гуань-дай*, редактором „Юань-чао-ми-ши" (см. „Примечания" *арх. Палладия*, стр. 235), в числе „лесных" народов, покоренных в 1207 г. Джучи (бачжиги).

Хошун Сайн-ноина	толан-шара [1]	По р. Улу-кему.
	сальджак-соён [2]	К зап. от пер. Чапчал.
Хошун Да-вана.	мады [3]	В верховьях Уса и по р.р. Ут и Уюк.
	чжода (тонгак-чжода) [4]	По р. Тапсе.
	убар-чжода	Там же и на южном склоне хр. Танну-ола.
	пурут [5]	?

Далее имеется несколько сумынов урянхайцев, не вошедших в состав перечисленных выше семи хошунов, хотя и кочующих в сопредельных районах; это, во-первых, упоминавшийся уже выше [6]) сумын тюлюш, подчиненный халхаскому князю Ша-бэйсэ [7]), и, во-вторых, сумын, заселяющий долину р. Хук, подчиненный хотогойтскому Дурехчи-вану [8]) и слагающийся из костей: зот [9]), джокду [10]) и ельджиген [11]). Засим, некоторые

[1]) Согласно моей записи. Этот род показан и у *Катанова*, op. cit., стр. 4. *Горощенко* („Материалы по антропологии Сибири", табл. 1), повидимому, этот же род называет тала. Толан, может быть, только вариант имени долган—наименования племени, живущего в Туруханском крае; о нем см. ниже стр. 18, сноску 5.

[2]) См. выше стр. 11, сноску 4.

[3]) Этот род, как было выше замечено, *Кастрен* относит к числу самоедских.

[4]) См. выше стр. 11, сноску 3.

[5]) Твердых данных, что этот сумын находится в составе хошуна да-вана, у меня нет. Равным образом мне неизвестно место его кочевий. Кость пурут, бурут, пюрют имеется в составе качинских татар, теленгетов, бельтиров и сагайцев, а затем у торгоутов и хотонов. Буруты населяют в настоящее время Тянь-шань, где и слились с киргизами, образовав так называемую кара-киргизскую народность. Буруты должны быть отнесены к числу монгольских племен; см. т. II, гл. VIII.

[6]) Стр. 15, сноска 4.

[7]) Я не имел возможности выяснить имени князя, которому в настоящее время подчинен этот сумын.

[8]) *Потанин*, op. cit., IV, стр. 12.

[9]) Зот лишь вариант чоды, чжода.

[10]) Джокду—вариант зукден—наименование одного из отделов бурятской народности, населяющего Нижнеудинский округ. Буряты, по словам *Потанина*, op. cit., IV, стр. 672, зовут карагасов зуктей, что об'ясняется тем, что среди этих последних преобладают кости чогду и кара-чогду.

[11]) *Рашид-эд-Дин*, op. cit., стр. 4 и 9, называет ельджигенов среди

БИБЛИОТЕКА

исследователи урянхайской народности называют в ее составе еще следующие роды (кости), не обозначая хошуна, к которому они принадлежат [1]): каргас [2]), кемцык [3]), шалык [4]), тонгат [5]), кара-орчак [6]), таргат, камач [7]).

В пределах гор Алтаин-нуру, в верховьях Кобдо, живут урянхайцы кок-чулутуны; у них известны следующие кости [8]):

племен, которые „издревле были известны под именем монголов"; они имели даже одну тамгу с хонкиратами и торгоутами (op. cit., стр. 76) и были родственны баргутам (op. cit., стр. 87). По словам хукских урянхайцев, главная масса ельджигенов находится среди монголов сартулов (сартолов) (*Потанин*, op. cit., IV, стр. 296).

[1]) *Пермикин* рассказывает, что за хребтом, проходящим по южному берегу р. Шишкита, живут укыр-урянхайцы; но известие это не подтвердилось (см. *Потанин*, op. cit., II, примеч., стр. 12).

[2]) *Кастрен*, op. cit., стр. 430. Каргас, каракас—один из абак-киреевских родов.

[3]) *Потанин*, op. cit., II, стр. 9. *Ратид-эд-Дин*, op. cit., стр. 2, упоминает о племени кемь-кемджиут. *Санан-Сэцэн* (*Schmidt*—„Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Fürstenhauses, verfasst von Ssenang-Ssetsen Chungtaidschi", стр. 171) называет это племя кемджигот, что составляет множественное число от кемджик (Кемчик); см. *Березин*, loc. cit., стр. 218.

[4]) *Потанин*, ibid. Одно из отделений рода рамадан Букеевской орды носит название чал или шал.

[5]) *Катанов*, op. cit., стр. 4. *Рашид-эд-Дин*, op. cit., стр. 96, упоминает о тонгкоитах-кераитах, что, по мнению *Березина*, ibid., стр. 258, может означать лесных (тонгко) кераитов. Однако, среди долганов, племени, повидимому, сложного состава и ныне почти вымершего (см. *С. Патканов*—„Статистические данныя, показывающие племенной состав Сибири, язык и роды инородцев", т. I, „Сводные таблицы и краткие выводы" в „Зап. И. Русск. Геогр. Общ. по отд. статист.", 1912, XI, вып. I, стр. 81), которое относят то к тунгусам, то к якутам, имеется род тонгот (донгот). (*Кастрен*—„Путешествие из Енисейска в Туруханск и Толстый Нос" в „Магаз. землевед. и путешеств.", 1860, VI, ч. II, стр. 354); засим, и среди черневых татар, кочующих по р. Бии, имеется кость тонг (*Потанин*, op. cit., IV, стр. 938); наконец, о народе тунго или дунга упоминают и китайские писатели (см. *Васильев*—„История и древности восточной части Средней Азии", стр. 138; *Иакинф*—„История первых четырех ханов из дома Чингисова", 1829, стр. 25).

[6]) См. стр. 14, сноску 3, последн. абзац.

[7]) *М. Райков*—„Отчет о поездке к верховьям реки Енисея, совершенной в 1897 году" в „Изв. И. Русск. Геогр. Общ.", 1898, XXXIV, вып. IV, стр. 448.

[8]) *Потанин*, op. cit., II, стр. 9, прим., стр. 11.

бюргут [1]), хотун [2]), хасык [3]), донкур [4]), тарбут, сойон, делящуюся на два отделения: сары-сойон и каратӧшь, и ирхыт [5]).

Урянхайцы, населяющие в настоящее время лишь восточную часть бассейна Черного Иртыша и верховья р. Урунгу, но некогда владевшие всей территорией на запад до устья р. Бухтармы, успевшие утратить свой тюркский язык, заменив его монгольским, в административном отношении делятся на два ведомства, которые в свою очередь распадаются: первое на пять, второе на шесть сумунов, а именно:

Бодун-джапа		Мачкы
Мингат [6])		Аюхдзалын
Орцок [7])	и	Мангсыр
Сийрбя (Цирбя)		Мак
Тангдыс [8])		Туман [9])
		Амуглык.

[1]) Бюргут, бургут, буркут—варианты имени племени, вошедшаго в состав узбекской народности. *Аристов*, op. cit., стр. 423—424, считает, повидимому, это название лишь вариантом имени меркит, но у *Абуль-Гази* (Desmaisons, op. cit., стр. 60) читаем: „les Barquout ou Bourquout étaient parmi les Mogols en proche parenté avec les Qongrat..." У *Рашид-эд-Дина* встречаются также указания на близость баргутов к монголам; они жили в Баргуджин-тукум по соседству с хори, тумэтами и оин-урянхайцами и принадлежали в свое время, повидимому, к числу значительнейших саянских племен. О роде буркут в составе самаркандских узбеков упоминает *Радлов*—„Средняя Зерафшанская долина" в „Зап. И. Русск. Геогр. Общ. по отд. этногр.", 1880, VI, I, стр. 63.

[2]) Хотун (хуттун, хуттут)—одна из костей, часто встречающихся во всей стране между Тянь-шанем и Танну-ола (*Потанин*, op. cit., II, прим., стр. 7) и, между прочим, у торгоутов. Коту—одна из костей енисейских остяков. О том, что она встречается и у сойотов, пишет *Кастрен*—„Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845—1849", стр. 387.

[3]) Так монголы называют киргиз-казаков.

[4]) Донкур—вариант тонгур, тонгул—наименование одной из костей алтайских тюрков. Тонгулы образуют волость в улусе Керлегешском на р. Чумыне (см. *Потанин*, op. cit., VI, стр. 938).

[5]) См. выше стр. 10, сноску 4.

[6]) См. выше стр. 12, сноску 2.

[7]) Орцок, вероятно, вариант имени орчжак, орчак. См. стр. 14, сноску 3.

[8]) Кость тангду имеется у алтайских татар и у хотогайту (тангдут).

[9]) См. стр. 16, сноску 3.

© ГПНТБ СОРАН

среди которых Потанину [1]) называли кости: бюргут [2]), дюрбют [3]), нютцугун [4]), теленгыт [5]), цорас [6]), хулдунг (хулдунгут), уриляс [7]), тархыт [8]), шаришь [9]), Владимирцову же в сумуне орцок: хорхон [10]), тӧнкӧн, чӧрд [11]), орльйас [12]), бурят [13]), уцугут, в сумуне мингат: хасак [14]), бӧ ханайкин и хулурин ханайкин.

Бассейн Шишкита (Шишикту-гола) за исключением долины р. Хука, и вообще всю часть Саянского нагорья, лежащего к западу от озера Косогола (Хубсыгул-далай [15]), населяет та

---

1) Op. cit., II, стр. 36.

2) См. стр. 19, сноску 1.

3) Дӧрбёты—племя западных монголов; о них см. ниже гл. IV.

4) Это название едва-ли родовое. Так называются некоторые реки и урочища в Монголии.

5) Теленгутов *Рашид-эд-Дин*, op. cit., стр. 7, 8, 89, относит к числу немонгольских лесных племен, населявших Саянское нагорье. Под именем да-лянь, до-лань-гэ китайцы знали этот народ еще в конце V века, зачисляя его в группу гао-гюйских родов (*Иакинф*—„Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена", 1, 2, стр. 251 и 436; о гао-гюйцах, в жилах которых текла динлинская кровь, см. т. II, гл. III). Это—телеуты, продолжающие называть себя теленгитами, теленгутами. Кость теленгит встречается и у западных монголов (у астраханских калмыков).

6) Кость, встречающаяся и у ӧлётов (см. гл. V).

7) Уриляс, вероятно, хорласы *Рашид-эд-Дина*, издревле, по его словам, входившие в состав монгольского племени.

8) Вероятно, вариант имени дархат.

9) *Потанин*, op. cit., II, прим., стр. 15.

10) Хорхон или хорхан упоминается у *Рашид-эд-Дина*, op. cit., стр. 7, 8, в числе племен, которые хотя и стали называть себя в век Чингис-хана монголами, но по своему происхождению не были коренными монголами.

11) Чӧрд, вероятно, та же кость, что и у урянхайцев окрестностей оз. Косогола, где *Пермикин* встретил урянхайцев-чердыков. Среди каракиргизов сары-багышей имеется также подрод чертык (см. *П. П. Семенов*—„Геогр.-статист. словарь Российской Империи", II, стр. 595).

12) Орльйас то же, что уриляс; см. выше сноску 7.

13) Буряты вошли, вероятно, в состав алтайских урянхайцев в то еще время, когда кочевали в Хангайских горах.

14) Хасак—казак, кость, вероятно, весьма недавнего происхождения.

15) *Долбежев*—„Дархатский округ" в „Труд. Троицкосавск.-Кяхт. Отд. Приамурск. Отдела И. Русск. Геогр. Общ.", 1909, XII, вып. 1, 2; *Потанин*, op. cit., IV, стр. 21, пишет: к западу от южной половины оз. Косогола.

часть урянхайской народности, которая носит название дархат. Язык дархатов—монгольский, в качестве же шабинаров (данников) ургинского хутухты они подчинены юрисдикции последнего, вернее, его казначея (шандзотбы), на одинаковых с прочими шабинарами основаниях. Они подразделяются на три отока, т. е. рода [1]), слагающихся из следующих костей: хара-дархат [2]), хуа-дархат, хувалыр (хуулур [3])-дархат, шарьнут [4]), харнут [5]), барнут, чоннут, шарь-тирхин [6]), хоролмой, ӧлёт [7]) и мандж-

---

1) *Потанин*, ibid.

2) Дархат, вероятно, лишь вариант имени тархыт; см. стр. 20, сноску 8, и ниже стр. 22.

3) Хуулыр—мингитская кость. Согласно *П. Рычкову* („Топография Оренбургская", 1762; цит. по *С. И. Руденко*—„Башкиры. Опыт этнологической монографии" в „Зап. И. Русск. Геогр. Общ. по отд. этнографии", 1916, XLIII, вып. I, стр. 25) в кудейском роде башкир имеется отдел (тюба) куллар-кудей. *Кастрен*, op. cit., стр. 411, считает койбальский род кёллэр (несомненный вариант куллар, хуулыр, хуулур, хувалыр, хоулар) самоедским.

4) Бурятский род шаранут; шарануты входят, как мы ниже (глава IV) увидим, и в состав торгоутской народности.

5) Бурятский род харанут; упоминается, между прочими, и у *И. И. Шендриковского*—„Материалы к антропологии бурят", СПБ., 1894, стр. 15. Имеются кости харанут как среди ордосских, так и среди других внутренних (хошун кӧшиктен) монголов. (См. *Потанин*—„Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия", I, стр. 103). О харанутах, как монгольской народности, упоминает *Абуль-Гази*, op. cit., стр. 54; см. также *Рашид-эд-Дин*, op. cit., стр. 154.

6) *Потанин*—„Очерки Северо-западной Монголии", II, стр. 157.

7) Как было указано выше, кость ӧлёт имеется в составе урянхайских сумо: ойнарского (оин), сальджакского и камышку (*Ф. Кон*—„Предварительный отчет по экспедиции в Урянхайскую землю" в „Изв. Вост.-Сиб. отд. И. Русск. Геогр. Общ.", 1903, XXXIV, № 1). О той же кости среди урянхайцев упоминает и *Пестерев* („Magasin asiatique", 1825, I, стр. 153). В связи с следующим местом „Алтан-тобчи", стр. 160: „лишь только Тогон-тайши прибыл, как собрались ойраты, угулеты (ӧлёты), багатуты, хойхаты (хойты), дурбен-тумен и спрашивали у него"... это указывает, что наименование ӧлёт не представляет искажения имени ойрат, как это допускает большинство ориенталистов (см. то, что писалось мною по этому поводу во II т. настоящего сочинения, гл. IX). Может быть, в тунгуском роде улят мы также должны видеть только вариант имени ӧлёт.

© ГПНТБ СОРАН

рак [1]). У прочих урянхайцев дархаты известны под именем адай-таргыт [2]).

Крайним к востоку членом урянхайской народности являются тункинские сойоты, принадлежащие к одному роду иркит [3]). Так как, замечает по этому поводу Кастрен [4]), все тункинские сойоты принадлежат к одному только роду, то это и заставило их брать себе в жены бурятоk, а засим повело к тому, что они усвоили себе нравы, образ жизни и даже язык бурятов, хотя еще сравнительно в недавнее время говорили на том же тюркском наречии, каким говорят карарагасы [5]).

Таков родовой состав урянхайской народности [6]).

Из этих данных видно, что ее слагают следующие этнические элементы:

	Роды (кости):
вероятные метисы динлинов и тюрков, а может быть и угрофинов (остяков) и урало-алтайцев (самоедов):	киргиз, китя, казган, уйгур (ондар-уйгур), сарыг, сарыхляр, теленгыт, хотун.
метисы угро-финнов и тюрков:	ишиты (?)-(орчжак), манджрак.
метисы урало-алтайцев и тюрков:	иркит, чжода, мады, куль [1]), каратод (тот), [2]) хоулар (хуулур).
метисы монголов и тунгусов:	китыт (китат) [3]).
метисы тюрков и тунгусов:	тонгат (?) [4]) толан-шара (?) [5]).
метисы монголов и тюрков:	хиреид, бурут, саттар (сат) (?).
монголы, может быть, более чистой крови:	оин, сальджак (?), адай, монгуш, тумат, ельджиген, джокду, бюргут (бургут) дюрбют (дөрбёт), цорас (?), ölёт, шарьнут, харнут, барнут (?), чоннут (?) унгер, уриляс, бурят.
тюрки, вероятно, более чистой крови:	адыг, каргас, хасык, хердэк (?) [6]), шагай, хасак.
роды (кости), происхождение коих остается до настоящего времени не выясненным:	халюш, ходуш, аргамык, камучин, хуреклыг, мундэй, шерьхиттын, соён (сойон), мингыт, пайгара, тоджи, хуюк (хоик), сая, камышку, [7]) орчжак (орчак), [8]) хобалык (ховалык), тюлюш [9]) тонгак, таву, карасал, кожегет, кемцык, шалык, таргат (дархат), орцык, [10]) донкур, тарбут, каратöшь, тангдыс, мак, мачкы, мангсыр, амуглык, аюхдзалын, сийрбя, нютцугун, хулдунг, какта, шаришь, хоролмой, шарьтирхин, олп, темк, хорхон, тöнкöн, чöрд уцугут, бö-ханайкин и хулурин-ханайкин, хасут.

[1]) По показанию самих дархатов, манджрак—бурятская кость (*Потанин*, op. cit., IV, стр. 21). В Забайкалье это имя встречается как название двух речек системы верхней Лены, сбегающих на север с Онотского хребта. Как географическое же, оно встречается и в Саянских горах: именно, так называется (Манджурек) приток р. Ак-су (сук), системы Кемчика. Среди карагасов существует также род манджур; откуда взялось это название—я выяснить не мог, но карагасы этого рода причисляют себя к отделу чептэй (*Катанов*—„Поездка к карагасам в 1890 году“ в „Зап. И. Русск. Геогр. Общ. по отд. этногр.“, 1891, XVI, вып. II, стр. 214). *Кастрен*, op. cit., стр. 411, считает наименование маджар принадлежащим финнскому языку.

[2]) См. выше стр. 20, сноску 8, и стр. 21, сноску 2.

[3]) См. выше стр. 10, сноску 4.

[4]) „Путешествие в Канском округе до Иркутска“ в „Магазине землеведения и путешествий“, 1860, т. VI, ч. II, стр. 433.

[5]) О том, что язык тункинских сойотов был еще в XVIII столетии тюркским, свидетельствует и *A. Fr. Büsching*—„Erdbeschreibung“, Hamburg, 1787, Th. I, стр. 845.

[6]) Может быть, в состав этой народности надлежит включить и бельтиров, которые по народному преданию выселились на север из Урянхайской земли. За общность происхождения обоих народов говорят и лингвистические данные (*Катанов*—„Письма из Сибири и Восточного Туркестана“ в „Зап. И. Акад. Наук“, LXXIII, № 8, прилож., стр. 25).

[1]) Как было говорено выше, в состав этого сумо (затрудняюсь сказать—рода) входят весьма различные этнические элементы, не исключая и киргиз.

[2]) См. выше стр. 13, сноску 2.

[3]) Кидане—народность, этнический состав которой до настоящего времени является далеко не выясненным; в ней, между прочим, имелся и динлинский элемент, но главную массу народа составляли, вероятно, метисы монголов и тунгусов.

[4]) См. выше стр. 18, сноску 5.

[5]) См. выше стр. 17, сноску 1.

[6]) См. выше стр. 12, сноску 2.

[7]) Этот род (сумо) имеет сложный состав с преобладанием, может быть, монгольского элемента.

[8]) Имеет также сложный состав.

[9]) Имеет весьма сложный состав; в него входят как киргизы, так и тумэты.

[10]) Если только не вариант имени орчжак.

© ЭПБ СО РАН

Значительное преобладание родов невыясненного или сомнительного [1]) происхождения и таких, которые в свою очередь имеют сложный состав, указывает на то, что урянхайская народность не может быть в настоящее время отнесена по расе даже к какому-либо переходному типу. Что это не отуреченные самоеды, это само собой вытекает из ее родового состава, и ошибка в этом отношении Палласа и отчасти Кастрена может быть легко об'яснена тем обстоятельством, что этим исследователям пришлось столкнуться с самоедскими костями, не успевшими еще забыть окончательно свой родной язык и вошедшими в состав описываемой народности едва-ли не в начале XVIII столетия; таковы, например, маторы (кость мады), которые продолжают называть себя тубуларами [2]), и чжода, имя которых карагасы, кочующие с ними смежно, переносят на весь урянхайский народ [3]).

Антропология не приходит нам в этом случае на помощь, так как, хотя исследования К. И. Горощенко [4]) и могли-бы быть в этом отношении приняты во внимание [5]), но число

---

[1]) В предшедшем списке они сопровождаются знаком вопроса.

[2]) *Кастрен*, op. cit., стр. 392.

[3]) *Катанов*—„Поездка к карагасам в 1890 г.“ в „Зап. И. Русск. Геогр. Общ. по отд. этногр.“, 1891, XVI, вып. II, стр. 142.

[4]) „Материалы по антропологии Сибири“ („Зап. Красноярск. под'отд. Вост.-Сиб. отд. И. Русск. Геогр. Общ. по этногр.“, 1905, I, вып. 2).

[5]) *Горощенко* устанавливал прежде всего род (кость) измерявшегося им суб'екта, что имеет для такой сложной, притом еще слагающейся народности, как урянхайская, настолько существенное значение, что без таких указаний и самое исследование утрачивало-бы в значительной степени свою научную ценность.

Урянхай, если и было некогда племенным названием, то ныне мы уже не знаем, из каких родов слагалось ядро этого племени и к какой расе его следует отнести. Монголы, утверждает архим. *Палладий*—(„Труды членов Российской духовной миссии в Пекине“, IV, стр. 225), все лесные народы называют урянха. Однако *Рашид-эд-Дин*, op. cit., стр. 4, 137, 141, совершенно определенно причисляет урянха к коренным монголам, отделяя их от оленных или лесных урянхитов, о которых, между прочим, пишет (стр. 90): „Народ этот постоянно пребывает в лесу; однако в благополучный век Чингис-хана и великого рода его те пределы стали юртами других племен монгольских, и они смешались с другими монголами“. Монгольское происхождение урянха подтверждается и следующим местом монгольской

измеренных им суб'ектов далеко не достаточно для обоснованных выводов [1]).

летописи „Цзасак-ту хану аймагун шастирун хуриянгуй“: „маньчжуры постоянно опасались возмущений со стороны собственно урянхаев, живших в Халхе, которые уже по одному родству своему легко могли войти в связь с чжунгарами“ (*А. Позднеев*—„Материалы для истории Халхи“, стр. 279). Сами себя урянхайцы (сойоты) называют туба. Туба, это—дубо китайцев, племя, в VII веке нашей эры населявшее Саянское нагорье к западу и востоку от оз. Косогола (*Иакинф*—„Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, 1, 2, стр. 439, 447). Там же помещает их и „Юань-чао-ми-ши“ (loc. cit., стр. 131). Но, как мы уже видели, тубинцами считают себя и маторы (самоеды), а затем также койбалы (*Radloff*—„Reise durch den Altai“, в „Erman's Archiv“, XXIII, Heft 2, стр. 271) и карагасы (*Катанов*—„Письма“, стр. 26); тубинцами же называют соседние племена и кумандинцев, как и всех вообще бийских татар; от Улалы, пишет *Ядринцев* („Об алтайцах и черневых татарах“ в „Изв. И. Русск. Геогр. Общ.“, 1881, XVII, вып. IV, стр. 231) до Телецкого озера находится семь волостей черневых татар туба с особым родовым названием для каждой волости; наконец, среди качинцев имеется род туба—остатки племени того же имени, которое русские в 1629 году застали на р. Тубе и которое вскоре затем выселилось на юг, частью за Саяны, частью на Абакан и Уйбат, где и примкнуло к качинским татарам. Этих данных достаточно, чтобы усомниться в правильности присвоения всеми урянхайцами имени туба. В этом случае мы, может быть, сталкиваемся с явлением, аналогичным тому, которое дают нам алашаньские хошоуты, которые, забыв свое происхождение, называют себя в настоящее время олётами („Мэн-гу-ю-му-цзи“, стр. 147), т. е. именем, которое дают им китайцы. С урянхайцами могло случиться нечто подобное. Когда в их среду влились тубалары (маторы и другие части самоедского племени), то племенное название этих последних могло передаться и основному ядру урянхайского народа. Во всяком случае этот народ представляет в настоящее время довольно сложный конгломерат, и антропология сможет выполнить свою задачу, расчленяя его на слагающие его расовые элементы лишь в том случае, если станет придерживаться пути, указанного *К. И. Горощенко*.

В заключение замечу, что имя сойот присвоено урянхайцам русскими, которые распространили его вслед засим на всю народность от Кемчика до Тунки. Впрочем *Гельмерсен* утверждает, что урянхайцы, живущие по берегам оз. Косогола, и у монголов известны в отличие от халхаских сангэй-урянхай под именем соит-урянхай. Сойот множественное число от соён, как мы видели, наименования одного из основных, может быть, родов урянхайской народности.

[1]) Рост измерен был у 72 мужч. и 17 женщ., головной указатель у 72 мужч. и 20 женщ.

© ПНТБ СО РАН

Для пояснения этой мысли остановлюсь на двух измерениях; росте и головном указателе, как наиболее существенных признаках в характеристике народности или племени.

По росту роды (кости) располагаются в такой постепенности:

	мужч.			женщ.		
мады	средняя из	2 измер.	1,53			
пайгара	„ „	2 „	1,54			
хуюк (хоик)		1 „	1,56			
тонгак	средняя из	11 „	1,59	1	измер.	1,53
киргиз	„ „	10 „	1,59	1	„	1,51
ховалык	„ „	6 „	1,59			
чжода		1 „	1,60			
тюлюш	средняя из	12 „	1,60	средняя из 6	„	1,50
ондар (уйгур)	„ „	3 „	1,60			
хоулар	„ „	3 „	1,61	„ „ 2	„	1,48
сальджак		1 „	1,61			
монгуш	средняя из	12 „	1,61	„ „ 6	„	1,54
толан (тала)		1 „	1,62			
орчжак	средняя из	3 „	1,64	1	„	1,50
саттар (сат)	„ „	4 „	1,67			

При этом в границах рода (кости) рост отдельных суб'ектов колеблется в таких пределах:

у мужч. рода	тонгак	между	1,51	и 1,67	м.
	киргиз	„	1,49	„ 1,69	„
	ховалык	„	1,52	„ 1,66	„
	тюлюш	„	1,52	„ 1,68	„
	ондар	„	1,55	„ 1,67	„
	хоулар	„	1,57	„ 1,67	„
	монгуш	„	1,53	„ 1,71	„
	орчжак	„	1,61	„ 1,71	„
	саттар	„	1,58	„ 1,68	„
у женщ. рода	тюлюш	„	1,43	„ 1,56	„
	монгуш	„	1,47	„ 1,57	„

т. е. в пределах очень значительных, что при небольшом количестве измерений понижает научную ценность средних цифр. Засим, Горощенко по условиям своих исследований лишен был возможности выбора суб'ектов для измерений, и таким образом на его долю доставался в большинстве случаев элемент недостаточно хорошо питавшийся и часто в возрастах неполного роста, а именно, между 18 и 30 годами, а засим старше 60 лет (до 75 лет включительно), когда рост человека, по исследованиям Кетлэ [1]) и Топинара [2]), начинает уменьшаться, теряя к 90 году 7 сант. своего полного роста; так, например, киргиз-карлик в 1,49 м. имел всего лишь 21 год от рождения, т. е. находился в периоде еще незаконченного роста, который впрочем, как доказывает Ранке [3]), у различных народностей колеблется в довольно широких пределах.

По головному указателю роды (кости) урянхайцев располагаются в следующем порядке [4]):

среднеголовые:	пайгара	средняя из	2	измер.	78,2
	орчжак	„ „	2	„	80,0
под-короткоголовые:	чжода		1	„	81,6
	саттар (сат)	средняя из	4	„	82,4
	ховалык	„ „	6	„	82,4
	монгуш	„ „	12	„	82,7
	киргиз	„ „	10	„	83,1
	тонгак	„ „	11	„	83,2
короткоголовые:	толан (тала)		1	„	83,4
	мады	средняя из	2	„	83,8
	тюлюш	„	12	„	83,8
	ондар	„ „	3	„	84,1
	хоулар	„ „	3	„	84,2
	хуюк (хоик)		1	„	85,1
	сальджак		1	„	87,8

Для женщин порядок иной, но, может быть, это только случайность, вызванная небольшим числом измерений [5]).

под-короткоголовые:	монгуш	средняя из	9	измер.	82,3
	тюлюш	„ „	6	„	82,4
короткоголовые:	тонгак		1	„	83,8
	орчжак		1	„	84,3
	киргиз		1	„	84,8
	хоулар	средняя из	2	„	84,8

Эти данные мне кажутся недостаточными для внесения света в вопрос о расовом происхождении ядра урянхайской

---

[1]) Цит. по Ранке и Топинару.

[2]) „Антропология“, перев. под ред. Мечникова, СПБ., 1879, стр. 307.

[3]) „Человек“, перев. со 2-го нем. издания под ред. Коропчевского, СПБ., 1901, т. II, стр. 146 и след.

[4]) Согласно классификации *П. Брока*.

[5]) Не исключается возможность и ошибки в определении происхождения измерявшегося суб'екта, которая могла быть вызвана обычаем урянхайцев брать в жены девушек из другого рода.

© ГПНТБ СО РАН

народности. Сам же автор этих исследований, забывая основную мысль, побудившую его тщательно отмечать происхождение измерявшихся им суб'ектов, решил использовать свой материал для характеристики сойотов как племени, не отбрасывая явно чуждые ему примеси. Делая, пишет он [1]), попытку определить место, занимаемое сойотами, по их антропологическим признакам среди других народностей Азии, я воспользовался данными, приводимыми Харузиным в его труде о киргизах Букеевской орды. Сравнение этих данных с добытыми мной при исследовании сойотов позволяет сделать одно очень интересное заключение, а именно, что сойоты ближе всего подходят к самоедам Архангельской губ. Средняя для головного указателя, наименьшего лобного диаметра, его отношения к поперечному наибольшему, ушного диаметра и отношения его к наибольшему поперечному диаметру таковы: для сойотов — 82,81; 104,5; 67,0; 140,4 и 90,0; для самоедов — 82,41; 105; 69,0; 140,0 и 92,0. Из других народностей ни одна не подходит к сойотам так близко хотя-бы по двум данным, как подходят самоеды по всем пяти.

Я не нахожу возможным согласиться с этим заключением К. И. Горощенко, которое считаю преждевременным хотя-бы уже в виду приводимого самим автором мнения Островских [2]) о восточных сойотах, отличающихся особенностями своего типа от тех, которые служили об'ектом для его исследований, и вместе с тем неверным по существу, так как в общем сойоты, в основной массе, может быть, и монголы, имеют тем не менее очень мало общего с самоедами [3]).

---

[1]) „Сойоты" в „Русск. Антроп. Журн.", 1901, № 2, стр. 72.

[2]) Op. cit., стр. 68.

[3]) К заключению, очень близкому к тому, которое высказал *Горощенко*, пришел и *И. П. Силинич*, который резюмировал краниологическое изучение 11 мужских сойотских черепов, хранящихся в Антропологическом музее Московского Университета, в следующих словах: „вместе с самоедами сойоты образуют как-бы переход от типа монголотюркского (?) к типу финскому, причем по некоторым физическим признакам они стоят к финнам ближе, чем самоеды, более зато приближающиеся к монголам и тюркам". С работой *Силинича* я знаком только по коротенькому реферату, помещенному в „Труд. Антроп. отд. И. Общ. Люб. Естеств., Антроп. и Этногр. при Моск. Унив.", 1897, XVIII, вып. 1—3, стр. 498, но уже тот факт, что материал, служивший ему для изучения, ограничивался 11 мужскими черепами, принадлежавшими к тому же неизвестной части урянхайской народности, в виду изложенного, не позволяет нам признать за этим выводом решающего значения.

Чем сложнее народность, тем более требует она над собою работы, гоняясь же за скорейшим решением антропологических задач, мы будем иметь лишь такие же ошибочные характеристики, какую дал нам, например, С. Н. Синельников [1]) по отношению к енисейским остякам, которых, вопреки свидетельству истории и тех фото-цинкографий, которые сопровождают его в общем весьма хорошую работу. он аттестует принадлежащими к монгольской расе и ближе всего стоящими к северным тунгусам — народности, сказать кстати, всего менее монгольской, характеризующейся высоким процентом (63,6%) долихоцефалов, почти полным отсутствием брахицефалов и в общем в расовом отношении еще весьма спорной [2]).

Еще менее, чем антропология, дает нам возможность пролить свет на урянхайскую народность этнография, которая до сих пор еще не считалась с необходимостью смотреть на сойотов, как на политический организм, слагавшийся из этнических элементов в сравнительно недавнее время и потому, может быть, еще удерживающий в своей среде разнообразие бытовых и психических черт, а равно орнамента и покроя одежды.

Вследствие обычая брать жен из других родов процесс антропологической и этнографической ассимиляции у сойотов совершается быстро, но все же в пределах этой народности, повидимому, не все еще безвозвратно утрачено. Так, А. В.

---

[1]) „Енисейские остяки по наблюдениям и измерениям В. И. Анучина" в „Труд. Антроп. отд. И. Общ. Люб. Естеств., Антроп. и Этногр.", 1911, XXVIII, вып. 1, стр. 23.

[2]) См. главным образом *И. И. Майнов* — „Некоторые данныя о тунгусах Якутского края" в „Труд. Вост.-Сиб. отд. И. Русск. Геогр. Общ.", 1898, № 2, и *его же* — „Два типа тунгусов" в „Русск. Антроп. Журн.", 1901, кн. VI, № 2.

© ЭПГБ СОРАН

Адрианов [1]), который в другом месте вполне резонно протестует против обычая некоторых исследователей „сваливать“ в одну кучу изучаемых инородцев, говорит нам, что бейкемские урянхайцы сохранили свою самостоятельность как в языке, типе, религии, так и во всем жизненном укладе, но к сожалению передает это известие как молву, а не как результат собственных наблюдений. У Островских [2]) также читаем: Западные урянхи — „прославленные воры [3]), тоджинцы — чрезвычайно честный, прямодушный народ“, причем это различие психических черт, по его мнению, должно быть поставлено в связь с различием в их племенном составе. У них же он встретил особый головной убор „бюрт“ [4])—скуфьеобразную, из козьей шкурки, с барашковой оторочкой, шапку и такой-же формы шапку, но из птичьих шкурок. Упоминает и Потанин [5]) об особом головном уборе в роде киргизского кемечека у соиток (соянок) реки Нарын-сумын [6]), а засим о монгольских цегедеках у мингаток и алтайских урянхаек [7]), не носимых женщинами прочих отделов описываемой народности; наконец, у него же [8]) находим мы указание и на особый покрой шапок у булугунских урянхов. Все эти факты свидетельствуют о том значении, какое могло-бы получить сравнительное изучение в этнографическом отношении алтайско-саянских племен, и о той громадной работе, которая ожидает еще этнографов в бассейне верхнего Енисея.

---

[1]) „Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 году“ в „Зап. И. Русск. Геогр. Общ. по общей геогр.“, 1888, XI, стр. 339.

[2]) „Краткий отчет о поездке в Тоджинский хошун Урянхайской земли“ в „Изв. И. Русск. Геогр. Общ.“, 1898, XXXIV, вып. IV, стр. 425—426.

[3]) Точнее — барантачи: похищение не ради исключительно корысти, а главным образом как проявление молодечества.

[4]) Нарицательное, соответствующее русскому—шапка. Так урянхайцы называют все вообще шапки, а не только шапку описываемого *Островских* покроя.

[5]) Op. cit., II, стр. 107.

[6]) Приток Нарын-гола — реки, впадающей в оз. Усуа-нор. См. т. I, стр. 356.

[7]) Loc. cit., стр. 105.

[8]) Loc. cit., стр. 104.

Обращаясь к сойотской народности, прежде всего следует отметить, что все урянхайцы носят косы—особенность, которая резко отличает их от прочих алтайско-саянских народностей [1]).

Мне не удалось однако выяснить, составляло-ли ношение кос исконный обычай ядра урянхайской народности или он вызван был, как и повсеместно в Монголии и Китае, требованием маньчжуров, которые ввели его как внешний знак вассальской зависимости. Вопрос этот был-бы решен, если-бы мы знали, как носили свои волосы те сойоты, которые отошли к России по договору 1727 года; в этом отношении имеется только одно указание, а именно, что бутогольские сойоты в настоящее время носят косы [2]); отмечу однако, что дубо, т. е. туба, изображались китайцами [3]) с распущенными по плечам волосами, и что вообще среди племен, населявших Мо-бэй, т. е. страны, лежащие к северу от Гобийской пустыни, обычай заплетать волосы в косу (со-тоу) был, повидимому, мало распространен. Мы находим его лишь у тунгузских племен, у весьма немногих монгольских, вероятно, смешанного происхождения (тоба) и наконец у метисов с динлинами за исключением однако киргизов и уйгуров.

Перехожу к обзору предметов одеяния сойотов.

Самая распространенная у сойотов шапка—халбак-бюрт. Своим покроем она напоминает монгольскую; ее цветная, вишнево-красная или кубовая, простроченная различными узорами и расшитая шнуром тулья сверху округлена и, плотно облегая голову, едва выступает над загнутыми кверху полями, которые у зимних шапок состоят из трех лопастей, имеющих назначением защищать шею и уши в мороз и непогоду. Поля у летней шапки обшиваются плисом, у зимней мерлушкой или мехом рыси и даже, хотя и очень редко, соболя. Тулья обык-

---

[1]) Исключение в этом отношении составляют лишь роды кергеш и комнош среди бийских черневых татар, отличающиеся от других родов еще и тем, что их женщины носят монгольского покроя цегедек.

[2]) *Можаев*—„Заметка о мунгалах“ в „Изв. Вост.-Сиб. отд. И. Русск. Геогр. Общ.“, 1905, XXXVI, стр. 83.

[3]) В „Гу-цзинь-ту-шу-цзи-чэн“. См. *Дм. Позднеев* — „Исторический очерк уйгуров“, 1899, прил. III.

© ГПНТБ СОРАН

новенно увенчана плетеной из красного шнура шишкой [1]), которая закрепляет две ленты из темно-красного цвета, спускающиеся с нея на спину. Женская зимняя шапка не отличается от мужской, летом же чаще всего женщины заменяют ее или платком русского изделия или особым головным убором — баш-танга [2]), который представляет кусок красной шерстяной ткани величиной около $^3/_4$ кв. аршина, надеваемый таким образом, чтобы одним своим краем, закругленным и подрубленным, он нависал над лбом, защищая глаза от солнца, а тремя другими свободно спускался на плечи и спину. Этот убор, обшиваемый по краям шелковой тканой тесьмой, бисером и металлическими украшениями и имеющий нашивку в виде украшенной звездочками из бисера синей полосы от середины переднего края до маковки, где к ней прикрепляются четыре из крупного красного бисера подвеска с кистями, носится подвязанным под подбородком.

Кроме этих более распространенных у сойотов головных уборов Е. К. Яковлев описывает [3]) по образцам, имеющимся в этнографическом отделе минусинского музея, сверх тех, которые носятся ламами и шаманами, еще четыре головных убора: челых, ужар, кыдат и кылин, не указывая однако ближе, у каких групп сойотских родов они в употреблении.

Нижнее белье, которое состоит из бязевых — рубахи с косым воротом (койлен) [4]) и обыкновенно черных, а у женщин цветных коротких штанов (чугур), носят только состоятельные сойоты; недостаточный же класс ограничивается чаще

[1]) Если эта шапка и национальная, то красная шишка на ней должна считаться позднейшим ее придатком, который до 1911 года указывал на маньчжурское подданство ее собственника, что видно хотя-бы из того факта, что она снималась в дни траура по случаю смерти китайского императора.

[2]) Так называется и головной убор сойоток долины р. Нарын-сумын.

[3]) „Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и об'яснительный каталог этнографического отдела музея". „Описание Минусинского Музея", вып. IV, Минусинск, 1900, стр. 70 и след.

[4]) У *Яковлева*, op. cit., стр. 27, читаем: рубаха шьется короткой и с полным разрезом, как распашонка.

всего только штанами. В холодное время года последние заменяются более длинными штанами, сшитыми из овчин шерстью внутрь; но только у мужчин, женщинам же обычай запрещает носить штаны из шкур домашних животных [1]).

Поверх рубахи носятся летом цветные бязевые халаты (шува-, терлик- или ой-тон), зимой же или нагольные (нигей-, чаргаш-тон), или крытые цветной материей шубы, покрой которых одинаков. Халат и шуба запахиваются левой полой на правую [2]), почему первая у них шире и имеет косой покрой. Она застегивается на пуговицы и петли: на шее, на правом плече и под правым рукавом. Хотя у женщин шубы и длиннее, чем у мужчин, но и у последних они еще настолько длинны, что мешают ходьбе, почему полы их и затыкаются за пояс, как у русских азямов. Нагольные шубы по вороту, который высок и стоячий, обшлагам рукавов, краям и подолу обшиваются в две полосы неодинаковой ширины плисом [3]), а ворот сверх того, и красной тесьмой. Цветные, преимущественно

[1]) У *Островских*, op. cit., стр. 426, однако читаем: тоджинки зимой носят штаны из козьих шкурок. Речь идет, вероятно, о шкурках не домашних коз, а диких (Capreolus pygargus, Pall.).

[2]) Это этнографический признак очень большого значения. Киргиз-казаки и население обоих Туркестанов запахивают правую полу—обычай, который, может быть, ведет свое начало с того отдаленного времени, когда Средняя Азия находилась под влиянием китайской культуры. В „Истории династии Суй" (*Иакинф*—„Собр. свед. о народах, обитавших в Средн. Аз. в древние времена", III, стр. 194) мы читаем: „В 612 году (правитель Гао-чана, Бо-я) возвратился в свои владения и обнародовал приказ следующего содержания: Мы до сего времени обитали в пустынях, распускали (?) волосы и носили левую полу наверху. Ныне великий Суй единодержавствует, и вселенная соединена в одно государство. Я уже принял обычаи просвещенного народа. Подданным моим также надлежит расплести косы и уничтожить левую полу". В настоящее время китайцы носят платье маньчжурского покроя и запахивают левую полу.

[3]) Плис, повидимому, совершенно вытеснил пушнину; последняя в употреблении еще только в восточных хошунах. *Ф. Кон* („Предварительный отчет по экспедиции в Урянхайскую землю" в „Изв. Вост.-Сиб. отд. И. Русск. Геогр. Общ.", 1903, XXXIV, № 1, отд. оттиск, стр. 9) пишет, что пол столетия тому назад оторочка шубы делалась одинаково как у мужчин, так и у женщин из козлиных „лап" (sic!), теперь же их оторачивают черным плисом.

© ГПИБ СОРАН

синие, вишнево-красные и зеленые [1]) халаты, которые шьются короче шуб, как и эти последние обшиваются по вороту и краям также плисом, не везде однако, как кажется [2]), в две полосы. Подкладкой им служит обыкновенно белая бязь.

Женский летний халат (ибчи-тон) отличается от мужского большей длиной и большим числом украшений, в особенности на груди, где опушка из черного плиса и цветных шелковых лент нашивается с таким расчетом, чтобы занять ее середину при застежке халата, который хотя и шьется без талии, но из двух неравных половин, сшиваемых на высоте колен, причем нижняя настолько шире верхней, что собирается вокруг нее складками, образуя волан. По линии шва такой халат обыкновенно обшивается широкой полосой черного, расшитого белым шелком, плиса, которая в свою очередь оторачивается цветным шнуром и шелковой узкой тесьмой цветов радуги [3]). Обшлага его рукавов делаются суконными. Праздничный ибчи-тон состоятельной сойотки шьется из красной китайской шелковой материи с отворотами рукавов из черного плиса, с прямоугольной, из того же материала, нашивкой на груди и широкими полосами на высоте колен и по подолу; первая полоса, как и у менее нарядного халата, расшивается белым шелком и оторачивается шелковой китайской лентой цветов радуги; так же обшивается и ворот.

Шубка сойотских детей богатых родителей шьется из шкур теленка дикой козы [4]) мехом внутрь. Обшлага рукавов

[1]) Лично я не видел зеленых халатов. Зеленый, как и ярко красный цвет, преобладает в женском костюме. В почете у сойотов также и голубой цвет.

[2]) Судя по фотографиям, которые мне довелось видеть, халаты у тоджинцев обшиваются и одной, но зато более широкой полосой черной материи.

[3]) В таком порядке сверху, над воланом или юбкой: цветной, чаще всего красный, шнур, заменяемый нередко полоской красного кумача, полоса расшитого шелком черного плиса и шелковая тесьма цветов радуги.

[4]) См. *Яковлев*, op. cit., стр. 72. Но нет-ли тут ошибки? Волос у Capreolus pygargus очень ломок, мех быстро вытирается и едва-ли пригоден для нагольной шубы. Вероятно, здесь под именем дикой козы следует разуметь Gazella gutturosa?

оторачиваются соболем и полосками красного кумача; такими же полосками обшиваются как ворот, так и подол шубки. Летом детей лишь в торжественных случаях наряжают в халатики, во всем сходные с халатами взрослых, обыкновенно же они ходят или нагими или только в рубашках.

Халат, как и шуба, подпоясываются ременным поясом (хуур) с пряжкой (серебряной или медной, тергэ), а за отсутствием его—сложенным вчетверо полотнищем цветной бязи. На поясе носятся: прикрепляемый к пряжке цепочкой или ремешком прибор для курения (отук-хаб), состоящий из кремня (отук-таш), огнива (отук) и трута (халг), и нож в деревянных ножнах (бичек) [1]), а затем за него же обычно засовываются: предмет щегольства—шелковый платок, служащий для обтирания пота (аржыл), и мешочек (шудэ), в котором носится табакерка (анза) в виде флакона из фарфора или молочного цвета стекла [2]); впрочем, шудэ носится иногда и за пазухой. Что касается трубки (танза) и кисета с табаком (хургэ хаб, чанджик), очень разнообразного как по своей форме, так и по характеру идущего на него материала и украшений, то их носят за голенищем правого сапога, если же сойот не обут, то также за поясом.

Чулки (валеные, ук) носятся сойотами только зимой, притом далеко не всеми; на востоке чаще, чем на Кемчике, что, конечно, следует поставить в связь с более суровым там климатом. Их сапоги (идых) в общем напоминают своим фасоном монгольские, шьются из кожи, иногда расшитой цветным узором (хадык идых), с загнутыми кверху носками и подшиваются толстой мягкой подошвой из двух слоев войлока с прослойкой из кожи. Летние их сапоги без кожаной подкладки; они вообще легче зимних, которые иногда шьются из

[1]) У сойотов в обиходе встречается китайский столовый прибор: в одном футляре нож и две костяные палочки, заменяющие им вилку и ложку. Такой прибор и носится иногда сойотами на поясе взамен ножа собственного изделия.

[2]) У богатых сойотов можно встретить такие плоские флаконы и из камня, обыкновенно—оникса, агата, халцедона и даже нефрита, как об этом читаем у *Африкановa*—„Урянхайская земля и ее обитатели“ в „Изв. Вост.-Сиб. отд. И. Русск. Геогр. Общ.“, 1890, XXI, № 5, стр. 57.

© ЦНТР СОРАН

овчин мехом внутрь и всегда имеют стельку из толстой кожи. Тоджинцы отличаются своей зимней обувью от прочих сойотов; их сапоги шьются из кожи оленьих и маральих ног шерстью наружу, причем стелькой им служит кора жимолости (Lonicera coerulea). Наконец, в употреблении у сойотов также и обувь, напоминающая русские сибирские бродни с более, однако, высокими голенищами (чымджак идых). Женские сапоги своим фасоном не отличаются от мужских; они, однако, легче этих последних, имеют более короткие голенища и шьются из более тонкой кожи [1]).

Костюм сойота зимой дополняют рукавицы. Их два вида: длинные, подобные русским, обшиваемые полосками цветной материи и снабженные петлями для прикрепления к рукавам шубы (хол-хабы), и короткие, надеваемые лишь на пальцы и не прикрывающие всей ладони (тотхой).

Засим в большом употреблении у сойотов: дождевики (чекпан) — длинные, из темно-красного верблюжьего сукна халаты с разрезом сзади почти от поясницы, очень удобные при верховой езде; особые накидки на голову из тонкого войлока (бюделгэ), защищающие в ненастье и шапку и плечи, и у охотников—особые наколенники, напоминающие китайские, из козлиного меха.

Сойотки, как и женщины других малокультурных и диких племен, питают большое пристрастие к украшениям. Волосы они заплетают в косы (чаджи) [2]), в которые

[1]) Как мне говорил купец Бяков—из русского сафьяна, но подтверждающих указаний я в литературе не встретил.

[2]) Мне не довелось видеть многих женщин, но тех, которых я встретил в бассейне Кемчика, носили две косы без всяких украшений. В литературе на этот счет имеются самые различные указания, примирить которые возможно только при допущении, что головной убор женщин является и до сих пор еще в Урянхайском крае родовым признаком. Так, у *Африканова*, op. cit., читаем: „у женщин замужних волосы заплетаются в три косы сзади, а у девиц в две косы и по косе на каждом виске“; эти последние называются соту чажи (чаджи). *Ф. Кон* же, op. cit., стр, 11, наоборот, указывает, что замужние женщины заплетают волосы в две косы, а девушки в три, соединяющиеся затем в одну. То же повторяет и *Б. Шишкин* („Очерки Урянхайского края“, Томск, 1914, стр. 96). *Райков* („Отчет о поездке к верховьям реки Енисея, совершенной в 1897 году“ в „Изв. И. Русск. Геогр. Общ.“, 1898, XXXIV, вып. IV, стр. 447), который был, конечно, знаком со статьей *Африканова*, тем не менее замечает, что сойотки Тоджинского хошуна как замужние, так и девицы, заплетают свои волосы в две косы, концы которых засим и соединяют вместе. *Потанин*, op. cit., II, стр. 106—107, хотя и говорит о двух косах, носимых урянхайками на груди и запрятываемых ими в особые чехлы, но не об'ясняет, о каких урянхайках ведет свою речь—об алтайских или енисейских уроженках. *Адрианов* („Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 году“ в „Зап. И. Русск. Геогр. Общ. по общ. географии“, 1888, XI, стр. 341) и *Радлов* („Reise durch Altai“ в „Erman's Archiv für wiss. Kunde v. Russland“, Bd. XXIII, Heft 2; цитир. по *П. Семенову* и *Г. Потанину*—„Дополнения“ к т. III „Землеведения“ К. Риттера, т. IV, стр. 678) встретили сойоток только с двумя косами, *Яковлев* же, op. cit., стр. 28, со слов, повидимому, И. Н. Бякова и Г. П. Сафьянова, пишет: „сойотки заплетают волосы: замужние в две косы, а девушки все волосы заплетают в мелкие косы (сюрмэс); с каждой стороны головы их делается не менее четырех, позади же одна или три; из густых волос выходит до двадцати тонких косичек, чаще же всего встречаются тринадцать кос“. Так как подчеркнутые мною строки цитируются *Яковлевым* из книги *А. А. Кузнецовой* и *П. Е. Кулакова*—„Минусинские и Ачинские инородцы“, Красноярск, 1898, стр. 172, то я не знаю, поскольку могут быть они отнесены к засаянским сойоткам.

Будущим исследователям урянхайской народности предстоит, в виду изложенного, выяснить, в чем кроется причина такого разногласия в показаниях заслуживающих полного доверия авторов.

иногда [1]) и вплетают ленточки с нашитыми на них бусами, металлическими и иными украшениями, не исключая и серебряных монет [2]). Засим, на сойотках можно видеть различной

[1]) И относительно этого пункта показания очень расходятся; так у *Африканова*, loc cit., читаем: „в косы вплетаются ленточки, украшенные моржанами, металлическими пуговицами и нередко серебряной монетой или просто смоляными крашенными шариками“; *П. Осташкин* же, loc. cit., пишет: „женщины сойотки носят несколько маленьких кос, вплетая в них украшения—черные шелковые шнуры с кораллами или бусами“, повторяя в этом случае лишь *Г. П. Сафьянова* („Записки об урянхайцах, составленные в 1879 году“—рукоп., извлеч. из котор. напечатаны Катановым в его „Библиограф. указат.“, прилож. к „Опыту исследов. урянхайск. языка“, стр. 145); я же, как я и заметил это уже выше, в косах сойоток правого берега Кемчика никаких украшений не видел; см. также *Адрианов*, ibid., и др.

[2]) Монеты в виде украшений носят, насколько мне это удалось выяснить, только сойотки Тоджинского хошуна.

© ГПНТБ СО РАН

формы кольца (бильзек), браслеты (хола-, чес-билехтэш), серьги (сырга) и ожерелья [1]). Предметом щегольства служат у них и игольники, которые они носят при себе на поясе или за пазухой, и которые делаются из металла (преимущественно из меди) и украшаются цветными камнями (бирюзой, сердоликом, малахитом) и различными привесками в виде кисточек из замши с нашитыми на них бусами (инэлик, комнур).

Жилищем сойотов служат юрты двух типов: конусообразные и почти куполообразные.

Первые в свою очередь распадаются на два типа. В простейшем своем виде они представляют то, что у нас носит название балагана или шалаша. Деревянным их остовом служат три жердины, связываемые между собою на верхних концах, и десятка два прислоняемых к ним таких же жердин; покровом—ветви хвойных деревьев, кора лиственицы и изредка дырявый войлок. Это—жилища сойотского пролетариата (чудан) или же временные пристанища промышленников; но там, где такие конические юрты, как у тоджинцев, например, являются господствующим типом жилища, остов их делается иначе: его составляют равной длины жерди, которые верхними заостренными своими концами втыкаются в отверстия деревянного круга, диаметром около полуаршина (по-идты), образующего венец юрты и в то же время ее дымовое отверстие. Такой остов прикрывается полстями особо обработанной бересты, сшитыми из двух или трех полос ее, шириной вершков в восемь, длиной в сажень каждая, которые натягиваются на остов, начиная от его основания, с помощью двух шерстяных веревок (арканов), прикрепленных к противуположным краям каждой полости; эти веревки переплетаются засим вокруг жердей и привязываются, одна к вбитому в землю колышку, другая к одной из жердей; при этом наблюдается, чтобы полсти заходили одна на другую, верхние на нижние и так до венечного круга, который остается открытым. При таком способе настила юртового покрова получается строение, как-бы сшитое шерстяными веревками и ими же для большей устойчивости прикрепленное к земле. Вход в юрту, обращенный или на юг или на восток [1]), завешивается особой полстью. У более состоятельных сойотов берестяные полсти заменяются войлоком, а иногда и выделанными шкурами. В отличие от описанных выше балаганов из ветвей (чадыр), такие юрты, которые представляют уже переход к куполообразным, носят название алачых, тоз алачжи.

[1]) *Африканов*, ibid., пишет, что ему доводилось встречать и притом не как исключение ожерелья из зубов диких зверей. Это показание остается пока единственным.

Куполообразные или почти куполообразные войлочные юрты (ук, юг, югла) сойотов не отличаются от монгольских, которые будут мною описаны ниже в VI главе; к этой главе я теперь и отсылаю читателя [2]).

Пол юрты, вдоль ее окружности устилается войлоком [3]) и звериными шкурами, центральная же ее часть отводится под очаг—круглое углубление в почве (отшал), в которое и устанавливается железный треножник (оджык). У стены юрты, противоположной двери, устраивается божница— алтарь (бурхан-ширэ) из двух, поставленных друг на друга, сундучков, устанавливаемая металлическими или каменными бурханами, за неимением же их, их изображениями на холсте или бумаге, подвязываемыми для предания им вертикального положения к протягиваемой тут ленте. Перед бурханами ставится небольшой столик (ширэ) с чашечками для воды и дневной пищи. Вправо от двери, ближе к божнице, стелется лежанка из

[1]) *Ф. Я. Кон*, op. cit., стр. 8, пишет: у улукемских сойотов на юг, у кемчикских на юго-восток; дверей, обращенных на восток, о чем сообщает *Е. К. Яковлев*, мне не приходилось видеть ни разу. О дверях на восток сообщает не только *Яковлев*, но и другие исследователи края, писавшие о сойотах: *Г. П. Сафьянов* в цитир. выше записке, где мы читаем: „по левую сторону от двери, т. е. на южной стороне юрты"... и далее: „по правую сторону от входа, т. е. на северной стороне юрты", *Африканов*, loc. cit., и *Шишкин*, op. cit., стр. 97.

[2]) Шт.-кап. *Михеев* („Отчет о поездке в северо-западную Монголию и Урянхайскую землю", СПБ., 1910, стр. 81) пишет, что в горах к югу от оз. Тери-нур урянхайцы живут в юртах, срубленных из бревен, на подобие бурятских.

[3]) Иногда шкурами оленей и диких зверей; но такой настил мы находим только в юртах богачей; у большинства же вокруг очага виднеются одни лишь до крайности затасканные ширпэки.

© ГПНТБ СО РАН

сухой травы, прикрываемой стеганным войлоком (ширпэк) ближе же к двери ставится этажерка для посуды и размещаются различные промысловые снаряды и охотничье оружие: влево от двери, начиная от божницы, устанавливаются в ряд расписные в китайском вкусе сундуки (абдра, абтыр) и шкатулки (харджак) с праздничной одеждой и другими вещами, кожаные мешки (барба) с зерном, мукой, кедровыми орехами и сараной [1]), седла и другой скарб [2]). Все эти предметы до крайности загромождают помещение юрты, которая у сойотов вообще не отличается размерами, в особенности их алачыхи, в которых, впрочем, громоздкие сундуки заменяются обыкновенно кожаными мешками, играющими иногда роль и подушек; и эта теснота помещения заставляет членов семьи сойота располагаться на ночлег вокруг очага, пользуясь для подстила всегда лежащими здесь небольшими ширпэками, отличающимися от того, который покрывает лежанку, не только размерами, но и своей округленной в углах формой.

Посуда, предметы для хранения пищевых продуктов, вообще домашняя утварь у сойотов довольно разнообразна, у людей состоятельных, по выражению Ф. Я. Кона [3]), она даже поражает богатством отделки из „польского" серебра [4]), но у „чуданов", т. е. сойотской бедноты, ассортимент таких

[1]) См. т. I, стр. 504—505.

[2]) А именно, кожаная сбруя для верховой езды (узды-чугэн, нагрудник—кындырбэ, подхвостник—худурга, чресседельник—шаблур, подпруга—холм, недоуздок—чулар, потник—чопак), различные предметы для ремесл, если хозяин юрты—ремесленник, некоторые сельско-хозяйственные орудия, если он земледелец, и т. д., а засим, дорожные сумы из оленьей кожи (талынг), редко где переметные сумы (талы) и проч.

[3]) Op. cit., стр. 8.

[4]) Т. е. аргентина или мельхиора, который с незапамятных времен был уже известен китайцам под именем белой меди (бай-фын). Как и в Европе, где он получил распространение в первой половине XVIII столетия (в Германии), этот сплав в Китае составлялся из меди, цинка и никкеля или железа, к которым в небольшом количестве подмешивалось иногда и серебро, не улучшая, впрочем, его качеств. Алтай познакомился с аргентином, может быть, уже в динлинскую эпоху, но распространению его там, вероятно, препятствовали те же причины, которые препятствовали и распространению бронзы (см. т. II, глава I).

предметов поневоле невелик и ограничивается: турсуком или бурдюком (кугэр)—сосудом из кожи, снятой мешком с целой ноги теленка, чугунным котелком (казаном; если китайской работы—кулер-баш, если русской—шой), несколькими деревянными ведрами с берестяным дном (хумун, хобун), несколькими же туясами или туесами, т. е. берестяными бураками (хум, тоскар) и чашками — большими из бересты (саба) или корня березы (аяк) и маленькими, долблеными из дерева, с медным, у богатых — с серебряным ободком (ташха), для вина, одной — двумя деревянными тарелками (табак, пула) и, наконец, долбленой из дерева ступкой (согач, согташ, ур) для толчения зерна с деревянной же, из корня березы, толкушей (пала). Непременной принадлежностью и бедного и богатого хозяйства являются сверх того плоская, широкая, из тисненной различными узорами толстой кожи, с узким горлом, фляга (кугэр), вмещающая обыкновенно до двух и более бутылок жидкости, в которой возят реже молоко, чаще — водку. В богатых хозяйствах, независимо от перечисленных предметов, можно еще встретить: разных размеров домбы — медные кувшины китайской работы, которые служат для подавания в них чая гостям, чашки из китайского жировика (агалматолита) [1]), медные уполовники (кумыш хола), медные ложки (кумыш), глиняные муравленные, китайской работы сосуды—бутыли для хранения водки (томга, томчу), перегонный куб для выделки вина из молока или хлебного затора (бюргэр), решето (шюр), корытце, в котором подается вареное мясо на стол (типши), и несколько других предметов, требующихся на кухне [2]), а также самые разнообразные по материалу, величине, форме и своему назначению мешки

[1]) Местного изделия. Агалматолит, повидимому, довольно распространенная горная порода в бассейне р. Енисея, но сойоты почему-то не называли мне мест его ломки. Из этого камня они режут, между прочим, и фигуры для шахмат — игры очень распространенной в Урянхайской земле.

[2]) Перечислять их здесь я не буду, так как список кухонного инвентаря сойотов можно найти в цитированном мною выше сочинении *Е. Яковлева*.

(хаб) — веревочные (таар), шерстяные, плетеные из волоса, кожаные и, наконец, даже из рыбьей кожи. В общем вся эта утварь, как и самая юрта, ближе напоминает монгольскую, чем киргизскую, и это замечание столько же относится к ее формам, сколько и к материалу, главным образом, дереву, из которого она изготовляется: у киргизов, населяющих степные пространства Средней Азии, где лес встречается как редкое исключение, сундуки из дерева заменяются сундуками из кожи, преимущественно же переметными сумами, разной формы деревянные сосуды весьма ограниченным числом металлических. а равно из кожи, и т. д.

У очень богатых сойотов белой кости (т. е. джиланов) и лиц сойотской высшей администрации, не говоря уже об юртах, играющих роль присутственных мест и оффициальных приемных, даже юрты, занимаемые членами семьи имеют несколько иное убранство: в них отводится большое место божнице, она декорируется лентами и вышитыми тканями, лежанки, прикрытые цветными ширпэками, меховыми одеялами и кожаными вальками, заменяющими у сойотов наши подушки, выделяются своими размерами и захватывают большую часть правой стороны юрты, левая же почти сплошь занимается устанавливаемыми в ряд и друг на друга различных размеров шкатулками и сундуками [1]). Кухня отсюда совсем изгоняется, и из посуды можно здесь видеть только фарфор, фаянс, сосуды из металла, тисненной кожи и камня, а из деревянной только те, которые имеют ценную металлическую отделку.

Кухня у богачей—в юртах прислуги; там же можно видеть и такие предметы, как маслобойки (кырык), подойники (домбу), молотки (алага), топоры (балты, сугэ), лопаты (заступы—кюрэк и мотыги — озык) и проч.

Тоджинцы, однако, не имеют такого размаха, как сойоты Кемчика, Улу-кема и Теса, и здесь, в бассейнах Хамсары и

[1]) На этой же стороне можно иногда видеть стойку с подвешанными к ней кожаными мешками и турсуками с кумысом, кислым молоком и маслом.

Бей-кема, даже помещения сановников вмещают кухню и отличаются, благодаря этому, большой теснотой и грязью.

Тоджинцы вообще во многом и весьма существенно отличаются от остальных сойотов, что до известной степени должно быть поставлено в связь с их преимущественно охотничьим бытом, обрекающим их на бродячую жизнь, полную всевозможных лишений и заставляющую мириться с обстановкой, лишенной хотя-бы элементарного комфорта.

Редко даже среди намадов можно встретить племена, у которых жизненные потребности были-бы низведены до такого низкого уровня, как у урянхайцев — оленеводов, пишет Карутерс [1]), и с этим приходится согласиться, так как все, что они себе позволяют приобретать на стороне в дополнение к предметам собственного производства и дарам окружающей их природы, ограничивается столь малым, что заезжему в их стойбища (чурты) торговцу—прасолу незачем иметь при себе сложного товарного ассортимента; на него он не найдет здесь покупателей. Все, в чем нуждается тоджинец, сводится к чаю, табаку, двум-трем сортам простейшей бумажной ткани, пороху и небольшому числу металлических изделий, и только более состоятельный их класс, очень среди них малочисленный [2]), пред'являет иногда требования на бо́льшую группу предметов и в их числе муку и более ценные ткани и украшения.

Главнейшее в их жизненном укладе находится в зависимости от тех требований, которые пред'являет им природа северного оленя, — животного, обеспечивающего им одежду, пищу и возможность передвижения, а засим в остальном они должны сообразоваться с теми условиями, какими окружает их жизнь в горной тайге, дающей им источник для покрытия прочих их нужд. И вот, следование за оленем и эта жизнь

[1]) „Неведомая Монголия", I, стр. 223.

[2]) *Катанов* („Письма из Сибири и Восточного Туркестана", стр. 4) считает, что один состоятельный сойот приходится на 99 бедных. Это, может быть, уже и крайность, но, конечно, состоятельных людей в Урянхайском крае очень немного; такие же лица, которые владели-бы табуном лошадей и стадами крупного и мелкого скота в общей совокупности до тысячи голов, встречаются как редкое исключение.

© ГПНТБ СОРАН

в тайге в погоне за зверем обрекают их на постоянное кочевание, которое проходит, однако, из года в год по одним и тем же этапам.

Лес составляет общее достояние тоджинцев, и в этом отношении их не останавливает даже государственная граница [1]), но пастбищныя места в их понятии образуют уже родовые угодья (чуртум), и ими могут пользоваться только их собственники. Реально это выражается в том, что каждый аул (чурт) перемещается лишь в определенных границах и останавливается в своих ежегодных передвижениях в издавна определенных местах, что и дает возможность собственникам чадыров и алачыхов (алачеков) перевозить только их берестяные покровы, оставляя на месте жердяные основы.

Оленеводы удержались в настоящее время только в самых глухих, в самых суровых по своей природе участках Саян, а именно, между Систыг-кемом и верховьями Хамсары [2]), и так как этот горный район прилегает на юге и

---

[1]) Зангин зайсан Ноножак, рода байгара (пайгара), и матларского (мады) рода зайсан Куможей, имевший звание пограничного комиссара, с'ехавшиеся с *Пестеревым* к западу от пограничного знака Хоин-дабага („Примечания о прикосновенных около Китайской границы жителях как Российских ясашных Татарах, так и Китайских Мунгалах и Соиотах, деланные *Егором Пестеровым* с 1772 по 1781 год, в бытность его под названием пограничного комиссара при сочинении карты и при отыскании пришедших в неизвестность трактованных пограничных знаков и самой пограничной между Российской империей и Китайским государством черты, лежащей от Иркутской губернии через Красноярский уезд до бывшего Зенгорского владения“ в „Нов. Ежемесячн. Сочинен.“, 1793, ч. LXXIX, стр. 72) ему заявили, что пути вдоль границы не существует и что вообще они направления ее ему указать не могут, из чего следует, что как тогда так и теперь, сойоты-охотники пользовались лесными угодьями и по северному склону Саянской магистрали.

[2]) *Каррутерс*, op. cit., стр. 224, передает не проверенное им впрочем известие, что кроме тоджинцев оленеводством занимаются: небольшая часть сальджаков, населяющих верховья Хуа-кема, и оины на южном склоне Саянских гор. По отношению к сальджакам это известие уже потому сомнительно, что у нас нет указаний на пребывание части Сальджакского хошуна в горах верхнего Хуа-кема; что касается оинов, то у *Г. Н. Потанина*, op. cit., стр. 127, я нашел известие, которое могло дать

севере к наименее доступным и населенным частям Монголии и южной Сибири, то естественно, что влияние внешнего мира коснулось еще весьма мало его населения, которое в своем быте, характере и нравах и сохранило много черт первобытности. Оно, по замечанию того же английского путешественника, оказалось на такой низкой ступени интеллектуального развития, в такой зависимости от окружающей его обстановки, какие нельзя было ожидать в XX-м столетии у народа, живущего на рубеже двух культурных империй. Боязнь всего чуждого, настойчивость в сохранении своей самобытности и суеверие составляют наиболее отличительные черты теперешнего характера тоджинцев, и несомненно, что полная беспомощность их в борьбе с силами природы создает условия, которые ведут их по пути к быстрому вымиранию. Уже и теперь их малочисленность совершенно не оправдывается естественными условиями населяемой ими страны, которая могла-бы прокормить во много раз более многочисленное население, существование которого обеспечивалось-бы лишь природными ее богатствами; будущее же не сулит им ничего отрадного, так как, несмотря на изолированное их положение среди соплеменников, они все же не избегли вторжения в их среду алкоголя и сифилиса, который протекает у них с особенной силой.

Еще раз обращаюсь к Каррутерсу.

Урянхайцы (тоджинцы), пишет он, самостоятельны, только вращаясь в узком кругу своих личных дел, и всегда проявляют некоторую растерянность и даже робость, когда им приходится сталкиваться с явлениями, кажущимися им необычными. Некоторая подавленность в настроении составляет наичаще присущее им душевное состояние, что и понятно у народа, чувствующего себя в полной зависимости от наполняющих мир злых духов (албыс-пук), требующих постоянных умилостивительных жертв. Такое состояние народной души облегчает, конечно, задачу управления народной массой, и вот

повод слухам, дошедшим и до Каррутерса, причем хр. Танну-ола уступил свое место Саянским горам: „Оинский огурта вывел с Систикема 40 голов домашних оленей и держит (их) в Танну-оле“.

© ПНТБ СО РАН

почему мы видим тоджинцев в столь полном порабощении как у лиц, играющих роль посредников между земными и небесными сферами, у шаманов (хамнар) и ламайского духовенства (ховрактар), так и у светских властей.

Оффициальной религией тоджинцев, как и остальных урянхайцев, является учение желтой веры, в действительности же они остаются шаманистами, причем черная вера до такой степени владеет этим народом, что даже ламайское их духовенство, по свидетельству Г. Сафьянова [1]), в своей частной жизни прибегает нередко к помощи шаманов для изгнания злых духов. Шаманизм у тоджинцев не подвергался еще изучению, в виду чего здесь будет уместно лишь высказать предположение, что эта грубейшая форма первобытных религий сохранилась у них в еще более ярком и цельном виде, чем у остальной туземной массы Урянхайского края, которая, как мы ниже увидим, также далеко еще не успела усвоить себе ламаистского миросозерцания.

Как уже говорилось, тоджинцы существуют, главным образом, на счет двух промыслов: оленеводства и охоты на зверя.

Об оленеводстве тоджинцев, как и самом животном, нам мало известно. Я не имею даже возможности сказать, отличается-ли домашний саянский северный олень от северносибирского и если отличается, то в чем выражаются эти отличия. Ж. Х. Миллер [2]) пишет, что саянский олень крупнее норвежского и приводит следующие измерения их роста по плечу: 3 фт. 5 д., 3 фт. 6 д. и 3 фт. 8 1/2 д., что по переводе на метры составит: 1,04, 1,07 и 1,13 м., в среднем 1,08 м. Средний рост дикого оленя по Лильеборгу [3]) равняется 1,13 м., средний рост домашнего европейского по Брэму [4]) — 1,08 м., из чего, казалось-бы, следует, что

[1]) „Этюды о Сойотии" в газ. „Сибирь", 1912, № 217.

[2]) *Каррутерс*, op. cit., стр. 244.

[3]) См. *Книпович* — „Олень северный" в „Энциклоп. Слов." Брокгауза и Ефрона, т. XXI A, стр. 871.

[4]) „Die Höhe am Widerriste". См. *Brehms* Tierleben. Dritte gänzlich neubearbeitete Auflage von Prof. Dr. *Pechuel-Lösche*, Bd. III, 1891, стр. 448.

цифры измерений Миллера не подтверждают его слов, а наоборот, указывают на то, что домашний саянский олень мельче сибирского, так как установлено, что последний крупнее европейского, в особенности же лопарского [1]), вывод, к которому следует отнестись с тем большею осторожностью, что и вообще по вопросу о размерах современного северного оленя средних и южных широт Сибири не существует еще работ, основанных на достаточно обширном материале [2]).

Засим у Каррутерса находим еще следующее о саянских домашних оленях [3]).

Мы заметили, пишет он, что в конце июня стада оленей состояли здесь из странного сочетания животных двух окрасок — белой и серовато-коричневой, причем последняя масть заметно преобладала. Приходится верить туземцам, что это — две разные породы, повидимому, даже не смешивающиеся между собой, так как метисов обеих форм нам не встречалось. Светлая порода, как более рослая и сильная, ценится дороже темной.

Далее однако [4]) мы находим оговорку: Каррутерс не гарантирует точность своих описаний окраски домашних саянских оленей, так как наблюдал ее в самое худшее для этого время, а именно, в конце июня, при смене зимней шерсти на летнюю. Но и без этой оговорки сообщаемый им факт разнообразной окраски домашних оленей довольно общеизвестен: и в Европе и в Сибири она подвержена большим изменениям, как индивидуальным, так и по возрасту и полу; везде почти встречаются как очень темные, так и почти белые, даже пятнистые особи и экземпляры, которые и на зиму сохраняют свою летнюю темную окраску, причем лишь волосяной их покров становится длиннее и гуще [5]).

[1]) Но и тут, в северной Норвегии, различают две породы оленей: более рослую, лесную (Skogsrenen), и более мелкую, горную (Fjellrenen).

[2]) Ср. *И. Д. Черский* — „Описание коллекции послетретичных млекопитающихся животных, собранных Ново-Сибирской экспедицией 1885—1886 г.г." в „Зап. И. Акад. Наук", 1891, XV, Приложение № 1, стр. 309.

[3]) Op. cit., стр. 245.

[4]) Стр. 247.

[5]) „Brehms Tierleben", III, стр. 450.

© ГПИБ СОРАН

Олени не требуют за собой особенного ухода: и зиму и лето они сами добывают корм; и единственной, хотя и сопряженной с большими затруднениями и расходами, заботой тоджинских женщин является подкармливание их солью, которую приходится получать издалека, из-за Ха-кема [1]), так как в пределах Тоджинского хошуна, насколько то известно, не имеется источников для получения этого продукта.

Несмотря на то, что только немногие из тоджинцев-оленеводов содержат, и то в весьма небольшом числе, лошадей и рогатый скот, у них однако, как исключение во всем Урянхайском крае, существует обычай заблаговременной заготовки сена на холодное время года. Г. Сафьянов с удивлением замечает [2]), что тогда как на Улу-кеме туземцы с пренебрежением отзывались о заботе русских запасаться на зиму сеном, в Тоджинском хошуне заготовка его ведется деятельным образом, притом следующим оригинальныи способом: не зная кос и серпов, сойоты режут траву своими длинными ножами [3]) после чего, скрутив ее в канаты длиной до трех сажен, толщиной до трех вершков в диаметре, развешивают последние гирляндами по деревьям и таким образом ее высушивают; зимой же, по мере надобности, канаты раскручивают и получают прекрасное, зеленое, душистое сено. В пределах Алтайско-Саянского нагорья такой способ заготовки сена практикуется только у теленгитов (телеутов) [4]).

Другой заботой урянхайцев в отношении своих оленей, вызванной условиями их жизни в лесу, является своевременная спилка у них верхних ветвистых отростков рогов

---

[1]) *Родевич*—„Урянхайский край и его обитатели“ в „Изв. И. Русск. Геогр. Общ.“, 1912, XLVIII, стр. 140. Пользуюсь случаем, чтобы исправить вкравшуюся в т. I, стр. 536, по недосмотру ошибку. Сделана ссылка на стр. 10 этого сочинения, тогда как следовало назвать другую работу того же автора—„Очерк Урянхайского края“, которая вышла из печати в 1910 г. и содержит те же сведения о минеральных богатствах края.

[2]) „Эпизод из странствий по Монголии“ в „Восточном Обозрении“, 1883, № 7, стр. 9.

[3]) Лезвие этих ножей имеет от 6 до 7 вершков длины.

[4]) См. *В. И. Верещагин*—„По Чулышману к его истокам“ в журн. „Сибирская Природа“, 1922, Май, № 2, стр. 65.

целях облегчения им прохождения с вьюком по узким тропинкам тайги.

Наконец, некоторого ухода требует и молодое поколение оленей, которое почти в течение двух месяцев держится при юртах под особыми, устраиваемыми для них, навесами из ветвей лиственицы.

Тоджинцы лишь в исключительных случаях убивают оленя на мясо; для них это ценнейшее животное, которое дает им молоко и служит для передвижений верхом и перевозки грузов: летом его вьючат, как вьючат быков, для чего, однако, требуется особое седло (ингирдчак) с более длинными, чем у скотского, полками и более низкими арками, не связываемыми поверх продольным деревянным бруском, зимой впрягают в нарты. Особенная же его польза сказывается при зверовании, когда на нем едут в тайгу, смотря по времени года, или верхом или же впрягая в легкую охотничью нарту.

Охота на зверя составляет почти единственное и во всяком случае главное занятие мужской части населения Тоджинского хошуна, и к этому промыслу они приучаются с юных лет, так что здесь нередко можно встретить подростков, не достигших еще 15 лет, отправляющихся вдвоем или втроем в тайгу верхом на оленях с длинными тяжелыми ружьями (по) за плечами и кожаными мешками у седел с провиантом, состоящим из небольшого количества обыкновенно горького на вкус творога (хурут) и кислого молока.

Обширная горная территория Тоджинского хошуна представляет арену, где в настоящее время добывается лучший соболь, и которая в пределах Алтайско-Саянского нагорья и вообще Западной Монголии отличается сравнительным обилием дикого зверя, что и дает возможность тоджинцам быть одними из главных поставщиков мехового товара на рынки Китая и России, в последнюю—преимущественно при посредстве дархатских купцов.

Тоджинцы добывают, кроме соболя, речного бобра, белку, выдру, колонка, горностая, лисицу, волка, медведя, росомаху, рысь, ирбиса и затем изюбра (марала), лося, дикого северного

© ГПНТБ СОРАН

оленя, козулю, кабаргу и горного козла (джима); [1]) охотятся ли они также на птиц (тетеревов, рябчиков и белых куропаток) подобно сойотам Кемчика и Улу-кема, сведений не имеется, но так как этот промысел возник в названных частях Урянхайской земли под влиянием русского спроса, то всего вероятнее, что на этот вопрос придется отвечать отрицательно.

Начало охотничьего сезона—сентябрь месяц; в это время стреляется главным образом белка [2]) и чаще других зверей—марал, который бьется ради шкуры, мяса и сала. С октября охота на соболя [3]). В декабре бьют козулю, лося и кабаргу;

[1]) За сведениями о всех этих животных отсылаю читателя к XIII главе I тома настоящего труда.

[2]) *Е. Яковлев*, op. cit., стр. 65. *Ф. Кон* („Предварительный отчет по экспедиции в Урянхайскую землю" в „Изв. Вост.-Сиб. отд. И. Русск. Геогр. Общ.", 1903, XXXIV, № 1, отд. оттиск, стр. 15), однако пишет, что охота на белку у сойотов начинается позднее, а именно, около 15 октября, когда белка „вычищается", т. е. делается седой, и продолжается до первых чисел декабря, т. е. до глубоких снегов. К этому он присовокупляет, что подмечено, что после лета, обильного грозами, дождями и туманами, следует ожидать больше белки и соболя, чем в нормальное время, согласно поверью, что при громе разгневанного Улу соболь и белка, живущие на его теле паразитами, падают на землю. В такие годы на ружье приходится нередко в день от 20 до 30 штук этого зверя. Мясо белки считается сойотами лакомым блюдом, не менее, будто-бы, вкусным, чем рябчик.

[3]) *Е. Яковлев*, ibid. У *Ф. Кона*, ibid., читаем: Первый сезон охоты на соболя начинается с выпадением снега и кончается в конце ноября; второй—с января приблизительно до половины марта, когда смерзшийся снег на солнечных пригревах начинает садиться и появляются проталины. Охота в первый сезон в смысле добычи богаче, но в этом именно периоде под ружье охотника попадают иногда „недошлые" соболи, „ой" или „тас" по выражению сойотов, т. е. соболи с настолько короткой шерстью на шее, что она выскальзывает при захвате ее двумя пальцами; такие соболи бракуются даже при приеме в албан и расцениваются от 10 белок, тогда как цена полношерстых достигает 700 белок. *Яковлев*, op. cit., стр. 64, пишет, что сойотский соболь ценится за свою более темную окраску выше минусинского и что, хотя и очень редко, среди темных сойотских соболей попадаются совершенно седые („белые"). Во второй сезон охотники обыкновенно ставят на соболя лишь самострелы (ая)—снаряд, который состоит из лука, насторожки, шнура, который протягивается по тропе зверя, и стрел с железными наконечниками часто в виде развилки. *Кон* говорит впрочем вообще об охоте на соболя в Урянхайском крае, и в употреблении ли такие снаряды у тоджинцев, мне неизвестно.

в январе ставят на них самоловы, а также от декабря до марта делают засеки и изгороди иногда на несколько верст, сваливая большие деревья; такие изгороди заканчивают узким проходом, в котором и ставят самоловы. С марта, когда солнце начинает уже пригревать, наступает второй сезон охоты на белку; он заканчивается к половине апреля [1]). С мая до июня—период самого усиленного преследования изюбря (марала) ради молодых, наполненных еще кровью рогов его (пантов), которые и сбываются затем по дорогой цене дархатским скупщикам. С июня тоджинец водворяется в своем ауле до следующего охотничьего сезона, проводя время в бражничаньи и в редких поездках по соседним аулам. Что касается охоты на других зверей, то она ведется круглый год за выключением двух летних месяцев [2]). Выдру и бобра там, где они еще водятся [3]), бьют впрочем только в теплое время года, медведя тогда лишь, когда с ним случайно столкнется охотник. Это самый страшный зверь тайги, если не считать очень редко встречающегося на таскылах [4]) Саянских гор ирбиса; его называют царем скал (хояр-хан, кайыр-кан) и дедушкой (ирэй), в период же зверованья, из боязни за неудачу при столкновении с ним, не иначе, как карадджюмэ—черною вещью.

Отношение сойотов к медведю, пишет Ф. Я. Кон [5]) совершенно особенное. Охота на него считается поступком против совести, что впрочем не мешает убивать его при всяком удобном случае. Убивший медведя кланяется ему в ноги, говоря: „мин бодым эмес сэны бооладым"—я не сам тебя убил—„мэны аггнаткан има огурды"—меня к этому принудил (такой-то) огурда. Наступать на голову медведя или перешагнуть через него считается недопустимым; похваляться

[1]) В этом периоде сойоты охотятся без лыж.

[2]) Так только в пределах Тоджинского хошуна; в западной же части Урянхайской земли именно с конца июля и начинается деятельная охота на лесную и степную птицу—глухарей, тетеревов, рябчиков и куропаток.

[3]) См. т. I, стр. 489—490 и 507. *Е. К. Яковлев*, op. cit., стр. 64, пишет, что бобры хотя и редко, но встречаются на р. Систыг-кеме.

[4]) См. т. I, стр. 6, сноску.

[5]) Op. cit., стр. 19.

© ГПИБ СОРАН

убийством медведя также нельзя: „хайэрханнын чир-хулак"— у медведя земля—уши, т. е. он может об этом узнать. Уважение и почтение к медведю у сойотов еще настолько велики, что на допросах вместо присяги или клятвы дают допрашиваемому нюхать ноздри медведя: показавшему ложно угрожает медвежья спячка. Ноздрям медведя придается вообще большое значение, и в прежнее время медвежьей шкуры с головой и ноздрями нельзя было купить: охотник их вырезал и хранил для себя. Голову и нижнюю челюсть убитого медведя вешают и до сих пор на дерево или на шест на проезжей дороге, и каждый проходящий или проезжающий мимо сойот считает своим долгом ей поклониться со словами: „хайэрхан уршэ!"—„медведь помилуй!", ибо надеется предотвратить себя этим от опасности неожиданной встречи с другим медведем [1]). Жирных от сала медведя рук нельзя вытирать ни обо что, кроме подола шубы. Желчи, салу, даже когтям медведя приписываются целебные свойства, притом не только в Уряхайской земле, но и во всей Средней Азии и Китае [2]). У сойотов сало медведя употребляется, между прочим, для натирания сбитых плохой вьючкой и плохими

[1]) Это все—несомненные остатки тотемизма. Урянхайцы, конечно, вышли из тотемного быта, но это стремление их заручиться сверхестественным покровительством медведя ясный довод за то, что они сравнительно еще недавно стояли на этой первобытной религиозно-социальной ступени. Культ медведя пользовался, повидимому, некогда обширным распространением в северной половине Внутренней Азии, а также на восточной периферии материка, и теперь мы находим его еще у гиляков (*Л. Я. Штернберг*—„Гиляки" в „Этнографическ. Обозр.", 1905, кн. LX, LXI и LXIII) и айну (*Д. Н. Анучин*—„Племя айнов" в „Изв. Общ. Люб. Естествозн., Антроп. и Этногр.", 1876, XX; Rev. *John Batchelor*—„The Ainu of Japan. The religion, superstitions and general history of the hairy aborigines of Japan". London, 1892; *idem*—„Ainu words as illustrave of customs and matters pathological, psychological and religions" в „Transact. of the Asiat Society of Japan," XXIV.

[2]) Так, укажу, что мой джигит, уроженец Ферганы, не упускал случая присваивать себе желчные пузыри убитых в пути медведей, говоря, что медвежья желчь за свои особо целебные свойства дорого ценится в Туркестане, но он не довез своего запаса до родины, получив в г. Сучжоу высшую цену.

седлами спин у лошадей и быков; желчь—как лекарство от простудных болезней и сифилиса, а также от запала лошадей; когтями „прочерчивают" опухоль у домашней скотины, приговаривая: „джеты каттап'джарь алтынга кырзын!"—„провались семь раз сквозь землю!".

Далее Ф. Кон. пишет, что шкура убитого летом медведя не идет в продажу и выделывается самими сойотами на ремни, убитого же осенью и зимой, в зависимости от состояния меха, оценивается в 15—20, до 200 белок. По моим сведениям, однако, сойоты никогда не поднимают медведя из его берлоги, и таким образом зимняя охота на него—дело весьма редкого случая, когда исключительно теплые дни пробуждают его от спячки и заставляют бродить по лесу.

Волк и лисица—редкие звери в пределах Тоджинского хошуна, но в степных и подгорных частях Урянхайского края волк иногда производит большие опустошения среди стад преимущественно мелкого рогатого скота, и тогда на него устраивается облава (аглап).

Охота облавой в большинстве случаев организуется по предложению зажиточного сойота, у которого появившиеся в окрестностях волки режут скот. Участвуют в облаве обыкновенно только ближайшие соседи; кто посостоятельнее — выезжает на собственной лошади, бедным доставляет лошадь инициатор облавы. Выезжают с восходом солнца, одни с ружьями, другие с укрючинами (урук) — длинными шестами с петлей из витого ремня на конце [1]), которыми и загоняют волков, пользуясь ими в случае нужды и для самозащиты. По приезде на место, где, по собранным сведениям, скрываются волки, распорядитель охоты назначает каждому место, причем преследуется обычно задача, отбросив волков от гор, гнать их в равнину. Подготовившись таким образом, охотники, соблюдая возможную тишину, постепенно приближаются к волкам, выжидая момента, когда удобно их скрасть, и тогда начинается стрельба по ним. Если волки учуят охотников

[1]) В обычное время эти снаряды служат табунщикам для поимки лошадей, вольно пасущихся в степи.

© ЦНТБ СОРАН

ранее возможной для последних стрельбы [1]), то начинается конное их преследование, причем все усилия укрючников направляются лишь к тому, чтобы отбить их на чистое место. Стрельба с лошади сойотам совсем незнакома, да она была-бы и невозможна из их длинных, часто фитильных, ружей, устанавливаемых на сошки. При таких условиях они становятся почти бесполезными при конном преследовании волков, и охота обычно заканчивается тем, что загнанных хищников сойоты добивают нагайками. Волки обычно преследуются до тех пор, пока позволяют это силы сойотских лошадей. Волчья шкура оценивается в 20 белок; печени и волчьему языку приписываются целебные свойства, и первая дается сифилитикам, второй же, будто-бы, спасает от прыщей на языке (?).

Богатые сойоты шьют из волчьего меха курмы, которые и носят поверх халатов.

На лисицу охотятся с поздней осени до конца марта месяца. Обычным приемом охоты служит расстановка самострелов того же типа, как и на соболя, но иногда лисиц бьют и гоном, преследуя их верхом с собаками особой ирбекской породы, которая известна у сойотов под именем „тайга", и которую *Кон* характеризует следующими признаками: короткая шерсть желтой масти, длинный хвост и длинные висячие уши [2]).

В западной Монголии самой распространенной породой лисицы [3]) является и наименее ценная — светло-желтой

[1]) Наибольшая дистанция, на которую бьют ружья сойотов, обычно не превосходит двухсот шагов.

[2]) К этой породе сойотских собак я вернусь ниже.

[3]) Я называю породой, хотя некоторые систематики, выделяя лисицу в особый род Vulpes, дробят его на ряд видов и подвидов, большею частью весьма спорных; к числу таких подвидов, самостоятельность которых оспаривается, относится и светлая форма Западной Монголии. Мне кажется, что, в виду крайнего непостоянства окраски степных азиатских лисиц (я видел между ними экземпляры и с белым и темно-серым, почти черным брюхом, и засим одного помета как почти пепельно-серых к спине, так и довольно ярко окрашенных желтых с белой грудью, причем черные волоски, кроме, конечно, ушей, имелись только на щипце и в хвосте), имена montana, kurdistanica и tarimensis, а, может быть, и splendens, должны отпасть, и все эти формы об'единены с сыр-дарьинской Vulpes vulpes melanota, Pall. (См. *К. А. Сатунин* — „Определитель млекопитающих Российской империи", вып. I, 1914, стр. 137 и след.).

окраски с пепельно-серым брюхом и почти серым хвостом, т. е. так называемая туркестанская, носящая, как уроженка степи, совершенно неподходящее ей латинское название montana, Pears., очень близкая по окраске к сыр-дарьинской караганке — Vulpes melanota, Pall., и к авганской Vulpes kurdistanica, Satun.; в Урянхайском же крае туркестанской породы не встречается; ее заменяет здесь расцениваемая много выше крестовка (сарых-тильги), которая вытесняется в горах еще более ценной породой — огневкой (кизыл-тильги) с очень редкими разновидностями [1]) последней — черно-бурой (ильбэнгэ-тильги) и даже совсем черной (кара-тильги). Говорят также, как о большой редкости, — о белых лисицах (ак-тильги), но это — не особая порода, а белые выродки обыкновенной лисицы. Крестовка оценивается в среднем в 20 белок, огневка в 40, чернобурая в 60—80, для черной же и белой определенных цен не существует.

Что касается прочих хищников — росомахи, рыси, ирбиса, и более мелких — барсука, колонка и горностая, то сведений о времени и приемах охоты на них в Тоджинском хошуне я не имею.

В заключение этого краткого охотничьего обзора мне остается сказать несколько слов о местных породах собак, пособницах сойотов в их звероловном промысле.

К сожалению, собаки вымирающих алтайско-саянских инородческих племен, обладающие изумительными охотничьими качествами, совершенно еще не изучены и, как замечает *И. Савенков* [2]), в сибирских музеях не имеется даже скеле-

[1]) Представляют-ли чернобурые и черные лисицы только цветовое отклонение обыкновенной лисицы или особый вид, близкий к Vulpes argentatus, Cuv., остается не выясненным. См. *Сатунин*, op. cit., стр. 139. За то, что это лишь цветовое отклонение, говорит, как мне кажется, уже то обстоятельство, что черные лисицы встречаются как в степи, среди караганок (V. melanota), и тогда они являются почти совершенно седыми, так и среди других лисьих пород, причем огневки дают самые ценные, густо-черные отклонения, и если у них и пробивается иногда седина, то носит характер белых искр по черному полю, не придавая меху пепельного оттенка, как седина у черных уроженок степи.

[2]) „Описание черепа собаки древне-абаканской породы" в „Изв. Вост.-Сиб. отд. И. Русск. Геогр. Общ.", 1905, XXXVI, стр. 56.

© ГПНТБ СО РАН

тов таких собак с вполне надежными формулярами Литература о них крайне бедна, и если мы и находим в ней указания на особенности собачьих пород, встречающихся в Средней Азии, то все такого рода указания страдают крайней неопределенностью [1]). В частности о собаках тоджинцев мы узнаем, что они совершенно особой породы, [2]) не велики ростом, сравнительно коротконоги, имеют стоячие уши и острую лисью морду [3]) и, благодаря своим выдающимся охотничьим качествам, в особенности верхнему чутью, высоко ценятся в крае. Из этих, крайне впрочем недостаточных, данных можно вывести заключение, что собаки тоджинцев не принадлежат к числу инородческих лаек, не представляют прямых потомков абаканской собаки бронзового века [4]), но, может быть, должны быть отнесены к той группе собак, встречающихся у лопарей и в северной Сибири у самоедов и чукоч, которые сближаются с торфяной собакой Рютимейера (Canis familiares palustris) эпохи швейцарских свайных построек и которых Миддендорф называет типичными шпицами первобытной породы.

Что касается упоминавшейся выше породы „тайга“, то ее следует, повидимому, отнести к породе киргизских борзых, которая в наиболее типичных своих представителях [5]) характеризуется средней длины псовиною (шерстью) светло-половой масти с подвесами, иногда очень короткими на правиле (хвосте), повислыми ушами и более грубыми, чем у других борзых, формами тела, в особенности же головы и щипца. Киргизских борзых, не всегда впрочем типичных, я видел только в горах бассейна Черного Иртыша, но нет ничего невероятного в том, что их же мы встречаем и у сойотов, может быть, лишь в несколько уклонившейся форме, благодаря смешению с собаками местных пород.

[1]) См., например, *E. M. Köhler*—„Hunderassen Chinas und der Mongolei“ в „Der Zoologische Garten“, XXXVII Jahrgang, 1896, № 9.

[2]) *Каррутерс*, op. cit., стр. 241.

[3]) *Е. А. Яковлев*, op. cit., стр. 64.

[4]) Описание этой собаки дано *И. Савенковым* в цит. выше статье.

[5]) Встретить чистокровную борзую у киргизов, отличающихся полным невниманием к сохранению этой породы, очень трудно. К тому же охота с борзыми в Киргизской степи все более и более отходит в область преданий.

Наиболее распространенной в сойотских стойбищах и в русских деревнях Урянхайского края является, однако, третья порода собак, которая мало отличается от породы киргизских и вообще средне-азиатских сторожевых собак, и представляет, при общем довольно определенно выраженном типе, напоминающем лайку, [1]) настолько значительные уклонения в росте и сравнительной длине тела, в длине щипца, окраске псовины, преимущественно грязно-серой от смеси черных, белых и желтых волос, что эту категорию сойотских собак трудно счесть за породу, почему, может быть, и с правом их называют дворняжками.

С охотой на зверя тесно связано и рыболовство.

Тоджинцы рыбачат почти круглый год, причем рыбное богатство их таежных озер и проточных вод составляют следующие виды рыб [2]): таймень (бель, пиль), ленок (мыйт, майт), хариус (кадырга), щука (у сальджаков шуруш, на Кемчике—шортан), налим (мезель) [3]), окунь (ала-буга), сибирский елец (шерешь, ак-балык) и непоказанные мною водящимися в бассейне р. Енисея как виды, определение которых

[1]) Этому типу может быть дана следующая характеристика: острый, но короткий и широкий щипец, круто переходящий в широкий же, плоский и почти трехугольный лоб, иными словами—морда более тупая и широкая, чем у шпица и даже у лаек, сравнительно небольшие, но живые и злобно смотрящие, обыкновенно желтых оттенков, глаза, над которыми, какой-бы масти собака ни была, всегда имеются желтоватые (половые) пятна, острые, вперед смотрящие, стоячие уши, короткая шея, довольно неуклюжее, но крепкое телосложение. средней высоты ноги, густая псовина, отходящая весной клочьями, и загнутый кверху, но не закинутый на спину хвост с густым обычно подвеском.

[2]) Научные их названия читатель найдет в т. I настоящего труда, стр. 527—528.

[3]) Сойоты употребляют в пищу все сорта рыбы, кроме налима, которому приписывают человеческое происхождение (*Яковлев*, op. cit., стр. 96). *Катанов* („Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений к другим языкам тюркского корня“, стр. 935—936) дает подтверждающий это указание сойотский рассказ о налиме, из которого также следует, что мясо этой рыбы считается целебным и употребляется, как лекарство.

ОТПЕЧАТОК

казалось сомнительным: язь (тозун-балык), пескарь (юстуг-балык) [1]), сиг (ак-балык) и ёрш (тэннык-балык).

Кон [2]) дает описание рыболовства по Енисею, но насколько оно может быть отнесено к тоджинцам, мне неизвестно.

Места для рыбной ловли, говорит он, не подлежат никаким ограничениям. В апреле и мае лучат рыбу. Артель рыболовов составляется обыкновенно из трех человек: один заготовляет пучки хвороста для лучения; другой ходит вдоль берега с горящим хворостом, насаженным на жердь саженной длины; третий, наконец, бьет рыбу острогой (серэ), или же, что сохранилось, повидимому, только на Енисее, стреляет в нее из лука (чча). Добыча делится поровну: львиная доля достается бойцу. Лучение рыбы производится лишь в малую воду, пока она прозрачна.

Летом ловят рыбу только случайно, если заметят, например, руно хариусов или какую-нибудь большую рыбу. Заметивший собирает артель человек в шесть, часть коих бредет по воде, выгоняя рыбу на мелкое место, по возможности в узкую протоку, а двое подхватывают ее крючками (тыртпа?) с обоих берегов этой протоки. При этом определенных правил дележа добычи нет; в такой ловле принимают участие и дети, которые, однако, получают свой пай лишь по усмотрению взрослых. Если замечена рыба в протоке, устье которой пересохло, то ее предпочитают ловить сетями, занятыми у русских [3]). Изредка летом ставят также на рыбу и петли (тузак).

Осенью рыболовный сезон принимает характер промысла и продолжается от сентября до ноября. Ловят рыбу лучением. Зимой рыбная ловля производится по озерам в прорубях, пробиваемых близь речных устьев и ключей; пользуются также естественными полыньями, в которых обычно

[1]) Эти два вида рыб приведены у меня (т. I, стр. 526), как водящиеся исключительно в реках бассейна Черного Иртыша.

[2]) Op. cit., стр. 21—22.

[3]) Эти строки не могут быть отнесены к тоджинцам, которые еще не вошли в такое тесное единение с русскими насельниками края.

собирается рыба (такие полыньи называются балык-тунчжу) и ловят последнюю или крючками или сетью или, наконец, особыми черпаками [1]).

По Енисею, сверх того, в октябре и начале ноября во время осеннего ледохода, добывают рыбу следующим образом. Пользуясь тем, что заводи в это время уже замерзают, артель рыболовов, человек с двадцать, в мягкой обуви, заняв одну из них во всю ее ширину, постукивая палками по льду, подвигается вдоль нее кверху. Рыба, напуганная шумом, уходит от рыбаков и скопляется у берега, в глухом краю залива; тут и крупная, тут и более мелкая. Рыболовы, наблюдая за рыбой, видной сквозь прозрачный лед, руны мелкой рыбы отгоняют обратно, а более крупную загоняют в омут или просто более глубокое место, над которым и прорубают отверстие, а затем вытаскивают ее крючьями. По Енисею же заметны и следы русского влияния: выделывают лодки, лучат по образцу русских, ловят неводами, ставят сети, запирают реки, раскладывают огонь на косах.

Сафьянов [2]) описывает следующий оригинальный способ ловли рыбы, практикуемый тоджинцами: сойот верхом на лошади в'езжает в озеро, бросает в него сеть, сплетенную из волос (сюдрюж читкэ), и, придерживая веревкой один из концов ее, кружится несколько раз на сравнительно малом пространстве: рыба задерживается при этом в сети, как в обыкновенном неводе.

На Енисее сойоты сами потребляют почти всю добытую ими рыбу, чего на Кемчике нет, и там продукты туземного рыболовства почти всецело поступают в руки русских купцов.

Охота и рыболовство, как было замечено выше, составляют главные занятия мужской части населения Тоджинского хошуна; иногда, однако, на долю мужчин выпадает там и часть работ, составляющих обычный удел женщин и подрастающего поколения. К числу таких работ чаще других относятся: сбор кедровых орехов и копание корнеплодов,

[1]) *Яковлев*, op. cit., стр. 96.

[2]) „Эпизод из странствий по Монголии" в „Вост. Обозр.", 1883, № 7, стр. 10.

© ЦГИА РСФСР

являющихся существенным элементом их питания [1]). Об этих промыслах, как общих для всего Урянхайского края, местами даже шире поставленных, чем у тоджинцев, будет говориться в следующей главе, здесь же уместно будет сказать лишь несколько слов о выделке шкур — промысле, который в Тоджинском хошуне занимает столь же видное место, как катанье войлоков в прочих частях Урянхайской земли.

Обычное время выделки шкур — сентябрь месяц, который в Урянхайском крае носит название белого лета (ак-акчай) [2]).

Не все кожи выделываются одинаково; но для характеристики этой работы я ограничусь указанием на приемы выделки сойотками шкур горного козла (джима) и лисьих.

Лисью шкуру расстилают на кошме в юрте, предварительно очистив от крови, если ею запачкан мех, путем осторожного ее выколачивания ивовыми или березовыми прутьями (шукпур); затем ее опрыскивают пресным молоком, которое втирают в кожу, после чего последнюю сворачивают в клубок, оставляя до той поры, когда она достаточно отсыреет. Следующий акт — освобождение от мездры, что совершается ногтями и пальцами. Этим выделка меха, поступающего на рынок, и ограничивается [3]), причем, однако, так поступают лишь с шкурами небольших зверей; с шкурами же более крупных животных, таких, как джим, например, работа сложнее и ее больше.

Предварительно хорошо просушенная козлиная шкура смачивается водой и, когда достаточно отсыреет, растягивается на земле, после чего вновь смачивается, но уже особым продуктом — „боджя“, получаемым из кислого молока; затем она сворачивается, кладется в теплое место, где и держится до тех пор, пока не достаточно прокиснет. С окончанием этого процесса ее слегка солят и сворачивают для новой просушки.

---

[1]) Растительной пищей тоджинцев кроме чая и муки, приобретаемой у русских купцов лишь богатыми и то только в последнее время, служат кедровые орехи, корневище кандыка (Erythronium dens canis), луковицы сараны (Lilium martagon) и лиственичная заболонь.

[2]) *Яковлев*, op. cit., стр. 64.

[3]) *Ф. Я. Кон*, op. cit., стр. 28.

Только после этого ее разминают в руках с целью освобождения от остатков приставшего боджя и подвергают обработке особым самодельным инструментом — „идрэ“, представляющим деревянный брусок с выглаженными ручками и заостренными и зазубренными концами. Подготовленную таким образом шкуру подвешивают дня на три, на четыре, над очагом и, когда она подсохнет и пожелтеет от дыма, ее еще раз смачивают, натирают скотской печенкой, свертывают и в третий раз сушат. После этой сушки шкура приобретает уже требующуюся ей мягкость. Ее натягивают на брус длиной около полутора аршина (чарты) и белой глиной (ак тоурак) натирают в местах с еще сохранившейся мездрой, которую засим и отдирают железным стругом (темир идрэ). Этот процесс носит название „чистки шкуры“ — унгнер; он и заканчивает выделку шкуры.

Ф. Я. Кон замечает, что сойот очень неохотно отдает на сторону звериную шкуру в невыделанном виде и если и делает в этом отношении исключение, то лишь для малоценных мехов; если же покупщик не соглашается ждать, то выделка меха производится экстренно, тут-же, причем сойот, передавая купившему шкурку, например, соболя, отрезает у нее губы, усы и кусочки приставшего к голове мяса; все это завертывается им в тряпку и прячется за пазуху „на счастье“ (кежик), в устранение неудач при следующем зверовании. Этот обычай существует, впрочем, не только у звероловов-охотников, но и у прочих сойотов, распространяясь на все случаи продажи или передачи чего-либо на сторону; так, например, продав лошадь, сойот никогда не забудет обтереть ей полой своего халата губы и вырвать из хвоста несколько волос и т. д. Кон же рассказывает и о другом суеверии, связанном с выделкой шкур: шукпур, говорит он, и идрэ нельзя использовать с иной целью кроме выделки шкур, уничтожить же их можно, только бросив в огонь.

Каррутерс [1]) хвалит сойотскую выделку шкур в следующих выражениях: с помощью молотка (?) и инструментов,

---

[1]) Op. cit., стр. 234.

© ГПИБ СОРАН

снабженных деревянными зубьями (очевидно—идрэ), урянхайские женщины обделывают шкуру, пока последняя не сделается совершенно мягкой и настолько же тонкой, как будто она подверглась дублению при посредстве самых утонченных приемов.

Я не сказал-бы того же. Меха, поступающие на Ирбитскую ярмарку из Урянхайского края, подвергаются обычно дополнительной выделке при переходе в руки меховщиков. Главными недостатками сойотского скорняжного искусства следует считать: загрязненность меха, отсутствие надлежащей отбелки и расчески, недостаточное освобождение от жира, наконец, что самое существенное, сойоты не подвергают свои, например, овчины дублению, благодаря чему они не имеют надлежащей прочности, делаясь со временем ломкими: недостаточное, повидимому, копчение малоценных шкур только отчасти устраняет их последний недостаток.

Чтобы покончить с тоджинцами, мне остается сказать еще несколько слов о правовых их понятиях в сфере звероловства и других промыслов, хотя все последующее столько же относится к ним, как и к остальным сойотам [1]).

---

[1]) В обычном праве следует видеть наиболее чистое выражение народного правосознания и ключ к пониманию народного духа. Вот почему за последнее время оно стало предметом внимательного изучения со стороны этнологов и социологов, а засим, как пишет *В. Нечаев* („Энциклоп. Слов". Брокгауза и Ефрона, XXIV, стр. 910), и некоторых групп политиков, думавших найти в нормах народного обычного права устои для постройки всего законодательства в духе народной правды. Но это уже увлечение, так как обычное право не абсолютная правда; оно представляет собой лишь выражение тех представлений о правде, какие живут в данном народе (или его части) на определенной ступени развития и потому не остаются незыблимыми; в качестве же таковых они, конечно, не могут и претендовать на то, чтобы служить основанием для нормировки аналогичных отношений в обществах с иным культурным уровнем и психологией. Тем не менее, так как образование воззрений на правду и выражающих их норм обычного права коренится в тайниках народной души данной эпохи, то изучение этого права дает нам очень твердую базу для уразумения этой души. Сказанное, как мне кажется, не утрачивает своего значения даже в том случае, если верно мнение тех юристов, которые считают, что творцом обычного права является не народ, не общее чувство

Если сойоты составляют охотничью артель, то все добытое при зверовании делится поровну между членами артели кроме, однако, ценных рогов изюбря, составляющих беспорную собственность убившего зверя. У охотников, случайно сошедшихся на охоте, мясо составляет общую собственность. Если пули двух охотников попали в зверя (чар тохтазир), этот последний делится пополам. „Ташта одар" — одновременная стрельба влечет за собой равный раздел, если же последний невозможен, то добыча присуждается нанесшему смертельный удар. При загонах (уралап оннар — у сойотов мады, сигыртып оннар — у сойотов долины Кемчика) на лося, оленей, антилоп и других травоядных мясо делится между всеми, шкуры получают загонщики, рога — стрелявшие.

Наконец, надлежит сказать еще несколько слов и об обычае, носящем название уджа.

Этот обычай совершенно отвечает сибирскому: „чур, пополам!", но в то время как у сибиряков, в качестве противовеса этому, выработалось правило: „чур, найдено — не делено", после чего зачуривший завладевает найденным безраздельно, у сойотов, хотя в последнее время обычай „уджа" постепенно и выходит из употребления, пока, de jure, все же еще применяется ко всему тому, где главную роль играет не трудовое начало, а случай, удача. По замечанию Яковлева, пушнина не подлежит „уджа", но это не так, говорит Кон. Даже купивший пушнину предусмотрительно прячет ее от глаз постороннего из опасения, чтобы ему не сказали „уджа" и чтобы не пришлось затем делиться. Этот обычай вообще идет очень далеко. Если в тот момент, когда охотник загнал

правды, а отдельная личность, подчиняющая своему влиянию народную массу, ибо в основе этого влияния не всегда лежит право сильного, но гораздо чаще способность народного вождя согласовать свои действия с психикой управляемого народа. При отсутствии писанных законов только постановления, согласные с этой психикой, могут претендовать на долговечность, т. е. получать характер обычая, хотя-бы то были и такие институты, как рабство, зависимое положение женщин и бесправное положение малолетних.

Последующее заимствуется мною у *Яковлева*, стр. 66, и *Кона*, op. cit., стр. 20.

соболя на дерево, подойдет другой охотник и скажет „уджа“, он должен быть допущен к совместной охоте. Мало того, если первый предоставит второму докончить охоту и уйдет, не дождавшись ее конца, а соболь успеет скрыться, то он подлежит наказанию, как нарушитель обычая. Дележу по обычаю „уджа“ подвергаются также продукты рыбной ловли, а засим всякая находка, даже воровская добыча. В последнем случае, встретивший вора и на основании обычая „уджа“ получивший часть краденого подлежит при обнаружении преступления бо́льшему наказанию, чем вор, материально же отвечает перед потерпевшим наравне с вором; но если он явится доносителем на вора, сознавшись одновременно в том, что „уджарил“ при встрече с ним, то освобождается не только от наказания, но и от необходимости возврата потерпевшему своей части похищенного.

ГЛАВА II.

Народности, населяющие Западную Монголию и Урянхайский край.

Сойоты (урянхайцы).

(Продолжение).

Сойоты, населяющие бассейны Кемчика и Улу-Кема, т. е. ту часть бассейна верхнего Енисея, которая лежит ниже места слияния двух его главных источников — Бей-кема и Ха-кема, изучены лучше тоджинцев в этнографическом отношении. Они культурнее этих последних, их круг деятельности обширнее, промыслы разнообразнее и хотя, может быть, и не столь прибыльны, как у тоджинцев на Хамсаре, но зато менее подвержены колебаниям, и таким образом вернее, чем в Тоджинском хошуне, обеспечивают их существование. Тем не менее, и среди них неимущий элемент составляет значительный процент населения; в связи же с такими факторами вырождения, как более, чем у тоджинцев, распространенное пьянство, венерические, накожные, глазные и другие болезни, недостаточное питание быстро ведет их по пути к наследственной порче человеческого типа, выражающейся в большей восприимчивости к конституциональным болезням и в задержке психического развития, т. е. в притуплении умственных способностей и нравственных чувств, как последствие же этого к повышенной смертности и постепенному угасанию племени. Только особо благоприятные климатические условия их родины задерживают еще этот процесс, поддерживая в них достаточно энергичную жизнедеятельность.

Как известно, от степени насыщения атмосферы парами зависит способность воздуха поглощать влагу, выделяемую легкими и кожей, что так необходимо для жизнедеятельности

© ГПНТБ СО РАН

организма. Отсюда ясно, что сухость воздуха, содействуя респирации, поддерживающей движение жидкостей через ткани, влияет на быстроту и совершенство жизненных отправлений, иными словами, что сухость атмосферы служит одним из важнейших условий здорового и своевременного обмена веществ и энергии в организме человека. В этом отношении кемчикские и улукемские сойоты находятся в лучших условиях, чем тоджинцы, которые, как мы уже знаем [1]), населяют сравнительно более влажные, летом даже достаточно сырые горные долины, большая абсолютная высота которых представляет также один из неблагоприятных факторов для существования человека, так как более низкое атмосферное давление затрудняет процесс окисления крови и замедляет кровообращение, а стало быть и обмен веществ. Улучшает несколько жизненные условия родины тоджинцев довольно низкая температура, держащаяся на Саянском нагорье, так как, если воздух, насыщенный влагой, обладает температурой более низкой, чем температура тела, то, нагреваясь от соприкосновения с последним и особенно при вдыхании, он получает способность к новому более или менее значительному поглощению влаги; поэтому на Саянах условия существования среди болот и не так пагубно для человека, как, например, под тропиками, где влажность в соединении с высокой температурой губительно действует на человеческий организм, часто служа физической причиной вырождения человеческой расы.

Главными промыслами сойотов западной части их территории следует считать скотоводство и коневодство.

Приемы того и другого как у бедного, так и богатого сойота одни и те же.

Скот и лошади ходят по степи, довольствуясь круглый год подножным кормом [2]). Летом на привольном степном корму животные прекрасно откармливаются, но с осени начинают тощать и к весне доходят иногда до такой худобы

[1]) См. т. I, главу о климате.

[2]) Для скота и лошадей сойоты долины Улу-кема устраивают загоны из жердей, открытые для лошадей и прикрытые для коров, телят и ягнят;

и изнурения, что без сил лежат на земле и конечно гибнут массами. Эта пагубная для скота и лошадей неравномерность кормления составляет не единственную неблагоприятную сторону обихода сойотского животноводства. У инородцев Алтайско-Саянского края, в частности сойотов, не существует сознательного подбора производителей и допускается как очень ранняя случка животных, так и кровное родство между ними [1]); неизбежным же следствием такого ведения дела должно было-бы быть постепенное вырождение местных пород в выносливости, росте и силе. Тем не менее, урянхайская порода крупного рогатого скота все еще стоит впереди остальных местных, „татарских“, пород как в мясном отношении, так и по его удойности.

Масть урянхайского скота в общем неопределенна, но чаще всего бурая, чалая, реже красная, краснобурая, мурая (тигровая) и чернобурая. „Общее впечатление от наружного вида, когда пересмотришь массу животных этой породы“, пишет Ф. Снегирев [2]), „невольно наталкивает на мысль, что эта порода могла дать от себя две ветви: одну, из которой

но здесь животные, и то лишь пасущиеся близь стойбищ, находят приют только зимой, в непогоду.

[1]) Впрочем вопрос о том, насколько ведет к вырождению спаривание между собою животных, близких по крови, далеко нельзя считать окончательно решенным. Этого взгляда держится *Дарвин* („Приручение животные и возделанные растения“, пер. В. Ковалевского, т. II); но и он не может отрицать существования фактов, говорящих против этого положения. Так, например, указывается на следующий факт. Кук оставил на одном из островов Полинезии пару кроликов, которые с течением времени так расплодились, что составили настоящее бедствие для местного населения; между тем здесь происходило спаривание между кровными родственниками. Засим, известны случаи, когда удавалось получить длинные ряды поколений различных домашних млекопитающих и птиц, полученных аналогичным путем, и т. д.

[2]) „Урянхайский рогатый скот“ в журн. „Сельск. Хоз. и Лесов.“ 1896, № 5, отд. отт., стр. 3—4. В нижеприводимых строках не ясно, какой инородческий скот, Азиатской или Европейской России, имеет в виду *Снегирев*, так как породы, например, киргизского и калмыцкого рогатого скота очень разнятся между собой, и тогда как первая ведется от вымершего тура (Bos primigenius, Bos urus), вторая считается потомством вида, близкого к зебу (Bos indicus); засим, комолая порода скота очень

впоследствии обособился рогатый скот кочевых инородцев Азиатской и Европейской России, и другую, давшую серую степную породу, к которой принадлежит и наш украинский скот. Особенно на эту мысль наводит форма головы и направление рогов: у одних животных голова короче, рога далеко расставлены, длинны, и с сильно расходящимися концами, у других голова длиннее, рога же в основании и вершине, т. е. в концах, сближены. Некоторые экземпляры напоминают горный альпийский скот: коротконогий, круторебрый и с высоким крестцом. Встречаются и комолые, т. е. безрогие или только с роговыми шишками вместо рогов, особи, но их нужно отнести к случайной примеси".

Средний рост и качества урянхайского скота в мясном отношении выражается в следующих цифрах: [1])

	б ы к.		к о р о в а.	
	от/до	в среднем	от/до	в среднем
	в м е т р а х			
вышина в холке . . .	1,29—1,38	1,34	1,14—1,17	1,16 [2])
„ „ крестце . .	1,30—1,33	1,32	1,17—1,18	1,18
обмер (по Преслеру) груди	1,89—2,26	2,08	1,83—1,90	1,87
обмер туловища . . .	3,86—4,19	4,03	3,50—3,67	3,59

древняя; о ней упоминает уже *Геродот*, говоря о скотоводстве скифов; что касается серой степной породы (она же: украинская, подоло-венгерская, болгарская, романская, камаргская и др.), то и ее ведут от Bos primigenius. Таким образом факту, отмечаемому *Снегиревым*, приходится дать толкование, обратное тому, которое дает этот последний, а именно, что не сойотский скот явился родоначальником скотских пород: серой и инородческой азиатской, а что, наоборот, в этом скоте мы должны видеть метисов этих двух пород.

[1]) Заимствую их из цитированной выше статьи *Ф. Снегирева*. Цифровые данные, приводимые *Яковлевым*, op. cit., стр. 88, для двух быков сойотской породы почти не разнятся от данных *Снегирева;*

б ы к	в холке.	высота в крестце.	ж и в о й в е с.
сивый рогатый	1,35 м.	1,34 м.	1090 фунт.
черный комолый . . .	1,33 „		около 1000 „

[2]) Для того, чтобы эти цифры были более показательны, привожу данные о вышине в холке некоторых более известных в России пород рогатого скота, заимствуя их из соч. *С. А. Иванова*—„Крупный рогатый скот", составляющего 12 вып. VI т. издания, предпринятого состоящей при

	б ы к		к о р о в а	
	от/до	в среднем	от/до	в среднем
	в ф у н т а х.			
живой вес . . .	1.050—1.250	1.150	780—920	850 [1])

Российской Академии Наук Комиссией по изучению производительных сил России—„Естественные производительные силы России", „Животный мир", отдел III—„Использование культурных животных", 1919; при этом нахожу необходимым оговориться, что большая часть этих данных относится к особо отобранным экземплярам и поэтому даже средние цифры измерений должны считаться несколько выше действительных.

	б ы к		к о р о в а	
	от/до	в среднем	от/до	в среднем
	в м е т р а х			
серая украинская порода, представляющая значительные крайности в росте	1,02—1,70	1,36		
калмыцкая порода		1,35		1,12
киргизская „	колебания значительны.	1,30		
сибирская (тобольская?) порода			1,00—1,17 (наибольшее число измерений падает однако на цифру 1,07)	1,14
тагильская (измерению подверглись 89 коров на выставке, т. е. отборных) порода . . .			1,15—1,35 (максимум животных оказался высотой 1,24)	1,25
владимирская порода		1,13		
(в крестце		1,15		
ярославская порода	1,21—1,34	1,28 (*Иванов* дает цифру 1,29).		
холмогорская „	1,17—1,36	1,27		
зырянский комолый скот (ленская лучшая порода его) . .	1,32—1,34	1,33		1,17

[1]) Нижеприводимые данные заимствованы из того же труда *С. А. Иванова:*

	б ы к		к о р о в а	
	от/до	в среднем	от/до	в среднем
	в ф у н т а х			
серая украинская порода . . .	560—2600	1580		
черноморская (отборный скот)	1340—1940	1640		
калмыцкая порода		1600		
донская „ „	1240—1600	1420 (как исключение 1908)		

© ГПИБ СОРАН

	бык от/до	бык в среднем	корова от/до	корова в среднем
	в фунтах.			
вес кожи	68— 87	78	66— 55	61 [1])
на 1 пуд живого веса приходится:				
мяса [2])	18,9 фунт.		47,23%	
сала	1,4 „		3,42%	
кожи	3,0 „		7,50% [3])	

	бык от/до	бык в среднем	корова от/до	корова в среднем
	в фунтах			
Киргизская: тургайская порода .		1728 (как исключение 2185)		
Киргизская: уральская . .		1440		
Киргизская: акмолинская . .		1335		
сибирская (тобольская ?) . .			480—880	680 (*Иванов* дает цифру 728)
тагильская порода			807—1323	1056 (*Иванов* дает цифру 1061)
владимирская „			600—800	700
ярославская „	820—1180	1000		
бурятская „	1080—1440	1260	640—840	740

Цифры, приводимые *С. А. Ивановым* для бурятского скота очень сомнительны, что видно из приводимого ниже заключения *Снегирева* (loc. cit.).

[1]) Сравнительные данные берутся у *С. А. Иванова*. Мы имеем их для быков лишь следующих пород:

	от/до в фунтах	средняя в фунтах
серой украинской	117—135	126
черноморской	80—145	113
калмыцкой		100
донской		112
киргизской-уральской		95
„ -акмолинской . . .		90

[2]) За выключением гусака (потрохов), брюшных органов, головы, ног и крови.

[3]) У некоторых из указанных выше пород рогатого скота на 1 пуд живого веса приходится:

	мяса фунт.	мяса %	сала фунт.	сала %	кожи фунт.	кожи %
у серой украинской	23,8	59,73	3,5	8,87	2,4	6,08
„ черноморской	23,5	59,12	3,2	8,24	2,6	6,69
„ донской	24,0	60,22	3,6	9,01	2,3	5,87
„ калмыцкой	24,0	60,00	3,2	8,12	2,5	6,75

Нельзя, конечно, сравнивать урянхайский скот в мясном отношении ни с одной из местных пород Европейской России; в этом отношении он уступает даже скоту Тургайской и Акмолинской областей, т. е. киргизскому, и ничем почти не разнится от малорослого ярославского, но сравнительно с местным скотом Минусинского округа, лучшего в Восточной Сибири, он, в среднем, в $1^1/_2$—2 раза его крупнее. Кроме того сойоты весь свой взрослый скот употребляют не только для перевозки клади (вьючным порядком), но и под верх, вследствие чего порода эта отличается спокойствием в работе и чрезвычайно кротким характером. Что касается молочности урянхайского скота, то и она должна быть выше, чем у минусинского, [1]) уже по одному тому, что у богатых скотом сойотов в обычае всех лишних дойных коров отдавать во временное пользование неимущей части населения, в большинстве случаев своих обедневших родственников, которые и выдаивают их дочиста, способствуя тем самым их большей молочности.

Местами сойоты держат сарлыков и помесь их с рогатым скотом—хайныков (помесь быка с самкой сарлыка) и ортомов (помесь сарлыка с коровой), [2]) но эти животные играют более видную роль в хозяйстве хангайских монголов, в виду чего на описании их я останавливаться здесь не буду, отсылая читателя к VII главе; равным образом я оставляю до этой главы и описание мелкого рогатого скота—коз и овец, разводимых в Урянхайском крае, так как местные породы этих животных только своим сравнительно меньшим ростом и, может быть, меньшей

	мяса	мяса	сала	сала	кожи	кожи
у киргизской уральской	23,3	58,03	2,7	6,95	2,6	5,59
„ „ акмолинской . . .	22,2	55,55	2,8	7,03	2,6	6.66
„ ярославской (заимствуется у *Снегирева*)	20,0	50,08	2,8	7,10	2,3	6,74

[1]) Годовой удой минусинской татарской породы не превышает 40—50 ведер, но в хозяйстве инородца удои никогда не достигают даже и этой нормы (*Снегирев*, loc. cit.).

[2]) Лично я их в пределах Урянхайской земли не видел, хотя в пограничных частях дорбётских владений этих крупных животных и держат в немалом числе.

© ГПНТБ СОРАН

молочностью [1]) отличаются от монгольских, [2]) и перехожу к урянхайскому коневодству.

Степи и степные луга Урянхайского края, вследствие счастливого сочетания благоприятного климата, хорошей растительности, обилия проточных вод, а местами и солонцеватых почв и соленых резервуаров, представляют все данные для ведения скотоводческого хозяйства в широком масштабе; только ему, этому счастливому сочетанию природных условий своей родины, сойоты и обязаны сохранностью своей породы рогатого скота от измельчания и вырождения; то же приходится сказать и о местной породе лошадей, хотя она далеко не из крупных и не из лучших [3]).

В литературе, посвященной Урянхайскому краю, я не нахожу материала, который мог-бы быть использован для описания экстерьера, т. е. наружных форм, сойотской лошади и цифровых данных об ее росте [4]), в виду чего я принужден ограничиться лишь своими заметками и теми немногими общими указаниями, которые можно было извлечь из печатных источников.

Преобладающими мастями сойотских лошадей следует считать: соловую (сарыг) [5]), мышастую (сур), то с желтизной

[1]) Впрочем и монгольские овцы и козы дают в удойный период не свыше в среднем полуфунта молока в сутки.

[2]) Купец *Веселков* („Заметки минусинского купца Н. Ф. Веселкова на пути от Дзиндзилика в Иркутск" в „Изв. И. Русск. Геогр. Общ.", 1873, IX, № 5, стр, 158—159) впрочем встретил у урянхайцев к востоку от пикета Дзиндзилика особую породу овец, напоминающую шведскую (?), с черными щеками и длинной пушистой шерстью.

[3]) Между тем у первобытных насельников Урянхайского края, древних киргизов, по замечанию китайцев (*W. Schott*—„Ueber die ächten Kirgisen" в „Abhandl. der K. Akademie der Wissenschaften zu Berlin", 1864, стр. 433; *Иакинф*—„Собр. свсд. о нар., обит. в Ср. Азии в древн. врем.", 1, 2, стр, 444), лошади отличались большими ростом и силой.

[4]) Единственную цифру, относящуюся к высоте сойотской лошади в холке я нахожу у *Яковлева*, op. cit., стр. 88; это—1,27 м. ($28^1/_2$ верш.).

[5]) Не всегда понимая и киргизов, я для об'яснений с сойотами принужден был пользоваться исключительно лишь услугами состоявшего при мне переводчика киргиза, в виду чего я не ручаюсь, что мои записи сойотских названий мастей не заключают погрешностей: возможно, что переводчик давал мне эти названия в их киргизском произношении.

и черным ремнем, хвостом и гривой (калунь-сур), то голубую с подпалинами (ойла-сур), соврасо-мышастую (буртё), соврасую с черным ремнем и нависью (кула), полово-серую, сиво-железовую, буланую (кара-сарыг), вообще масти тусклые с большим процентом пегих (ала) [1]); что касается мастей: вороной, караковой, рыжей, красно и темно-гнедых и каурой [2]), то лошадей таких шерстей мне доводилось встречать очень редко, серых же в яблоках я и вовсе не видел [3]).

Наружный вид сойотской лошади следующий:

Рост, как общее правило, ниже 2 арш., в соответствии с чем находится и длина ее туловища. Голова меньше, чем у монгольской лошади и даже, чем у типичной татарской Минусинского округа, но все-же еще достаточно большая и тяжелая для корпуса; лоб и ганаши у нее широки; морда—тупая и хотя не горбоносая, как у диких ослов, а приплюснутая, но, благодаря сравнительно значительной высоте черепа от переднего коренного зуба вверх до верхней поверхности носовых костей, достаточно высокая; ноздри невелики, узки и как-бы прижаты к верхней губе, которая часто выступает над нижней, не отвисающей даже у лошадей преклон-

[1]) Пегая масть, как наиболее распространенная в Присаянском крае, отмечается и восточными писателями; так *Абуль-Гази* (*Desmaisons*—„Histoire des Mogols et des Tatares", II, стр. 44) пишет, что, согласно рассказам узбеков, в стране Алакчин, находившейся в бассейне р. Ангары, все лошади пегие.

[2]) В сойотских песнях темно-гнедая (кара-торуг) и каурая (кор) масти упоминаются, впрочем, в числе, повидимому, излюбленных лошадиных мастей.

[3]) В отношении окраски сойотская лошадь отличается от лошадей минусинских инородцев, среди которых много вороных, красногнедых, рыжих и караковых; но серые в яблоках и среди них, как кажется, встречаются очень редко. Следует, однако, заметить, что белая масть все же не только свойственна сойотской лошади, но и особо ценится у сойотов. Почтение выражается белым, говорится у них, и когда идет, например, сговор о размерах калыма, то обычно его определяют, конечно часто символически, количеством „белых" животных—лошадей, верблюдов, быков и овец; однако *Яковлеву*, op. cit., стр. 91, передавали, что калым за дочь одного ухериды действительно был выплачен 12 белыми жеребцами, 12 белыми верблюдами и т. д. все белого цвета.

© ЭЛЕКТРОННЫЙ ФОНД

ного возраста [1]); глаза продолговатые и небольшие, но взгляд их дикий, огневой и беспокойный, в соответствии с чем животное кажется возбужденным и при седловке и при езде [2]); уши средней величины, прямостоящие и, как признак особой нервности, в постоянном движении, в особенности же часто видишь их заложенными назад. Шея короткая, прямая и сравнительно толстая. Грива и челка подстригаются, так что действительной их длины видеть мне не пришлось; хвост средней густоты и длины и не имеет отдела. Холка—невысокая; спина прямая и постепенно переходящая в круп, который относительно не высок, крышеобразно спадает книзу и округлен к заду; грудь, как и плечи, широкая и глубокая; ребра крутые; моклоки выдаются лишь незначительно; ноги массивнее, чем-бы следовало, но постав их почти всегда нормальный, чаще других отклонений мне встречался их слишком узкий постав; бабки короткие с небольшим твердым копытом полуовальной формы; наиболее обыкновенным его недостатком является его крутизна; особей с слишком плоскими копытами среди сойотских лошадей я не встречал. В общем эти лошади представляются хорошо собранными, плотными, как часто говорится, коренастыми, и весьма подвижными. Об их выносливости рассказываются легенды, но можно думать, что средней из них по силе пробежка в сто верст без роздыха, в чем я имел случай убедиться в 1914 году, хотя у меня под верхом была минусинская лошадь, уступающая в силе и выносливости, по общему отзыву, урянхайской. Что касается резвости, то мне не приходилось видеть их на

[1]) Из Кобдо сойотам было предложено оказывать экспедиции разностороннее содействие и, между прочим, снабжать ее в случаях необходимости перевозочными средствами, т. е. главным образом лошадьми. В некоторых случаях я пользовался этой помощью, но конечно мне приводились под вьюк чаще всего лошади, которых не жаль было-бы потерять, если-бы русский нойон пожелал их себе присвоить подобно тому, как это в аналогичных случаях очень часто учиняют китайцы. Это были лошади большею частью доживавшие свой век, и вот среди такой-то коллекции инвалидов мне ни разу не пришлось встретить лошади с отпавшей нижней губой.

[2]) Возможно, что необычная обстановка, в которой чаще всего мне приходилось наблюдать эту лошадь, действовала на нее возбуждающим образом.

скаковых состязаниях, и я могу лишь заметить, что их побежка казалась мне всегда очень тяжелой; но несомненно, что и на Улу-кеме, как везде, среди заурядной массы встречаются и более безупречные экземпляры, так как знакомые с краем хвалили мне сойотскую лошадь и за ее скаковые качества. Иноходцы в Урянхайском крае не редкость, но с хорошей побежкой они и там встречаются далеко не часто; повидимому, сойоты не умеют, подобно киргизам, усиливать у них этого природного качества.

Жеребята до года бегают в поле или держатся при юрте. По истечении года их начинают приучать к верховой езде сойоты-подростки, а полгода спустя они поступают уже и в действительную работу, причем, однако, первое время к ним относятся особенно бережно. Трехлетних кобыл освобождают от службы, сводят в табуны и держат лишь ради приплода [1]). Для приучения жеребенка к седлу никаких осо-

[1]) *Ф. Я. Кон*, loc. cit., стр. 22. У *Яковлева*, op. cit., стр. 61, читаю следующие строки по моему адресу: „У г. Грум-Гржимайло упоминается следующие строки по моему адресу: „У г. Грум-Гржимайло упоминается о том, что сойоты, будто-бы, не ездят на жеребцах (см. „Опис. путешеств. в З. Китай“, т. II, Спб., 1898, стр. 265). *Считаю нужным поместить опровержение подобной небылицы* (курс. мой). Ездят на жеребцах так-же хорошо, как и на всякой другой лошади, но, конечно, как у всякого скотоводческого племени число жеребцов-производителей (у сойотов) очень невелико, так что на них приходится поневоле ездить менее, чем на меринах и кобылах“. В 1899 г. я лично Урянхайского края еще не посещал, что мог-бы узнать из прочитанного и г. *Яковлев*, и, стало-быть, означенное сведение должен был почерпнуть из какого-то источника, который действительно там и указан. Было-бы осторожнее, если-бы *Яковлев* познакомился с этими источниками, и тогда он встретил-бы у *Шварца* („Труды Сибирской экспедиции“, „Математический отдел“, стр. 109) указание, что сойоты ездят исключительно на кобылах. Эту „небылицу“ и пришлось-бы тогда приписать *Шварцу*, а не *Грум-Гржимайло*, который потому и пестрит свои сочинения многочисленными ссылками на источники и в их числе на труды г. *Яковлева*, что желает остаться чистым от упреков в сообщении „небылиц“. В частности же замечу, что эта ссылка на *Шварца* была сделана в виду следующего китайского известия о бо-ма, населявших в VII веке Алтай: имеют лошадей, но не ездят на них (*Klaproth*— „Mémoires relatifs à l'Asie“, I, стр. 130; *Иакинф*— „Собр. свед. о народ., обит. в Средн. Азии в древн. времена“, I, 2, стр. 442).

Засим, в свою очередь, считаю необходимым внести поправку в вышеприведенную выписку из сочинения *Яковлева*. Далеко не все скотоводче-

© ГПИБ СОРАН

бенных мер не принимают и лишь самым строптивым закидывают на голову повод с петлей, которой и сжимают ноздри: причиняемая этим боль заставляет животное покориться воле ездока.

В многолошадных хозяйствах, где нет нужды приучать лошадь к седлу с раннего возраста, к этому приступают позднее, причем поступают следующим образом [1]). Намеченную лошадь ловят ременным арканом (сыдым) по Кемчику и уруком [2]) по Енисею. Затем накидывают на нее оброть (недоуздок), треножат и отпускают таким образом спутанной до следующего дня. Лошадь бьется в начале, но затем постепенно успокаивается. Тогда ее седлают, либо употребляя такую же петлю, как при приучении жеребят, либо крепко держа ее за уши. При седлании, сильно подтягивают лишь заднюю подпругу, две же передние пускают слабее во избежание того, чтобы они не лопнули, если лошадь напружится. После этого освобождают ей от пут переднюю ногу, держащий ее за уши заслоняет левый глаз, и ездок садится, держа узду в левой руке. Когда все это проделано, у лошади быстро распутывают задние ноги и держащий ее за уши ее отпускает. Лошадь бешено кидается вперед, но обыкновенно ездок с ней быстро справляется.

Лошадь употребляют только под верх или под вьюк, но у Ойнарских сойотов в последнее время стали появляться

ские племена держат небольшое сравнительно количество жеребцов. Верховой конь у узбеков Бухары—жеребец; там даже вовсе не принято ездить на охолощенных лошадях, и моего прославившегося от Коканда до Асхабада своей удивительной побежкой коня (тропот, который был не только необыкновенно покоен, но и настолько скор, что меня на этом алюре могли обогнать только лошади, пущенные карьером), перешедшего впоследствии в собственность сначала самаркандского уездного начальника полк. Арендаренко, а засим, пять лет спустя, ген. Мазинга, только потому не пожелал приобрести себе под верх эмир бухарский Музаффар-хан, что он был кастратом. Китайцы пишут (*Иакинф*, ibid.), что лучшими у древних киргизов лошадьми считались сильнее дерущиеся, что следует толковать так, что холощение лошадей было не в обычае у этого народа.

[1]) Дальнейшее заимствовано почти целиком у *Ф. Я. Кона*.

[2]) См. выше стр. 53.

и тележки русского образца, причем упряжь иногда заимствуется у русских; большинство, однако, вводит у себя монгольскую упряжку, которая кажется им сподручнее. Сани тащат на постромках, закинутых на переднюю луку седла едущего впереди верхового. У очень немногих русские сани; тогда употребляется и русская упряжь. В бедных хозяйствах под верх употребляют и кобыл, но под извоз они не ходят.

Холощение жеребцов производится по Кемчику над годовалыми, по Улу-кему над двухлетними. Такое ранее холощение об'ясняется желанием иметь коня меньше ростом и большей стройности [1]). Операция производится в марте месяце [2]), но до 10% оперируемых при этом обыкновенно гибнет, как думает Ф. Кон, по неопытности сойотов, но, как я думаю, вследствие недостаточной упитанности после голодной зимы оперируемых животных. При операции мошонка ущемляется деревянными тисками (сапельга), ядра удаляются ножом, рана же прижигается каленым железом (илир) [3]), после чего инструменты, служившие для операции, не употребляются на иное дело до заживления раны.

Вследствие допущения ранней случки кобылы жеребятся уже по третьему году. Доят их до 15-тилетнего возраста, после чего хотя-бы они и продолжали давать приплод, молоко их считается непригодным в пищу.

Среди болезней, которые наичаще поражают сойотских

[1]) Так пишет *Ф. Я. Кон.* Ранняя кастрация дает, однако, прямо, обратные результаты; у кастрированных животных эпифизы длинных костей остаются долее хрящевыми и поэтому их рост продолжительнее; с другой же стороны достаточно известно, что кастраты легче нагуливают тело и жиреют, т. е. при одинаковых условиях становятся более тяжелыми, утрачивая одновременно и значительную долю прирожденного огня, обычно столь ценимого кочевниками в верховой лошади.

[2]) Весенние месяцы считаются и в Европе наиболее благоприятными для кастрации животных, но при условии нормального их питания; в противном случае избирается осень.

[3]) Таким образом приемы этой операции у сойотов почти те же, что и в России; даже их тиски имеют аналога в лещедках—деревянных клещах, которыми ущемляются семянные канатики в видах предотвращения обильного кровотечения; прижигание, хотя и редко, но также применяется в России.

© ЭЛЕКТРОННЫЙ АРХИВ

лошадей, следует назвать: сибирскую язву (мал ижик) [1]), сап (пахай арык) [2]), мыт (укпак), ящур (мал аксак) [3]), ноготь [4]), запал, закупорку (?) мочеточников [5]), чесотку [6]) и чебан—болезнь, которая проявляется вздутием живота, сопровождаю-

---

[1]) *Ф. Я. Кон*, loc. cit. Эпизоотия сибирской язвы вообще не частая гостья в Западной Монголии; лошадей же, как впрочем и в Европе, она поражает лишь в очень редких случаях.

[2]) *Л. Чермак* („Оседлые киргизы—земледельцы на р. Чу и заметки о пути через Голодную степь" в „Зап. З.-Сиб. отд. И. Русск. Геогр. Общ.", 1900, XXVII, стр. 4) пишет, что семипалатинские киргизы излечивают лошадей, больных сапом, смолой „шаира"—крупного зонтичного растения из рода Ferula. Уроженцы Хами, различающие два вида сапа—„мунка" и „май мунка", считают последнюю форму болезни, выражающуюся, помимо припухлости желез под нижней челюстью и истечения из носа, еще и сильной опухолью носовых хрящей сверху, вполне излечимой, но мне не удалось узнать принятого у них способа ее лечения. Урянхайцы сап считают болезнью неизлечимой.

[3]) Ящур переходит чаще на лошадей, чем сибирская язва. *Ф. Я. Кон* пишет, что сойотские способы лечения как этой болезни, так и других, им записаны и будут опубликованы позднее; соответственных расспросов мною в Урянхайском крае не производилось, но, вероятно, эти способы не слишком разнятся от обшепринятых в Средней Азии и у сибирских казаков, которые лечат ящур прижиганием пораженных частей языка и слизистой оболочки в полости рта смесью медного купороса и пороховой мякоти; я заменял эту смесь ляписом всегда с отличным результатом.

[4]) Болезнь эта обозначается холодом в ноздрях. Киргизы и сибирские казаки лечат ее вдуванием в ноздри лошади смеси из соли и мелко нарезанного конского волоса. Одновременного омертвения век при этой болезни мне не доводилось наблюдать.

[5]) Я не знаю, как ближе определить эту болезнь, которая, однако, довольно распространена в Средней Азии. Ее симптомы: лошадь перестает мочиться и катается по земле. Сарты Туркестана, киргизы, и, кажется, многие другие народности Азии лечат ее большими приемами пороховой мякоти внутрь и введением в уд измельченного нашатыря, а также настоем можжевеловых ягод с небольшим количеством селитры.

[6]) Эту, обыкновенно очень упорную, болезнь киргизы лечат, обмывая лошадь настоем табака, а затем давая тот же настой (но не свыше двух чашек в сутки) внутрь. Предварительно однако требуется вызвать у лошади испарину, для чего ее усиленно гоняют, укрыв войлоком. Мы успешно и быстро справлялись с этой болезнью промывкой пораженных мест сперва теплой водой с распущенным в ней зеленым мылом, а затем спиртом или крепкой китайской водкой и последующей смазкой их керосином.

щимся, повидимому, сильнейшими коликами, и нередко имеет смертельный исход [1]).

В долине реки Улу-кема и местами в бассейне Кемчика более состоятельные сойоты держат и верблюдов, но общее их количество в крае ничтожно, в хозяйстве сойота они не играют почти никакой роли, по типу же (экстерьеру) не отличаются от монгольских; в виду этого я не стану на них здесь останавливаться и перейду к обзору следующей по значению статье сойотского хозяйства—к земледелию.

Долина верхнего Енисея между Барлыком и устьем Ха-кема, может-быть даже и выше [2]), с незапамятных времен служила очагом земледельческой культуры, о значении и высоком уровне которой свидетельствуют многочисленные, сохра-

---

[1]) По моим наблюдениям, эта болезнь вызывается кормом, травой, покрытой инеем, или недостаточно просушенным ячменем, вскоре после дачи которого лошадь допускалась к воде. Казаки пробовали лечить ее путем вызова обильной испарины, но далеко не всегда с благоприятным результатом: в 1890 г. эта болезнь выхватила у меня из конского состава пять животных, т. е. 10%.

Ф. Я. Кон, loc. cit., называет еще следующие болезни, чаще других поражающие сойотских лошадей: „веснянку" (сарынго)—весеннюю лихорадку, усыхание лопатки и „сжатие санок" (т. е. нижних челюстей?). Я совершенно не знаком с этими болезнями, последнюю даже не уясняю себе; с другой же стороны мне приходилось иметь дело кроме перечисленных с следующими болезнями: опухолью под горлом (мышки), которую казаки изводили простым ее проколом, мокрецом, который хорошо поддавался лечению прижиганием ляписом и последующим смазыванием цинковой мазью, и отравой травами, которая выражалась как у лошади, так и у овец, общим упадком сил, потерей аппетита, позывами к рвоте и холодом в ноздрях; эту болезнь мы излечивали по совету дунган несколькими приемами слабого раствора уксуса (1/2 стакана на прием) и льняным маслом, а за его неимением в пределах Китая—кунжутным. В заключение еще замечу, что сойотские лошади, как впрочем и лошади всех остальных пород Алтая, совершенно незнакомы с болезнью копыт, известной под названием подседа и часто поражающей кавалерийских лошадей в Европе.

[2]) У кап. *Михеева* („Отчет о поездке в северо-западную Монголию и Урянхайскую землю", 1910, стр. 136) читаем: „у устьев Мергени и Хобто хорошо еще сохранились следы старых оросительных канав и колесной дороги, устройство которых урянхайцы приписывают русским (?), но времени не помнят".

© ПНБ СОРАН

нившиеся до нашего времени, остатки грандиозных по замыслу и выполнению гидротехнических сооружений [1]). Китайцы пишут, что населявшие эту страну в VII веке древние киргизы возделывали пшеницу, просо, гималайский и обыкновенный ячмень, для размола же зерна употребляли ручные жернова [2]). В долине Улу-кема найдены были, однако, жернова очень крупных размеров, свидетельствующие о том, что с означенной целью там пользовались и лошадиной силой.

Современные приемы подготовки пашни под посев в Урянхайском крае весьма примитивны.

К посеву приступают в конце мая или даже в начале июня [3]), в виду чего и полевая работа начинается там лишь поздней весной.

Перед вспашкой земли не удобряют. Единственным ее удобрителем служит вода горных потоков, но она не возвращает земле столь необходимых хлебам азотистых соединений [4]), обычай же не косить, а выдергивать хлеб [5]), лишает почву и того источника получения этих соединений, который до некоторой степени мог-бы восполнить их убыль; далее, малое количество выпадающих в центральных частях Енисейской долины осадков и редкость гроз лишает землю и азота воздуха [6]); не существует, наконец, в крае и зеленого удобрения (сидерации), столь распространенного в Русском Туркестане, где обширные площади ежегодно отводятся под люцерну (Medicago sativa, L.). При таких условиях понятно, что сойотам приходится часто на несколько лет запускать свои пашни для восстановления естественным путем нарушенного в их почве минимума питательных элементов—факт очень редкий в земледельческих странах с искусственным орошением полей, но указывающий на то, что сойоты перешли к культуре земли лишь в сравнительно недавнее время и не являются непосредственными преемниками того народа, который оставил после себя на верхнем Енисее гидротехнические сооружения, о которых говорилось выше.

При ограниченности в Урянхайском крае искусственно орошенной территории эта переложная система хозяйства создает впечатление малой его емкости для земледельческой культуры [1]), но это впечатление обманчиво, так как при обилии проточных вод ирригация новых площадей земли лишь вопрос времени и капитала, введение же искусственного удобрения [2]) и в севооборот—мотыльковых [3]) или хотя-бы гречихи и горчицы сделало-бы ненужным продолжительный отдых земель под паром.

Наиболее распространенной почвой в широкой долине Улу-кема и по Кемчику является глинисто-песчаный илистый мелкозем с значительной местами примесью гальки и гравия, который в подгорьях сменяется черноземовидной почвой, залегающей на суглинках и супесях, подстилаемых в свою очередь в горах Танну-ола преимущественно корен-

---

[1]) См. т. II, главу VI.

[2]) *Иакинф*—„Собр. свед. о народ., обитавш. в Средней Азии в древн. времена", 1, 2, стр. 444.

[3]) *Ф. Я. Кон*, op. cit., стр. 24.

[4]) Точнее, дает в недостаточном количестве. Воды, стекающие с гор Танну-ола и Саянских, собираются преимущественно на снеговых полях и из ключей, образуемых таянием тех же снегов. Известно, однако, что 1) снег содержит менее аммиака и азотной кислоты, чем вода летних дождей, и 2) чем выше в горах выпадают атмосферные осадки и чем далее от человеческого жилья область их выпадения (это особенно замечается в воде летних дождей), тем беднее они аммиаком, и как следствие—вода, образующаяся от таяния снегов на высоких горах или вовсе не содержит азота (аммиака) или только следы его или, наконец, едва уловимые его количества (0,1—0,13 гр. на 1 куб. метр снега).

[5]) О сем будет говориться ниже.

[6]) Дознано, что при электрических разрядах в атмосфере содержание азотной кислоты в водных осадках значительно возрастает.

[1]) Эта мысль была высказана мне в 1914 году, когда я в последний раз посетил Урянхайский край, между прочим, даже местными русскими деятелями, считавшимися весьма авторитетными в вопросах колонизации.

[2]) Главным образом нитратами, так как в фосфорной кислоте, извести и калийных солях почва Улу-кемской котловины еще долго не будет нуждаться.

[3]) Благодаря клубеньковым бактериям, поселяющимся на их корнях, мотыльковые способны усваивать азот воздуха, а засим, после запахивания их комлей и последующего процесса гниения отдавать азот почве в легко усвояемых растениями соединениях.

© ЦНГБ СОАН

ными кварцево-песчаниковыми, в Саянах—кроме кварцево-песчаниковых известково-слюдисто-сланцеватыми почвами.

Среди этих почв, но преимущественно на плоскогорьях, пятнами и островами встречаются изредка солонцы, обозначающиеся издали скипевшейся тонкой глинистой коркой и выцветами соли; но солонцеватые почвы здесь далеко не типичны и легко выщелачиваются проточной водой, превращаясь в поля большой урожайности.

Пашут сойоты после напуска воды на поле, чтобы размягчить землю, которая легче поддается тогда их первобытной сохе (андазынь), представляющей деревянный естественно согнутый углом, близким к прямому, обрубок, на одном из концов которого, предварительно заостренном, насажен железный долотообразный сошник, шириной в два, длиной в три-четыре вершка, к другому же приделан брусок, служащий рукоятью для управления сохой. В эту последнюю обычно впрягается бык, который тянет ее за веревочные постромки, прикрепляемые к играющему роль оглобли второму из брусьев, вделанному в верхнее колено сохи пониже рукоятки. Ходом быка управляет верховой, за переднюю луку седла которого и перекинуты связанные своими концами постромки. Присоха для отвала земли у сойотской сохи не имеется, так как ею лишь бороздят землю, притом на глубину, едва превышающую три вершка [1]).

Пашут только однажды, после чего немедленно начинается сев. Борозды заборанивают или возя по полю связки ивовых ветвей или укатывая землю чуркой, к которой с двух концов прикреплены постромки.

Во второй раз земля орошается после всхода зерна, а затем уже „поят хлеб“ — „тара сугарар“, по образному выражению сойотов, по мере надобности [2]). Перед его цветением выпалываются сорные травы, после чего поле не вызывает уже никаких дальнейших забот у сойота, если не считать еще одного полива и случаев нападения на него

[1]) Подробное описание урянхайской сохи можно найти у *Арунова*— „Очерки сельского хозяйства Минусинского края и об'яснительный каталог сельскохозяйственного отдела Минусинского музея“, Казань, 1892, стр. 26.

[2]) *Ф. Я. Кон*, op. cit., стр. 25.

кобылки (шерьга) [1]), с которой борятся путем сжигания на межах аркарьих рогов: кобылка, будто-бы, гибнет от стелящегося по земле едкого дыма. Когда хлеб начнет колоситься, пишет Адрианов [2]), пашни обставляются пугалами (хойгу), и, сверх того, к ним приставляется строгий караул от множества журавлей, гусей и дрохв, которые табунами расхаживают по полям и способны в один день уничтожить весь посев любого земледельца. То же подтверждает и Кон [3]) замечая при этом, что самым опасным грабителем считается у сойотов журавль (турыя). Лично я такой картины в Урянхайском крае не видел и даже более того—дрохв (Otis tarda, L.) там не встретил; не указан этот вид водящимся в верховьях Енисея и в книге Сушкина [4]). Тем не менее, я не счел себя в праве обойти молчанием столь определенное указание двух лучших исследователей сойотской земли.

Жнитво начинается в половине августа. Хлеб или выдергивают с корнями или жнут, срезая его обыкновенными или серповидно изогнутыми ножами (хадыр) [5]), после чего вяжут лозовыми прутьями в снопы (моджя) и на дровнях [6]) свозят в то место поля, которое заранее подготовлено под ток (шан).

[1]) Я не знаю, какое насекомое из отряда прямокрылых группы Saltatoria имеет в виду *Ф. Я. Кон*. В Сибири кобылкой называют Gomphocerus sibiricus, L., которая держится в сухих степях и часто нападает на пашни, уничтожая их при этом до корня; но в той же Сибири это название прилагается и к другому врагу земледельца, прусику или итальянской саранче (Caloptenus italicus, L.) (на Иртыше), а также к другим прямокрылым.

[2]) „Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 году“ в „Зап. И. Русск. Геогр. Общ. по общ. геогр.“, 1888, XI, стр. 343.

[3]) Loc. cit.

[4]) *Suschkin*—„Die Vogelfauna des Minussinsk Gebietes, des westlichen Teils des Sajan Gebirges und des Urjanchen-Landes“, 1913 (отд. оттиск из „Bull. de la Soc. I. des Natur. de Moscou“, 1912), стр. 249.

В долине Улу-кема гнездится другой вид дрохвы—Otis dybowskii, Tacz., но эта последняя хотя и довольно близка к Otis tarda по оперению, меньше ее ростом. Об ее многочисленности в Урянхайском крае ничего не говорится у *П. Сушкина* (см. стр. 286—287 и 348—349).

[5]) *Ф. Я. Кон*, loc. cit.

[6]) Сойотские дровни очень неуклюжи, на высоких копыльях, коротки и тяжелы.

ОТИГБ СОРАН

Молотят его обычным в Средней Азии способом, гоняя лошадей и скот по разложенным на току снопам. По окончании этого процесса, зерно сгребают лопатами в кучи и провеивают путем подрасывания его кверху. Засим его ссыпают в вырытые в сухом грунте грушевидной формы ямы—амбары, глубиной до аршина, где оно до времени и хранится, будучи тщательно укрыто сначала войлоком, а затем сухой землей, которой заделывается отверстие ямы. Солома сойотами не утилизируется.

Несмотря на столь примитивные приемы обработки земли и сбора зерна, плодородие урянхайских почв еще так велико, что урожайность их определяется в сам 10, сам 20. Неурожаи в Урянхайском крае очень редки и вызываются ненормальными климатическими явлениями, преимущественно августовскими утренниками, которые чаще поражают долину Кемчика, чем местности по Улу-кему [1]).

Ремесленничество развито у сойотов в бо́льшей степени, чем у других кочевников Средней Азии, причем кузнечество пользуется даже таким уважением, что, по словам Ф. Я. Кона [2]), когда кузнец за работой, и в его юрту входит чиновник, то он в праве не отрываться от своего дела для его приветствия, так как „его работа старше“, т. е. важнее работы чиновника.

По Кемчику кузнечные работы отличаются особой художественностью и нередко поражают тонкостью исполнения. Ф. Я. Кону приходилось видеть, например, удила с выкованными конскими головками и котелки, украшенные бараньими головами и другим орнаментом, местной работы, которые даже среди других сойотских изделий выделялись особой красотой своего выполнения. Впрочем, кузнец в Урянхайском крае, подобно средневековым кузнецам в Европе и кузнецам в остальной Монголии, об'единяет в своем лице и слесаря и серебряных дел мастера, в виду чего даже такие сложные изделия, как замки (шочча), выходят из его рук часто довольно тонко исполненными.

[1]) См. т. I, стр. 414.

[2]) Loc. cit.

Литейное дело сохранилось только по Кемчику, но здесь оно еще далеко от упадка. Местные медные и бронзовые шахматы, пишет Кон, могли-бы, например, смело выдержать сравнение с подобными же изделиями европейских мастеров, причем нельзя не отметить, что, благодаря особым приемам отливки, здесь вовсе не встречается шаблонных предметов; именно: здесь для каждой отливки режется особая модель из дерева, которая засим, по обмазке ее тестом из вязкой глины и китайской бумаги, подвергается обжогу, который длится до тех пор, пока все дерево модели не выгорит, оставив в глине отвечающую ей пустоту, которая и служит формой для отливки. В нее льется металл, после чего форма разбивается, и отливка, вполне отвечающая модели, получает окончательную отделку при помощи уже тех инструментов, которыми располагает литейщик. Исключение из этого общего правила отливки составляют лишь формы отливок украшений на женский убор баш-танга [1]), которые режутся в камне [2]). При этом Кон удостоверяет: 1) что украшения эти не может лить болевший и обезображенный оспой, и 2) что присутствовать при их отливке может только заказчик, ибо в противном случае, по поверью сойотов, они не могут выйти удачно.

Сойотский кузнец кроме универсального ножа (бичек) пользуется следующими инструментами: мехами (хурюк) или в виде двух штанин, по форме одинаковых с якутскими [3]), или в виде ящика (харджак хурюк) с поршнями, так приспособленными, что мех действует и при вытягивании и при сжимании его; наковальней (тюжю) до пуда весом и другой, меньшего веса; молотом около двух фунтов веса (баска, алага) и несколькими молотками меньших размеров, из которых один с нарезками для насечек на железе; заклепником (ютух

[1]) См. выше, стр. 32.

[2]) *Кон*, ibid., не называет камня, из которого выбиваются матрицы для этих украшений, но единственная каменная порода, с которой, повидимому, имеют дело сойотские скульпторы, это—агалматолит.

[3]) Рисунок сходных по форме мехов см. в книге *Серошевского* „Якуты“, т. I, 1893, стр. 382. *Яковлев*, op. cit., стр. 89; *Кон*, op. cit., стр. 26. Дальнейшее преимущественно заимствовано у него же.

темир); бродком (темир утэш): тисками, как деревянными (сапсылга), так и железными (кызытки), в том числе и завертываемыми винтом (кукой) (эрылгелых кыскаш); несколькими клещами (кыскаш); долотом (шучча); зубилом (кэски), и несколькими подпилками (игэ)—с мелкой насечкой, трехгранными, и рашпилями—полукруглыми (калбак игэ) и плоскими, иными словами тем же набором инструментов, какой имеет и европейский мастер [1]).

Своего железа у сойотов нет. Процветавшее еще в VI веке в Алтайско-Саянском нагорье рудное дело, о котором пишут китайцы [2]), и на которое указывают и многочисленные древние рудники, в настоящее время забыто, и весь металл, обращающийся в стране, приобретается преимущественно у русских купцов.

Скульпторов-художников, занятых всецело лишь пластикой, по словам местных русских деятелей, среди сойотов не существует: их можно встретить или среди кузнецов, или среди столяров, которые одновременно являются и резчиками по камню и дереву. Те изделия из китайского жировика (агалматолита), которые мне удалось видеть и частью приобрести, резались ламой, столяром по специальности. Столяры же являются чаще всего и резчиками по дереву, причем орнамент составляется сперва на бумаге, с которой уже и передается на дерево путем частых уколов иглой. Кон [3]) замечает, что сойотский орнамент—заимствованный частью у китайцев, частью у монголов. Думаю, однако, что у народа с таким художественным чутьем, как сойоты, даже первоначально заимствованный стиль орнамента должен был-бы переработаться и обрести черты, обусловленные национальным вкусом; засим, невероятно, чтобы в сойотской орнаментике не было-бы и своих элементов, и это доказывают такие мотивы в орнаментальной композиции, как указанные Коном конские и бараньи головы, даже не стилизованные, а трактованные натуралистически, чего в новейшем китайском [1]) и монгольском орнаменте мы не знаем. Во всяком случае я считал-бы более осторожным считать приговор, произнесенный Коном над сойотским орнаментом, преждевременным.

[1]) Этот список можно дополнить приборами: гвоздильней (тэш, ут тэш, тэмир тэш, иттуг тэш), представляющей железную дощечку с семью дырами диаметра гвоздей к принятому у сойотов легкому типу подков, и ложкой для плавки олова и свинца (калгак).

[2]) *Никинф*, op. cit., I, стр. 266. См. также *Э. И. Эйхвальд*—„О чудских копях" в „Трудах вост. отд. И. Археолог. Общ.", 1857, III, вып. I.

[3]) Op. cit., стр. 28.

У сойотов существует живопись, но образчиков этой последней мне не довелось видеть, хотя Яковлев [2]) пишет как о картинах, исполненных акварелью и изображающих различные символические сцены, пеших и конных богатырей и проч., так и о цветной орнаментировке верхних досок этажерок-столов (ширэ) [3]).

Столярное ремесло, по словам Кона, сосредоточено в Урянхайском крае в руках лам. Изделия их грубы. Но это понятно, так как кроме плохо просушенного кедра они не имеют подходящих древесных пород, т. е. таких, которые при умеренной твердости отличались-бы тонкими и равномерными волокнами, а засим, они работают без верстаков и многих других, необходимых в столярном деле, приспособлений, располагая очень небольшим выбором инструментов, число коих ограничивается следующими: пилами (хирэ), топорами (сугэ, балты), теслом (кырджек), сверлами (урюм, юрм), в том числе сверлами с лучковой дрелью, различными короткими [4]) стругами (харал, харыл), а именно: для грубой работы с узким

[1]) В Чжоускую эпоху китайской животный орнамент не был еще стилизован. См. хотя-бы *Münsterberg*— „Chinesische Kunstgeschichte", I, стр. 29.

[2]) Op. cit., стр. 76, 113, 115.

[3]) Краски, которыми пользуются сойоты, приобретаются ими у китайцев. Из местных минеральных красок в употреблении лишь красная глина, лучший сорт которой (шивит) добывается в горах Танну-ола. Эта же глина находит, по словам *Кона*, op. cit., стр. 28, применение и в ветеринарии, служа лекарством для скота.

[4]) Фуганков для верного уровня сойотские столяры не имеют; равным образом не имеют они и рубанков с двойным железком для окончательного сглаживания поверхности доски; а так как одновременно они не знакомы и с употреблением „шкурок", то мне неизвестно, каким путем они все же добиваются совершенно гладкой поверхности своих деревянных изделий.

© ГПНТБ СО РАН

железком, т. е. шерхебелем, с прямым лезвием—рубанком, для выемки пазов—шпунтовкой (шпунтгубелем) и, наконец, карнизным рубанком—отобраником, и ножами, заменяющими и стамеску и скребок; впрочем у тех из сойотских мастеров, которые специализировались на выделке всякого рода посуды, имеются и особого рода скребки, носящие название унгу.

Излюбленным материалом для деревянных поделок служит у сойотских столяров лиственица (тыт), которая идет даже на изготовление самострелов, стрел и других снарядов охотничьего и рыбного промыслов. Для более ценных, требующих лучшей древесины, изделий, каковы сундуки и покрываемые нередко резным орнаментом столы-этажерки, а также для всякого рода резных вещиц [1]) употребляется кедр (бюшь). На деревянную посуду, не исключая и чашек, берут обыкновенно тополь (тэрэк), лучше других древесных пород поддающийся долблению [2]). Что касается березы (хадын), то к ней прибегают редко; она идет, однако, на изготовление предметов, требующих особо прочного и упругого материала, например, из нее обыкновенно делают верхний круг юрты, представляющий дымовое отверстие (тунныk); что же касается прочих деревянных частей юрты, то они изготовляются обыкновенно из вербы (тала).

Клей, которым пользуются сойоты, приобретается ими у китайских купцов [3]).

[1]) Сойоты режут из дерева кроме моделей для литья, о чем говорилось выше, целый ряд предметов религиозного содержания, шахматы (кульшедра), различные статуэтки, жертвуемые в кумирни, детские игрушки и проч. Игрушечное производство, пишет *Яковлев*, op. cit., стр. 92, в виде резьбы по дереву достигает у сойотов высокой степени совершенства; фигуры борющихся, различных домашних животных и проч., вырезанные из дерева, полны иногда реализма и полного соблюдения пропорциональности в частях тела; то же следует сказать и о статуэтках из китайского жировика.

[2]) Долбятся, однако, нередко чашки (аяк; см. напр.. *Яковлев*, op. cit., стр. 82) и из корня березы.

[3]) *Кон*, op. cit., стр. 28. Ср., однако, *Яковлев*, op. cit., стр. 91, который утверждает, что сойоты вываривают свой клей из рыбьей кожи (налима, тайменя, ленка) и загнивших рогов изюбря.

Шорное ремесло, утверждает Кон [1]), более развито по Кемчику, чем в остальном крае; особенно же хороши местные чепраки с выдавленным, часто очень сложным рисунком, для чего смоченная кожа натягивается на доску с рельефным орнаментом и в соответственных местах вдавливается слегка подогретым утюгом (илир). Теснение на плоских кожаных флягах (кугэр), в которых возят с собой молоко и водку [2]), требует более сложных действий; они сводятся к следующему: хорошо сшитый из соответственной кожи кугэр туго набивают сырым конским навозом, придавая одновременно сосуду желанную плоскую форму, и плотно его закупоривают, после чего орнамент по предварительно наведенному рисунку тщательно выдавливают утюгом—работа, требующая и навыка и сноровки; затем, откупорив кугэр, его подвешивают на несколько дней коптиться в горячем дыму. По мере высыхания, навоз осторожно удаляется, но операция считается оконченной только тогда, когда сосуд окажется окончательно высушенным, причем наблюдают, чтобы кожа не утратила свойственной ей упругости, т. е. не пересохла.

Что касается засим остальных изделий шорного мастерства сойотов—ремней, сбруи и проч., то работа этих предметов не требует особого описания.

Шитье обуви в Урянхайском крае лежит всецело на обязанности женщин. Она шьется без колодок, почему редко случается, чтобы сапоги вышли здесь одного размера из рук мастерицы—недостаток, к которому сойоты относятся с полным спокойствием как к неизбежному злу; к тому же он и не особенно ощутителен, так как местный сапог, шьющийся на глаз, не по мерке, в сущности представляет из себя лишь кожаный чулок с подшитой подошвой, который принимает форму ноги только при носке.

Большую роль в жизни сойота играет войлок. Войлоком прикрывается его юрта, войлок служит ему постелью, идет иногда и на головной убор и на части одежды, наконец, он необходим под седло, под вьюк, и он же служит важной

[1]) Ibid.

[2]) См. выше стр. 41

статьей обмена на иностранные продукты, без которых, несмотря на всю свою нетребовательность, сойот все же обойтись не может. Местами в Средней Азии валяльное дело достигло большого совершенства, и хотанцы, например, благодаря умелому подбору материала, хорошей его сортировке, правильной раскладке и равномерному уваливанию, получают иногда тончайший войлок, отличающийся чистотой белой окраски, мягкостью и большой прочностью; персидские войлочные ковры пользуются большой известностью, славятся и киргизские и туркменские валяльные изделия; но о сойотских однородных произведениях ничего подобного сказать нельзя: они грубы, рыхлы и столь же мало прочны, как и такого же рода монгольские изделия; а так как и приемы уваливания шерсти у сойотов те же, что у монголов, то я не стану останавливаться здесь на этом производстве и перехожу к обзору других сторон их кочевого быта.

Паллас [1], говоря о сойотах, замечает, что „хлебопашества у них нет, скота мало, а потому они живут кореньями". Он писал это о сойотах, живших в его время по северную сторону Саянской магистрали, ко всем же сойотам эти слова и тогда относиться не могли, так как земледелие в долине Кемчика и по Улу-кему, как мы уже знаем, имеет большую давность, и должно было перейти к сойотам по наследству от прежних жителей этих долин—древних хагясов (киргиз). Тем не менее в одном он не ошибся, а именно, что сойоты, притом кочевавшие как в русских пределах, так и зарубежные, потребляли в количествах, далеко превышавших для кочевников обычную норму, продукты растительного царства, свойственные их стране; это потребление сойотами в пищу сверх производимого ими хлеба дикорастущих в крае растений имеет место и в настоящее время, хотя, может быть, относительно и в меньших, чем прежде, количествах [2].

---

[1]) „Путешествие по разным провинциям Российского государства", т. I, ч. III, стр. 529. Цитир. у *Яковлева*, op. cit., стр. 43.

[2]) *Кон*, op. cit., стр. 11, впрочем, говорит, что употребление в пищу диких растений уже отошло у сойотов в область преданий, и их можно встретить только у самых бедных. Но дело в том, что, как мы ниже увидим, „бедных", даже „самых бедных", среди сойотов большинство, причем, если страна вскоре не выйдет из нынешнего своего состояния, экономическое ее положение может только ухудшиться; а потому более прав *Е. К. Яковлев*, op. cit., стр. 42, который пишет, что в пищевом довольствии сойота дикие растения занимают весьма существенное место, некогда же они играли еще более видную роль, так как летние месяцы по ним получили даже свое название—„бесс-ай", май, время сбора кандыка (бесс, пыс—корневые части кандыка в высушенном виде), „ак-сип-ай"—июнь, время сбора сараны (*Паллас*, op. cit., I, ч. III, стр. 489—490).

Как суррогат привозного чая они употребляют листья бадана (Saxifraga crassifolia, L.), растущего по скалам и осыпям в альпийской области Саянских гор, но местами спускающегося и ниже, в лесную их зону [1]), и еще чаще—джирчлик-чай, болотник, Егорово копье, Geranium sylvaticum; засим, в тот же чай они нередко подмешивают и толченую заболонь лиственицы (чюбрэ).

Из других растительных продуктов наибольшее значение в сойотском хозяйстве имеют кедровые орехи (кузук), „сарана" (луковицы Lilium martagon), „кандык" (корневые части Erythronium dens canis, которые после достаточной просушки, подобно саране, употребляются в пищу, будучи сварены в молоке), добываемые из норок полевок корни Polygonum viviparum (муриак, мынгиряк) [2]) и Polygonum aviculare (кичигин) и черемша [3]).

Засим сойотами употребляются также в пищу: „шеннэ" (корни Paeonia anomala), „мургу" (стебли Heracleum sibiricum), „хочжин" (корни Sanguisorbe officinalis), „сонгона" (стебель и

---

[1]) Это так называемый чагирский или монгольский чай, который в употреблении и в Забайкальской области.

[2]) У *Яковлева*, op. cit., стр. 42, читаем: „У сойотов женщины отбывают прямо-таки страду, с озуб'ом в руках выкапывая сарану, кандык, черемшу, ища мышиные норы (т. е. норы полевок, см. подробнее т. I, стр. 504—505) и расхищая их магазины с теми же кореньями", главным же образом с корнями Polygonum.

[3]) Мне говорили, что обычной приправой пищи у сойотов служит черемша—Allium victoriale, но этот сорт дикого лука не назван *Яковлевым*, op. cit., стр. 77—78, в числе растительных продуктов коллекции Минусинского края, употребляемых в пищу сойотами, в виду чего возможно, что так называют русские на Улу-кеме или Allium odorum или Allium fistulosum.

© ГПБ СОРАН

луковица Allium fistulosum), „кульджа“ (Allium odorum), „чюльду“ (березовый сок), „чиджергана“—ягоды облепихи (Hippophaës rhamnoides), которые квасятся, после чего из выжатого и разбавленного водой сока их получается путем перегонки слабое, но приятное на вкус вино, удерживающее аромат облепихи, „сохтан чодра“ (мука из ягод черемухи) и, наконец, ягоды смородины, черной (кара гат) и красной (кизыл гат), брусники (тиин кады), голубики, костяники, земляники, калины и др., которые едят преимущественно в сыром виде, очень редко заготовляя их в прок.

Если к списку этих растительных продуктов присоединить чай, который сойоты, подобно монголам, заправляют солью и молоком и который никогда не сходит у них с очага, а затем просо [1]), ячмень [2]) и пшеницу [3]), то можно с уверенностью сказать, что растительное питание у сойотов имеет не меньшее значение, чем в чисто земледельческих странах.

Хотя даже и состоятельные сойоты не брезгают падалью, среди же животных считают нечистыми только собаку, волка, лисицу, росомаху, колонка, хорька, бурундука, кошку и мышь [4]), среди птиц—журавля, хищников, галку и других врановых (Corvidae) [5]) и наконец, среди рыб только налима,

[1]) Ошастаное просо (пшено, чиик-тара) употреляется в пищу преимущественно в поджаренном виде (харган-тара), подмешивая к чаю, но варят из него также и похлебку.

[2]) Ячмень (таз арпай, арпэй) употребляется, главным образом, в смолотом и поджаренном виде (талган), как густая подболтка (тюря) к чаю.

[3]) Пшеница (ахтар, кырыхтай) употребляется в пищу так же, как и ячмень; в виде тюри она носит и одинаковое название — талган. За последнее время сойоты стали готовить из пшеничной муки и пресные лепешки.

[4]) *Кон,* op. cit., стр. 12. Этот список, за исключением росомахи, которая не названа, почти тот же, какой приведен и у *Яковлева*, op. cit., стр. 45, для минусинских татар. Между тем у *Катанова* („Опыт исследования урянхайского языка“, 1903, стр. 938 и 961) мы находим заметку, что, по словам опрошенного им сойота, нет для его сородичей зверя, которого они считали-бы негодным в пищу, за исключением росомахи.

[5]) *Кон,* ibid., пишет: „Турпан употребляется сойотами в пищу, так что сообщение *Е. К. Яковлева* о его неупотреблении неверно“; но, во-первых, *Яковлев* ссылается на *Катанова* („Отчет о поездке 1896 года в Минусинский округ“, 1897, стр. 76) и *А. Кузнецову* („Минусинские и ачинские инородцы“, 1897, стр. 192), а, во-вторых, говорит о минусинских татарах, а не сойотах. К тому же турпан (Oedemia fusca) по моим сведениям даже вовсе не залетает в Урянхайский край (ср. *P. Suschkin*—„Die Vogelfauna des Minussinsk Gebietes, des westlichen Teils des Sajan Gebirges und des Urjanchen-Landes“, 1913, стр. 243), в Минусинском же округе гнездится близкий ему вид Oedemia stejnegeri, который, вероятно, у местных жителей и носит непринадлежащее ему имя турпан. *Катанов* („Опыт исследования урянхайского языка“, etc., стр. 1043) переводит словом турпан сойотское ангыр.

о котором существует поверье, что это—женщина-утопленница, но все же мясная пища не часто появляется у них за обедом (ижер, суксун) и ужином (хонук) [1]). Мясом домашних животных они угощаются редко: бьют же их (преимущественно баранов) с этою целью в исключительных случаях, например, при приеме почетного гостя.

Шишкин [2]) следующим образом описывает принятый у сойотов своеобразный и мучительный способ убоя баранов.

Животное опрокидывают на спину, сойот садится ему на брюхо и, держа левой рукой передние ноги, правой распарывает ему грудь и живот, после чего быстро

[1]) Тоджинцы и в этом отношении составляют исключение; у них, как охотников по преимуществу, мясо не переводится, и только в зимнее время они подчас терпят в нем нужду, заставляющую их усиленно прибегать к своим запасам кореньев.

П. Островских („Значение Урянхайской земли для Южной Сибири“ в „Изв. И. Русск. Геогр. Общ.“, 1899, XXXV, вып. III, стр. 324) пишет, что „урянхайцы, видимо, совсем не употребляют птицу в пищу“. Мне доводилось слышать даже от местных русских торговцев, что только русский спрос заставил сойотов обратить внимание на пернатых, которых они и стали ловить силками. Между тем это не так. Что урянхайцы издавна употребляли птиц в пищу, это следует, между прочим, и из показания атамана *Василия Тюменца*, который доносил: за обедом у царя Алтын-хана „есть носили на блюдах на белых, ества же были: утята и тетерева, заечина и баранина и говядина; а всех ества было с десять“ (*Ю. В. Арсеньев* — „Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году“ в „Зап. И. Русск. Геогр. Общ. по отд. этногр.“, 1882, X, вып. I, стр. 11).

[2]) „Очерки Урянхайского края“, Томск, 1914, стр. 100.

© ГПИБ СО РАН

вводит руку в открытую полость груди и с силой сжимает сердце [1]).

Убивши таким образом барана, сойот приступает к его свежеванию также далеко не обычным способом.

Прежде всего он вырезает печень и легкие [2]), которые и бросает в котел с еще не кипящей, но достаточно уже подогретой водой; туда же бросаются им почки, селезенка и сердце; что касается желудка и кишек, то они передаются женщинам для предварительной их очистки. Когда таким образом все внутренности окажутся вынутыми, сойот пригоршнями вычерпывает накопившуюся в грудной полости кровь и выливает ее в особую посудину. Только уже после этого он приступает к расчленению туши, начиная с грудной клетки. Мечевидный отросток, как нес'едобный, отрезается и бросается в огонь, а грудина переходит в котел с варящимися внутренностями [3]).

Тем временем женщины обычно успевают уже справиться с своей задачей и приступают к наполнению кровью кишек. При этом брюшина режется на узкие полоски по спирали, так-же поступают с диафрагмой, и всем этим вместе с изрезанными тонкими кишками начиняют толстую кишку, которую, если по закончании работы не откладывают для последующего копчения, то бросают вариться в тот же котел. Наконец, с барана снимается шкура, а вся туша разрезается на части.

Для особо важных случаев существует и особый способ приготовления к столу барана.

Его убивают удушением. Тотчас же затем вырезают пищевод, желудок и кишки, а также половую систему и, не снимая шкуры, тушу подвешивают за ноги над огнем, а в вскрытую брюшную полость наливают воды, в которую и бросают раскаленные камни. Таким образом одновременно баран снаружи жарится, а внутри варится, причем, конечно, шерсть обугливается и спадает. Очень трудную задачу повара составляет вынутие костей без повреждения наружного вида барана; но раз операция эта совершена, баран считается уже подготовленным к столу. Ему подвертывают ноги под живот и в целом виде с тщательно сохраняемой головой подают на соответственном блюде гостям. Обычно при этом выбирается баран с красиво изогнутыми рогами [1]).

Употребление рыбы в пищу считается недозволенным [2]); тем не менее с нарушением этого закона легко мирятся, и этот предмет питания приобретает в хозяйстве сойота с каждым годом все бóльшее значение.

Мелкую рыбу сойоты употребляют в пищу обыкновенно в поджаренном виде, крупную же варят, но всегда без

---

[1]) У минусинских инородцев (*Яковлев*, op. cit., стр. 102) и бурят, придерживающихся шаманской религии (*С. Шашков* — „Шаманство в Сибири" в „Зап. И. Русск. Геогр. Общ.", 1864, кн. II, стр. 88), этот способ колоть барана удержался только для жертвенных животных. То же и у якутов (*В. Иохельсон*—„Заметки о населении Якутской области в историко-этнографическом отношении" в „Жив. Стар.", 1895, вып. II, стр. 137; *Серошевский*—„Якуты", I, стр. 647, 649—650), которые убивают столь мучительным образом также и лошадей.

Этот способ убоя скота, повидимому, очень давний. Одно из постановлений „ясы" Чингис-хана гласит следующее: когда убивается животное для еды, то следует связать ему ноги, распороть брюхо и сжать рукою сердце, и сжимать его, пока животное не умрет; только тогда можно есть мясо его; если же кто зарежет животное, как его режут магометане, то зарезать его самого.

[2]) Легкие и селезенка считаются у коров нечистыми. *Афрканов*—„Урянхайская земля и ее обитатели" в „Изв. вост.-сиб. отд. И. Русск. Геогр. Общ.", 1890, XXI, № 5, стр. 55.

[3]) „Мясо, пишет *Афрканов*, ibid., не доваривают", почему суп (мунь) у сойотов не имеет навара.

[1]) У *Яковлева*, op. cit., стр. 46—47, читаем: У сойотов соблюдается известный церемониал в подавании пищи, причем нарушителя его нещадно наказывают. Первому, наиболее почетному гостю, подносится уджа, т. е. задняя часть барана с хвостовой частью, при этом обязательно концом курдука к гостю; с нею он может в дальнейшем поступить по своему усмотрению: или тут же разделить ее между присутствующими или увезти с собой. Вторая часть по почету—грудина (тюжю), третья—ребра (ыгы), которые подносятся чашкой кверху, четвертая—лопатка (чаарл).

Если этот церемониал и существует у сойотов, то ему следуют лишь в известных случаях; по крайней мере мне не довелось присутствовать при нем лично, а равно слышать о нем даже от таких лиц, как пограничный наш комиссар.

[2]) *Кон*, op. cit., стр. 11.

© ЭНЦБРАН

соли [1]); при этом ее не чистят, если не считать чисткой выбрасывание желудка. Заготовки ее в прок они не знают, и только зимой можно встретить у сойта иногда небольшой запас мороженой рыбы.

Молоко и продукты, из него получаемые, составляют главнейший элемент питания сойотской семьи. День ее начинается тем, что старшие пьют чай с молоком или сметаной, подростающее же поколение получает „хайтнак"—кислое, снятое, вареное коровье молоко; своего гостя сойот всегда встречает квашеным молоком—айраном или кумысом [2]); к чаю подаются сушеные сливки в виде блинов (уремэ-хидын); в дорогу сойот запасается хурутом (сыром в мелких кусках, чаще всего сухим творогом); в качестве приза на состязаниях раздается сыр—быштак; засим, из молока же (айрана и хайтнака) гонится водка (арага), которой в Урянхайском крае упиваются в летние месяцы все: и взрослые, и подростки, и мужчины и женщины. Но этим разнообразие получаемых из молока продуктов не ограничивается. Из сметаны (каймак) или сливок (öремэ) готовится варенец (тарак)—довольно обычное блюдо в состоятельной сойотской семье; снятое молоко и творожистый осадок айрана высушивается до значительной густоты, после чего эту творожистую массу подвергают копчению и получают продукт, напоминающий вкусом хурут; это так называемое „арчи"; имеется и еще один продукт, „эрмек", представляющий собранную со стен котла, в котором варился айран [3]), молочную накипь; наконец сойоты сбивают из сметаны масло (каяк), для чего в каждом хозяйстве держится маслобойка (кырык), готовят особый сыр из коровьего молока—пызылах (сыр из сборного молока носит название

[1]) *Кон*, ibid.

[2]) Хорошего кумыса я у сойотов не пил. Он был обыкновенно очень кисел, жидок, мало содержал алкоголя и углекислоты; причина—неумение его готовить, а засим подмесь, и иногда очень значительная, к кобыльему коровьего молока. Впрочем *П. Е. Островских* („Краткий отчет о поездке в Тоджинский хошун Урянхайской земли" в „Изв. И. Русск. Геогр. Общ.", 1898, вып. IV, стр. 426) нашел, что кумыс приготовляется тоджинцами превосходно.

[3]) Главным образом после приготовления из айрана араги.

быштак) и т. д. Из всех этих изделий лишь получение араги заслуживает особого описания.

Я видел ее приготовление только у тяньшаньских торгоутов, но так как способ ее получения у всех кочевников Средней Азии почти одинаков, то я считаю уместным привести здесь его описание по записи 1889 года [1]).

Материалом для ее получения служат в Урянхайской земле айран или хайтнак [2]), у торгоутов—хурт, сыр, который предварительно разводится в воде и подвергается вторичному окислению, после чего получает название арун.

Достаточно прокисший арун, а у сойотов айран или хайтнак, помещается в чугунный котел (тогон, у сойотов—козан), поверх которого ставится дамба—род нашего ведра или кадушки, с выбитым из нее дном, по возможности одного диаметра с котлом, после чего промежуток между краями сосудов тщательно замазывается глиной. В эту дамбу предварительно вставляется через нарочито для сего в боку ее проделанное отверстие деревянный, ложковидно в ней расширяющийся жолоб, который у сойотов заменяется трубкой (шорга). Когда дамба окажется прочно вделанной в котел, на нее ставится второй котел несколько больших размеров, и в то время, как нижний сильно нагревают, поддерживая под ним постоянный огонь, в этот последний бросается лед, снег или же наливается постоянно затем возобновляемая холодная вода. Результат этой операции следующий: арун разлагается, жидкая его часть переходит в пар, испарения собираются в капли на охлажденной поверхности верхнего котла, стекают на ложку и затем по жолобу выливаются в подставленный снаружи сосуд. Вытекающая серовато-белая, мутная, заключающая около 10% алкоголя жидкость и есть тот напиток, который носит название сойотской или монгольской водки—арага, у торгоутов—молым арки или ирэк. Второй из виденных мною приборов для ее получения

[1]) См. „Описание путешествия в Западный Китай", т. I, стр. 44—45.

[2]) *Африканов*, op. cit., стр. 56, пишет, что сойоты умеют готовить вино из ячменя, а *Яковлев*, op. cit., стр. 84, к этому добавляет, что для перегонки как айрана, так и хлебного затора, им служит один и тот же прибор.

ОГПИБ

проще: он состоит из одного котла с пригнанной к нему крышкой (у сойотов—бюргэр), через которую пар, получающийся от нагревающегося айрана (аруна), выводится наружу при помощи длинной железной трубки, облагаемой льдом или обертываемой куском постоянно смачиваемого водой войлока; эта трубка и играет в приборе роль холодильника [1]).

В сыром виде молоко сойотами почти никогда не употребляется в пищу. Причина тому—быстрое его свертывание, благодаря той неопрятности, с какой совершается весь процесс доения и последующего его хранения в сосудах, никогда предварительно не подвергающихся очистке от отстоя находившегося в них перед тем кислого молока.

Сойоты предпочитают молочную пищу всякой иной; масло составляет излюбленное их лакомство; молочными же продуктами они встречают и своих гостей, ибо, как говорят сойоты, „почтение выражается белым“ [2]).

С своей стороны первым приемом гостя является предложение хозяину юрты своей трубки, которую он предварительно тут же раскуривает.

Сойоты страстные курильщики, курят даже подростки, чуть не малые дети. Не менее того распространено и нюхание табака, причем табакерка играет в сойотском этикете такую же роль, как и трубка. Чихать после понюшки считается, однако, неприличным.

Табак у сойотов китайский (тунзэ, дынцэ; нюхательный табак—тунджух такба), и только в исключительных случаях

[1]) Сойотские аппараты, судя по тому, что говорится о них у *Яковлева*, op. cit., стр. 84, представляют нечто среднее между двумя описанными. Дамба заменяется у них круглой крышкой (бюргэр), в которую врезается холодильник—чаша (чалапча), на дне которой и собираются пары айрана в капли, падающие засим в приемник—ложку, которой заканчивается трубка (шорга), выводящая жидкость наружу. *Адрианов* („Айран в жизни минусинского инородца“ в „Зап. И. Русск. Географ. Общ. по отд. этногр.“, 1909, XXXIV, стр. 497) описывает перегонный аппарат, представляющий дальнейшее уклонение от мною описанного, состоящее в том, что роль холодильника играет в нем приемник, сосуд, в который отводная трубка проводит не сгустившуюся уже из паров айрана жидкость (арагу), а самые пары.

[2]) *Кон*, ibid.

его замещают русской листовкой (хылбыш). Суррогатом его служит древесина тополя, ивы и березы, которую высушивают и обращают в порошкообразную массу (няшь), которую и подмешивают к табаку.

Каррутерс пишет [1]): „Урянхаец ленив и незапаслив; он работает только тогда, когда он хочет (?) работать, и предпочитает скорее рыскать по логам, охотясь за козулей или маралом и прозябая в сравнительной бедности, чем работать у русских колонистов и зарабатывать хорошее жалованье. Он—дитя леса и не обнаруживает желанья улучшить сколько-нибудь своего положения. Эта черта служила всегда препятствием к развитию урянхайца: ютясь среди горных хребтов, в глубине лесных трущоб, урянхаец всегда оставался всецело вне каких-либо привходящих влияний“...

Подобные же обвинения бродячих звероловов и вообще номадов в лености, в нежелании путем „труда“ улучшить свое материальное положение, в отсутствии, наконец, у них стремления к прогрессу, давно стало общим местом, но при этом забывается латинское изречение ignoti nulla cupido—не стремятся к тому, чего не знают. Конечно, относительное довольство, если не богатство, и сойотам—доступное представление; в одной их песне даже поется:

„Приезжают (к нам) люди из чужой стороны
И становятся (здесь) богатыми:
Всех кормит Кемчик!
Мы же, мы (по прежнему остаемся) здесь бедными“...

но с этим представлением у них не вяжется то, что предлагает им Каррутерс—стать батраками приехавших „из чужой стороны“ и путем того усиленного труда, который с их точки зрения является более низким, даже унизительным, добиться благосостояния; и вот они ведут жизнь своих отцов и дедов и „рыскают по лесам“ в надежде, что слепое счастье, особая удача, благоволение Небес, даст им то благополучие, о котором смеет только мечтать их самое пылкое воображение, но которое ограничивается рамками жизненного комфорта,

[1]) „Неведомая Монголия“, т. I, 1914, стр. 227.

© ПНТБ СО РАН

доступного их сложившемуся „среди лесных трущоб“ пониманию.

Впрочем, если о мужской половине населения Урянхайской земли и говорится, что она проводит большую часть своей жизни в праздности, „рыская по лесам“ или бражничая с приятелями, то о другой его половине, о женщинах, даже таким образом квалифицирующие образ жизни сойотов отзываются иначе, рисуя их существование полным труда и положение в семье если не рабским, то во всяком случае служебным по отношению к мужчине. Однако там, где роль женщины не ограничивается ролью самки, где на ее долю выпадает большой физический труд, где на ее плечи ложится значительнейшая часть семейных забот, где самодеятельности ее и инициативе не ставится препон, там, конечно, не может быть проведено и строгого подчинения ее мужчине, и это замечается не только у сойотов, но даже у народов с особо резко выраженным патриархальным строем, подчиняющим, как известно, женщину узким требованиям домашнего очага, повелителем и хранителем которого является мужчина. Пример этого дает нам Китай, где хотя пассивное подчинение воле мужа и выставляется одной из главнейших женских добродетелей, но где в то же время женщина окружена почетом и где вдовы пользуются властью над своими детьми; по китайским понятиям женщина не считается даже способной совершить преступление, почему и ответственность за ее проступки ложится на мужа [1]).

---

[1]) На нечто подобное, подмеченное в Урянхайской земле, указывает и *Каррутерс*, op. cit., стр. 235. Он пишет: „Шалон (?) рассказывает об одном случае, когда какой-то мужчина был приговорен к наказанию палками в присутствии своей жены, и его били до тех пор, пока последняя не созналась в совершенном преступлении“. В Урянхайской земле этот факт может иметь, однако, другое об'яснение. Там женщина считается неприкосновенной и поэтому очень неудобным обвиняемым, к которому нельзя применить обычного в следственном производстве приема — телесного наказания в случае запирательства. Из этого затруднения, по словам *Яковлева*, op. cit., стр. 94, чиновники выходят таким образом, что взамен обвиняемой бьют мужчин свидетелей (вероятно, в том лишь случае, если одновременно они и ближайшие ее родственники?).

Мы видели уже как разнообразна деятельность сойота. „Рыскание по лесам“—одна из сторон этой деятельности, у тоджинцев едва-ли не самая важная, и отнести это „рыскание“ к сойотскому безделью отнюдь не приходится. Кто знаком хотя несколько с тайгой и с жизнью в ней, сопряженной с всевозможными лишениями, часто с существованием впроголодь [1]), с пребыванием летом в вечной сырости, в никогда достаточно не просыхающей одежде, зимой в шалашах, не защищающих от стужи и леденящих ветров, тот, конечно, согласится со мной, что безвыходное пребывание в ней в течение хотя-бы каждый раз не свыше 15—20 дней, на что зауряд осуждены звероловы-сойоты, составляет такого рода службу семье, которая имеет удельный вес, без сомнения, не меньший, чем та суетливая хозяйственная деятельность, которая выпадает на долю сойотской женщины и которая выносится некоторыми исследователями урянхайской народности настолько на передний план, что совершенно заслоняет собой работу мужчин. И если последние после такой

---

[1]) Необеспеченное существование в тайге иллюстрируется следующими словами песни, записанной *Радловым (Radloff)*—„Proben der Volks—litteratur der türkischen Stämme Süd-Sibiriens“, St.-Petersb., Th. II. стр. 4), в которой говорится о людях, спустившихся из горной тайги в степи, где скотоводство и земледелие создают условия для более обеспеченной жизни человека.

„Diese haben keine Speise genossen,
Es sind hungernde Leute,
Sind dies Ainas?
Sind dies Menschen?
Menschen, die von Menschen geboren,
Können nicht so abgemagert sein,
Solche Menschen haben wir noch nicht gesehen...“

„Эти (люди) не видали пищи,
Это — голодные люди.
Не айны-ли это?
Люди-ли это?
Люди, человеческие создания,
Не могут быть телом худы до такой степени,
Таких людей мы еще не видали...“

ОНИБ СОГАН

отлучки позволяют себе короткий, хотя и не полный [1]), отдых в кругу своей семьи, то это лишь их законное право, это потребность их организма, который не может безнаказанно оставаться в длительном напряжении [2]). Что касается тех сойотов, которые посвятили себя какому-нибудь ремеслу, то они работают, когда у них есть работа, а у хороших мастеров она никогда не переводится, и в таких случаях их деятельность по своей интенсивности и непрерывности не отличается от деятельности сойотской женщины, что и указывает на то,

---

[1]) Едва сойот возвращается из тайги домой, как на него обрушивается целый ряд работ, накопившихся за время его отсутствия: кое-какой ремонт, ловля рыбы, копанье кореньев, которое у тоджинцев составляет такое же занятие мужчин, как и женщин, резание и сушка травы и т. д.

[2]) Преследование зверя по лесным болотистым трущобам с риском неожиданной встречи с такими противниками, как барс и медведь, возбуждает нервную систему охотника до степени, позволяющей ему зачастую форсировать свои силы; но это не проходит для него бесследно, и две недели такой жизни стóят нередко многих месяцев даже усиленной работы, но сопровождающейся достаточным и своевременным отдыхом. Волевой импульс, дающий человеку возможность временно увеличить свою работоспособность, хотя часто и помогает ему дойти до намеченной цели, но одновременно всегда приводит его к полному изнеможению, и если дознано, что даже каждый нормально проведенный рабочий день оставляет известный осадок и что эти осадки, суммируясь, требуют, наконец, периода полного отдыха организма, если же его нет, то создают ему условия, делающие его особо восприимчивым к болезнетворным началам, то что же сказать об условиях работы, вызывающих у человека частое напряжение его „последних сил“? Давно сознанная необходимость предоставлять рабочему время от времени продолжительный отдых вызвала когда-то острый вопрос об отпусках для рабочих, и эта же причина служит основанием для требования месячных отпусков людям, занятым умственным трудом, а учащимся—каникул, ибо утомление нервного аппарата вызывает в организме человека такие же проявления переутомления, как и утомление мышечное. Сойот-охотник работает не только мышцами, он работает одновременно и нервами. Его летний отдых, вынуждаемый к тому же самыми условиями его охотничьей деятельности (пушной зверь летом обесценивается), должен считаться поэтому, как необходимый ему, вполне законным, и европейцу, прежде, чем бросать ему за этот отдых упрек в тунеядстве, следовало-бы вспомнить, что и ему когда-то приводилось наслаждаться каникулами.

что обычно отмечаемая у сойотов мужская привелегия тунеядства представляет лишь явление кажущееся для значительной части описываемой народности.

Больше свободного времени у более состоятельных сойотов, богачи же в их среде имеют обычно при своей особе столько приживальцев из числа бедных родственников, что праздность становится для них обязательной, злом неизбежным, с которым они впрочем быстро свыкаются. Но это — явление общее для всей Средней Азии, где наука в европейском значении этого слова отсутствует, интеллектуальные знания и даже искусство не завлекают еще в свою сферу имущие классы населения и где умственный труд ограничивается почти исключительно двумя областями: религией и администрацией. Только весьма редкие из среды туземного населения этой части материка возвышаются над общим уровнем настолько, чтобы занять свой ум научными вопросами, хотя-бы, как, например, Батур-убуши-Тюмень и Габан-шараб [1]), только собранием преданий о своем народе; но среди сойотов даже и таких работников на научном поприще мы не знаем, и подавляющее их число проводит свой досуг в бражничестве, в лучшем же случае за игрой в различные игры, к описанию которых я и перехожу.

Среди кочевников Средней Азии шахматная игра не пользуется особым распространением; исключение составляют сойоты и кобдинские дöрбёты.

Я уже имел случай говорить выше, что сойоты сами льют из меди и режут из камня и дерева шахматные фигуры, нередко отличающиеся правдивостью композиции и художественным исполнением. По словам Кона [2]), эту игру они переняли у китайцев. В Китае действительно шахматы известны с V века христианской эры, когда они, по призна-

---

[1]) Оба калмыки. Первый оставил после себя „Дорбон-Ойрадыин-туйкэ“, т. е. „Повествование о четырех ойратах“, второй—„Халимак-хадыин-туджи“—„Сказание о калмыцких ханах“, представляющие источники хотя во многих случаях и сомнительной достоверности, но обойти которые при отрывочности и скудности исторических известий о калмыцком народе все же не представляется возможным.

[2]) Op. cit., стр. 29.

© ГПНТБ СО РАН

нию самих китайцев, занесены были к ним из Индии [1]); но распространением эта игра в Китае не пользуется, хотя ее и находили там всегда почтенной и мудрой. При таких условиях и в виду того отчуждения, какое искони существовало, а с конца XVII столетия [2]) и искусственно поддерживалось Пекином, между Урянхайской землей и остальными частями империи, трудно представить себе, какими путями эта игра могла проникнуть к сойотам именно из Китая и засим получить у них распространение и популярность. К тому же сойотские мастера при резбе шахматных фигур преемственно следуют каким-то иным, а не китайским образцам, что неминуемо-бы произошло, если-бы эта игра перешла к ним из Китая; так, например, слон китайских шахмат заменен у них верблюдом (тэвэ), вместо воинов-солдат (пешек) мы видим у них или зайцев (толай) или гусей (хас) и гораздо реже фигуры сидящих халатников (олдар); китайский ван в древнем царском облачении заменен у них фигурой человека в средне-азиатском одеянии и в шапке с поднятыми кверху полями (нойон) и т. д. Игра не разнится от той, которая принята в Европе, и только ферзь, сохраняя ходы ладьи (туры), у сойотов — телеги (тергэ), ограничена в ходах слона (офицера) ближайшими квадратами; засим пешки, за исключением начинающей игру, в начальном ходе лишены права перехода через квадрат; рекировок сойоты не знают [3]).

Засим Кон описывает следующие сойотские игры: мюн мюн, убчур (кости), тала (домино), буга чадра (судя по описанию, нечто вроде древне-греческой πολις), чаргы шедра, тугул шедра и тос ол, причем первые две он относит к перенятым у китайцев, остальные к местным. Все эти игры представляют варьянты различных игр в кости и домино на графленных досках, и если уж отыскивать страны происхождения каждой из них, то к числу перешедших к сойотам из

[1]) На Индию, как родину шахматной игры, указывает и *Фирдоуси* (*J. Mohl*—„„Le livre des rois“ par Ab. Firdousi“, VI, стр. 306).

[2]) См. т. II, главу XI.

[3]) *Кон*, ibid.

Китая я отнес-бы только тала, так как игра в домино пользуется большой популярностью среди китайцев. На ближайшем описании этих игр я останавливаться не буду; замечу лишь, что, в виду того распространения, каким некогда пользовалась на всем востоке игра в шашки (она была известна уже вавилонянам и ассирийцам) [1]), странно, что именно эта основная игра обошла Урянхайскую землю. Засим, у Яковлева [2]) мы находим перечисление и некоторых подвижных игр, которыми забавляются взрослые сойоты, мужчины и женщины, а именно игр в горелки (кич - торю), в прятки (ча-жынгак) и в жмурки (харагы-чох).

К элементарному спорту следует отнести также и некоторые отживающие уже у сойотов свой век состязания, в которых стрельба из лука играет главную роль; такова, например, игра „паг-адар“, в которой часто выступает сумо против сумо, род против рода, высылая своих лучших стрелков, и которая состоит в том, чтобы выбить стрелами свернутые в кружки замшевые ремни, разложенные по переднему краю большого круга в числе, соответствующем числу участвующих в состязании.

Райков [3]) описывает более простой прием состязания в искусстве стрельбы из лука, а именно, стрельбу по мишени (бойе) в форме берестяного щита, высотой в четыре, шириной в три аршина, на одном из празднеств, собравшем при местной кумирне духовных и гражданских властей и значительную массу народа, причем, в виду больших размеров щита, наибольшее, повидимому, значение давалось дальности расстояния и силе полета стрелы, которая должна была пробить мишень. Оригинальную особенность этого состязания, от которого не устранилось и ламайское духсвенство, пожелавшее испытать свои силы в лучной стрельбе, представляла группа певцов, которые приветствовали особого рода гимном

[1]) Именно в той ее разновидности, которая носит название русской, хотя в Россию она перешла несомненно с востока.

[2]) Op. cit., стр. 113—114.

[3]) „Отчет о поездке к верховьям реки Енисея, совершенной в 1897 г.“ в „Изв. И. Русск. Геогр. Общ.“, 1893, вып. IV, стр. 451 и 453.

© ГПИБ СОРАН

каждый удачный выстрел. По выслушании его, отличившийся клал лук на место и поочередно подходил к огурде и хамболаме, от которых коленопреклоненно и принимал почетную награду за свою умелую стрельбу — горсть кусочков сыра (быштак).

На ряду с этим видом спорта следует поставить борьбу атлетов и скачки.

Борьбу мне лично довелось видеть только у дорбётов, но, по словам Каррутерса [1]) и всех тех, кому пришлось присутствовать при сойотской борьбе, эта последняя своими приемами не отличается от монгольской. Даже вызов на состязание, если верить Райкову [2]), выкрикивается у сойотов на монгольском языке и по монгольски же отвечает тарга [3]) за принявшего вызов; вот почему я нахожу более уместным, не останавливаясь здесь на ее описании, отослать читателя к IV главе настоящего тома. То же следует сказать и о скачках, не успевших еще, будто-бы, даже привиться у сойотов Тоджинского хошуна [4]).

Каррутерс характеризует урянхайцев с психической стороны народом с подавленным настроением и меланхолическим темпераментом [5]).

При двукратных своих посещениях Засаянского края я имел мало случаев сталкиваться с народной массой вне оффициальной обстановки, почему и не решаюсь противопоставить этой характеристике свою, более благоприятную сойотам, но, казалось-бы, что так как между телесными движениями и игрой чувствований существует прямое соотношение, то к темпераменту урянхайца, отличающегося живостью своего характера, не может подойти вышеприведенное определение Каррутерса.

Тем не менее считать урянхайцев сангвиниками, не говорю уже холериками, было-бы также ошибкой.

---

[1]) Op. cit., стр. 236.
[2]) Ibid.
[3]) Об этой административной должности будет говориться ниже.
[4]) *Каррутерс*, op. cit., стр. 236.
[5]) Passim, но между прочим стр. 235—236.

Урянхайцы представляют в настоящее время одну из наиболее политически пассивных и раболепствующих народностей Азии, и если характер народа выражается в способе реакции на различные запросы как внутреннего, так и внешнего мира, то, пожалуй, к ним было-бы правильнее применить определение, которое включало-бы слабую эмоциальную возбудимость, малую наклонность к действиям и пассивность в случаях, требующих последовательных поступков; такому же отсутствию активности в характере всего более отвечал-бы флегматический темперамент. Но и это определение кажется мне неподходящим к урянхайцу, который обладает большой долей жизнерадостности и в своей частной жизни проявляет обычно не мало энергии и инициативы.

До известной степени психические особенности народа выражаются в его песнотворчестве, но в этой области население Урянхайского края еще не изучено. О вокальной его музыке мы почти ничего не знаем, и в этом вопросе мне приходится ограничиться лишь реферированием того немногого, что дает нам книга Яковлева [1]), дополнив там сказанное отзывом, который мне довелось слышать об урянхайском пении от лица, обладавшего небольшим музыкальным образованием.

У урянхайцев можно отметить три формы вокальной музыки: 1) текст песни доминирует над музыкальным элементом, 2) текст вовсе отсутствует (песни без слов), и голос, аккомпанируемый инструментом, исполняет роль prima, и 3) смешение этих двух родов пения.

Своеобразное впечатление, производимое „пением без слов" не передается словами. Это пение называется горловым (кумайлер) и слагается, по выражению Яковлева, „из целой гаммы хрипот". Певец вбирает в себя столько воздуха, сколько могут вместить его легкие, и затем начинает „извлекать какие-то странные урчащие хрипы из глубины внутренностей", непрерывность и длительность коих всецело зависят от его умения управлять диафрагмой. Засим следует новый глубокий вздох и продолжение „таинственных звуков", сопро-

---

[1]) Op. cit., стр. 114.

© ГПБ СОРАН

вождающихся аккомпаниментом на двуструнном топшулуруме—инструменте, состоящем из длинного грифа и кузова с полой, обтянутой пузырем, декой, до тех пор, пока они не обрываются певцом сразу, совершенно неожиданно для слушателя, без какого-либо тонического и ритмического конца, так что ко всему этому последованию „таинственных" звуков, казалось-бы, нельзя применить название мелодии.

Каррутерс [1]), верный своему определению темперамента урянхайца, об этом пении пишет так: музыка урянхайца есть внешнее выражение его самого; он поет и играет на дудке, причем совершенно своеобразно вдувает в себя, а не выдувает звуки, почему получаемый музыкальный эффект приобретает самый печальный и патетический колорит; эта музыка должна представить особый интерес для исследователя—этнографа не только в силу того, что составляет своеобразную особенность урянхайского народа, но и потому еще, что служит выражением его расовой меланхолии.

„Кумайлер" в Урянхайской земле далеко не обычное явление; этот род пения—специальность особых мастеров этого дела, которые путем долговременной практики выработали у себя способность управлять диафрагмой, что и обеспечивает им возможность вводить в легкие новый запас воздуха, если не по закончании музыкальной фразы—выражение, которое к этого рода „пению без слов" не применимо, то после достаточно продолжительного периода; все же остальные сойоты поют обычным образом, причем центр тяжести песни лежит в ее тексте, музыкальный же и ритмический элементы лишь дополняют создаваемую им картину. Кон [2]) для характеристики таких песен приводит одну из них в русском переводе:

На Улу-кем гляжу
Как на лежащее лассо [3]),
О девице-душе думаю
Во сне и на яву...

[1]) Op. cit., стр. 235—236.

[2]) Op. cit., стр. 33.

[3]) *Кон*, переводит словом лассо сойотское „сыдым"—ременный аркан с свободной петлей на конце, употребляемый сойотами на манер лассо при ловле в степи своих лошадей.

Но это, очевидно, не вся песня, а один из ее куплетов.

Я имел случай получить русский перевод другой сойотской лирической песни, не лишенной поэтических красот и отражающей взгляд урянхайца на современное свое положение в крае; в этом ее значение как мерила той ступени, на которой находится в Урянхайской земле общественное самосознание [1]).

Вот эта песня:

И с этой стороны горы,
И с той стороны горы...
Живем мы между ними,
И не знает нас никто.

* * *

Много у нас в крае богатств,
И река у нас богатая...
А мы—мы (остаемся) бедными,
И богатых среди нас нет...

* * *

Я сам себе (все это) пою...
Зачем мне другие?
Я—один,
И никого мне не нужно!

* * *

Растут в поле красивые цветы,
Качает их головки тихий ветерок...
Так-же красив и головной убор нойона,
Когда он едет по нашим местам.

* * *

Разные есть (на свете) цветы,
Как разные есть (и) женщины,
И красота их
Совершенно различная...

* * *

[1]) Мне были обещаны как урянхайский ее текст, так и ее музыкальная запись, но, к сожалению, обещания эти исполнены не были; второе, может-быть, в виду его невыполнимости на месте. К тому же мои сношения с краем в конце 1914 и в 1915 году претерпевали большие затруднения.

© ГПИБ СО РАН

Я сам себе (все это) пою...
Зачем мне другие?
Я — один,
И никого мне не нужно!

* * *

Приезжают (к нам) люди из чужой стороны
И становятся (здесь) богатыми...
Всех кормит Кемчик!
Мы же, мы (попрежнему остаемся) здесь бедными...

* * *

Приезжают из-за северных гор,
Находят богатства,
Каких мы не знаем,
И опять уезжают...

* * *

Я сам себе (все это) пою...
Зачем мне другие?
Я—один,
И никого мне не нужно!

Элегическому содержанию этой песни вполне отвечала и вокальная музыка. К сожалению, я слышал ее в очень хорошем исполнении музыкально, в европейском значении этого слова, образованного русского певца, который был впрочем вполне убежден, что с полной точностью передает сойотскую мелодию; но, может быть, не достаточно проникшись приемами сойотских певцов, он совершенно незаметно для себя придал ей европейскую обработку и внес в нее бо́льшую чем надлежало-бы, выразительность?

Как-бы то ни было, уже самое содержание песни указывает на выдающееся интеллектуальное развитие ее творца. Но много-ли у сойотов песен одного с нею уровня? Я затрудняюсь ответом на этот вопрос, так как по незнанию урянхайского языка не могу использовать даже того небольшого [1]) песенного материала, который был опубликован Катановым [1]).

[1]) *Катанов* („Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня", оглавл., стр. LVI) определяет общее число записанных им песен цифрой 83,

но правильнее было-бы в таком случае писать куплетов, а не песен; песен-же записано им всего лишь три и куплетов „разного содержания"—24. Песни загромождены варьянтами и, благодаря особенностям их перевода, о чем будет говориться ниже, действительно производят впечатление сборников куплетов, в свою очередь лишь в меньшей своей части заслуживающих это название. Куплетом называется соединение двух параллельных ритмических предложений, об'единенных своим содержанием, представляющих вполне законченную мысль и, в силу этого, имеющих самостоятельное значение; но я затрудняюсь сказать, какая мысль скрывается в таких куплетах перевода *Катанова*, как, например, следующие:

(Не зная), далеко-ли, близко-ли, как не поехать (однако) к Илье?
(Никто) не видал и не знал, как не взять (в таком случае) взятку?

Каков мой начальник, который дает приказания,
И какова моя степь, на которой происходят (в его присутствии) бега!

Каков мой начальник, который сидит на подушках,
И какова моя степь, которая покрыта дорогами!

Каков мой начальник господин бейсе, имеющий печать желтую княжескую.
И каков мой начальник господин амбань, имеющий печать желтую генеральскую.

Я имею даже такого начальника, как господин амбань,
(А) воду имею текущую черную (т. е. чистую)!
Я имею и такого начальника, как господин да,
(А) воду имею быструю черную!

и т. д.

Эти „переводы" сойотских куплетов нуждались-бы в пояснениях *Катанова*.

[1]) *Катанов* сопровождает, как это видно из предшедшей сноски, свои записи их переводом на русский язык, но в погоне за его точностью, рабски следуя сойотскому тексту, он затушевывает в них их содержание почти до полной неуяснимости как отдельных песенных звеньев—куплетов,

© ГПНТБ СО РАН

Многоголосного, не в унисон, пения сойоты, повидимому, не знают, но хором в унисон поют часто. Весел-

так и общей мысли, связывающей последние в песню. Последнее не соблюдено впрочем и в приведенной мною песне, где четвертый и пятый куплеты не находятся в логической связи с предшедшими и последующими, но их об'единяет с ними припев:

Я сам себе (все это) пою
и т. д.,

который рисует настроение певца, лишь музыкально передающего бродящие в его голове мысли... Во всяком случае эти куплеты представляют вполне законченное целое, но я отказываюсь понять, что хотел себе сказать сойот когда пел то, что дает нам в переводе *Катанов*.

А между тем материал, представляемый его записями, повидимому, далеко не набор одних только не имеющих внутренней связи „простых мыслей", ибо среди приводимых им куплетов мы находим и такие, которые полны значения, рисуя сильными штрихами безотрадные картины современного бесправного существования сойотской народной массы Таковы, между прочими, следующие куплеты:

У мейрена есть высокий голубко,
Не считайте (его) моим конем!
У мейрена есть (девица) Торлаккай,
Не считайте (ее) моею подругой!

В селении (?) писаря [находится ведь (?)] моя маленькая чернобровая подруга!
В табуне писаря [находится ведь (?)] мой маленький сивый конь!

Если приедет сюда джурган из монголов,
(То) я стану справлять свои дела при посредстве монголов;
Если же приедет сюда с джурганами цзянь-цзюнь,
(То) я стану ходить и прятаться (от него).

Каков мой начальник господин амбань,
Народ которого, (благодаря ему), обладает (только летающими в воздухе) турпанами!
Каков мой начальник да,
Народ которого, (благодаря ему), обладает (только летающими в воздухе) галками!

кин[1]) указывает, например, на следующий повод к совместному хоровому пению мужчин и женщин.

В начале весны у урянхайцев начинается общая работа, в которой принимают участие все люди аула, мужчины и женщины. Это—подготовка овечьей шерсти для катания войлоков. Сойоты и сойотки вооружаются каждый двумя прутьями, садятся вокруг кучей наваленной шерсти и, затянув соответственную песню, в такт ее бьют этими прутьями по шерсти до тех пор, пока не разобьют ее в достаточной мере, после чего переходят к куче шерсти другого хозяина, с которой и поступают таким же образом.

Таких поводов для совместного хорового пения в жизни сойота не мало; но все же их для него недостаточно, и он удовлетворяет своей потребности в музыке всюду, где представится к тому возможность; он поет в пути, на отдыхе и на работе, поет один,

сам себе поет,
зачем ему другие?
он—один,
и никого ему не нужно!..

Следует, однако, заметить, что поет только черная кость, высший же класс сойотского населения считает, повидимому, пение занятием, роняющим его в глазах народа, и врожденную любовь к музыке удовлетворяет путем приглашения к себе певцов—любителей, которые, преимущественно по вечерам, под аккомпанимент одного или нескольких струнных

Переводя их, *Катанов*, как мы видим, не смог во всех случаях выдержать характера принятой им передачи их содержания „по лексикону" и ввел слова, которые считал достаточно раз'ясняющими все темное и в них недосказанное; жаль, что он не пошел по этому пути дальше и не дал, конечно, „не исправленных" их текстов в смысле тех „исправлений" и „улучшений", которые позволил себе в тридцатых годах прошлого столетия *Д. Кашин* с русскими народными песнями, а текстов, которые вполне отвечали-бы мыслям, вложенным в них сойотами.

[1]) „Урянхи и географические сведения о южной границе Минусинского округа" в „Изв. И. Русск. Геогр. Общ.", 1871, VII, мелк. изв., стр. 116.

© ГПНТБ СО РАН

инструментов и услаждают слух как их, так и их домочадцев [1]).

К числу музыкальных инструментов, наиболее употребительных у сойотов, можно отнести четыре струнных, один духовой и один весьма своеобразный, который, не подходя ни к одной из этих двух групп, в то же время очень далек и от типа ударных.

Самый распространенный из струнных—это вышеупомянутый топшулурум (у Яковлева—топшюлюр), который ошибочно приравнивается Катановым к балалайке [2]), ибо с этим последним инструментом как по внешнему виду, так и по своему устройству, он имеет мало общего. Дека у топшулурума, имеющего полусферической формы глубокий кузов, обтянута пузырем и снабжена одним круглым отверстием (голосником), тогда как у балалайки их шесть, сходящихся лишь в одном центре в виде звездочки; затем, у балалайки струны кишечные, и их, как известно, три, у топшулурума же их две, притом из волоса, которые и натягиваются через

[1]) Это не везде так в Средней Азии. В былые времена музыке отдавались даже некоторые из азиатских властителей; так, *Хайдер-мирза* в „Тарихи-Рашиди", говоря об Абу-Сеид-хане, замечает, что этот государь соединял в себе всякого рода блестящие и достойные уважения качества и, между прочим, играл на гачеке (гиджеке) и чегар-таре... (*Пантусов*—„Таранчинские песни" в „Зап. И. Русск. Геогр. Общ." по отд. этногр.", 1890, XVII, вып. I, стр. XIII). Впрочем Абу-Сеид-хан хотя и был монголом по происхождению (Джагатаидом), но правил Восточным Туркестаном—страной, где музыка искони стояла на очень высокой ступени и признавалась образцовой даже китайцами, что, между прочим, видно из следующего места их летописей (*Иакинф*—„История Тибета и Хухунора", т. I, стр. 157): „Император помолвил за кяньбу дочь князя Ли-шеу-ли в качестве цзинь-чен царевны, для принятия которой туфаньский двор прислал нарочное посольство. Император, сжалясь над детством царевны, пожаловал ей несколько десятков тысяч кусков шелковых материй, отпустил с ней различных мастеров и дал *кучаскую музыку*". О музыке восточно-туркестанцев много писал и *Сюань-изан*, о кучаских же музыкантах в частности он выражался как об исполнителях, обладавших высокой техникой и превосходивших в этом отношении музыкантов всех других стран (*St. Julien*—„Histoire de la vie de Hiouen-Thsang et de ses voyages dans l'Inde", стр. 278).

[2]) Op. cit., стр. 1052.

порожек на колку подобно тому, как у всех такого же рода инструментов; наконец, у описываемого инструмента гриф сравнительно длиннее, а кузов меньше, чем у балалайки, что, может быть, находится в связи с большим количеством ладов, чем вообще отличаются азиатские струнные инструменты типа восточно-туркестанского дутара [1]), к которому сойотский топшулурум стоит ближе, чем к балалайке.

Больше, чем топшулурум, напоминает балалайку другой сойотский инструмент—игиль как своим кузовом, состоящим из плоского ящика трапециодальной формы, так и на одну треть более коротким (50 сант.) грифом. Струн у этого инструмента, как и у топшулурума, две, но делаются они из жил, в чем одно из его отличий от таранчинского дутара, имеющего, как и балалайка, кишечные струны, и сходство с однородным китайским инструментом.

Способ игры на обоих описанных инструментах балалаечный, т. е. на щипок и бряцаньем. Строятся-ли они в двузвучии, с расстановкой тонов, равной кварте или квинте, как турфанский дутар, или в унисон, мне неизвестно.

Третий струнный инструмент, встречающийся у сойотских музыкантов,—пусангэ. Он состоит из рогового кузова полусферической формы с плоской деревянной декой и длинного грифа, на колки которого натянуты четыре струны. На пусангэ, напоминающем восточно-туркестанский гырджак (гиджек) [2]) и весьма близко стоящем к более простому по устройству китайскому хун-чину и дунганскому ху-ху-цзы [3]), играют смычком, не отделяющимся от инструмента и пред-

[1]) Описание этого инструмента дано мною в моем сочинении „Описание путешествия в Западный Китай", т. I, стр. 343; см. также *Н. Пантусов*, op. cit., стр. IV, который, сказать кстати, также приравнивает дутар к балалайке, что имеет, впрочем, более оснований, так как таранчинский дутар по своему устройству (пять отверстий в деке и проч.) ближе к русскому инструменту, чем сойотский топшулурум.

[2]) Его описание читатель найдет на стр. 343 т. I моего сочинения „Описание путешествия в Западный Китай".

[3]) О них говорится на стр. 323 второго тома упомянутого в предшествующей сноске сочинения, там же приложена фототипическая таблица, на которой можно видеть изображение этого инструмента.

© ГПИБ СОРАН

ставляющим сильно изогнутый лучок с тетивой из конских волос, который продет между струнами таким образом, что две из них находятся над, другие две под тетивой. В Русском Туркестане этот инструмент, который ошибочно назван М. Петуховым [1]) дутаром, также известен, но ему придается там несколько иная форма, а именно, грушевидная фигура кузова при сравнительно более длинном грифе.

Четвертый инструмент, принадлежащий уже к другому типу музыкальных струнных инструментов, единственный из сойотских, в котором мы встречаемся с металлическими струнами из медной проволоки. Это так называемый чадхган [2]), род гуслей, с которыми сближает его способ игры на нем перебиранием пальцами, а не ударами по струнам молоточками, как это имеет место при игре на цимбалах и китайском янь-чине, под тем же названием перешедшим к дунганам и туземному населению Восточного Туркестана [3]). Своим устройством чадхган существенно, однако, отличается от всех разновидностей гуслей тем, что не имеет деки и представляет четырехугольное, продолговатой формы, неглубокое (до 8 сант.), с тонкими стенками, корытце, над дном которого и протянуты струны числом от четырех до восьми, каковое число в известных случаях может быть увеличено вдвое, так как чадхган снабжен подставками под каждой струной, передвижением которых к середине и достигается разнотонность струн в обеих их частях. Длина этого инструмента в десять раз превосходит его ширину.

Единственный духовой инструмент, с которым знакомы сойоты, это—холузун-комыз [4]), нечто вроде свирели, который делается из камыша и на котором играют, вдувая [1]) в трубку и открывая и закрывая пальцами вырезанные в ней круглые отдушины числом до четырех. В состав сойотского „оркестра“ этот инструмент не входит по крайней мере в тех случаях, когда струнные инструменты аккомпанируют певцу.

Наконец, последний инструмент, о котором мне приходится сказать несколько слов, это — тэмир-комыз, своеобразный музыкальный прибор, состоящий из железной развилки [2]), к изогнутой стороне которой прикреплена очень тонкая железная же пластинка, приходящая в вибрирующее состояние при малейшем движении. Игры на этом инструменте мне слышать не доводилось [3]), судя же по краткому и не вполне ясному описанию Е. К. Яковлева [4]), музыка этого инструмента крайне однообразна в звуковом отношении и получается при дутье сквозь зубы, между которыми зажимается инструмент, и одновременном треньканье по струне (?) пальцами [5]).

Ударных инструментов, столь необходимых для ритма, у сойотов нет вовсе, и это следует, может быть, поставить в связь с отсутствием у них плясовой музыки и танцев в роде калмыцкого белеша или туркестанского седыра, требующих от исполнителей усиленных телодвижений.

Танцы получили свое развитие у оседлых народов, у кочевников же они не пользуются особой любовью, почему, вероятно, об этом виде спорта умалчивает и этнографическая литература, касающаяся сойотов.

---

[1]) „Народные музыкальные инструменты Музея С.-Петербургской консерватории“, 1884, стр. 25.

[2]) В ином произношении—чаттыган (*Островских*—„Ueber die Musikinstrumente der Katschinzen“ в „Verhandl. der Berlin. Anthrop. Gesellsch.“, 1895, стр. 616—618).

[3]) Изображение янь-чина см. на фототипической таблице, приложенной к стр. 323 второго тома моего цитированного выше сочинения.

[4]) У *Островских*, loc. cit., комус.

[1]) *Каррутерс*, op. cit., стр. 235, как указано было выше, пишет, однако, что при игре на этом инструменте сойоты не выдувают звуки, а получают их, вдувая в себя воздух из трубки.

[2]) *Кон*, op. cit., стр. 33, упоминает и об инструментах с камышевой развилкой, которые носят название хулузун комыз.

[3]) Что тем более странно, что, по словам *Кона*, loc. cit., это самый распространенный среди сойотов музыкальный инструмент.

[4]) Op. cit., стр. 114—115.

[5]) *Серошевский* („Якуты“, I, стр. 613) дает рисунок этого инструмента в той форме, какую придают ему якуты. О нем он пишет (стр. 591): „Хамыс—прибор, состоящий из железной рамки с пружиной (?) по середине, на которой играют пальцами, взявши рамку в губы и варьируя тоны помощью зубов и языка“.

© ГНТГ СОРАН

Музыкальное искусство в Урянхайской земле не составляет предмета промысла: им занимаются любители, мужчины и женщины, между делом. Наиболее искусные из них приглашаются на сборища, причем собирающийся хор музыкантов играет без предварительного сыгрывания, что тем легче для них, что оркестровки сойоты не знают, и все инструменты, поддерживая певца, ведут лишь в такт и в унисон мотив песни.

Несмотря на всю любовь сойотов к музыке, ее можно слышать далеко не на всех их празднествах, и к числу последних следует прежде всего отнести свадьбу—торжество очень часто шумное и полное движения, которое поэтому именно и не совместимо с преимущественно лирическим характером сойотской музыки, не знающей исполнения con brio и плясовых веселых мотивов.

В заключение замечу, что у сойотов не принято, чтобы женщина выступала на собраниях в роли певицы или аккомпаниаторши на инструменте.

ГЛАВА III.

Народности, населяющие Западную Монголию и Урянхайский край.

Сойоты (урянхайцы[1]).

(Продолжение).

Сойоты различают три степени родства: тӧрэль, сёок тӧрэль и хан тӧрэль [1]).

Тӧрэль обнимает весь состав хошуна; сёок тӧрэль—родство в пределах кости; хан тӧрэль—кровное родство, которое считается прекратившимся в пятом колене.

Родство ведется только по мужской линии; но даже ближайшее родство не препятствует браку, причем, однако, брак с дочерью, сестрами, родной матерью, мачехой, тещей, тетками, младшей снохой и старшей годами двоюродной сестрой не допускается. Было, однако, у сойтов время, когда даже кровосмешение в первой степени родства не считалось предосудительным, ибо, согласно легенде, урянхайский род саттар произошел от некоего Сат, рожденного в браке между отцом и дочерью. Браки между двоюродными, между братьями одной семьи и сестрами другой очень популярны у сойотов, среди которых мы встречаемся и с институтом левирата. Браки, однако, с старшей сострой покойной жены у них не допускаются, так как в степенях родства она занимает такое

---

[1]) *Яковлев*—„Этнографический обзор инородческого населения долины южного Енисея", стр. 88. Дальнейшее заимствуется мною, главным образом, из этого сочинения.

© ГПНТБ СО РАН

же место как теща (хат-иэм). Многоженство, доступное лишь весьма немногим, не находится в противоречии с сойотскими брачными постановлениями, причем все жены пользуются по закону одинаковыми правами.

На брак у сойотов смотрят, как на гражданскую сделку [1]), причем калым является у них лишь возмещением расходов, понесенных семьей невесты как на ее воспитание, так и на надел ее приданым, состоящим обыкновенно из юрты с полным хозяйственным обиходом и некоторого количества скота.

Калымом служит, главным образом, скот [2]), количество которого, конечно, вполне соответствует имущественному достатку вступающих в брак. Сверх договоренного калыма обычай обязывает, однако, жениховскую сторону наделять подарками: мать невесты—дойной скотиной (коровой или оленьей важенкой, т. е. маткой) в знак благодарности за кормление грудью невесты в первые месяцы ее жизни; отца ее—ружьем или конем „за кости и тело“ (сёок тюлер) и его же—оседланным конем (изер понгачи) за передачу жениху невесты в брачной, т. е. парадной, одежде и т. д. С другой, однако, стороны тот же обычай разрешает жениху выбрать из табуна отца невесты лучшего коня, хотя-бы то был производитель. Наконец, не освобождаются от расходов на подарки и ближайшие родственники невесты, которые обязываются помочь возникающему новому хозяйству кто чем может, но преимущественно скотом. Таким образом основой хозяйства молодых является имущество невесты: муж вступает в дом жены, внося в него только свою особу, свою одежду и орудия своего промысла, и хотя в дальнейшем на нем лежит обязанность содержать семью, отдавая ей весь свой заработок и всеми мерами увеличивая ее достаток, но владельцем дома продолжает все же считаться жена, и в случае неладов между

---

[1]) *Яковлев*, ibid.

[2]) Только в последнее время, одновременно с обеднением скотом, причины чему будут указаны ниже, сойоты все чаще и чаще начинают заменять часть калыма деньгами, точнее—весовым серебром, „белым“ металлом.

супругами не жена, а муж должен покинуть его, переходя в юрту своей матери. Эта имущественная независимость сойотской женщины обеспечивает ей почти полное равноправие в семейном быту. Впрочем, если жена изменит мужу и самовольно покинет свой домашний очаг, то все ее имущество переходит к брошенной семье, т. е. мужу, так как во власти последнего признать общих детей своими; в противном же случае их обязана принять семья бежавшей жены, а равно вернуть калым полностью или частью, в зависимости от обстоятельств дела. Муж утрачивает право на калым только в том случае, если разбор причин несогласий между супругами выяснит, что и он, в свою очередь, нарушал супружескую верность или же обращался с женой бесчеловечно, даже, если только позволил себе ударить ее: женщина у сойотов считается неприкосновенной, и побои жене всегда почти ведут к разводу.

Развод в праве требовать обе стороны, но он дается лишь после троекратных, если они остаются безуспешными, попыток ближайших родственников примирить супругов.

По закону дети считаются собственностью матери и наследуют в равных долях ее имущество даже при живом отце, который не является наследником жены и в том случае, если последняя умирает, не оставив потомства: право на это наследство переходит в род жены. Отец является лишь опекуном своих малолетних детей и по достижении ими совершеннолетия уступает им право распоряжения имуществом матери; одновременно, однако, он отстраняется и от несения тех общественных и государственных повинностей, которые ложатся на это имущество. С этого же момента его дети, одинаково как юноши, так и девушки, становятся полноправными и дееспособными членами общества.

Таким образом в случаях преждевременной смерти матери сойотская девушка уже с 17-летнего возраста является вполне дееспособной и самостоятельной хозяйкой дома и настолько при этом независимой от отца, что в дальнейшем сама устраивает свою судьбу, вступая в брак с человеком по своему личному выбору. Не ясно, однако, как в таких случаях

© ГПБ СОРАН

происходит помолвка [1]), и в чью пользу поступает калым по крайней мере в той его доле, которая следует семье невесты в возмещение расходов на приданое.

В случае смерти мужа вдова остается в кругу его семьи, и только в том случае, если оставшиеся от мужа долги превышают сумму калыма и падают на ее имущество, обязательства к семье мужа могут быть ею порваны, и она получает право вернуться в лоно родной семьи.

Как поступается с наследством мужа, которое может быть и очень значительным, в полной мере выяснить мне также не удалось. Наследуют дети, но остается неизвестным, является-ли сонаследницей также и его вдова, получает-ли она вообще какие-нибудь права на состояние мужа в случае отсутствия у него прямых потомков или же оно полностью переходит к семье покойного? Как-бы то ни было, так как хозяйкой дома продолжает оставаться вдова, то положение сирот-детей в правовом отношении, повидимому, не меняется даже и по достижении ими совершеннолетия: мужчину при живой матери делает правомочным только его брак, а до тех пор он не считается дееспособным и слывет обыкновенно под презрительной кличкой „живущего в юрте матери".

Это различие в положении детей при вдовце-отце и при вдове-матери очень характерно и, находясь в соответствии с взглядом сойотов на преимущественные права матери в отношении своих детей, указывает на то, что сойоты сравнительно еще недавно прошли если не через стадию гетеризма в том виде, как его допускали Bachoven [2]), Mac Lennan [3]) и Лёббок [4]), ныне, и, как мне кажется, основательно отрицаемого для всего человечества как первоначальная ступень семейной эволюции, то во всяком случае

[1]) О ней будет говориться ниже.

[2]) „Das Mutterrecht." Stuttgart, 1861.

[3]) „Primitive Mariage", Edinburg, 1865; „Studies in ancient history", 1876.

[4]) „Коммунальный брак"—„Начало цивилизации", перев. Коропчевского, СПБ., 1876.

через стадию материнства (материнского права) или даже матриархата (материнского владычества), с чем впрочем находится в противоречии допускаемое сойотами родство лишь по мужской линии и то нравственно приниженное положение, в котором находится у сойотов невестка, не имеющая права входить в юрту старших родственников мужа с непокрытой головой или босыми ногами, обязанная избегать встречи как с свекром и свекровью, так и с старшими братьями и сестрами мужа и т. д. [1]). Разрешает это противоречие лишь допущение, что современная сойотская семья построена не на одном, а на двух основаниях родства [2]).

Вторично вдова редко вступает в официальный брак, но если это и случается, то лишь с согласия старших членов мужниной семьи, в пользу которых в таком случае и поступает причитающийся калым. Гораздо чаще, будучи самостоятельной хозяйкой в своем доме, она вступает в нелегальную связь с приглянувшимся ей мужчиной, причем на такую связь в сойотской среде смотрят с тем большей снисходительностью, что даже внебрачная связь девушки с мужчиной не вызывает там осуждения; даже более того: внебрачный ребенок у шестнадцатилетней девушки приветствуется ее семьей как залог того, что она не засидится в девках [3]).

[1]) Даже будучи невестой, она уже обязана принимать меры к тому, чтобы не появляться перед старшими родственниками своего жениха с открытым лицом; при случайной же с ними встрече она обыкновенно бросается на землю и прячет ноги в полах халата, а лицо и голову прикрывает его рукавами.

[2]) *Letourneau*—„Evolution du mariage et de la famille", Paris, 1888 стр. 410, указывает на интересный случай исчезновения материнства (материнского права) у кабилов (kabyles), населяющих самые недоступные горные части Алжира и по типу и языку принадлежащих к группе берберийских племен, происшедшего у них около 150 лет тому назад. *Н. Харузин* („Очерки первобытного права". „Семья и род". Москва, 1898) пишет, что у якутов и до настоящего времени удержалось название „ие-жа", что собственно значит „материнский род", для обозначения родства по мужской линии.

Эти два племени пережили материнство, сойоты же находятся в периоде борьбы отцовского права с материнским.

[3]) По словам *Яковлева*, op. cit., стр. 88, у состоятельных сойотов взрослым дочерям отводятся даже особые юрты, где они и принимают совершенно свободно мужчин.

© ГИНТБ СО РАН

Не осуждается у сойотов и внебрачная связь девушек с инородцами, и в записанных Катановым сойотских песнях мы не слышим по этому поводу порицания, а лишь меланхолические нотки, порожденные тем очевидным предпочтением, которое оказывают этим инородцам сойотские женщины.

Проехал русский из населенной страны,
(Это)—Леонтий, которому (наши женщины) отдали сердце,
Проехал русский из города (Минусинска),
(Это)—Леонтий, которому (наши девицы) отдали свои руки.

Леонтий из России как-бы не отнял у меня подруги
И не увез (ее)!
Леонтий из города (Минусинска) как-бы не отнял у меня супруги
И не увез (ее)!

Леонтий из России уехал,
Соблазнив (жившую) у меня женщину,
Василий из города (Минусинска) уехал,
Соблазнив мою супругу.

И только в одной из таких песен естественное раздражение сойота переходит в угрозу:

О женщина, лежавшая с русским,
Отнюдь не вступай в мое государство!
О женщина, лежавшая с телеутом,
Отнюдь не вступай в мою страну!

Как-бы согласно ни жили супруги, как-бы горячо ни приветствовали сойоты, отличающиеся большой любовью к детям, рождение каждого ребенка, все же семейное счастье у них не считается полным, если в доме нет наследника—сына, продолжателя рода и будущего помощника престарелого отца. В богатых семьях неимение последнего служит даже причиной если не многоженства, допускаемого, но очень редкого у сойотов, то принятия сойотом в свою семью налож-

ницы на правах, нисколько не меньших, чем те, коими пользуется у него законная жена.

Усыновление—обычное явление у сойотов, и к нему прибегают нередко как к средству спасти подрастающее поколение от смерти, например, в том случае, если в какой-либо семье дети не выживают, причем такая, не вызванная стесненными семейными обстоятельствами, передача ребенка в чужую семью может носить и временный характер, так как обратный его выкуп допускается обычаем.

Яковлев[1]) пишет, что усыновление у сойотов „представляет из себя акт своеобразной купли-продажи, напоминающий римскую манципацию", избегая этим сравнением указания на формальности, связанные с актом адопции, а равно пояснения, в чем выражаются у сойотов взаимные права и обязанности адоптирующего и адоптируемого.

Манципация представляла древне-римскую форму приобретения права собственности как возмездного, так и дарственного, на те вещи, которые подходили под понятие res mancipi, и, между прочим, прав на свободного гражданина, продававшегося в рабство, прав на жену путем символической покупки ее—imaginaria venditio и т. д. Не могу поэтому уяснить себе, что хотел этим сравнением сказать Яковлев, так как у сойотов адоптируемый ребенок пользуется, повидимому, не меньшими правами, чем собственный.

В пределах рода (кости) усыновление допускается у сойотов совершенно свободно, переход же мальчика в чужой род считается позорным, а девочки нежелательным; в первом случае переходу препятствуют и сойотские власти.

Сложный состав не только урянхайской народности, но и в ее пределах многих родов[2]), указывает на то, что принятие (адопция) в свою среду чуждого элемента имело у сойотов некогда, а может быть имеет и теперь, широкое применение, но какими формальностями оно было обставлено,

---

[1]) Op. cit., стр. 93.
[2]) См. выше главу I.

ОТИНТБ СОРАН

допускалась-ли лишь индивидуальная адопция. или в некоторых случаях и коллективная, когда остатки какого-нибудь племени или рода, утрачивая свое имя, сливались с другим, это нам неизвестно. Одно лишь можно сказать, что искусственной перетасовке родов, которую испытали, например, калмыки, бежавшие в 1771 году в Китай из России [1]), сойоты не подвергались.

Главными моментами в церемониях, сопровождающих сойотский брак, следует считать сватовство, обручение и свадьбу, но во всех этих событиях и жених и невеста играют весьма скромную роль. Очень часто родители высватывают невесту еще во время ее малолетства и даже в некоторых случаях до момента ее рождения [2]), причем такая опережающая событие помолвка закрепляется символическим обменом подарков: отец будущей невесты подносит отцу жениха игрушечную юрту с посаженной в ней куклой (кеклэ), а этот последний подводит коня.

При сватовстве особо выдающаяся роль выпадает на долю сватов; они же устанавливают и размер калыма, причем эта часть брачной процедуры вызывает наиболее трений, ибо между запросом и предложением обнаруживается обыкновенно очень большая разница, об'ясняемая до некоторой степени стремлением родителей невесты путем запроса поднять значение приносимой ими жертвы и собственное достоинство. Сделка заканчивается подводом отцу невесты коня, после чего следует обручение (тукдэр), сопровождающееся оделением собравшихся на это торжество родных и гостей небольшими подарками, состоящими из чая и табака.

---

[1]) *Б. В. Долбежев*—„Судьба калмыков, бежавших с Волги“ в „Сборнике географических, топографических и статистических материалов по Азии“, 1913, вып. LXXXVI, стр. 7.

Долбежев пишет о насильственном слиянии административных единиц—сумунов и даже хошунов; но сумун у калмыков обнимал или целый род или часть рода, и тогда род образовывал несколько сумунов: никогда, однако, прежде в состав этой административной единицы не входили части различных родов.

[2]) *Яковлев*, op. cit., стр. 90.

Калым вручается отцу невесты после обручения, но у менее состоятельных сойотов весьма редко полностью, и тогда случается, что окончательная его выплата оттягивается на многие месяцы [1]).

Приданое невесты доставляется в стойбище родителей жениха во время свадьбы, и тогда же в юрте невесты в присутствии свекрови собирается на пиршество молодежь. Молодая (алдар) усаживается с свекровью рядом, закрыв лицо брачной вуалью—платком (тумалай), и остается в таком виде до тех пор, пока не явится в юрту свекор и не скинет с ее головы этого покрывала.

После пиршества, которое, в зависимости от числа собравшихся на него, происходит в соответственном числе заготовленных юрт, причем наиболее почетным из гостей отводится юрта родителей жениха, начинаются игры, из числа которых Яковлев [2]) называет: чода куназир—борьбу из-за кости (бараньей голени—чода), которую свекор бросает в толпу молодежи, заканчивающуюся после того, как наиболее ловкому или сильному из юношей удастся передать ее молодым, кугерч-куназир—конную борьбу из-за кожаной фляги с арагой, и курэш—борьбу между представителями молодежи обеих костей, так как у сойотов всего чаще экзогамные браки, т. е. такие, когда роднящиеся между собою семьи принадлежат к разным костям.

Наделение подарками молодых производится родными уже после свадьбы, причем, не довольствуясь полученным, очень часто молодая чета предпринимает об'езд этих последних в надежде на новые подарки.

Этот об'езд—заключительный акт брачной процедуры; с его окончанием молодые супруги, выйдя из под опеки,

---

[1]) *М. Райков* („Отчет о поездке к верховьям реки Енисея, совершенной в 1897 году“ в „Изв. И. Русск. Геогр. Общ.“, 1898, вып. IV, стр. 447) пишет, что молодые пока калым не выплачен, хотя-бы эта выплата тянулась многие годы, живут в доме тестя и только после окончательного расчета муж получает, наконец, право перевести семью в свою юрту. Последнее следует понимать так, что он получает право увезти свою жену, детей и женино имущество в свой аул, т. е. стойбище своего отца.

[2]) Op. cit., стр. 91.

© ГГТБ СО РАН

вступают на самостоятельный жизненный путь, дающий им широкий простор для проявления личной энергии и инициативы, в особенности женщинам, которые у сойотов обычно крепко держат в своих цепких руках бразды правления домом.

Первое событие, которое дает повод молодым собрать у себя общество, хотя и одно женское, это благополучное появление на свет первенца.

Роды у сойоток всего чаще бывают очень трудными [1]), требуя усиленной посторонней помощи, которая и оказывается роженице как женщинами, так и мужчинами. Обычным приемом при этом является подвешивание под мышки, в случаях же паталогических, когда опытность профессиональных сойотских повитух оказывается недостаточной [2]), и роды затягиваются, угрожая и матери и плоду, сойоты обращают свои взоры к Небу и прибегают к молитвам ламы или шамана там, конечно, где последний еще существует.

Пуповина (кип) отрезается у мальчика ножем, у девочки-ножницами; послед зарывается в таком месте юрты, по которому не ходят; ребенка обмывают теплой соленой водой, после чего тельце не обтирают, а дают ему высохнуть у костра, и затем, плотно укутав малютку в мягкую, но плохенькую шкурку, кладут в зыбку (бижик). Кормят его грудью до трехлетнего возраста [3]), и хотя это долгое кормление по убеждению сойотов и оказывает задерживающее влияние на последующую беременность, тем не менее сила обычая у них такова, что преодолевает даже пламенное желание каждой сойотской семьи иметь побольше детей. Рождение ребенка—большой праздник для сойота, и юрта, полная ребят,—гордость даже беднейшего из них. Многочисленная семья далеко, однако, не частое явление в Урянхайской земле, что столько же об'ясняется большой смертностью детей, сколько и малой плодовитостью браков. Лапуж остановку роста населения во Франции об'ясняет интенсивным скрещиванием длинноголовых с короткоголовыми, подтверждая эту гипотезу тем фактом, что наибольшею плодовитостью отличаются департаменты наиболее чистые в расовом отношении. Имеем-ли мы и здесь дело с однородным явлением [1]), или тут замешаны другие причины—вопрос остается открытым, и решение его—дело будущих исследователей описываемой народности.

С 10—12-летнего возраста дети у сойотов уже действительные помощники родителей и часто—ответственные работники.

Благополучное рождение ребенка—обязательный повод для созыва родственников и знакомых на „той"—празднество, в котором участвуют только женщины, из мужчин же ближайшие родственники, и которое сводится главным образом к изобильной трапезе, после которой девушки иногда затевают игры и хоровое пение под аккомпанимент одного—двух инструментов. Самый многолюдный „той", к которому молодая чета исподволь и долго готовится, собирается в честь первенца, появление же на свет последующих детей празднуется менее людно.

Паталогические роды имеют большею частью неблагополучный исход и для матери и для плода. Как велик процент таких случаев, конечно, сведений мы не имеем, но общее

[1]) *Яковлев*, op. cit., стр. 87. Я затрудняюсь дать об'яснение этому факту; замечу лишь, что у прочих известных мне азиатских народностей, будь-то оседлые (сарты Русского Туркестана, уроженцы Восточного) или кочевые (киргиз-казаки, кара-киргизы, узбеки, торгоуты, куку-норские панака и др.), которые живут в условиях нисколько не лучших, чем сойоты, роды, как общее правило, проходят очень легко.

[2]) С 1913 года для нужд местного русского населения в Урянхайский край стал ежегодно командироваться докторский персонал, который обязывался и к посещениям ближайших сойотских стойбищ, дабы тем постепенно приучить сойотов к русской медицинской помощи. По отзыву этих врачей главнейшими болезнями у сойотов следует считать ревматизм, сифилис, накожные и глазные болезни, а также женские, порожденные всего чаще неправильно веденными родами.

[3]) У *Яковлева*, op. cit., стр. 88, вероятно, ошибочно сказано до пяти лет.

[1]) О длинноголовой расе, населявшей некогда Алтайско-Саянское нагорье и здесь смешавшейся с короткоголовой, достаточно говорилось в II т. настоящего труда (см. гл. I). Напомню лишь, что могилы верхней террасы Улу-кема принадлежали, как показали это раскопки *Минцлова*, расе поддлинноголового типа.

ОПЫТ

впечатление акушерки, заведывавшей в 1914 году приемным покоем в Белоцарске, было таково, что число сойоток, нуждающихся в помощи акушера, превышает европейскую норму.

Итак, если молитвы ламы или шамана, а то и обоих вместе, не привлекают помощи свыше, то в таких случаях роженицу ожидает смерть.

Смерть человека, по воззрениям сойотов [1]), происходит от того, что какая-то невидимая сила проникает в него и исторгает из него „тын"—дыхание [2]), которое, однако, не исчезает бесследно, а переходит в то, что дает жизнь другому существу—человеку или животному. От дыхания—„тын", как от легкого ветерка, не бывает следа. На ряду с „тын"'ом в каждом человеке обретается „сагыш", душа, мысль. Сон порождает „сагыш". Пока „сагыш" и „тын" в человеке, они неразрывно между собою связаны, хотя и не составляют единого целого, в момент же смерти, по выходе из человека, они об'единяются в то, что сойоты называют „сюнезын" и что ближе всего перевести словом душа.

„Тын" и „сагыш" переходят в момент зачатия от мужчины [3]), чем, будто-бы, и об'ясняется сходство ребенка с

[1]) *Кон*, op. cit., стр. 5.

[2]) *С. Майнагашев* („Загробная жизнь по представлениям турецких племен Минусинского края" в „Жив. Стар.", 1915, вып. III, стр. 278) полагает, что словом „тын" минусинские инородцы обозначают „и душу и жизнь", так как говорят, например: „тын узулду", что значит—порвалась жизнь. Далее, однако, читаем: „Тын" многих героев богатырских поэм бывает заключен в какой-нибудь предмет или животное, и пока эти предметы или животное не будут уничтожены, до тех пор не может быть убит и герой. Но если так, то „тын" не может одновременно обозначать и душу и жизнь, выражение же „тын узулду" можно было-бы передать и словами „дыхание прервалось". У качинцев, если верить *Островских* („Этнографические заметки о тюрках Минусинского края" в „Жив. Стар.", 1895, вып. III и IV, стр. 341), душа человека именуется не „тын", а „куд", причем они говорят, что смерть человека происходит от того, что его душу похищает айна.

[3]) Неясно, от мужа как частицы его „сагыш" и „тына" или из тела одновременно где-нибудь скончавшегося мужчины в состоянии „сюнезын". Последнее вытекало-бы из изложенного выше, но этому противоречит взгляд сойотов на причину замечаемого иногда сходства между отцом и детьми.

отцом, а не с матерью, которая в духовном отношении ему ничего не дает. Зачатие происходит в свыше предопределенный момент. Рост плода зависит от „Кудай" — Небесного Творца, по повелению которого божество-успокоитель— „Шакчадыппа" наблюдает за тем, чтобы божество „Отчатый" следило за утробной жизнью ребенка до момента его рождения, на исход которого оказывает, однако, нередко свое пагубное влияние злой дух „Кайбын-ку", причиняющий родовые муки и доводящий роженицу часто до агонии. Моления и приносимые при этом ламами жертвы и имеют целью умилостивить этого духа.

Если ребенок умирает, то его труп заключают в кожаный мешок, кладут туда же немного мяса, сметаны, сыру и хлеба, если последний в этот момент имеется дома, и, тщательно увязав, относят на степь, где и оставляют где-нибудь при дороге. Есть у сойотов поверье, что польстившийся на такой мешок вносит в свою юрту смерть [1]), и оно хорошо предохраняет труп от участи быть выброшенным на поле как падаль.

Впрочем, такое святотатство с европейской точки зрения не шокировало-бы сойотов, так как именно таким образом, как и монголы, поступают они с трупами взрослых: их выносят на степь и равнодушно взирают засим на то, как их пожирают собаки или растаскивают по частям дикие звери и хищные птицы.

Покойника не обмывают, а одевают в халат или шубу, под голову кладут ему штаны и, повернув его на правый бок и придав согнутое положение, укрывают кошмой или кожей, после чего оставляют в таком виде в юрте на время последующих погребальных церемоний, которые сводятся к следующему.

К юрте покойника привязывают барана и ждут, когда он заблеет. Тогда его закалывают и лучшие части сжигают на тут же, у юрты, разложенном костре, причем приглашенный на похороны шаман творит заклинания, имеющие силу препятствовать злым духам похищать посылаемую покойнику

[1]) *Яковлев*, op. cit., стр. 97.

© ГПИБ СО РАН

пищу. Когда мясо испепелится, шаман переходит в юрту и обрашается к усопшему с такими словами утешения: „Не ты первый покидаешь землю, а потому не горюй! Ешь мясо, пей вино! ешь просо, пей чай!“. Одновременно все присутствующие на похоронах бросают в огонь костра табак из своих трубок, чем и кончается та часть похоронных обрядностей, которая обычно совершается на дому. В следующий засим момент в юрте разбирают одну из ее сторон (западную?) и через образованный таким путем пролом выносят на кошме (или коже) усопшого на степь, где и оставляют на с'едение собакам и дикому зверю, предварительно, однако, обставив изголовье рядом жердочек (шякшя) с прикрепленными к ним бумажными лентами, исписанными молитвами, или миниатюрных срубов, уставляемых пирамидками из глины (сацца).

Если покойник—гость, то труп его выносят не через пролом в юрте, а из дверей последней, после чего тщательно ее выметают, очищая ее таким путем от всего, занесенного в нее усопшим; одновременно труп стегают пучками колючих растений, приговаривая: „все забирай, все свое уноси с собой!“.

Поминки по усопшем совершаются на третий день (юш-хонак), на седьмой (читы хонак) и сороковой (тёртын хонак). Там, где шаманов не успело еще окончательно вытеснить ламайское духовенство, их обязательно приглашают на эти поминки, и тогда их обязанностью становится говорить поучения на тему о загробной жизни души.

Покойника, даже если он не близкий родственник, сойоты избегают называть по имени. Причину мне не удалось выяснить, но те же сойоты не назовут вам имен своих родителей, тестя и тещи; а, засим, невестке возбраняется называть по имени свекра и свекровь, и всем вообще сойотам своего князя (огурду) и хамба-ламу; наконец, муж никогда не назовет своей жены иначе, как юг-иезы—хозяйкой юрты или сюргэн-иезы—матерью такого-то, а жена мужа—своим мужчиной—ир-им. Сказывается-ли в этом обычае влияние Китая, где и до настоящего времени считается неучтивым называть по имени человека почтенных лет или занимающего высокое

общественное положение, и где еще недавно исключались из употребления иероглифы, которыми писались имена монархов, на все время их правления, или, наоборот, даже Китай подчинился тому суеверию, которое породило этот обычай и которое, повидимому, с незапамятных времен господствовало над умами народов азиатского востока? Последнее вероятнее, так как только при императоре Ханьской династии Ву-ди, правившем с 140 по 87 г. до Р. Хр., в Китае вошло в обычай давать особое наименование годам правления государей, каковые наименования и стали заменять личные их имена, сменяясь в свою очередь после их кончины даваемыми им посмертными именами.

Из предшедшего видно, что шаманизм далеко еще не изжил своего века в Урянхайской земле, и что местная религия представляет самое странное сочетание буддийского миросозерцания с шаманскими верованиями. „Сойоты в своих религиозных мировоззрениях, говорит Кон [1]), переживают в настоящее время ту стадию, когда устои одного миросозерцания расшатаны, начала же другого еще не усвоены“. Новые боги не заменили им их старых богов, но заняли лишь место на ряду с ними, увеличив их пантеон, и сойот все еще продолжает чувствовать себя во власти тех же духов, которые в представлении его предков населяли вселенную. Понятие о бездушной материи, как и понятие о чистом бесплотном духе, как результат абстракции, остается ему еще недоступным, и мир, как предмет непосредственного сознания, представляется ему царством душ; таковы горы, леса, реки, животные—все те явления природы, среди которых он живет; таковы же и души умерших, которые являются ему иногда. Принятый лишь внешним образом, ламаизм не поколебал в нем сознания зависимости от одухотворяемых им сил природы, и его трепет пред демонами едва-ли в настоящее время не сильнее того, который испытывали пред этими последними его предки, ибо, по его мнению, тогда жили в Урянхайской земле еще сильные шаманы (хам), которые были действительными посредниками между человеком и теми

[1]) Op. cit., стр. 6.

© ГПНТБ СО РАН

„пуками“ [1]) и „албысами“ [2]), которые для того только, повидимому, и существуют, чтобы вымещать свою злобу на человеке; нынешние же шаманы утратили силу воздействия на этих демонов, и их попытки влиять на них прежними приемами остаются всего чаще безрезультатными. Как и почему это произошло? Сойоты имеют этому об'яснение. Высшую силу свою шаманы получают, говорят они, с соизволения Неба: проходит темная туча, появляется радуга, ударяет своим концом по человеку и вселяет в него эту силу. Одним из последних могущественных шаманов был ойнарский Шагдыр. Его ударило концом радуги в то еще время, когда он не вышел из отроческого возраста. Он упал тогда замертво, и все попытки привести его в чувство не имели успеха до тех пор, пока одному старику не пришло в голову обкурить его можжевельником (артыш) [3]). Мальчик ожил и, как только оправился, стал хватать куски железа и дерева и бить ими один о другой как в бубен. Тогда только понято было значение удара радуги. Шагдыр стал великим шаманом. Он пронзал себе грудь ножом так, что конец последнего выступал у него из спины, и тем не менее не только не поражал себя на смерть, но такой ужасный удар не оставлял в его теле даже

---

[1]) „Пук“—демон, вселяющийся в человека и вне его не существующий (?) (см. *Кон*, op. cit., стр. 6). Бывают целые семьи „пуктэр“, т. е. одержимых этими демонами. Вселение одного из них в человека узнается по разным внешним признакам: опухли у кого-нибудь ноги без заметной причины—в него вселился пук; заболел водянкой, и лекарства лам не помогают—в нем сидит опять-таки пук; умирает в семье подряд несколько человек—и в этом виноват пук.

[2]) „Албыс“ живет преимущественно в песчаных местах. Мужчине он является в образе красавицы, женщине—красавца. Спереди он имеет вид человека, сзади же лишен покровов и все его внутренности обнажены (*Ф. Я. Кон*. ibid.). Если таким в представлении сойотов является албыс, то едва-ли правильно *Катанов* („Письма из Сибири и Восточного Туркестана“ в прилож. № 8 к LXXIII т. „Запис. И. Акад. Наук“, 1893, стр. 7) приравнивает его к русалке.

[3]) *Кон*, кажется, ошибается, переводя „артыш“ словом вереск. Можжевел, а местами в России и багульник, называют иногда ошибочно вереском, научное название которого Erica vulgaris. Не делает-ли ту же ошибку

следов поранения [1]); он управлял „пуками“, и его угроза вселить в человека одного из этих демонов имела всегда действительное значение. Но он умер, и хотя душа (сюнезын) шамана, переселяясь в другого человека, сообщает ему и шаманскую силу, но последняя при этом переселении ослабевает, и это ослабление с каждым новым переселением становится все ощутительнее [2]). Вот причина бессилия и ничтожества современных шаманов; на возрождение же новых, более могущественных, нет соизволения свыше [3]).

Современный сойот живет под гнетом кошмара демонов [4]) и не находит от них спасения в боге, победившем все демоническое. Буддизм не дает ему этого бога, и все его утешение сводится к обещанию окончательного успокоения от демонической силы в паринирване, т. е. в том состоянии души, когда она утрачивает все человеческое.

У сойотов шаманство сохранилось в более яркой и цельной форме, чем у остальных народностей Саянско-Алтайского

и *Кон?* Шаманы при своих молениях жгут можжевельник, а не вереск. *С. Шашков* („Шаманство в Сибири“ в „Зап. И. Русск. Геогр. Общ.“, 1864, кн. II, стр. 25 и след.), у которого читаем: „На священное значение пихты и вереса (вереска) указывают слова одной имеющейся у меня шаманской песни: „из деревьев лесных лиш от пихтового дерева и от вереса идет священный дым““, очевидно, также употребляет, как в этом, так и в других случаях, ошибочное название вереса (вереска) для можжевельника.

[1]) О сходных шаманских фокусах рассказывает, между прочим, и *Кривошапкин*—„Енисейский округ и его жизнь“ в „Зап. И. Русск. Геогр. Общ.“, 1862, кн. IV, иссл. и мат., стр. 165, а затем куп. *Иванов* (см. *В. М. Михайловский* — „Шаманство“ в „Труд. Этногр. отд. И. Общ. Люб. Естеств., Антроп. и Этногр.“, 1892, XII, вып. 2, стр. 58) и *Ричард Джонсон*, один из спутников Стивена Борроу, совершившего самостоятельное путешествие в 1556 году к устьям Оби (цит. там же, стр. 98).

[2]) *Кон*, ibid.

[3]) Такие же легенды об утрате современными шаманами могущества прежних шаманов существуют и у других народностей Сибири; так, мы знаем о них у самоедов и у балаганских бурят (*С. Шашков*, op. cit., стр. 81—82).

[4]) То же впрочем можно сказать и о всех придерживающихся шаманства, для которых, выражаясь словами *С. Шашкова*, op. cit., стр. 3, ад является атмосферой, демоны—idée fixe.

© ЭЛЕКТРОННЫЙ АРХИВ

нагорья [1]). Так, у них еще удержались следующие общественные моления:

тэр тагыр, оран тагыр — моление солнцу и небу, на которое собирается народ со всего сумо;

таг тагыр, оран танды — жертвоприношение горным духам, приносимое целым родом во главе с его представителями;

тайга тагыр — моление на гольцах, чаще всего на конусообразной вершине, духу горы;

арт тагыр — моление на перевале при обратной перекочевке на зимнее стойбище, которым выражается благодарность за благополучно проведенное лето в горах, за обилие трав и произведений земли;

тюк тагыр — праздник шерсти — благодарственное молебствие всем хошуном за обильное получение с овец шерсти и моление о ниспослании благополучной погоды на все время валяния кошем;

буга бажа тагыр — моление в начале весенних полевых работ на головном участке магистрального арыка о ниспослании урожая, в котором принимают участие только те из сойотских семейств, которые пользуются водою этого арыка;

сук тагыр — моление на ключах духу вод [2]).

[1]) *Яковлев,* op. cit., стр. 109.

[2]) *Яковлев,* ibid., замечает, что воду сойоты считают священной: ее нельзя черпать черным котлом, нельзя ее пачкать, зимой можно лишь в исключительных случаях пользоваться проточной водой потому, что имеется снег, и нет особой нужды беспокоить водяного духа; так как нижняя часть тела женщины считается нечистой (*Яковлев,* op. cit., стр. 94), то женщине не дозволяется ни рыбачить, ни рыть оросительные канавы: во время этих работ она может осквернить воду. Так-же думают и буряты, придерживающиеся шаманской религии: женщина, по их мнению, шагая через источник, оскверняет его (*С. Шашков*, op. cit., стр. 27). Известно, что яса Чингис-хана карала смертью осквернение или загрязнение воды источника или реки. D'Ohsson — „Histoire des Mongols depuis Tchinguiz-khan jusqu'à Timour-Lanc", II, стр. 93—94, приводит рассказ, из которого видно, какого труда стоило Угэдэю спасти от смерти мусульманина, который по незнанию монгольских законов открыто совершил на берегу реки предписанное ему законом омовение.

обо тагыр — моление на местах, особо указываемых шаманами, на которых ради таких случаев и возводится больших размеров шалаш из хвороста, формой напоминающий юрту, причем его окружают жердями с прикрепленными к ним ленточками, цветными тряпками, хадаками и проч., а внутри размещают шаманских идолов, различные жертвенные приношения и проч.:

хам яшь тагыр — моление лесным духам, которое производится под лиственицей с перепутанным, неправильным расположением ветвей, образующих то, что у сибиряков называется „вихоревым гнездом" [1]).

Засим, у них удержались и такие моления, в которых принимают участие только члены отдельной семьи; таково, например, моление от тагыр — огню юрты, во время которого приносится духу огня жертва в виде трех пирамидок из теста, сжигаемых тут же вместе с большим количеством можжевельника (артыш); перед началом этого моления над дверью юрты прикрепляется зеленая ветвь. Огонь в представлении современного сойота остается тем же освящающим началом, как и до принятия начал буддийского вероучения, и к нему, как и прежде, обращаются с тем же молением: „святой, очисти, помилуй". Совершает это моление шаман. За последнее, однако, время обязанности шамана стали принимать на себя довольно часто и чины ламайского духовенства; там же, где по близости этих духовных особ не имеется, те же обязанности возлагает на себя старший в семье.

К числу молений в тесном кругу семьи следует отнести и хамнар — шаманское служение над больным. При одном из таких служений присутствовал Островских, который и описывает его [2]), но влагает при этом в уста шамана

[1]) Бывают случаи, что налетевший на молодое дерево вихрь свивает его тонкие ветви в клубок, после чего они или отмирают или продолжают в таком виде расти, образуя то, что в Сибири называют вихоревым гнездом.

[2]) „Краткий отчет о поездке в Тоджинский хошун Урянхайской земли" в „Изв. И. Русск. Геогр. Общ.", 1898, вып. IV, стр. 428—429. У *Яковлева*, op. cit., стр. 117—119, мы находим также описание шаман-

© ЦНТБ СОРАН

в качестве „некоторых из религиозных его стихов“ такое бессвязное воззвание сперва к творцу небесному (Кудай), а затем к азам (демонам), что я затрудняюсь передать его содержание. Замечу лишь, что одним из болящих был лама, страдавший болью в плече, и прежде, чем обратиться к молитвам шамана, испробовавший все бывшие ему доступными способы лечения. Во время служения шаман два раза склонялся над ним и, сильно колотя в бубен, осенял им больную часть тела, а засим бросался не раз на колени, с хохотом загонял духов в бубен и закончил камлание выкриком, что самый старший из азов бежал к карагасам, к городу Нижнеудинску [1]), и не вернется оттуда ранее года [2]).

Личных молений у сойотов не существует, если не считать совершаемых женщинами весной троекратных обходов своих юрт с обращенной к духам мольбой о молочности

ского камлания. Отсылаю к нему читателя, но лично думаю, что запись не вполне точна и, повидимому, с значительными пропусками воспроизводит выкрики исступленной шаманки.

[1]) Сомнительно, чтобы при камлании шаман мог упомянуть о городе Нижнеудинске, который к тому же по имени едва-ли кому из сойотов известен.

[2]) В настоящее время, пишет *Ф. Я. Кон*, op. cit., стр. 7, среди улукемских сойотов шаманы ограничивают свою деятельность исключительно почти врачеванием. Следует-ли понимать эти строки в том смысле, что перечисленные выше общественные моления в долине Улу-кема уже отжили свой век и если где в Урянхайской земле и совершаются, то лишь в наиболее глухих ее уголках? *Кон* имел под руками книгу *Яковлева*, когда писал свой отчет, и ему следовало-бы в этом случае высказаться с большей определенностью.

Далее же он пишет, что строгого разграничения между болезнями на подлежащие лечению лам и шаманов—нет, и что сойоты обращаются то к одним, то к другим, то к тем и другим одновременно. Есть, однако, болезни, в лечении которых компетенция шамана признается до сих пор бесспорной; это — падучая, „ыстыртэн тыртыджегнаш арых“ (небесная болезнь содрогания). В маловодных ключиках (бир бирит), говорит поверье, во время смены погоды непогодой, в месте, где в камнях имеются брошенные туда кости человеческие, поднимается ветер, производимый „хозяином“ такого места (бирит); на кого подует этот ветер, тот и начинает болеть падучей. Вылечить от этой болезни может только шаман.

и здоровье скота; эти обходы сопровождаются легкими ударами по войлоку юрты.

С'езжающиеся на общественные моления сойоты подвязывают по два белых лоскутка к своим головным уборам; по прибытии же на место эти лоскутки приносятся в жертву духам и с поклоном вешаются на видное место. Женщины могут присутствовать на таких молениях, но не иначе как стоя по левую сторону [1]).

Общественные моления обычно сопровождаются жертвами, причем бараны, по одному от каждого улуса, доставляются на место почти всегда уже в сваренном виде, разрезанными так, чтобы животное можно было-бы снова сложить, лошади же, украшенные ленточками пяти цветов — белого, синего, красного, желтого и зеленого, вплетаемыми в гриву и хвост, приводятся на место и тут уже убиваются одним сильным ударом по горлу.

Жертвенных животных следует отличать от тех, которые получают название идык, изык, т. е. освященных, очищенных [2]), и которые лишь посвящаются богам, но не убиваются в целях жертвоприношения.

В целях посвящения из числа домашних животных чаще всего избираются холощеные бараны и холощеные же лошади, реже кобылы и, кажется, никогда жеребцы [3]), причем, повидимому, большое значение придается масти животного: кость кыргыз освящает искони коня сивой масти, кость пюрют (бурут)—соловой и т. д. После обряда посвящения лошади

[1]) *Яковлев*, op. cit., стр. 111. У якутов при отправлении общественных молений по отношению к женщинам существуют также некоторые ограничения: их приравнивают к лицам с замаранной честью и наравне с последними не допускают к пиршеству, которым заканчивается моление (*С. Шашков*, op. cit., стр. 90).

[2]) *Яковлев*, op. cit., стр. 104.

[3]) У *Яковлева*, ibid., однако, читаем: „жеребец бурой масти освящается лишь при горном таихе“; впрочем так у минусинских инородцев, а не у сойотов. У качинцев в число посвящаемых лошадей избираются даже, повидимому, исключительно жеребцы (см. *Островских* — „Этнографические заметки о тюрках Минусинского края“ в „Жив. стар.“, 1895, вып. III и IV, стр. 338).

ОТДЕЛ СБОРАН

обыкновенно возвращаются в табун, откуда уже не берутся на работу в течение последующих шести лет; но засим они утрачивают значение священного животного, могут быть взяты из табуна и проданы на сторону. Так по крайней мере у минусинских инородцев [1]); так-ли и у сойотов — остается неизвестным; у маньчжуров посвящаемое онготам животное, обычно белой масти, не возвращалось в стадо или в табун, а продавалось вслед за посвящением на сторону, причем, однако, вырученные деньги поступали не в пользу собственника животного, а шли на религиозные нужды [2]).

Вообще, однако, в этой части шаманского культа наши сведения должны считаться далеко недостаточными и требующими во многих отношениях дополнительных исследований.

Шаманы, мужчины и женщины, у сойотов, как и у всех остальных сибирских инородцев, придерживающихся шаманской религии, не образуют замкнутой касты. Шаманом может стать каждый, и даже на этот счет у сойотов существует поговорка: „чадсрандэ хам борар, чарайдэ сояк болар“, что значит бедность делает (человека) шаманом, продажный конь всегда с пороком (переступист), и другая — захотел кашу с салом есть и стал шаманом [3]), намекая на то, что шаманство прибыльно и хорошо кормит. Впрочем, избирающих эту профессию ради материальных выгод среди сойотов немного, ибо шаманская служба далеко не каждому по плечу. Ни албыс, ни одноглазый чулбус не боятся плохого шамана, уверяют сойоты, и в соответствии с сим смотрят они и на тех, кто присваивает себе это звание. Признанный всеми, шаман становится им в большинстве случаев преемственно (ухтук хам), но что профессия эта далеко не принадлежит к числу привлекательных, это доказывают тот страх и ужас, с которыми многие родители, в родстве у которых был шаман, ждут проявления у своих детей таких душевных качеств, кото-

[1]) *Яковлев*, op. cit., стр. 105.

[2]) *Иакинф* — „Китай в гражданском и нравственном состоянии“, ч. IV, стр. 62.

[3]) *Яковлев*, op. cit., стр. 114.

рые указали-бы на то, что в них вселился сюнезын этого родственника.

Искренно верящим в свое призвание шаманом может стать только человек с сильным воображением и наклонный к мистицизму; одновременно же, обладая природной наблюдательностью и пониманием действительного значения некоторых сил и явлений природы, он получает и средства влиять на ум и воображение первобытного человека.

Отличаясь особой нервностью своей натуры, он уже с юных лет выделяется среди своих сверстников, и это давно уже было отмечено народной массой, всегда провидевшей в таких суб'ектах нарастающую шаманскую силу. Он вечно к чему-то рвется, чего-то ищет, о чем-то тоскует; его перестает удовлетворять окружающая его жизненная обстановка, и он уносится мыслью за облака, в ту голубую высь, где царство его богов; при камлании, впадая в экстаз, а затем в обморочное состояние, он получает убеждение, что духовное существо его входило в эти моменты в общение с божеством, что оно спускалось в ад и поднималось в высшие сферы к небожителям; он начинает верить, что он духовидец, и с тем большею силою передает эту веру присутствующим при камлании, психически подготовленным к этому той своеобразной обстановкой, которой обычно окружает себя шаман.

Слово шаман производят от тунгузского самань, означающего человека, находящегося в исступленном состоянии [1]). Действительно, приступая к камланию всего чаще поздним вечером, при неверном освещении костра, в своем странном

[1]) Отмечу, впрочем, мнение проф. *Васильева* („Зап. И. Русск. Геогр. Общ.“, 1864, кн. II, геогр. исслед., стр. 80), который производит его от санкритского ш р а м а н, искаженного китайцами в шамынь и в этом виде перешедшего к тунгусам и другим народностям северо-восточной Азии. Санскритское шраман—общее название буддистов, но первые буддийские жрецы, явившиеся в Китай, были кудесники, а так как влияние Китая на народности северо-восточной Азии было несомненным, то хотя шаманство и буддизм и не одно и то-же, но слово шаман все же может быть в этом случае заимствованным.

О других об'яснениях слова шаман см. *О. Пешель* — „Народоведение“, перевод под ред. Э. Ю. Петри с 6 изд., СПБ., 1910, стр. 268.

© ГПБ СОРАН

одеянии, в одуряющей атмосфере сжигаемых в большом количестве можжевельника (Juniperus communis, L.) и богородской травы (ирбэн, Thymus serpyllum, L.), шаман под звуки бубна [1]) и своего монотонного пения заклинаний сперва тихого, потом более громкого, очень скоро приходит в исступленное состояние, вскакивает с своего места и, продолжая бить в бубен, начинает пляску, состоящую из кружения и неистовых прыжков и сопровождающуюся выкриками и мимикой, при которых все мускулы его лица приходят в движение; одновременно изо рта у него выступает пена, глаза наливаются кровью и странно вращаются; еще момент, и он в изнеможении падает и впадает в обморок, причем тело его продолжает еще некоторое время конвульсивно биться.

Сильное возбуждение нервов при таких сеансах отзывается на здоровье шамана настолько, что даже в обыденной обстановке его можно всегда отличить по его бледному лицу, бегающему взгляду, нервным непроизвольным движениям, нервным же подергиваниям в лице и губах и в психической сфере—по повышенной отзывчивости настроения—все признаки, указывающие на истощение нервной силы вследствие переутомления нервной ткани, на раздражительную слабость нервной системы. Одно, что говорит против того, что шаманы наживают своей профессией неврастению, это—неослабная их энергия, упадок которой так характерен для неврастеников, но именно в этой области медицина очень часто наталкивается на факты, не поддающиеся научному об'яснению. Распространено мнение, что среди шаманов процент эпилептиков более велик, чем у остальных людей, но если это и так, то это лишь трудно об'яснимая случайность, так как причинной связи между эпилепсией и шаманской деятельностью установить нельзя. Засим строгие и часто продолжительные посты, которыми шаман подготовляет себя к камланию и последующее физическое и нервное переутомление, доводящее

[1]) В наши дни шаман при камлании не может обойтись без бубна, но в прежнее время, по словам качинцев (*Островских*—„Этнографические заметки о тюрках Минусинского края" в „Жив. Стар.", 1895, вып. III и IV, стр. 344), шаманы камлали без этого инструмента.

его до обморочного состояния, не могут также не вызвать и других, кроме нервных, расстройств в его организме, но природа таких расстройств нам неизвестна, и о них можно говорить только предположительно.

Выше говорилось, что шаман окружает себя в Урянхайском крае обстановкой, имеющей целью поднять психическое настроение обращающихся к его помощи. Его юрта бывает убрана почти всегда очень оригинально, причем различные предметы шаманского культа развешиваются в ней обыкновенно в строго определенном порядке [1]). Против двери вешается или помещается на особой подставке бубен (тюр. тюнгур), над ним же развешиваются: резанные из дерева и выкрашенные в черный цвет изображения птиц—вестников духов—кукушки (кек) и ястреба (харпыг), и на ряду с ними изображения змей—„солонго", длиной от полутора до двух аршин, и „моос", еще более крупных размеров, которая делается из полоски войлока, обтягиваемого кумачом или коричневого цвета материей, с медными рогами, открытым зевом, из которого торчит красный язык, и раздвоенным хвостом; тут же обыкновенно висит и „челэс"—знамя, т. е. лента около двух вершков шириной и до $^3/_4$ аршина длиной, сшитая из разноцветных полосок с пучками цветных же ленточек на обоих концах, к верхнему из которых иногда прикрепляются или фигурка верхового из листовой меди или жестяная пластинка в форме змеиной головы и сверх того вырезанные из жести изображения солнца или полумесяца. По правую сторону бубна вешаются идолы (эрень): кукла медведя (кайыркан), резанное из дерева и выкрашенное в черный цвет изображение оседланного быка (бугу), „кара-эрень"—то же, что „моос", но без языка и иногда медных рогов на голове, „ак-эрень"—ременное кольцо, обшитое красным кумачом, к которому подвешены пучек цветных лент и жгут, сплетенный из 5—7 замшевых ремешков [2]), „хадак-эрень"—белый

[1]) Дальнейшее заимствую преимущественно из цитированной выше книги *Яковлева*.

[2]) Идолу ак-ирэнь посвящается все белое—лошадь белая, собака, шкурка горностая. К нему прибегают в случаях получения внешних повре-

© ГПИБ СОРАН

платок с нашитыми по верхнему борту пучками лент преимущественно белого цвета, чередующимися с шелковыми хадаками [1]) и шкурками белки-летяги (Sciuropterus volans), далее—шкуры кабарги (торгу, торбу), орла (изыр), совы (амарга) и другие предметы, по левую—„саранатэ“—изображение стрелы и лука, к тетиве которого подвязаны перья глухаря и сделанная из красной тряпки человеческая фигура, „югу“—шкура филина и ряд других идолов. Над дверью прикрепляется „джелама“—идол (эрень), имеющий вид жгута с подвязанными к нему через промежутки в полтора вершка пучками цветных ленточек и иногда восемью изображениями змей из белой бумажной материи; за джеламу засовывается деревянный меч (халыш, чада)—назначение которого предохранять хозяина юрты от злых духов. Засим в остальном внутренность юрты обставляется шаманом так-же, как и у остальных сойотов, если не считать находящихся всегда на виду и дополняющих своеобразие ее внутреннего убранства предметов шаманского одеяния и других, не названных здесь предметов шаманского культа и служения [2]).

Ф. Я. Кон [3]) пишет, что первые зерна ламаизма посеяны были в Урянхайском крае не более 140—170 лет тому назад при Кара-Монджи джянге [4]), деде жившего еще в 1903 году

ждений: поранений и поломов костей, а также в случаях заражения сифилисом; больного сифилисом, по словам сойотов, „ак ирэнь“ ест (*Яковлев*, op. cit., стр. 98, „Описание этногр. колл.“).

[1]) Так называются узкие полотнища весьма легкой и редкой, светло-голубого цвета, шелковой ткани, подносимые обычно в знак уважения младшими старшим, сопровождающие, как визитная карточка, посылаемые подарки и в свою очередь служащие подарками в тех случаях, когда обычай не предусматривает более ценных; без хадака ни один проситель в Монголии не явится к лицу, от которого ждет себе помощи; хадаки служат обычным приношением в кумирни и даже в некоторых случаях заменяют подаяние; так, например, в Урге можно всегда встретить распевающих молитвы лам-странников, посохи которых обвешены хадаками, пожертвованными им их благочестивыми слушателями.

[2]) Их перечень, хотя, вероятно, и не полный, читатель найдет в не раз уже цитированной здесь книге *Е. К. Яковлева*.

[3]) Op. cit., стр. 3.

[4]) Правильнее было-бы, вероятно, сказать дзайгин?

Ашак-мерина [1]), первого богача в стране и тестя амбыньнойона. Это изустное предание не подтверждается, однако, имеющимися в исторической литературе свидетельствами.

Первый ламайский монастырь в Монголии Эрдэни-цзу был начат постройкой в 1585 году, в следующем закончен, а в 1587 из Тибета прибыл в этот монастырь лама Шидди-ту-габчжу, который совершил великое освящение эрдэни-цзу'ских храмов и учредил здесь правильное ламское общежитие. „С этого времени“, говорят халхаские летописи, „вера Будды как солнце засияла в Халхе; животворные лучи ее согрели души монголов и смирили их жестокие нравы: халхасы вступили на путь десяти белых добродетелей и стали весьма прилежны к деяниям высокородных святых“ [2]). В этих словах нет, повидимому, преувеличения, ибо едва успело миновать полстолетия со времени закладки Эрдэни-цзу, как мы видим, что монголы не довольствуются уже проповедью и руководительством обыкновенных лам, но требуют высшего первосвященника, который и явился в лице первого хубилгана Халхи Чжэбцзун-дамба-хутухты; а еще полстолетия спустя Монголию посетил иезуит-миссионер Жербильон, который в оставленных им записках дает такую характеристику нравов халхаских монголов той эпохи[3]): „Ils sont fort dévots dans leur fausse secte, et presque tous portent des chapelets au col, sur lesquels ils récitent leurs prières. S'ils avoient embrassé la vraie religion, je crois qu'ils seroient de fervens chrétiens: quoique pourtant, à dire vrai, ils sont tellement entêtés de leurs lamas et de leurs erreurs, qu'il y a peu d'aparence qu'on pût les convertir à la foi... Il n'y a guerres de prince Mongou qui n'ait quelque pagode dans ses états, quoiqu'il n'y ait pas une seule maison“... О том же свидетельствуют и приписываемые

[1]) Очевидно, Ашак—имя, мерин, правильнее—мейрен, титул.

[2]) *А. Позднеев*—„Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии“ в „Зап. И. Русск. Геогр. Общ. по отд. этногр.“, 1887, XVI, стр. VIII; *idem*—„Монголия и монголы“, т. I, стр. 428.

[3]) *Du Halde*—„Description géographique, historique, chronologique, politique et physique de l'Empire de la Chine“, t. IV, стр. 46; цитир. у *А. Позднеева*—„Очерки быта будд. монаст.“, etc., стр. IX.

© ЦНТБ ОРАН

императору Цянь-луну (1736—1796) слова: „Монголы упали и ослабели от ламского влияния“ [1]). То, что было в Халхе, видим мы в Западной Монголии. Что касается Урянхайской земли, то о проникновении туда проповеди желтого вероучения если не раньше, то уже в начале XVII столетия, говорит нам непосредственное свидетельство атамана Василия Тюменца, который, прибыв в 1616 году в ставку алтын-хана урянхайцев, был принят последним при торжественной обстановке в шатре хутухты, после чего присутствовал при богослужении лам [2]). „Царь Алтын, показывал Василий Тюменец, учал нам воздавать честь великую. И велел пророку своему кутухте со всеми его крылашены пети по книжному по их вере. А сидел кутухта особно, устроенное ему место рундуком, и обито кругом алтабасом золотым, а над— сделано, что киотом. А наверху у его места написаны по их вере образы на бумаге и прибиты на камках, а письмо велико, неведомо какое...“

Это свидетельство очень важно, так как указывает на то, что желтое вероучение (гэ-луг-па) уже к началу XVII века успело одержать победу над шаманством и стало оффициальной религией в Урянхайской земле.

Однако, с тех пор успехи его как будто приостановились, несмотря даже на то, что ламайское духовенство пошло здесь, может быть, даже в большей степени, чем в остальной Монголии, на уступки шаманству, стараясь в пределах допустимого согласовать шаманские космические представления с буддийскими представлениями о божественном, полидемонизм с религией искупления и внутреннего бытия. Таким образом в настоящее время верования сойотов представляют какую-то странную смесь шаманства с буддизмом, причем ламы, вытеснив и заменив шаманов, придали во многих слу-

[1]) Арх. *Палладий*—„Дорожные заметки на пути по Монголии в 1847 и 1859 г.г.“ в „Зап. И. Русск. Геогр. Общ.“, XXII, вып. I, стр. 42.

[2]) *Ю. В. Арсеньев* — „Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году“ в „Зап. И. Русск. Геогр. Общ. по отд. этногр.“, 1882, X, вып. I, стр. 10—11.

чаях шаманской основе лишь буддийскую оболочку. На вершинах гор, на берегах рек, у переправ, по дорогам, всюду, где ранее производились шаманские камлания „хозяину места“, сооружены ныне „ова“ [1])—шалаши из хвороста,

[1]) *Кон*, op. cit., стр. 4. В Монголии—„обо“. *В. В. Рокхилль* („В страну лам“, перев. с англ., с пред. и примеч. Г. Е. Грум-Гржимайло, 1901, стр. 87) полагает, что „обо“—это переделанное на монгольский лад тибетское слово „до-бон“, что значит—груда камней, или „до-бум“—сто тысяч камней. Такие груды камней, собранные людьми, встречаются ныне повсеместно в Монголии и Тибете, но можно усомниться, чтобы обычай складывать на перевалах и в других местах кучи из хвороста, камней, рогов аркаров и других предметов, имеющих значение жертв, приносящихся путниками духам гор и других мест, был занесен ламаитами из Тибета, так как мы находим такие же „обо“ и в местностях, куда не проникло буддийское влияние, например, в пределах шаманской Сибири; да и *Рокхилль* далее пишет, что подобный же обычай существовал и у древних перуанцев. „Когда путник достигал вершины перевала, он никогда не забывал бросить в кучу возле дороги камень, а иногда и шарик своего излюбленного кока: это было своего рода жертвоприношение горному духу, причем произносилось молитвенное обращение к божеству: „Apochichta muchani!“, что значит: „я приношу тебе благодарность на этой куче“ или „я покланяюсь тебе“. (*C. R. Markham*—„Narrative and critical history of America“, I, стр. 251). На островах Фиджи также существует однородный обычай: всякий человек, который раз прошел мимо какого-нибудь идола, проходя вторично мимо него, должен бросить несколько листьев или несколько былинок в знак того, что он помнит о первой встрече (*Th. Williams*—„Fiji and Fijians“, стр. 197 и 202). *А. Позднеев*—„Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу“ в „Зап. И. Русск. Геогр. Общ. по отд. этногр.“, 1887, XVI, стр. 403, полагает, что в основе чествования в Монголии „обо“ (обоной тахилга) лежит чисто шаманская подкладка. Обо, как говорилось выше, представляют собою ничто иное, как груды камней, беспорядочно сложенные на вершинах гор и в других приметных местах; но в таком простейшем виде они являются только у шаманистов; ламы же дают им иную форму, в которой все приурочено к буддийской космологии. Обыкновенно это уже не одна куча камней, а целых тринадцать: средняя, наибольшая, представляет гору Сюмэру, расположенные же по три к северу, югу, западу и востоку от нее—четыре тиба (двипа). Но это, очевидно, изменение позднейшего времени как и все те молитвы, которые читаются ныне ламами при чествовании обо, ибо сами ламы сознаются, что хотя обычай этого чествования и очень древний, но что, тем не менее, во всей буддий-

© ГПБ СПбАН

в которых помещены буддийские бурханы и перед которыми подвешены шаманские идолы — „джелама“ (чалама) - эрень; в сумо саттар [1]) родовой „эрень нортак“ был превращен в бурхана „ажай-бурул“, которому ламы, как раньше нортаку шаманы, продолжают ставить „идык“ [2])—коня белой масти; сумо-тагыр, сёок-тагыр, т. е. родовые общественные молебствия, ведутся ныне в долине Улу-кема ламами, хотя еще на памяти стариков их совершали шаманы; даже у постели больного ламы, являющиеся одновременно и „имджи“—врачами, вытесняя шаманов, находят необходимым в подражание последним совершать молебствия—хорум (т. е. прежние хамнар) об избавлении страждующего от вселившегося в него злого духа. Одновременно с этим они возложили, однако, на некоторых бурханов, именно, на шаджай, а по другим сведениям, и на сэндемма, обязанность, какую они не несли у себя на родине, в Тибете, а именно, охранять человека от козней шамана.

При таких условиях и в виду того, что даже высшие представители ламайского духовенства не чуждаются общения с шаманами, являясь подчас их клиентами [3]), нет ничего

ской литературе нет книги, по которой можно было-бы отправлять это чествование, что ясно указывает на то, что в этом случае буддизм поступился в пользу шаманства. Об обрядностях этого чествования, как оно ведется ламайским духовенством в Халхе, я распространяться не буду (см. *А. Позднеев*, op. cit., стр. 406 и след.); укажу лишь на одну их сторону, которая составляет несомненно наследие шаманства: это—обычай окружать „обо“ жгутом или арканом с прикрепленными к нему многочисленными лоскутками цветных материй, исписанными словами молитв; этот жгут, очевидно, тот же шаманский идол—джелама-эрень, который продолжает подвешиваться, как это говорится ниже, ламами перед „обо“ и в Урянхайской земле.

[1]) См. гл. I, стр. 16.

[2]) См. выше стр. 139.

[3]) Выше, стр. 138, мне приходилось уже говорить, что *П. Е. Островских* застал камлающего шамана в юрте больного ламы. В отчете того же путешественника мы находим далее следующие строки: „рядом с кумирами в алачеке (юрте) хамбу-ламы“ (т. е. канбо-ламы—настоятеля монастыря, высшей должности, какой может достигнуть гэлун, т. е. монах, принявший великое посвящение) „находит место и костюм известной шаманки, сожительницы хамбу“... См. также *Яковлев*, op. cit., стр. 120.

удивительного, что сойотская масса до сих пор, несмотря на истекшие три столетия оффициального господства ламаизма, остается чуждой догматическому и нравственному учению Цзонкавы и, пребывая в шаманстве, усвоила лишь ламайскую обрядность и громадный пантеон ламаитов.

В настоящее время сойоты насчитывают 33 небесных свода [1]), населенных таким же числом богов (тэр), находящихся в подчинении у Майдыр-пурхана [2]), и три земных яруса, под которыми располагаются 18 отделов ада, управляемых 18 же эрликами, имеющими своим царем Эрлик-хана. Назначение эрликов — мучить души (сюнэ, сюнезын) грешников, попавшие в ад: что касается душ праведников, то они восходят на небо, где и перерождаются [3]). Земля в свою очередь населена азами—духами, являющимися покровителями гор, рек, лесов, долин, урочищ и проч., и в этой области шаманское миросозерцание нашло себе полное подтверждение в ламаизме, который учит, что не только каждый человек, но и каждое животное, даже растение, имеет своего особого духа—покровителя, причем человек может только тогда рас-

[1]) *Катанов* — „Письма из Сибири и Восточного Туркестана“, прилож. № 8 к LXXIII тому „Зап. И. Акад. Наук“, 1893, стр. 6. В этом числе сойоты, однако, сбиваются; ср. *Катанов*—„Опыт исследования урянхайского языка“, стр. 955 и 968, где говорится лишь о девяти и восемнадцати сводах.

[2]) *Катанов* — „Письма“, etc., стр. 6. Мне не удалось выяснить, отождествляют-ли сойоты Майдыр (Майдари) - пурхана с своим прежним шаманским творцом вселенной—Кудай, и если нет, то каковы в их представлении взаимные отношения этих двух властителей вселенной.

[3]) У *Катанова*, loc. cit., добавлено: „и там перерождаются один раз“, что неясно, так как, вселясь в праведника и вторично вознесясь на небо, она должна будет вновь переродиться, и такое перерождение будет повторяться до тех пор, пока она не станет душой грешника и не сойдет в ад. Засим, у *Катанова* далее читаем: душа шамана живет в камнях или в лесу, так как ее никуда не принимают. По другому, однако, записанному *Катановым* же („Опыт исследования урянхайского языка“, etc., стр. 967) показанию, душа доброго шамана возносится на небо, а душа обыкновенного смертного сходит в ад, откуда ее может вывести только усердная молитва ламы; да и по выходе своем из ада она не поднимается на небо, а бродит по земле, пока не настанет ей время переродиться.

© ГПИБ СОРАН

читывать на счастье в этой жизни и спасение в будущей, если будет чествовать все эти легионы духов. В целях обеспечения своего культа обрядовыми принадлежностями и правилами, ламаизм ввел почитание изображений своих божеств, и таким образом даже и в этих отношениях человека к высшим силам сойотам не пришлось испытывать сколько-нибудь значительной ломки, и сохранившие свое значение даже в глазах ламайского духовенства шаманские их эрени заняли место на ряду с ламайскими кумирами.

Чем более насчитывается лам, пишет В. П. Васильев [1]), тем больше, по понятиям буддистов, процветает религия, но в этом отношении Урянхайская земля далеко отстала как от Тибета, где, по словам Уэдделя [2]), каждый шестой—восьмой человек—лама, так и от Монголии, где число лам, как думает А. Позднеев [3]), восходит до 20 процентов всего населения.

Ламайских монастырей в Урянхайской земле сравнительно немного. Старейший из них, известный своей весьма богатой библиотекой тибетских книг, Соён-куре (куря, хурѣ) [4]) находится на левом берегу реки Тес [5]); но да-лама, глава сойотского духовенства, живет не в нем, а в наиболее значительном из сойотских монастырей, Оин-куре, лежащем в широкой долине р. Самгалтай [1]), одного из многоводнейших правых притоков того же Теса, близь ставки амбань-нойона. Засим, как мне передавали, в каждом хошуне имеется своя особая кумирня с определенным для нее штатом лам.

Большинство последних—сойоты, остальные монголы. Изучается сойотскими ламами, однако, не монгольский, а тибетский язык, который и считается обязательным для лиц, занимающих высшие ступени духовной иерархии. Своей ученостью сойотские ламы не выделяются; равным образом не высоко стоит и их нравственный уровень. Не говоря уже о хувараках (ховрактар), даже сойоты—монахи, принявшие „великое посвящение", не соблюдают пяти основных заповедей и, забывая, что отказались от всего, свойственного мирянам, открыто живут со своими любовницами и нередко пренебрегают обетом „воздержания от всего опьяняющего". Вообще, однако, жизнь сойотских монахов нам еще очень мало знакома. Одно можно сказать, что роль их в политической жизни страны совершенно ничтожна.

Вся Урянхайская земля, в административном отношении [2]) подразделяющаяся на восемь хошунов [3]), находилась до 1911 года [4]) под верховным управлением амбын-нояна

---

[1]) „Религии Востока: конфуцианство, буддизм и даосизм" в „Журн. Мин. Народн. Просв.", 1873, № 4, отд. отт., стр. 5.

[2]) Waddell—„Buddhism of Tibet, or Lamaism", London, 1895 (цитир. у *А. Позднеева*).

[3]) „Ламаизм" в „Энциклоп. слов." Брокгауза и Ефрона, XVII, стр. 286. См. ниже гл. VII.

[4]) Хурѣ—слово монгольское и означает становище, жилые помещения которого располагаются кругом. Так как, говорит *А. Позднеев* („Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии", стр. 1), по обычаям буддизма кельи лам должны располагаться вокруг здания кумирни, то на этом основании монголы дают название хурѣ только тем из своих монастырей, при которых постоянно живут ламы и которые по тому самому представляют собою не одни только здания кумирен, но заключают еще в своих стенах и кельи монахов.

[5]) На имеющейся у меня копии монгольской карты этот монастырь показан к югу от ставки амбань-нойона, на левом берегу Теса, немного выше устья р. Самгалтай. На карте *Рафаилова* он отнесен далее к востоку и назван Сойтын-куре.

[1]) Речка эта стекает с перевала Хамар-дабан в горах Танну-ола; см. т. I, стр. 119 (в географ. указат. к этому тому ошибочно дана стр. 67).

[2]) Современное административное устройство Урянхайского края восходит ко времени императора Цянь-луна (см. *Klaproth*—„Asia polyglotta", стр. 146).

[3]) Девятый урянхайский хошун, Хозутский, кочевья которого находятся в пределах бассейна оз. Косогола, в административном отношении стоит совершенно особняком, не подчинен амбын-нояну и управляется огурдой самостоятельно.

[4]) В этом году Урянхайский край вошел в сферу русского политического влияния, после чего южная граница Сибири стала проводиться по гребню хребта Танну-ола. Вместе с тем вопрос о дальнейшей судьбе тех Урянхайских сумунов, кочевья которых лежат на южных склонах названного хребта решено было считать не назревшим и оставить до поры до времени невырешенным между Ургой и Петербургом; а засим наступили

© НИЦ СОРАН

(амбань - нойона) [1]), носившего титул гуна (туше - гуна?), т. е. князя пятой степени и звание мейрен-дзайгина (корпусного командира); четыре из числа этих хошунов, а именно: Ойнарский, Сальджакский, Тоджинский и Кемчикский (Монгушский), управляемые наследственными правителями с титулом огурда [2]), подчинялись ему более действительным образом, четыре же остальные — Бэйсэ [3]), Мады [4]), Шалык и Нибазы [5]), входившие в состав монгольских княжеств, лишь номинально.

Власть амбын-нояна—наследственна; но насколько она была непрочна, это доказывает пример кемчикского огурды Хайдупа, который сумел не только добиться в Улясутае права считать себя независимым от амбын-нояна правителем хошуна, но и получить соответственное повышение в ранге. Покупка кораллового шарика и отдельной печати обошлась хошуну в сто тысяч рублей, Хайдуп вошел в значительные долги, но тем не менее успел приобрести такое влияние в Западной Монголии, которое в дальнейшем позволило ему без особого труда отнять у того же амбын-нояна Бэйсэ-хошун, насчитывающий, как мы видели [6]), семнадцать сумунов, и подчинить его своему верховному управлению. Этим ловким шахматным ходом он поставил себя в ряды сильнейших туземных правителей улясутайского ведомства и, вероятно, пошел-бы и далее

события, которые совершенно видоизменили политическое положение дел на этой русской окраине. Сведений, однако, о том положении, в каком очутились после 1918 года урянхайцы, входившие до 1911 года в состав владений монгольских князей и хотя номинально, но все же управлявшиеся амбынь-нояном, я к моменту выхода настоящей книги из печати не имел.

[1]) *Ф. Я. Кон*—„Усинский край", стр. 90, пишет амбынь-нойон.

[2]) Огурда—урянхайская переделка титула ухерида; сойоты именуют, однако, своих правителей не этим титулом, а величая их да-ноянами.

[3]) См. главу I, хошун Сайн-ноина.

[4]) См. главу I, хошун Да-вана.

[5]) Хошуны Шалык и Нибазы, состоящие каждый из двух сумо, кочуют к югу от хребта Танну-ола; сведений о них собрать мне не удалось; нет их и в литературе об урянхайцах.

[6]) См. выше стр. 15—17.

по пути своего возвышения, если-бы не один ошибочный шаг, сразу же положивший конец его карьере: он вызвал серьезный конфликт с Россией и, как результат, должен был сойти с политической сцены, а засим, не в силах будучи пережить своего падения, отравился. Впрочем все это стало возможным только потому, что Гомбо-Тарджи, правивший в то время урянхайским народом [1]), оказался человеком безхарактерным и ограниченного ума и способностей; для восстановления своих попранных прав он решился только на бумажный протест, да и тот не пошел далее канцелярии улясутайского цзянь-цзюня.

Ближайшим помощником амбын-нояна является мейрен-дандинчжаб [2]), занимающий одновременно и должность правителя его канцелярии; применительно к тому, что мы видим в Монголии, эти должности соответствуют должностям цзахирахчи и тусалахчи, которые имеются в каждом ханстве (аймаке) и княжестве (хошуне). Это—высокая должность, и до 1911 года лица, ее занимавшие, имели право на павлинье перо и коралловый шарик.

Канцелярия амбын-нояна носит у сойотов название чжасак (цзасак), что указывает на то, что в Пекине правителя урянхайского народа считали в одном ранге с монгольскими князьями-цзасаками [3]). В ней сосредоточиваются как все важнейшие дела по управлению краем, так, в частности, и дела по ближайшему управлению Ойнарским, амбын-нояновским,

---

[1]) Я застал его в 1914 г. вновь правителем всего урянхайского народа, но с настолько пошатнувшейся властью, что огурды остальных хошунов перестали с ним считаться, что, между прочим, выражалось и в том, что они прекратили посылку своих представителей в особое присутствие при его канцелярии, о чем будет говориться ниже.

[2]) *Кон* пишет: мерин.

[3]) См. т. II, главу XI, где говорится, что правитель урянхайцев, последний из алтын-ханов, Эринчин, присягал в 1655 году императору Шуньчжи как удельный князь и тогда-же был назначен цзасаком. Последующим правителем большей части урянхайского народа был известный Бубэй, также удельный князь и цзасак, а засим линия князей, управлявших урянхайцами, если фактически и не прервалась, то осталась нам почти неизвестной.

ОТТИБОРАТ

хошуном, в котором не имеется огурды и которым в качестве второго помощника амбын-нояна управляет джалан (хошун-джалан) [1]). При канцелярии для обсуждения дел, касающихся всего урянхайского народа, имеется особое присутствие (тамма, чезан) в составе председательствующего мейрен-дандинчжаба и членов—командируемых хошунами родовых или сумунных правителей (джанга-джалан). Решения этого присутствия восходят на утверждение амбын-нояна, от которого также зависит и принятие мер к их исполнению.

Кроме упомянутых чиновников при амбын-нояне состоят: второй джалан—чиновник особых поручений, и мейрен, ведающий судебной частью и всеми делами, в которых так или иначе затронуты интересы иноземцев, к числу которых отнесено все неурянхайское население края, будь-то даже монголы или китайцы. Засим менее ответственные должности занимают бичетчи—писаря и секретари. Наконец, следует еще упомянуть о чинах, состоящих при „дворе“ амбын-нояна, служебное положение которых почти не разнится от положения обычной прислуги; это—ха—нечто вроде окольничего, аяк-ха—чашник амбын-нояна, и качега—его телохранитель.

Огурды хотя и наследственные правители хошунов (княжеств), но маньчжурские императоры не сравняли их в ранге с отпрысками ханского рода, какими являются все хошунные властители в Монголии, и предоставили им лишь третий класс по табели чинов, т. е. право на сапфировый или заменяющий его синий хрустальный шарик и одноглазое павлинье перо.

Огурду окружает почти тот же штат чиновников, как и амбын-нояна; сверх того, однако, он имеет деятельных помощников в лице родовых или сумунных начальников (чжанга-джалан) [2]) и их помощников (кунду).

---

[1]) *Кон* пишет хошун-джелан.

[2]) *Кон*—„Усинский край“ в „Зап. Красноярск. под'отд. вост.-сиб. отд. И. Русск. Геогр. Общ. по общ. геогр.“, 1914, II, вып. 1, стр. 90, сумунного начальника называет „джянга“, титул же „джалан“ переносит на другого чиновника, „лицо привиллегированное, нечто вроде „служилого человека (?)““.

Служебные обязанности последних очень сложны, так как кроме простейших судебных дел им подведомственна, между прочим, также и вся податная часть сумунов; их непосредственными помощниками при этом являются: сумо-тарга, исполняющие судейские обязанности, и бажка—сборщики податей.

Сумо делятся на арбаны, в прежнее время—десятки, находящиеся под ближайшим управлением арбан-тарга и бажка; у первых—власть административная и судебная; на них, между прочим, возложена обязанность ведения предварительных следствий по обнаруженным в их участках преступлениям; у вторых—полицейская: сбор податей, поимка преступников, их конвоирование, наблюдение за исполнением судебных решений и т. д. Это—должности выборные, как и должность сумо-тарга, но по издавна вкоренившимся в Урянхайской земле злоупотреблениям народ узнает здесь обычно о „выборах“ после состоявшихся уже назначений. Делается это так потому, что для лиц высшей администрации весьма важно иметь в этих представителях низшей власти людей, им обязанных, так как все налоги и подати устанавливаются в крае не иначе, как при их участии, а засим, они же являются и проводниками в жизнь состоявшихся постановлений.

В Урянхайском крае, как и везде впрочем, между правящим классом, так называемой здесь „белой костью“, т. е. джиланами, и народной массой лежит пропасть и стоят непримиримые подчас интересы, и это особенно резко сказывалось до 1911 года, когда сойотами правил Улясутай, где с народными интересами не считались, государственным отводилось последнее место, и где царствовали произвол и самое беззастенчивое взяточничество—обычные спутники китайского управления в покоренных странах.

Улясутай был школой, в которой сойотские главари обучались управлению вверенным им народом, и сойотские песни свидетельствуют, что обучение это шло там успешно.

В этих песнях поется, что благоденствие народа в руках амбын-нояна и да-ноянов, между тем народ может считать

© ГПНТБ СОРАН

своими только летающих в воздухе турпанов (?) и галок [1]); что мейрен, блюститель законности в стране, прельстившись черноокой подругой простого сойота и его конем голубко, присвоил себе и ту и другого; что когда наезжает в край цзянь-цзюнь или им посланные чиновники, то бегство—единственное, что еще остается сойоту, так как защита начальства столь же мало надежна, как тень дерева; и наконец, что в угнетении народа младшие идут по стопам старших, и в табуне писаря можно видеть присвоенных им лошадей, в его же юрте—отбитых чернобровых красавиц [2]).

Экономическое положение хошунов, подведомственных монгольским князьям, если не хуже, то и не лучше того, в каком находятся в настоящее время да-нояновские хошуны, так как и там управление сведено главным образом к всесторонней эксплоатации податного сословия. Огурду заменяет там дарга, именуемый сойотами тарга-ноян, чжанга-джалана—цзайсан (джейсан), оба—монголы, доверенные лица монгольских князей.

Как и везде в Монголии, принцип разделения власти в Урянхайском крае отсутствует: администратор является там одновременно и судьей, приговоры которого к тому же являются окончательными, так как сойотский суд кассаций не знает.

В цивилизованных государствах, где судам предоставлена полная самостоятельность, к отправлению высоких обязанностей судьи призываются лишь те лица, кои по своим нравственным и умственным качествам представляют достаточное ручательство к удовлетворительному выполнению судебных функций; но в Монголии, в частности в Урянхайской земле, в роли судей выступают вымогатели, люди, которые часто строят свое благополучие на беззастенчивой эксплоатации подвластного населения, и нельзя поэтому удивляться, что сойот относится со страхом и в то же время с нескрываемым

[1]) Иными словами даже из птиц только тех, которые почитаются в крае нечистыми и не употребляются в пищу; см. выше стр. 92.

[2]) Таково содержание некоторых песенных куплетов, записанных *Катановым*; см. выше стр. 112.

презрением к своему суду, где главным стимулом того или иного решения судьи является размер предложенной ему взятки.

Лихоимство пустило в Урянхайском крае такие могучие корни и так глубоко вошло в народную жизнь, что искоренить его здесь быстро не смогли-бы, вероятно, и законы Петра I, каравшие взяточничество смертью и конфискацией имущества, а равно такие суровые правители, как Камбиз и Дарий Гистасп, из которых первый, как известно, приказал обить судейское кресло кожей, содранной с уличенного в лихоимстве, а второй велел распять судью-взяточника [1]). Отсутствие же законности в крае—если не основная, то одна из главнейших причин того оскудения народной массы, какое замечается в настоящее время повсеместно в богатой дарами природы Урянхайской земле, о чем впрочем ниже [2]).

[1]) Впрочем, на примере Китая, где уже с VI века лихоимство и преступления по должности на сумму свыше 80 ланов караются смертью („удавлением по заточении"; *Иакинф*—„Китай в гражданском и нравственном состоянии", II, стр. 48), мы видим, что борьба с этим злом одной лишь строгостью законов не дает еще желаемых результатов.

[2]) Вопреки тому, что мы видим в среде сойотской администрации, чувство справедливости и правосудия, одно из самых высоких абстрактных чувств человека, глубоко коренится в сойотском народе.

Это чувство, как полагает *Спенсер*, одно из тех альтруистических чувствований, которые развились у человека последними и в качестве таковых являются и наиболее возвышенными, характеризуя высокую степень умственного развития того народа, который их проявляет.

Но можно-ли говорить о высоком умственном развитии сойотов?

То же высокоразвитое чувство правосудия проявляют и многие другие народности, стоящие на низкой ступени культурного развития, например, османские турки (см. *А. В. Елисеев*—„Антропологические заметки об обитателях Малой Азии" в „Труд. Антропол. отд. И. Общ. Любит. Естеств., Антроп. и Этногр.", 1891, XIII, стр. 157); но если последних можно считать наполовину потомками высоко культурных народов древности, от которых они и могли унаследовать альтруистические чувствования, то чьими же наследниками в области психической могут считаться сойоты? Не более-ли поэтому прав *Огюст Конт*, относящий альтруизм, т. е. бескорыстные побуждения человека, влекущие за собой поступки в пользу других людей, к первичным инстинктам человечества, хотя на первой стадии развития последнего ему и должны были предшествовать эгоистические чувствования, порожденные принципом самосохранения.

© ГПИБ СОРАН

Местные суды бывают единоличные и коллегиальные. Подсудность дел обусловливается не местом совершения преступления, а местом причисления преступника. Совершивший преступление подлежит суду чиновников исключительно своего сумо; пойманный за пределами последнего, он под конвоем бажка препровождается в место своего причисления. По несложным делам тотчас же производится суд и расправа, преступник тут же, coram populo, наказывается телесно, и на него налагается в пользу потерпевшей стороны материальное взыскание; более же сложные дела разбираются на с'езде чиновников всего хошуна [1]); наконец, когда в деле замешаны лица, принадлежащие к составу различных хошунов, то оно передается в с'езд (чеш) представителей всех хошунов, периодически собирающийся в местности Отук-таш [2]), на Улу-кеме.

Во время разбора дел допускаются пытки, носящие название: сагхылга, тэн-согар, шагай, хак и манза.

Сагхылга—тиски для пальцев; когда конечные суставы вложенных в них пальцев наливаются кровью, по ним бьют особой колотушкой.

Тэн-согар—шипы, загоняемые под ногти.

Шагай—орудие для нанесения ударов по щекам, имеющее при семивершковой длине около полутора вершка ширины; сшивается из нескольких рядов тонкой кожи, переслаиваемой выпаренной до желанной гибкости берестой.

Хак—битье палками по ягодицам.

Манза—длинный плоский брусок для нанесения ударов по пяткам и мускулам ног.

Шагай, хак и манза употребляются не только при следствии, но и как мера наказания преступника [3]).

Число ударов ограничено двумястами в сутки, но при этом К о н [4]) знавал случаи, когда упорствовавших в своих показа-

---

[1]) *Кон* — „Предварительный отчет по экспедиции в Урянхайскую землю", отд. отт., стр. 36.

[2]) См. т. I, стр. 226. *Кон*, op. cit., стр. 37, пишет Оттых-таш, что, может быть, вернее.

[3]) См. ниже гл. XI.

[4]) Op. cit., стр. 37.

ниях сойотов терзали таким образом изо дня в день в течение целых трех месяцев.

Кроме этих наичаще употребляемых пыток сойотский суд допускает еще и следующие для особо упорствующих:

соодук — постановку допрашиваемого с предварительно подтянутыми кверху руками обнаженными коленями на острый мелкий щебень, и

ыштар—подвешивание над сильно дымящим костром.

Наконец, сойотам знакома и дыба.

Перечисленные здесь пытки вошли, если можно так выразиться, в кодекс урянхайского обычного права, но следователю не возбраняется проявлять в этом случае свою изобретательность, и в сойотском народе ходят чудовищные рассказы о той жестокости, с какою некоторые из них пользовались своим правом; но я накидываю покров на эту мрачную сторону современной урянхайской действительности, довольствуясь сказанным.

Не обошло Урянхайскую землю и маньчжурское изобретение, так называемая канга [1]), одновременно орудие пытки и наказания, представляющее тяжелый, около 30—35 фунтов весом, деревянный щит, состоящий из двух свинчивающихся половин с круглыми отверстиями для шеи и рук. Щит лежит на плечах и лишь частью на втянутых в отверстия руках, неестественное положение которых уже вскоре по заключении их в колодку причиняет осужденному тяжкие страдания. К ношению канги, у сойотов—хараксыр или тунгу, приговаривают на разные сроки, иногда даже на месяцы, и за все это время несчастный находится в самом беспомощном положении, лишенный возможности оградить себя даже от такой напасти, как мухи и комары; он не может ни лечь, ни укрыться, ни дать отдых ноющим плечам и питается лишь тем, что ему сунет в рот сердобольная рука.

Кроме пыток сойота, будь он даже не обвиняемый, а свидетель, ожидают на суде и другие испытания; так, он при-

---

[1]) Под этим названием это орудие пытки известно европейцам повсеместно в Китае. Какому языку оно принадлежит, я не знаю; официальное же его китайское название „цзя".

© ГПНТБ СО РАН

нуждается к клятвам (чаган), которые имеют для него тем большее значение, что он верит в их исполнимость в случае дачи ложного показания. Сойот клянется:

„Если я говорю неправду, то пусть этот нож (он вкладывает его при этих словах себе в рот) войдет в мои внутренности и их перережет“ [1]).

То же значение имеют лизание лезвия ножа [2]) и дула ружья.

Уверенность сойота, что ложное показание поведет к соответственному наказанию, дает в руки следователя могучее орудие для получения требующихся ему сведений. Он заставляет свидетеля и подсудимого нюхать ноздри медведя [3]) или лизать его лапы, зная, что боязнь быть растерзанным этим зверем за ложную клятву вынудит их сказать правду; из рассчета, что ту же роль должна сыграть и их боязнь заболеть сифилисом, он требует от них мочиться на просыпанную соль и огонь. Наконец, в распоряжении судьи имеются и другие способы добиться истины: сойотов вынуждают пить воду из человеческого черепа или из черепов верблюда и собаки [4]), пролезать под растянутыми на веревке

[1]) *Кон*, ibid.

[2]) Лизание лезвия ножа, как присяжная клятва, ведет свое начало, повидимому, со времен глубокой древности. К этого рода клятве прибегали даже владетельные особы. Так, калмыцкий тайша Пунцук, давая 9 декабря 1661 года при присяге на верность царю клятву за себя, за отца своего Дайчинга и прочих тайш, а равно за ногайских, енбулатских, мелисбатских и киличинских мурз, „целовал бога своего Бурхана и молитвенную книгу бичик, и четки, и ножик свой лизал и к горлу прикладывал“ („Полн. собран. Росс. зак.“, т. I, № 316; цитир. у *Н. Нефедьева*—„Подробные сведения о волжских калмыках“, 1834, стр. 22).

[3]) См. выше стр. 52, где говорится, что показавшему ложно угрожает медвежья спячка, а не судьба быть растерзанным при первой же встрече с медведем, как это утверждает *Яковлев* (op. cit., стр. 99). Я не знаю, которое из этих двух известий, Коновское или Яковлевское, заслуживает большего доверия.

[4]) *Яковлев*, op. cit., стр. 99. Чем угрожает сойоту в случае дачи им ложной присяги питье из человеческого черепа—сведений получить мне не удалось; замечу, однако, что в прежние времена питье из черепа врага было весьма распространенным обычаем; см. т. II, гл. II.

штанами старой, никогда не рожавшей, „проклятой“ женщины [1]), т. е. выполнить то, что сойоты называют „пужар чаган“—„поганой присягой“, и т. д.

От всех этих присяг освобождаются только больные сифилисом и грыжей, старики и женщины; от них требуют только обыкновенной божбы (ас хынар), т. е. призыва бога в свидетели истины даваемого показания.

Тяжких преступников и неисправимых воров присуждают к отсечению рук или ног или к заключению на срок до нескольких месяцев в так называемой „кара-бажин“, „черной тюрьме“, представляющей помещение вроде большого, высотой по плечи человека, ящика или сруба, закрывающегося двумя свинчивающимися широкими створками с круглой в них вырезкой для шеи. Осужденного ставят на дно этого ящика, в том его месте, которое приходится против этого отверстия, створки сдвигают и свинчивают, после чего он обрекается на стояние в этом ящике по срок наказания, причем над поверхностью крышки остается только его голова. Из этого описания видно, что „кара-бажин“ представляет ту же кангу, ставящую лишь человека в невозможность перемещаться. Мне доводилось слышать, что некоторые выдерживали положенное им наказание до конца; при этом, однако, обрастая грязью [2]), покрываясь вшами, испытывая муки голода и жажды [3]), подвергаясь всем влияниям температуры, лишенные, наконец, правильного сна, они должны были обладать нечеловеческим здоровьем и какою-то особою любовью к жизни, которая и должна была поддерживать в них силы, чтобы вынести эти несколько месяцев стояния в ящике.

Отнятие кистей рук и ступней ног производится не отсечением их, а более мучительным способом, ведущим иногда

[1]) Равным образом значение и этого требования при даче сойотами присяги осталось мне неизвестным.

[2]) Такого заключенного окружает уже по истечении недели зловоние, которое становится нестерпимым, когда ноги его начинают покрываться язвами.

[3]) Власти не заботятся о прокормлении этой жертвы человеческого правосудия, предоставляя это дело всецело общественной благотворительности.

к значительным осложнениям и даже смерти; именно, кисти рук туго перевязываются тонким ремнем, который не снимается до тех пор, пока они не отсохнут или не отвалятся, что имеет место в том случае, если вслед за их перевязкой их выставят на сильный мороз.

Для того, чтобы судить о характере наказаний по законам урянхайского обычного права, достаточно привести следующие постановления:

Убийство карается смертью, но в случае доказанной его непреднамеренности казнь заменяется штрафом в пользу потерпевшей семьи, размер которого определяется в зависимости от обстоятельств дела и той роли, какую играл в семье убитый, не превышая, однако, 80 лошадей.

За изнасилование платится штраф в количестве 6—9 лошадей в пользу пострадавшей.

За нанесение увечий виновный присуждается к уплате расходов на лечение и содержание больного до полного его выздоровления.

Кража скота не наказуется [1]), но пойманный с поличным присуждается к возвращению владельцу похищенного и к уплате небольшого штрафа в пользу производившего расследование чиновника.

---

[1]) *Яковлев*, op. cit., стр. 99. Если *Яковлев* в этом случае не ошибается, то урянхайское обычное право в этом случае отступает от того, что мы встречаем в соответственных постановлениях других кочевых народов, у которых кража скота относится к числу наиболее тяжких преступлений в тех, конечно, случаях, когда производится у своих одноплеменников. Законы Чингис-хана (яса) карали кражу скота и лошадей смертью. Подтверждение этому находим у *Марко-Поло (Минаев* —„Путешествие Марко-Поло“ в „Зап. И. Русск. Геогр. Общ. по отд. этногр.“, 1902, XXVI, стр. 91), у которого читаем: „Кто украдет коня или что-либо дорогое—тому за это смерть; мечом разрубают его; а кто может дать выкуп, заплатить против украденного в девять раз, того не убивают“. То-же утверждает и *Ибн-Батута* (*Березин*—„Очерк внутреннего устройства улуса Джучиева“ в „Труд. вост. отд. И. Археол. Общ.“, 1864, VIII, стр. 414): „У кого, пишет он, находилась украденная лошадь, тот обязан был возвратить ее хозяину с прибавкою девяти таких же лошадей; если же он не в состоянии был этого сделать, то у него отбирались дети; если

За „оскорбление косы“ выплачивается столько скота (какого?), сколько было выдернуто волос [1]),—постановление очень неопределенное, так как выяснить число выдернутых из косы волос, конечно, далеко не всегда возможно.

Замечу еще, что ни болезнь, ни старость не освобождают виновных от наказаний; иногда даже наоборот: при совместных проступках и преступлениях старики наказываются строже молодых людей; так, по словам Кона [2]), кемчикский да-ноян Хайдуп приговорил стариков к ста ударам, а молодых только к шестидесяти за продажу русским азбеста, чем, будто-бы, они прогневили богов, которые в отместку за разрушение гор и послали холодную весну.

Нельзя также не отметить одной весьма важной черты обычного права сойотов, именно—круговой поруки, остатка той эпохи их общественной жизни, когда правовыми суб'ектами являлись не отдельные личности, а роды, т. е. эпохи господства у них родового начала.

В настоящее время сфера круговой поруки, впрочем, значительно ограничена и применяется только в случаях несостоятельности или неизвестности лица, совершившего кражу в пределах кочевий сумуна; в этих случаях перед потерпевшим является в ответе этот последний—обычай, огромное значение которого успели оценить наши пионеры-купцы в этом краю, где кража составляет более чем частое явление [3]).

же и детей у него не было, то его предавали казни“. См. также *Ф. И. Леонтович*—„К истории права русских инородцев“, „Древний монголо-калмыцкий или ойратский устав взысканий“, 1879, *его же*—„К истории права русских инородцев“, „Калмыцкое право“ в „Зап. И. Новоросс. Унив.“, 1880. XXIX, прилож., и *К. Ф. Голстунский*—„Монголо-ойратские законы 1640 г., дополнительные указы Галдан-Хун-тайджия и законы хана Дундук-Даши“, 1880.

[1]) Постановлению этому не соответствует название штрафа—„тосшала“—девять штрафов, указывающее, как будто, на то, что в прежнее время „оскорбление косы“ считалось более тяжким преступлением, чем в настоящее время.

[2]) Loc. cit.

[3]) „Главными преступлениями у сойотов, пишет *П. Осташкин* („Доклад об урянхайцах и их стране по сведениям 1883 года“, привед.

Наконец, заслуживает внимания и еще одна, отмеченная и Коном [1]), особенность урянхайского судопроизводства: если заподозренный и уличаемый свидетелями, несмотря на пытки, которым он подвергается, упорно не сознается в содеянном, то суд постановляет подвергнуть пытке свидетелей для удостоверения в том, что ими не поддерживается ложное обвинение.

Выше было замечено, что урянхайский суд не знает кассированных приговоров [2]), что его постановления окончательные, и что сойоту не к кому апеллировать, как-бы ни вопияла к небу несправедливость судейского решения. Еще менее имеет он возможности опротестовать об'являемые ему постановления о причитающихся с него платежах, которые подразделяются на албан—подать и ундрюк—особые сборы, размеры которых подвержены большим колебаниям и устанавливаются по разным поводам и с большим произволом.

Хорошей иллюстрацией порядка взыскания сбора „ундрюка“ служит следующий случай, записанный Коном [3]).

Один из наиболее состоятельных и почтенных сойотов по имени Ак-хам вносил в течение нескольких лет по десяти ланов [4]) ежегодно в пользу улясутайских чиновников; но засим сбор этот стал быстро возрастать и достиг, наконец, сорока ланов; тогда он отказался его платить, о чем и доведено было до сведения тарга-нояна. Уговоры на него не подействовали, и он остался при убеждении в незаконности привлечения его к сбору, обеспечивающему лишь частные интересы монгольских правителей хошуна. Это был уже бунт, и тарга-ноян, по совету одного из джейсанов, распорядился

у Катанова в его кн. „Опыт исследования урянхайского языка“, стр. 1506), являются воровство скота и грабеж. Голод заставляет их пренебрегать всеми мерами предосторожности и воровать прямо на глазах“... В тех же почти выражениях пишет о воровстве сойотов и *Г. П. Сафьянов* („Записки об урянхайцах, составленные в 1879 году“, там же, стр. 1455).

[1]) Op. cit., стр. 38.

[2]) Стр. 156.

[3]) Op. cit., стр. 38—39.

[4]) Лан—весовая китайская единица, почти соответствующая двум металлическим рублям по количеству содержащегося в них серебра.

отобрать у него в обеспечение суммы налога любимейшую из его лошадей, что и было исполнено. Но Ак-хам успел догнать похитителей и, нанеся им побои, вернул коня. Один из побитых оказался джейсаном, и дальнейшее уже легко было предвидеть. Ак-хам был арестован, подвергнут жесточайшим пыткам, два месяца просидел в кандалах и когда, наконец, был выпущен на свободу, то оказалось, что любимая его лошадь гуляла в табуне тарга-нояна, что часть его имущества уже перешла в обладание им побитых или продана на погашение причитавшихся с него сборов, хозяйство же его окончательно расстроено; всем этим он был до такой степени потрясен, главным же образом перенесенными пытками, что его перестали узнавать даже ближние: из жизнерадостного человека он превратился в мрачного нелюдима, от которого часами нельзя было добиться иногда слова.

Этот случай как нельзя лучше рисует полное бесправие даже виднейших представителей сойотского народа, отсутствие законности в стране и произвол в ее управлении.

Мне говорили, что сойоты из боязни поборов не стремятся к увеличению своего скотоводческого хозяйства. Если это так, то в Урянхайской земле мы сталкиваемся с явлением, давно отмечавшимся в других частях Китайского государства, именно, в районах его, лежащих за пределами Великой стены, где отсутствие у населения уверенности в том, что закон обеспечивает ему право спокойного пользования своим имуществом, заставляет его или скрывать последнее или же не заботиться об его увеличении.

Особые сборы (ундрюк) уплачиваются сойотами по всякому поводу. Указывалось уже [1]), что кемчикский да-ноян Хайдуп, толкаемый своим честолюбием, ввел свой хошун в большие долги, так как Улясутай и Пекин потребовали огромных сумм за отдельную печать и красный коралловый шарик. Платился также часто и Ойнарский хошун. Представляя в Улясутай ежегодную подать (албан) мехами, амбын-ноян ездил туда не с пустыми руками, а увозил обычно крупную сумму на удовле-

[1]) Стр. 152.

© ПНТБ СОРАН

творение алчности китайских приемщиков этих мехов и на другие расходы, но эта сумма собиралась со всех хошунов. Зато за каждую поездку того же амбын-нояна в Пекин в сроки, предусматривавшиеся уложением китайской палаты внешних сношений, каковая поездка сопровождалась огромными расходами на взятки пекинским чиновникам, расплачиваться приходилось преимущественно ойнарцам. Таких поводов к сборам Урянхайская земля, пока она находилась в составе Китайского государства, знала много, и каждый такой повод в свою очередь давал случаи поживиться за счет обираемого народа тем, кто взимал этот сбор. При раскладке их допускались вопиющие злоупотребления, сведения о которых проникли даже в печать; так, Г. П. Сафьянов рассказывает, например, о следующем случае, бывшем ему, повидимому, близко известным [1]): сойот, владевшими 200-ми голов лошадей, 200-ми овец и 70-ю штуками крупного рогатого скота, повинен был выплатить лишь за первую половину 1898 года податей (албан) и особых сборов (ундрюк): 600 белок, 5 рысей, 5 соболей, 5 кобыл, 5 баранов, 5 овец, 4 взрослых быка, причем сойот, выплачивая этот налог, не мог считать себя на тот год окончательно расчитавшимся с властями и ждал новых требований.

При таких условиях не следует удивляться бросающейся в глаза бедности урянхайского народа, о которой говорят и пишут все исследователи Урянхайской земли, и замечание Н. Ф. Катанова [2]), что в этой стране один состоятельный сойот приходится на 99 бедняков, лишь резко подчеркивает то фактическое в ней положение вещей, которое в 1912 году Россия взяла на себя нравственное обязательство изменить к лучшему.

Государственная подать (албан) взыскивалась с сойотов в раз навсегда установленном с каждого хошуна размере. Каждый хошун производил в присутствии огурды раскладку по сумо, причем руководствовался представлявшимися джангаджаланами списками с указанием на имущественное поло-

[1]) См. *Яковлев,* op. cit., стр. 68.

[2]) „Письма из Сибири и Восточного Туркестана", прилож. № 8 к LXXIII т. „Зап. И. Акад. Наук", 1893, стр. 4.

жение каждого из потенциальных плательщиков, а засим дело сбора передавалось в сумо, где вершителем его являлся джанга.

В основе своей албан—сбор подоходный, и действительно неимущие от него вовсе освобождались, состоятельные платили по три соболя с семьи, семьи же ниже средней зажиточности об'единялись в один податной пай с таким расчетом, чтобы на долю каждой приходилось не менее десяти белок [1]). Но так—только в теории; практика же выработала в этой области, как мы уже видели, большой произвол, об'яснявшийся тем, что потенциальных плательщиков с каждым годом становилось все меньше, и еще остававшиеся таковыми должны были брать на свои плечи всю тяжесть повинности [2]).

Собранная пушнина представлялась огурде, им проверялась, причем на каждой шкурке тщательно отмечалось, от кого она поступила, дабы впоследствии, при забраковке шкурки в Улясутае, знать с кого требовать дополнительный взнос, и сдавалась амбын-нояну, который, как говорилось выше, уже и отвозил ее в Улясутай для сдачи в казну.

Албан со всей Урянхайской земли определялся в последнее время в 3.000 урэгэ, т. е. в 9.000 соболей [3]); в случае же их недобора допускалась замена их мехами других пушных зверей из следующего рассчета: средний по качеству соболь оценивался в 40 белок [4]), и, сообразно с сим, каждый барс, рысь и выдра принимались взамен трех соболей, каждый волк, лисица и росомаха в пол, куница в четверть соболя.

[1]) *Кон,* op. cit., стр. 38.

[2]) В Китае ни один губернатор, ни один туземный правитель не решится донести центральной власти об ослаблении платежных сил управляемого им народа, так как такой факт истолкован был-бы в Пекине плохим его управлением. Только от особо уполномоченных, обозревавших страну после войны или подавленного восстания при новом ее занятии китайскими войсками, в Пекине получались иногда правдивые и смелые донесения, рисовавшие без прикрас мрачную действительность. Но таких донесений там не любили, им редко давали надлежащий ход, и, повидимому, весьма неохотно включали в число документов исторического значения.

[3]) *Яковлев,* op. cit., стр. 67.

[4]) *Яковлев,* ibid. Высший по качеству в 60; но особо темные соболя, которые в албан не поступают, не имеют определенной оценки, как и меха.

© ГПБ ОРКН

Значительнее других сойотов обложены были албаном тоджинцы, как населяющие местности, богатые пушным зверем, а именно, с них взыскивалось по три соболя с ружья.

Я не исчерпал-бы этнографической литературы о сойотской народности, если-бы обошел молчанием вопрос о дальнейшей ее судьбе, как она представляется некоторым ее исследователям.

Большинство этих последних определяет общую ее численность в 35—40 тысяч душ обоего пола, что составит едва десять человек на квадратную милю [1]). Указывая на такую малую населенность богато одаренного края, каким несомненно должна считаться родина урянхайцев, Каррутерс [2]) замечает: тот факт, что урянхайцы остаются „маленьким народом", населяя страну „великих возможностей", не представляющей в сущности серьезных недостатков, указывает на то, что они уже утратили чудодейственную силу возрождения и находятся несомненно на верном пути постепенного угасания.

К такому же безотрадному для урянхайцев выводу приходит и Яковлев [3]), а также большинство русских деятелей в этом крае. Хотя прямых подсчетов и не имеется, говорил мне один из этих последних, но общее мое впечатление таково, что смертность у сойотов если еще и не выше рождаемости, то выше процента выживающих, что народ этот вымирает и что если не остановить, то ослабить этот процесс могут только решительные меры в области административных реформ, направленных к поднятию народного благосостояния,

---

чернобурых лисиц, которых ценят в 60, 80 и более белок; мне говорили, что ныне сойоты неохотно отдают темного соболя даже в обмен на рысь или барса.

[1]) Таким образом Урянхайская земля принадлежит к числу наименее населенных стран земного шара. С нею в уровень в Азии могут быть поставлены только соседняя Монголия и одинаково далекие от нее—северная Сибирь и Тибетское плоскогорие; северная часть последнего, впрочем, еще более пустынна.

[2]) Op. cit., стр. 151.

[3]) Op. cit., стр. 68.

а затем широкая медицинская помощь и скорейший вывод народной массы из того оцепенелого состояния, в каком она в настоящее время находится.

Вырождение народа—явление довольно частое в всемирной истории.

Оно выражается в области психики понижением народной энергии, народной даровитости, нравственных и умственных качеств, в области физики таким же понижением народного здоровья, преждевременным наступлением старости, ослаблением работоспособности, повышенным процентом смертности, большею восприимчивостью к заболеваниям и, наконец, меньшей плодовитостью.

Причины, его вызывающие, многоразличны, но государственный деспотизм, давящее сознание полнейшей зависимости от явлений космического характера [1]) и от людского произвола, хроническое недоедание и такие болезни, как сифилис, наличие которых в Урянхайской земле явствует из предшедшего, принадлежат к их числу, и их достаточно, чтобы понять, почему сойотский народ идет по пути к вырождению.

История урянхайского народа нам почти неизвестна, но и то немногое, что о нем можно почерпнуть в китайских и монгольских анналах, указывает на то, что вся жизнь его—в его прошлом, что когда-то урянхайцы достигли зенита развития своих жизненных сил и с тех пор, примерно с конца семнадцатого столетия, движутся уже неуклонно к закату. Припомним хотя-бы то, что Чингис-хан набирал из них свои отборные дружины, что они же входили в состав его гвардии, что и „многие из их беков прославились в славный век Чингис-хана", а засим, что боевая их репутация поддерживалась ими еще в XVIII веке [2]), что и Рашид эд-Дин заканчи-

---

[1]) Не может ведь подлежать сомнению, что чем выше культура, тем больше у человека и разумных средств, основанных на знании природы, для борьбы с враждебными ему ее силами, иными словами, тем свободнее он от господства последних и всяких случайностей жизни.

[2]) *Небольсин* („Очерки быта калмыков хошоутовского улуса" в „Библиот. для Чтения", 1852, стр. 42) пишет, что среди волжских калмыков имеется

вает свое повествование о них словами, свидетельствующими о более значительном их прошлом [1]).

Как ни подорваны, однако, платежные силы урянхайцев бассейна верхнего Енисея, все же они не дошли еще до той степени обнищания, в какой мы застаем западных их сородичей, населяющих Алтаин-нуру между истоками рек Урунгу и Кобдо, о которых читаем [2]): В настоящее время алтайские урянга—самый бедный народ в северозападной Монголии. Из живущих на Делюне (Дэлиуне) многие лишены необходимейшего и принуждены жить подаянием, другие же из скота имеют одних только коз. Пищей им служат мясо лисиц и грызунов и „чай“ из истолченных корней караганы и поджаренной ячменной соломы. Рубашек нет ни у женщин, ни у мужчин. Только более состоятельные имеют по две шубы, из которых одну стелят вместо постели, а другой накрываются. Лохмотья урянхайской шубы вошли у кобдинцев в поговорку: говорят „дэвиль урянхай“, когда хотят сказать о части одежды, что она пришла в ветхость и стала негодной к употреблению [3]).

поколение уранхус, которое в Отечественную войну, а именно под Лейпцигом, отличилось чрезвычайною храбростью, и что вообще с словом уранхус калмыки соединяют понятие об отличном, выборном народе. В „Записках“ графа *Ранзинского* (*Сычевский* — „Историческая записка о Китайской границе“ в „Чтен. в И. Общ. Истории и Древностей Российских при Моск. Унив.“, 1875, кн. II, стр. 134) находим следующие строки, относящиеся к урянхайцам: „Четвертый правитель, называемый Бубебѣли (не раз упоминавшийся во II томе настоящего труда Бубэй-бэйлэ), кочующий при границе Красноярского дистрикта, поставляет вооруженной конницы 5.000; суть наилучшие войска мунгальские и называются урянхи“. Цэрэн-дундоб, известный полководец Цэван-рабтана, отправляясь в 1717 г. в свой беспримерный по испытанным трудностям поход в Лхассу через северо-западный Тибет, составил свой 6-ти тысячный корпус главным образом из урянхайцев (см. *M. Courant* — „L'Asie Centrale aux XVII-e et XVIII-e siècles“, стр. 78).

[1]) Знаменитые монгольские полководцы Субудай (Субутай), сподвижник Чингис-хана, и Урянктай, сподвижник Мёнкэ и Хубилая, были родом урянхайцы.

[2]) *Потанин* — „Очерки северо-западной Монголии“, вып. II, стр. 38.

[3]) О поразительной бедности алтайских урянхайцев пишет и *В. Ф. Ладыгин* („Изв. И. Русск. Геогр. Общ.“, 1899, XXXV, вып. VI, стр. 636).

Как дошел до такого состояния народ, который еще в XVIII веке владел всем бассейном Иртыша до устьев р. Бухтармы? [1]). Этого мы не знаем, хотя Потанин [2]) и ссылается на разгром урянхайских кочевий дунганами и последующие поборы известного вождя барлыкских ölётов Цаган-гэгэна [3]). Но, во-первых, от дунганских шаек урянхайцы пострадали весьма незначительно, так как хотя одна из них и доходила до гор. Кобдо, но вглубь гор Алтаин-нуру не проникала и поживилась лишь на счет тех немногих семейств, которые не успели своевременно в них укрыться, а во-вторых, в эту эпоху они уже шли по пути того морального и материального упадка, в каком мы их теперь застаем, так как именно этот упадок лишил их силы сопротивления тем грубым притязаниям на лучшие их земли в бассейнах Крана и Черного Иртыша, а позднее и на территории между перевалом Урмöгайты и Кобдо, какие пред'явлены были им барлыкскими ölётами и абак-киреями; что касается поборов Цаган-гэгэна, то они об'ясняются именно той их слабостью, в какой их застигли события семидесятых годов прошлого столетия.

Захват киреями и барлыкскими ölётами урянхайских земель не остался, конечно, без протеста со стороны их

„Нам случалось не раз, говорит он, наблюдать перекочевки урянхайцев. Это уже не та красивая и веселая картина, которую мы привыкли видеть у наших киргизов. Здесь не слышно ни песен, ни смеха; не видно красивых, ярких женских уборов; нет тех разноцветных, шитых шелками, покрышек на отделанных в серебро седлах, да нет и самых седел, так как нет животных, которых можно было-бы седлать... Здесь, наоборот, нас поразила бедность, и грязь, и написанная на лицах старых и молодых безысходная нужда и тоска. Грязный до омерзения скарб урянхайца, состоящий из ветхой, почерневшей от дыма юрты, грязного, обломанного сундука, да клочьев мехового платья, завьючен на 2—3 быках, позади которых пешком идут полуголые и даже совершенно голые дети, едва прикрытые грязными лохмотьями женщины, несущие на спинах кроме детей связки рухляди, да еле двигающие ногами старики и старухи—тоже с ношей. Вот грустная картина перекочевки урянхайцев“.

[1]) См. т. II, глава XI.

[2]) Loc. cit.

[3]) См. т. II, глава XI.

© ЦГИА

исконных владельцев, но экономически более слабые, урянхайцы проиграли процесс [1]).

До 1907 г. остававшиеся еще у них земли в административном отношении составляли единую территорию, подведомственную амбаню в Кобдо, который и управлял ею при посредстве семи назначавшихся им из среды урянхайской родовой знати чиновников—правителей хошунов [2]): мейреня [3])—официального главы алтайских урянхайцев, двух амбы и четырех да [4]).

---

[1]) У *А. Позднеева*—„Монголия и монголы", т. I, стр. 287—290, мы находим любопытный рассказ об одном из эпизодов этого процесса, достаточно ярко рисующий порядок разрешения в Китае вопросов столь большого значения как урянхайский.

[2]) *Ладыгин*, op. cit., стр. 634, пишет, что у урянхайцев все должности в хошунах наследственны; это, конечно, ошибка.

[3]) На должность мейреня, одного ранга с должностью амбын-нояна, назначаются лица, принадлежащие к числу нисходящих потомков того монгольского тайчжи, который был призван урянхами к управлению ими.

[4]) Административное деление алтайских урянхайцев не достаточно хорошо известно. Оно дается *Потаниным* („Очерки сев.-зап. Монг.", вып. II, стр. 35—36) и *А. Позднеевым* (op. cit., I, стр. 363), но обе записи настолько расходятся между собой, что согласовать их невозможно. *Ладыгин*, op. cit., стр. 633—634, пишет, что алтайские урянхайцы делятся на шесть хошунов, из числа коих два подведомственны амбаням, четыре—ухэридам, более известным под именем да. *Дорофеев* („Отчет о поездке в северо-западную Монголию", Омск, изд. штаба Омск. воен. округа, стр. 90), говоря также, как и *Позднеев*, о семи хошунах алтайских урянхайцев, трех—говорящих по монгольски и четырех—по урянхайски, называет, однако, лишь следующие шесть:

хошун Балдан-дорчжи, барун амбаня, в составе 4 сумунов
„ Мейрэн-цзангина Цаган-билика „ „ 4 „
[все три (sic!) хошуна говорят по монгольски]
хошун Гомбочжапа . . . . . в составе 3 сумунов
„ Вачирчжапа . . . . . „ „ 4 „
„ Сэндэчжапа . . . . . „ „ 2 „
„ Тортбата (Турубату) . . . „ „ 2 „
(все четыре хошуна говорят по урянхайски).

Яндык (?) - амбань ведает 4-мя хошунами левой или восточной стороны, а барун-амбань Балдан-дорчжи остальными 3-мя правой западной стороны.

Хошуны, говорящие по урянхайски,—очевидно кочулутуны *Потанина* (см. ниже), но этот последний насчитывает их 5, а не 11 сумунов.

В 1907 году образован был Алтайский округ, в состав которого и отошли алтайские урянхайцы [1]); засим наступили события 1911—1912 годов, которые разделили их на две далеко разошедшиеся в политическом отношении группы: юго-западную, менее многочисленную, оставшуюся в подданстве у китайцев, и северо-восточную, вошедшую в состав населения автономной Монголии, где она и образовала четыре хошуна под управлением князей, получивших титулы бэйсэ и гунов.

У черно-иртышских, чингильских и булугунских урянхайцев сохранился прежний порядок их управления назначаемыми из их среды китайской окружной властью хошунными правителями; у северных же, населяющих горные степи между гребнем Алтаин-нуру и Кобдо, родовая знать получила бóльшее значение, а правители—самостоятельность, так как хотя функции кобдоского амбаня и перешли к монгольскому комиссару (наместнику) в Кобдо, но далеко не в полном об'еме и, между прочим, утверждение князя в должности правителя хошуна стало зависеть не от него, а от министра внутренних дел в Урге. Впрочем взаимные отношения между лицами туземной администрации на местах, комиссаром в Кобдо и центральною властью в Урге остаются и до сего времени еще не достаточно ясно определившимися и сейчас более, чем когда-либо, многое зависит от личных качеств правителя.

Алтайские урянхайцы говорили Потанину [2]), что по происхождению они ölёты и что имя уранга дается им монголами неправильно [3]). Если это было-бы так, то в этом изменении народного имени заключался-бы ответ на вопрос, который ставит нам местная этнология: что сталось с многочисленным некогда ölётским (угэлэт Санан-Сэцэна и „Алтан-тобчи") народом, который „Алтан-тобчи" не смеши-

---

[1]) *Бруннерт* и *Гаельстром*—„Современная политическая организация Китая", 1910, стр. 37.

[2]) „Очерки северо-западной Монголии", вып. II, стр. 34.

[3]) Не одними монголами. У всех алтайцев, у барабинцев и сибирских татар они были известны под именем урянха, и под этим же именем они стали известны и русским.

© ЭПБ СОРАН

вает с ойратами [1])? Но к этому утверждению приходится отнестись с большой осторожностью.

Ölёты несомненно вошли в большом числе в состав урянхайской народности; мы встречаем их кости в трех сойотских сумо: ойнарском (оин), сальджакском и камышку; и хотя среди алтайских урянхов этой кости не имеется, но некоторая часть ölётов могла войти в их среду всей своей массой, образовав в ней группу родов [2]). Этого, однако, было-бы недостаточно, чтобы присвоить алтайским урянхайцам, былая многочисленность коих позволяла им владеть огромной территорией до устья Бухтармы, имя ölёт. К тому же мы имеем показание тех же урянхайцев, принадлежавших к отделу „урянхайн-долон-хошу“ и живших между Черным Иртышом и Кобдо, которое находится в резком противоречии с вышеприведенною записью Потанина и которое имеет тем большее значение, что принадлежит оффициальным лицам [3]). Именно, эти лица утверждали, что их племенное имя соин, что родной их язык теленгитский и что забывать его они стали лишь с половины прошлого столетия, когда в общее употребление вошел у них язык монгольский, который А. Позднеев [4]) считает наречием джунгарских ölётов. В конце прошлого столетия соинский язык не был еще окончательно забыт алтайскими урянхайцами, но на нем продолжали говорить только кое-где простолюдины, в куренях же, в ямынях и при сановниках даже простые рабочие обязывались говорить по монгольски, как-бы плохо этим языком они ни владели [5]). Введение монгольского языка в обиход местных управлений

[1]) Стр. 160: „Лишь только Тогон-тайши прибыл, как собрались ойраты, угулеты (ölёты), багатуты, хойхаты (хойты), дурбен-тумен (?) и спрашивали у него“...

[2]) К числу таких родов, может быть, и следует отнести роды: нютцугун, цаган-тук, хулдунг и уриляс, если только в последнем имени мы не сталкиваемся с искажением имени хорлас, принадлежавшего одному из коренных монгольских племен (*Рашид эд-Дин*—„История Монголов“, „Введение“, стр. 9 и 10).

[3]) *А. Позднеев*, op. cit., стр. 363.

[4]) Loc. cit.

[5]) *А. Позднеев*, ibid.

последовало, вероятно, непосредственно вслед за призывом алтайскими урянхайцами монгольского князя на вакантную должность правителя, а засим процесс омонголения этого народа стал лишь вопросом времени [1]).

Ладыгин сообщает следующее о некоторых их обычаях и обрядностях.

Молодые девушки выходят замуж не ранее 16-летнего возраста, тогда как для мужчины возраст в этом отношении не установлен; тем не менее молодые люди женятся не ранее 18—19 лет, но это случается в состоятельных семьях, бедняки же женятся в 25—30 лет. Избравши девушку, молодой человек ни сам лично, ни через другое лицо, не заявляет ей о своем намерении жениться на ней, так как вообще говорить с девушкой о свадьбе считается неприличным, а посылает сватом одного из ближайших своих родственников к родителям избранной. При этом он снабжает свата хадаками и несколькими кирпичами чая для поднесения их родителям девушки.

Последние не советуются с дочерью в этом важном для нее вопросе, а самолично и бесповоротно решают ее судьбу. Если предложение считается ими приемлемым, то они принимают подарки, в противном же случае отказываются от них, и тогда сватовство считается неудавшимся и более уже не возобновляется.

Спустя некоторое время, достаточное, чтобы приготовить за невесту калым, о размерах которого договариваться не принято, но который обычно состоит из нескольких, от 5 до 15, голов лошадей, он отправляется в дом невесты, причем обязанность представить его родителям возлагается также на свата. Редко бывает, чтобы он был признан слишком малым, но все же это случается, и тогда жених досылает одну—двух лошадей или нескольких баранов, после чего дело считается слаженным, и жениху остается только приехать за девушкой,

[1]) *Ладыгин*—op. cit., стр. 637, также пишет: по типу своему алтайские урянхайцы—монголы (?), по языку же скорее тюрки, в подтверждение чего он и приводит небольшой список их слов и коротких фраз.

© ГПБ

чтобы отвести ее в свой дом уже в качестве жены. Для этого он в сопровождении своих друзей и родственников едет в назначенный для сего заранее день в аул невесты и везет с собой соответственное количество баранов, араки и проч. для угощения ее родни и подруг. Во время пира молодежь поет и танцует, подогревая себя водкой как привезенной женихом, так и заготовленной родителями невесты, причем пьют не только парни, но и девушки.

Летом игры и танцы происходят на воздухе и днем они не выходят из рамок приличия, но зато ночью они становятся настолько нескромными, что Ладыгин описывать их счел неудобным.

После пира молодые уезжают в аул жениха. Их провожают туда родители молодой, которые и остаются в ауле зятя в течение нескольких дней под предлогом обучения дочери роли хозяйки. Свадьба считается совершенной после молитв, которые читает приглашенный для сего лама в юрте жениха.

Урянхайские женщины, а особенно девушки держат себя очень свободно, и это не считается предосудительным. Редко проходит без того, чтобы девушка не родила в доме родителей, которые и оставляют, как общее правило, незаконнорожденного у себя. Когда такая девушка выходит замуж, то дети ее остаются у ее родителей и пользуются затем одинаковыми правами на наследство с своими тетками и дядями.

Рождение детей празднествами и особыми обрядностями не сопровождается. Роженица на несколько дней оставляется в покое и служит предметом заботливого внимания как родственников, так и мужа, который убивает последнего барана, лишь-бы предоставить роженице более питательную пищу.

Похороны сопровождаются такими же обрядами, как и у ölётов. К умирающему приглашается лама, который читает „мани“ до тех пор, пока тот не умрет. Когда в этом убедятся, то покойника одевают в более свежее платье, голову и лицо его обматывают хадаком и затем на некоторое время оставляют в юрте, в которой один или, если это позволяют средства семьи, несколько лам читают „юм“ или „ганчжур“. После окончания чтения покойника выносят из юрты и на

лошади отвозят в степь или горы, где оставляют на с'едение зверям и птицам. Дорогой провожающие читают „мани“, на месте же, где его решаются оставить, „чжодбу“. Женщины на проводы покойника допускаются без всяких ограничений, жена же провожает тело мужа всегда. На 49-й день справляют поминки и тогда же раздают ламам платье покойника и делают другие подарки (скот, серебро, чай). Поминки справляются затем ежегодно в течение последующих трех лет, но уже в день смерти. Вдова справляет их даже и в том случае, если в течение этих трех лет выйдет замуж вторично.

Наследство делится поровну между сыновьями; дочерям же выделяется одна пятая часть, причем домашняя утварь, платье (?) и юрта со всей ее обстановкой наследуется младшими из детей, сыном или дочерью—безразлично.

Суд и расправа чинятся не по обычному праву, а по китайским законам; однако, сравнительно еще недавно даже дела по убийству решались у них дома, причем с убийцы взимался только кун в следующих размерах: за убийство взрослого и вполне здорового человека 100—150 лошадей; за убийство калеки или урода—50—70 лошадей; за убийство жены—80 лошадей, которые выдавались родственникам убитой. За убийство мужа назначалась смертная казнь, так как во всех таких случаях даже и в прежнее время виновная предавалась или суду китайцев или судилась по китайским законам. Прелюбодеяние наказывалось сравнительно легко: соблазнитель жены приговаривался к 50 ударам бича и уплате в пользу обиженного штрафа в размере комплекта одежды и одной лошади с полным убором.

Все эти обычаи несколько отличаются от тех, которые существуют у енисейских сойотов.

В состав семи хошунов алтайских урянхайцев входят и пять сумунов так называемых кокчулутунов, населяющих верховья Кобдоской реки и в полной мере удерживающих свой родной соинский язык. Кок-чулуту—название географическое, а не этническое, и дается этим горцам их соседями [1];

[1]) *H. Vambéry*—„Das Türkenvolk in seinen ethnologischen und ethnographischen Beziehungen“, стр. 101, ошибочно пишет, что это название кök-чулут они дают себе сами.

сами же себя они называют соин, как и остальные урянхайцы Алтайских гор [1]). В этнографическом отношении, как и эти последние, они остаются нам почти неизвестными [2]).

Кроме алтайских урянхайцев утратили свой родной язык и дархаты [3]) по словам легенды [4]) преподнесенные Ундур-

---

[1]) На их смешанное происхождение с урало-алтайцами (самоедами) указывает, однако, кость иркит (см. *Потанин*, op. cit., вып. II, прим., стр. 11).

[2]) Монгольское влияние, кроме языка, сказалось на алтайских урянхайцах в очень немногом. Так, их женщины, например, переняли у своих соседок дөрбёток покрой их цегедеков и ношение волос, которые у замужних заплетаются в две косы, спускающиеся на грудь, и носятся в чехлах обыкновенно из шелковой ткани, украшенных тококом—узкой деревянной дощечкой, оправленной в серебро и снабженной на нижнем своем конце шелковой кистью. В общем же уклад их жизни остался прежний, сойотский; и если *Потанин*, op. cit., вып. II, стр. 92, и указывает, например, на обычай встречи первой грозы, по своим обрядностям не отличающийся от торгоутского, то здесь едва-ли имеет место заимствование, так как и у кокчулутунов, да, кажется, и у остальных урянхайцев, он выражается в одних и тех же обрядностях.

В мужской одежде алтайских урянхайцев не бросаются в глаза особенности ее покроя, и только головной их убор представляет некоторое отличие в том, что отгиб их шапки плотнее прилегает к тулье, верх которой делается более широким и плоским, чем у шапок енисейских сойотов. Из их предрассудков *Потанин*, op. cit., вып. II, стр. 96 и 97, отмечает только два, обратившие на себя его внимание: во-первых, они считают предосудительным есть пищух (Lagomys) и Myospalax aspalax, Laxm. (см. т. I, стр. 501, сноску), а во-вторых, сушить свои чулки, засовывая их за уки (стрелы) юрты. Последний предрассудок был подмечен *Потаниным* и у монголов Халхи.

[3]) По словам *Потанина*, op. cit., вып. IV, стр. 22, дархатские шаманы и до сего времени призывают онгонов на урянхайском языке.

[4]) *Б. Долбежев*—„Дархатский округ“ в „Труд. Троицкос.-Кяхт. отделения Приамурского отд. И. Русск. Геогр. Общ.“, 1909, XII, вып. 1 и 2, стр. 98.

Я. Шишмарев—„Сведения о дархатах-урянхах ведомства ургинского хутухты“ в „Изв. сиб. отд. И. Русск. Геогр. Общ.“, 1871, т. II, № 3, стр. 38—40, передает другое дархатское предание о том же событии, связывающее его с восстанием Шадар-вана (Шидыр-вана, Цэнгун-джаба). Как справедливо замечает *В. Котвич* (Долбежев, op. cit., предисловие, стр. 97), народу в этом случае изменила память в ходе событий, так как это восстание произошло 32 года спустя после смерти хутухты Ундур-гэгэна.

гэгэну [1]) князем Дэлик-нойоном и с тех пор ставшие шабинарами, т. е. данниками ургинских кутухт.

Несмотря на подчинение дархатов юрисдикции кутухт на одинаковых с прочими шабинарами основаниях, они остались за линией монгольских караулов, отделявших [2]) монгольские земли от урянхайских, причем, как и остальные урянхайцы, они были поставлены под защиту закона, ограждавшего их от торговой эксплоатации китайцев, каковым законом этим последним воспрещались: переход означенной линии караулов и кредитная торговля [3]).Одним из последствий этого закона была, однако, замкнутость дархатов и их отчужденность не только от китайцев, но и от монголов, с которыми у них установились не менее враждебные отношения, чем у дөрбётов и сойотов на западе, но тогда как там виновниками этих отношений являлись сойоты, предпринимавшие каждую осень из-за Танну-ола грабительские набеги на соседние участки дөрбётских земель, здесь страдающей стороной чаще всего были дархаты.

Долбежев рассказывает [4]), что монголы, пользуясь тем безвыходным положением, в какое ставил дархатов вышеприведенный закон, допускавший их сношения с внешним миром только через один нарочито для того установленный пункт в 15 верстах от монгольского караула Бэльтыс, причем такая замкнутость распространялась и на их скот, хватали и конфисковали последний при всяком случае перехода им условленной границы, отмечавшейся пришедшей давно в ветхость оградой из низкого частокола. Мало того, пользуясь отсутствием надзора за границей, они вторгались в дархатские пределы, выгоняли оттуда скот на свои земли и там присваивали его себе как законный приз. Дархаты

---

[1]) Скончался в 1723 году.

[2]) Пишу в прошедшем времени, так как после отделения Монголии от Китая эта часть караульной линии была упразднена распоряжением ургинского правительства.

[3]) *Липовцов*—„Уложение Палаты внешних сношений“, II, стр. 72. См. т. II, главу XI.

[4]) Op. cit., стр. 99—100.

пред'являли иски к монголам, но большинство этих исков оставалось даже без рассмотрения. При таких условиях наиболее предприимчивые из дархатов стали платить монголам тою же монетой—„око за око"; но сила оказывалась далеко не всегда на их стороне, и случалось, что монголы, превосходя дархатов своей численностью и организацией, не только успевали отбить свой скот, но и жестоко разделаться с похитителями.

Общая численность дархатов, считая женщин и детей, не превосходит 4.500 человек [1]). Они занимают своими кочевьями весь бассейн Шишкита и земли, прилегающие с запада к оз. Косоголу [2]), что в совокупности составляет горную площадь, приблизительно равную 20.000 кв. верст, богатую проточными водами, лесами и превосходными пастбищами, позволяющими вести скотоводческое хозяйство в большом масштабе.

Когда-то дархаты и обладали большими стадами [3]), но скотоводство их с тех пор сократилось и в последние годы столь быстро пошло на убыль, что, по словам русских скотопромышленников, не далеко уже время, когда из дархатской земли нечего будет выгонять [4]). Крупный рогатый скот—основа благосостояния дархатов, и такое заметное сокращение размеров скотоводства лучший показатель того тяжелого экономического положения, в каком находится в настоящее время этот народ. Скотоводческое хозяйство не только сокращается,

---

[1]) *Шишмарев*, op. cit., стр. 40, ссылаясь на народную перепись 1861 г., дает бо́льшую цифру населения, а именно, 7.015 душ обоего пола; при этом он добавляет, что такие переписи производятся шабинским ямынем раз в каждые три года.

[2]) По *Перетолчину* — „Физико-географический очерк оз. Косогол" в „Труд. Общ. Естествоисп. при И. Казанск. Унив.", 1903, XXXVIII, вып. I, стр. 52—53, дархаты кочуют на западном берегу оз. Косогола на землях, принадлежащих урянхайцам.

[3]) Тою же переписью 1861 года количество крупного рогатого скота у дархатов вычислено было в 17.143 гол., мелкого в 35.561, лошадей в 12.521 и верблюдов в 439 голов. Ныне, по словам *Долбежева*, верблюдов в крае почти не осталось.

[4]) *Потанин*, op. cit., вып. III, стр. 167.

но, по словам тех же скотопромышленников [1]), ухудшается и качество скота, что об'ясняется тем, что дархаты вынуждены продавать своих лучших производителей: еще недавно не редок был бык, дававший 15 пудов мяса, а теперь лучшие экземпляры не дают и 12 пудов.

Падение благосостояния дархатов Долбежев [2]) об'ясняет беспорядочностью во взимании податей, экстренностью, с какой они обычно взыскиваются, и их все возрастающими размерами, совершенно не соответствующими достаткам населения. Непомерные требования кутухты дархатам приходилось не раз удовлетворять, прибегая к помощи китайских торговых фирм, что допускалось ургинскими властями в явное нарушение вышеупомянутого закона и повело к задолженности дархатов, выражавшейся к 1905 году суммою в 24 тыс. лан одними только процентами, т. е. суммой прямо невероятной для такой небольшой податной группы, не составляющей и 600 семейств [3]), какую представляет в настоящее время дархатская народность.

Крупную статью дохода дархатам дает их посредничество в урянхайско-русской торговле по сбыту пушного товара—белки и соболя [4]), а засим в руки русских же скупщиков поступает и весь их рыбный товар, которым очень богаты реки и озера Дархатской земли. Добывают преимущественно белорыбицу [5]) и тайменя (Salvelinus taimen, Pall.), которые

---

[1]) Ibid.

[2]) Op. cit., стр. 101.

[3]) Из числа 4.500 человек дархатов приходится исключить около 1.000 человек лам, причисленных к дархатскому монастырю, выбывших из своих семейств, собственности не имеющих и в большинстве освобожденных от уплаты податей в казну кутухты и других повинностей.

[4]) В Иркутске этот пушной товар известен под именем дархатского. Ежегодно дархатами сбывается в Россию урянхайского соболя около 4.000 шкурок, белки несколько десятков тысяч. В 1905 году средние покупные цены стояли следующие: на соболя от 25 до 35 руб., на белку от 12 до 17 коп. за шкурку; вывезено же было: соболя 4.000 шт. на 120.000 руб., белки 100.000 шт. на 15.000 руб.

[5]) Так *Долбежев*, op. cit., стр. 103, называет, вероятно, сибирского ельца (Leuciscus leuciscus baicalensis, Dyb.).

© ГПНТБ СОРАН

входят осенью в больших массах в мелкие речки из озер и Шишкита, всего в количестве до 3.000 пуд., на сумму около 9.000 руб.

Кроме скота, которого выгоняется из дархатской земли ежегодно от 1.000 до 2.500 голов крупного [1]) и до 3.000 мелкого [2]), всего же на сумму от 50 до 100 тыс. руб., и небольшого числа лошадей [3]), дархаты из продуктов животноводства сбывают за границу, и то в небольших количествах, только масло и шерсть, так что весь их отпуск за исключением пушнины, но включая в общую сумму и ту группу товаров, которая поступает к китайским купцам, не превышает 150—250 тыс. рублей, суммы все же значительной, если-бы в большей своей части она не поглощалась налогами (около 25.000 руб. ежегодно) и платежами по долговым обязательствам (вероятно, не менее 50—70 тыс. рублей, так как только процентов по основному долгу китайцам приходилось выплачивать около 48.000 рублей).

В административном отношении дархаты делятся на три отока (рода), управляемых цзайсанами (дарга), которые избираются населением и засим утверждаются в своем звании ургинским шандзотба [4]).

Цзайсанам предоставлено окончательное решение лишь по маловажным делам; дела же, которые затрагивают интересы всего дархатского народа, обсуждаются, а иногда и решаются на с'ездах светских и духовных властей, причем в наиболее важных случаях такие решения проводятся в жизнь не прежде утверждения их шандзотбой. Судятся

---

[1]) Средняя цена, по которой скот покупается на месте, колеблется от 30 до 40 руб.

[2]) Средняя цена барана в начале текущего столетия не превосходила здесь четырех рублей.

[3]) Порода дархатских лошадей отличается от сойотской; она менее удовлетворительных кавалерийских качеств, чем монгольская, и расценивается дешевле последней; на круг лошадь стоит здесь не дороже 25 р. мет.

[4]) *Долбежев*, op. cit., стр. 100. *Шишмарев* пишет, однако, что отоком управляет родовой старшина, назначаемый шабинским ямунем из числа почетнейших дархатов.

дархаты за уголовные преступления по общему монгольскому уложению [1]).

Помощниками цзайсанов являются дымги, шуленги и адзыгэ — должность, вполне соответствующая бажка у сойотов. Все они, за исключением адзыгэ, определенного содержания не получают.

Шишмарев пишет, что далеко не все дархаты исповедуют буддизм; некоторые из них продолжают оставаться верными шаманской религии, причем не испытывают, будто-бы, никаких стеснений в отправлении обрядов этой религии.

В одежде, быте и обычаях дархатов заметно сильное монгольское влияние, но в этом отношении сведения наши еще очень ограничены.

---

[1]) *Шишмарев*, loc. cit.

© ГПБ СОРАН

ГЛАВА IV.

Народности, населяющие Западную Монголию.

Торгоуты, хошоуты, дӧрбёты.

Западную Монголию населяют следующие ойратские народности: дӧрбêты, баиты, торгоуты, хошоуты, хойты и ӧлёты. Антропологические исследования всех этих народностей еще не коснулись.

А. А. Ивановский издал в 1891 г. обширное исследование: „Антропологический очерк торгоутов Тарбагатайской области Китайской империи“ [1]), исчерпав в нем весь тот материал по антропологии калмыков, который был опубликован до этого исследования. Строго проводя в нем разделение тарбагатайских торгоутов на роды [2]), указывая при этом на глубокие антропологические различия, обнаружившиеся между

---

[1]) Составляет отдельное приложение к т. XIII „Труд. Антропол. отд. И. Общ. Любит. Естествозн., Антрополог. и Этнограф.“.

[2]) *Потанин* („Очерки северо-западной Монголии“, вып. II, стр. 44) пишет: „Между тарбагатайскими торгоутами есть кости: меркит, намдякин, халгур, шимныр, барун, багзун, хошуут, икизюн“. Это известие он записал в селении Булун-тохой. Исследования *А. А. Ивановского* касаются суб'ектов, принадлежавших лишь к 5 из числа этих костей (родов): меркит, намдякин, халгур, барун и хошуут, но потому-ли, что ему не удалось видеть представителей прочих родов или потому, что запись *Потанина* ошибочна? Этого не раз'ясняет *Ивановский*, как равно не раз'ясняет он и того, существуют-ли среди тарбагатайских торгоутов и другие, кроме им исследованных, роды—упущение, имеющее большое значение и для выводов, к которым стремится исследователь. Ведь если-бы ему не удалось измерить представителей рода меркит (см. ниже след. сн.), то и общий тип тарбагатайского отдела торгоутской народности оказался-бы не полно выраженным, такие же свидетельства, как, например, *Сосновского* („Отчет Булун-тохойской экспедиции“ в „Зап. И. Русск. Геогр. Общ. по общ. геогр.“,

последними [1]), он засим в конечных своих выводах все же сливает их с народностями, представляющими чуждый им этнический элемент; так, для характеристики торгоутского типа он пользуется данными исследований докторов Мацеевского и Пояркова [2]), относящимися к „калмыкам“ чахарам (sic!) [3]), арбан-сумунным [4]) и оседлым турфанским выходцам, населяющим низовья р. Текеса, а также работами по антропологии калмыков проф. Мечникова [5]), Уйфальви [6]), ф. Эркерта [7]) и Доникера [8]), исследования которых

1875, V, стр. 603)—„высокий рост—физическая особенность (тарбагатайского) торгоута“, пришлось-бы счесть если не вымыслом, то ошибкой.

[1]) Так, например, он пишет (op. cit., стр. 55): „Таким образом оказывается, что наиболее высокий рост имеют торгоуты рода меркит—все они по преимуществу роста выше среднего и даже высокого (из 30-ти—23), суб'ектов же низкого роста нет среди них ни одного; что касается рода барун, то он значительно разнится от других родов по высоте роста, оказавшегося наиболее низким: из 37 измеренных суб'ектов этого рода нет ни одного с высоким ростом и только 2—роста выше среднего; все же остальные имеют низкий рост (23 суб'екта) или же рост ниже среднего (12 суб'ектов); в среднем рост их равен 1,593 м.м., т. е. также низкий“.

[2]) „Краткие этнографические заметки о туземцах бывшего Кульджинского района“ (с приложением 13 антропологических таблиц и об'яснительной к ним записки), Омск, 1883.

[3]) Чахары, населяющие ныне бассейн р. Бороталы (16 сумунов) и уроч. Кулустай в бассейне Имиля (Эмиля) (1 сумун), выселены были сюда в начале шестидесятых годов XVIII столетия маньчжурами в качестве военно-обязанных из южной Монголии, где они занимали своими кочевьями степи между Калганом и Гуй-хуа-чэном. Монголы по происхождению, они все же представляют элемент глубоко отличный от калмыков.

[4]) Арбан-сумунные калмыки—это ӧлёты, т. е. этнический элемент, отличный от торгоутов.

[5]) „Антропологический очерк калмыков как представителей монгольской расы“ в „Труд. антроп. отд. И. Общ. Любит. Естествозн., Антроп. и Этногр.“, II, вып. I.

[6]) *Ch. E. de Ujfalvy de Mezö-Kövesd*—„Le Kohistan, le Ferghana et Kouldja avec un appendice sur la Kachgharie“, 1878.

[7]) „Антропологические измерения кавказских народов и описание измеренных суб'ектов“ в „Изв. Кавказск. отд. И. Русск. Геогр. Общества“, 1884—1885, VIII.

[8]) *J. Deniker*—„Sur les Kalmouks du Jardin d'acclimatation“ в „Bulletins de la Société d'Anthropologie“, séance du 1-er novembre, 1883.

© ГПНТБ СО РАН

произведены были над суб'ектами, происхождение коих осталось скрытым под неопределенными обозначениями: волжский, кавказский и кульчжинский калмык. Это едва-ли, однако, было необходимо, так как Ивановским исследовалась не раса, а небольшая народная группа, сложившаяся в монгольскую эпоху из обломков различных народностей, определение этнических особенностей каковых народностей и могло-бы составить ценнейший вклад антропологии в область истории и этнографии.

Алтайские торгоуты составляют обособленный отдел этого народа, что наглядно выражает и родовой их состав, отличный от того, какой мы находим у тарбагатайцев, относимых, впрочем, и самими калмыками к числу наиболее смешанных, „пестрых", „цохор".

Роды тарбагатайских торгоутов:	*Роды алтайских торгоутов:*
	хотут
меркит (мэркыт)	ширингут
намдякин	баргас
	бурут
халгур	шарнут
шимныр	гекрит
	хоттун
барун	кэрэт
багзун	шарас
	шарас шарнут
хошоут (хошуут)	замат
икизюн	буртут
	меркит
	хойт [1]

При таких условиях я нахожу невозможным распространять выводы Ивановского на торгоутов Алтая.

Алтайские торгоуты носят у китайцев название „новых торгоутов" и, согласно „Мэн-гу-ю-му-цзи" [2]), являются потомками тех торгоутов, которые в 1758 году во главе с тайчжи Цэрэном успели бежать в Россию, на Волгу, и затем с ним же в 1771 году вернулись обратно. Таким образом, если даже

[1]) *Потанин*, op. cit., стр. 43; *Владимирцов*, рукоп.

[2]) Стр. 145.

остаться на почве этого свидетельства и пренебречь указаниями Bergmann'a [1]) Левшина [2]) и Ал. Попова [3]), писавших, что Цэрэн, сам будучи по происхождению хойтом, увел на Волгу не только торгоутов, но и беглецов других отделов западных монголов—дорбётов, хойтов и хошоутов, то и тогда 125-тилетний период, поставивший эти две группы торгоутов в различные условия существования, не мог не оставить глубокого следа в их физическом типе, в особенности в типе торгоутов илийских [4]), вошедших в состав населения Джунгарского царства, где они должны были разделить судьбу слабейших племенных групп и для поддержания своей народности вбирать в свой состав самые различные этнические элементы. К этому, может быть, времени следует отнести и вхождение в их состав кости бурут. Вообще же их родовой состав постольку, поскольку он нам известен из расспросов Потанина и Владимирцова, рисует в недостаточной степени их этнический характер, так как из 14 слагающих эту торгоутскую группу костей (родов) происхождение 5: хотут, шарас, буртут, ширингут и гекрит остается нам неизвестным [5]), осталь-

[1]) „Nomadische Streifereien unter den Kalmüken in den Jahren 1802 und 1803", I, стр. 172.

[2]) „Описание киргиз-кайсацких орд и степей", II, стр. 250.

[3]) „Краткие замечания о приволжских калмыках" в „Журн. Мин. Народн. Просв.", 1839, XXII, 2, стр. 22.

[4]) Торгоуты, уведенные Цэрэном в 1758 году на Волгу, жили перед тем в Илийской долине и только уже по своем возвращении обратно в Джунгарию заняли под свои кочевья, по указанию маньчжурского правительства, земли бассейнов средних течений рек Чингиля и Булугуна. Впрочем, вышеприведенный расчет времени будет неверным, если окажется, что эти, сохранившие свою народность, торгоуты являются остатками тех, которые в 1702—1703 г., в количестве 15.000 кибиток, были уведены с Волги сыном Аюки, Санджи-чжабом, и засим, по прибытии в Джунгарию, распределены Цэван-рабтаном между джунгарскими отоками (см. *А. Позднеев*— „К истории зюнгарских калмыков", прилож. к „Посольству Ив. Унковского", стр. 253—257, а также гл. X т. II этого сочинения). Ср. *Потанин*, op. cit., стр. 43.

[5]) *В. Смирнов*—„Крымское ханство под верховенством Оттоманской порты до начала XVIII века", 1887, стр. 715 и 716 (цит. по *Аристову*— „Зам. об этнич. составе тюркск. плем. и народн.", стр. 402) говорит, что

© ГИНТБ СОРАН

ных же не может считаться установленным достаточно твердо [1]).

среди наиболее древних и влиятельных родов (фамилий) крымских татар был и род (фамилия) ширин, главы которого наследственно состояли карачиями, т. е. лицами, возводившими крымских ханов на их престол, но я затрудняюсь сказать, имеет-ли этот татарский род какое-либо отношение к торгоутской кости ширингут.

[1]) *Барлас.* На карте *Klaproth*'а озеро Марка-куль носит название Bargas. Род барга, отдел адгене, является в настоящее время наиболее многочисленным среди алайских кара-киргизов и делится там на два подрода сары и кара-баргы. Казацкие роды юсь и кырк носят об'единяющее их имя марка, под каковым именем они и вступили в казачий союз. Какие-то барка населяют и ныне Барлыкские горы. Засим, род барга мы встречаем и у халхаских монголов (см. *Г. Н. Потанин*—„Очерки северо-западной Монголии", вып. II, стр. 157, прим., стр. 2). В XIII и XIV веках, а может быть и с более ранней эпохи, под именем Барги, Баргуджин-токум была известна страна, лежавшая к западу-юго-западу от озера Байкала, которая и была заселена бурутами, хори (бурятами), бургутами и тумэтами, носившими общее имя баргутов. Так как все эти народности за исключением бурутов (барга-бурутов), переселившихся в Тянь-шань, имеют ясно выраженный монгольский тип, то род барга среди торгоутов должен был-бы быть отнесен к числу коренных монгольских (подробнее по этому вопросу я уже писал в гл. VIII тома II настоящего труда). Впрочем этот вопрос находится в тесной связи с разрешением более крупного и все еще спорного вопроса о происхождении кара-киргизской народности.

Бурут. Этот род по основаниям, изложенным в гл. VIII тома II, я считаю по происхождению монгольским. В состав торгоутской народности он мог войти, однако, уже отуреченным и в сравнительно позднейшее время, а именно в Тяньшаньских горах, как часть кара-киргизской народности.

Шарнут. Так называется один из отделов аларских бурят, распадающийся на два рода (*Потанин*, op. cit., вып. IV, стр. 22). Кость шарнут встречается у дархатов (см. выше стр. 21). Шарнутов следует считать монголами.

Хоттун. Кость хотун имеется среди урянхайцев, населяющих бассейн верховий Кобдо, и среди сойотов Саянских гор (*Кастрен*—„Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845—1849", стр. 387). Коту—одна из костей енисейских остяков; имеется она и среди чулышманских теленгитов. К числу монгольских отнесена быть не может и всего ближе считать ее динлинской.

Кэрэт. Этот род имеется и среди торгоутов, оставшихся в России (*П. Небольсин*—„Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса" в „Библ. для Чтен.", 1852, CXIII, стр. 41; *Житецкий*—„Астраханские калмыки", 1892, стр. 110 и след.). Торгоутские князья принадлежат к фамилии

Аристов [1]) склонен считать тюркский элемент преобладающим в составе западных монголов. К этому заключению его приводят как имена некоторых джунгарских аймаков, так и имена костей у современных калмыков: так, в джунгарских аймаках кериет и абагас [2]) он видит киреев и абак-киреев, а в отоке эркетын—тюркское племя аргын; кости китайских торгоутов: кэрэт, меркит, и астраханских калмыков: керет, эркетен, теленгут, уранхус, абганар и др. (?) он считает также тюркскими и даже самое имя торгоут производит от торо или торго—тюркской кости, и ныне еще существующей в Алтае и у кара-киргизов. При этом он предполагает доказанным, что современные киреи являются потомками кераитов, и что эти последние были по своему происхождению тюрками—вывод, который, как я имел уже случай это отметить, вызывает, однако, большие сомнения. Нельзя, конечно, отрицать у западных монголов значительной примеси тюркской крови, но что в массе своей ойраты были монголами, это подтверждается, между прочим, и тем обстоятельством, что уже в век Чингис-хана их язык отличался от

Кераит, что оправдывает предание торгоутов, считающих себя потомками ближайших родичей Ван-хана кераитского („Мэн-гу-ю-му-цзи", стр. 133, 143; *В. Успенский*—„Страна Кукэ-нор или Цин-хай" в „Зап. И. Русск. Геогр. Общ. по отд. этногр.", 1880, VI, стр. 143; *Pallas*—„Samlungen historischen Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften", 1, стр. 56; *Лыткин*—ст. в „Астрах. Губ. Вед.", 1859, №№ 43, 47—50), вошедших в состав гвардии Чингис-хана. Вопрос о том, были-ли кераиты тюрками или монголами, остается до сих пор невыясненным (см. т. II, главу VII). Роды керейт имеются также среди кундровских татар, алтайцев, сойотов (кость хиреид) и казаков. Китайцы, считая кераитов одним из четырех отделов дун-ху, ставят их на ряду с монголами и тайджутами (*арх. Гурий*—„Очерки по истории распространения христианства среди монгольских племен", 1, стр. 11) и не смешивают с киреями, именуя их цюй-линь.

Замат. Среди абак-киреев имеется род джанат; он мог войти и в состав торгоутов.

Меркит. Потанину этой кости не называли, из чего можно вывести заключение, что среди алтайских торгоутов меркиты весьма малочисленны.

Хойт. Эта кость—вероятные потомки Цэрэна.

[1]) Op. cit., стр. 308.

[2]) *Никифор*—„Историческое обозрение ойратов", стр. 135 и след.

© ЦГИБ СОРАН

монгольского лишь некоторыми диалектическими особенностями [1]). Во всяком случае родовой состав алтайских торгоутов указывает на значительное преобладание среди них элементов, которые ближе всего считать монгольскими.

В изданных в 1865 году „Instructions générales pour les recherches anthropologiques“ [2]) P. Broca замечает, что хотя число описаний и характеристик различных народностей и очень велико, но, благодаря незнакомству большинства их авторов с методами и способами антропологических изысканий, научная их ценность весьма проблематична и к тому же часто еще умаляется встречающимися противоречиями. К сожалению, пренебрегать этими описательными сведениями нам не приходится, так как в огромном большинстве случаев это все,

[1]) *Рашид эд-Дин*—„История монголов. Введение“, стр. 79: „Хотя язык их есть монгольский, однако имеет небольшое различие с говором других монгольских племен“.

Потанин, op. cit., вып. IV, стр. 654, также думает, что ойраты несут в своих жилах густую тюркскую кровь или по крайней мере в прежнее время „говорили тюркским языком“. „Замечательно, пишет он далее, что алтайцы, народ тюркского племени, называет себя иногда ойрод, что едва-ли достаточно об'ясняется тем, что они некогда находились в зависимости от джунгарских ханов“. Припомним, однако, то, что по аналогичному поводу писал еще *Рашид эд-Дин* (op. cit., стр. 50): „И со всем тем, что между ними (татарами) была вражда и раздор, они владычествовали и господствовали в древние дни большую часть времени над сильнейшими племенами и странами с могуществом, силою и совершенным почетом. Ради чрезвычайного величия и почтения их другие роды турецкие... стали известны под их именем и всех называли татарами. И те различные роды поставили величие и достоинство свое в том, что относили себя к ним и стали известны под их именем подобно тому, как в нынешнее время по причине благоденствия Чингис-хана и рода его, так как они суть монголы, другие турецкие племена, каковы джалаиры, татары, ойраты, онгуты, кераиты, найманы, тангуты и прочие, из которых у каждого было определенное имя и собственное прозвание, все называют себя монголами для придания себе славы, между тем как в старину отказывались от этого имени, и потомки их, ныне существующие, так воображают, что они уже издревле именуются и принадлежат к имени монголов“.

[2]) В „Mémoires de la Société d'Anthropologie de Paris“, 1865, II, стр. 69.

чем мы располагаем для характеристики данной народности; для алтайских же калмыков мы даже и этим, хотя-бы, как выражается Брока, продиктованным собственным вдохновением полевого исследователя, материалом не располагаем. Алтайские торгоуты и хошоуты еще ждут своих исследователей антропологов, и этнографов, так как и в этнографическом отношении обе эти народные группы остаются еще не изученными [1]). Конечно, в этом последнем отношении у них нельзя ожидать больших отклонений от того, что мы находим в среде других отделов той же народности; однако, именно у алтайцев могли сохраниться такие бытовые черты, такие особенности в покрое одежды и в прочем, которые в настоящее время уже утрачены их соплеменниками, отделившимися от них в первой четверти XVII столетия. Как ни консервативны в этих отношениях первобытные племена, но все же и они подчиняются внешним влияниям, и астраханские или кавказские калмыки далеко уже не те, что уроженцы Тарбагатая или Алтайских гор. Возьмем хотя-бы одежду. Кавказские калмыки изменили ее покрой и вместо прямых халатов носят однобортные бешметы кавказских горцев с широко вырезанною грудью; у астраханских калмыков русский форменный картуз с цветным околышем все более и более вытесняет национальные круглые шапки с четырехугольною тульею из желтого сукна, а их обувь давно уже утратила общемонгольский характер, и т. д.

Ивановский [2]) отмечает, что у тарбагатайских торгоутов и доныне еще удержался гостеприимный гетеризм, и свидетельствует о такой распущенности их нравов, какой мне не довелось наблюдать в других отделах той же народности на правом берегу Волги и в Тяньшаньских горах. В этнографической литературе я также не нахожу данных, подтверждающих существование у калмыков свободы половых отношений в

[1]) Даже те немногие заметки этнографического характера, которые мы находим в цитированной выше книге *Г. Н. Потанина*, относятся к тарбагатайской, а не алтайской группе торгоутского племени.

[2]) Op. cit., стр. 18—19.

© ГПНТБ СО РАН

степени, указываемой Ивановским, и только Нефедьев [1]) решается поместить по этому вопросу следующие осторожные строки: „Полная свобода женщин и худая оценка со стороны калмыков добродетелей прекрасного пола не подают повода к разрушению в сем народе благонравия. Напротив того, там не найдешь примера, который гласностью непозволительных связей или явным пренебрежением целомудрия служил-бы для других открытым соблазном. Вообще о калмыках можно сказать, что они при самой полудикости их во всем том, что представляется пороком или неблагопристойностью, стараются быть осторожными".

Гетеризм, наблюдавшийся Ивановским, составляет пережиток очень ранней стадии общественного, быта, и тем страннее встретить его у народной группы, которая только со второй половины XVIII столетия отделилась от основной массы своего племени; если даже допустить, что прежние исследователи калмыцкой народности проглядели у торгоутов этот фазис отношений между полами [2]), то и в таком случае мы должны были-бы встретиться с ним если не у тяньшаньских торгоутов, то у алтайцев, между тем соответственных свидетельств в этнографической литературе мы не находим.

У монголов эпохи Чингис-хана не только гостеприимного гетеризма уже не существовало, но они считали этот обычай

[1]) „Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте", 1834, стр. 179.

[2]) См. *B. Bergmann*—„Nomadische Streifereien unter den Kalmücken in den Jahren 1802 und 1803", II, стр. 286—289; *П. Небольсин*—„Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса" в „Библиот. для Чтен.", 1852, CXIII и CXIV, и др.

В прежние времена отношения между полами у калмыков несомненно были более строгими, и виновный в неблагоприличном обхождении с девушкой присуждался даже к значительному штрафу в пользу родителей потерпевшей и телесному наказанию (*Небольсин*, op. cit., в „Библ. для Чтен.", CXIII, стр. 131). Но это и вызывает особо осторожное отношение к факту, отмечаемому *Ивановским*, ибо в гостеприимном гетеризме нельзя видеть обычая, усвоенного тарбагатайскими торгоутами в последнее время: в Джунгарии их окружают или народные массы, исповедующие ислам, или такие, хорошо нам известные с бытовой стороны, народные группы, как чахары.

позорным. Вот, что по этому поводу пишет Марко Поло [1]): „Случилось, когда еще царствовал Мангу-хан (Мöнкэ, 1251—1259), татарский царь; узнал он, как в Камуле отдают жен иноземцам, и приказал он, чтобы никто не смел под страхом наказания принимать к себе в гости иноземцев, а выстроили-бы общественные дома, куда иноземцы могли-бы приставать. Узнали в Камуле тот приказ и очень огорчились, собрались на совет и вот что порешили: взяли большие подарки, понесли их к Мангу-хану и стали его просить, чтобы позволил им жить как деды завещали, а деды им говорили, что боги их любят за то, что иноземцам они отдают и жен и всякое добро, и хлеба у них оттого много, и всякий труд спорится. Услышал это Мангу-хан и сказал: „хотите срамиться, так живите по своему", и согласился, чтобы жили они по своему". При таких условиях невероятно, чтобы у торгоутов, по преданию — гвардии монгольских ханов, мог удержаться этот обычай, а если так, то и свидетельство Ивановского нуждается в подтверждении. Но это указывает, с какой осторожностью следует обращаться с уже имеющимся у нас этнографическим материалом и как рискованно даже в пределах одной и той же народности распространять на всю народность бытовые черты, подмеченные у одной лишь части последней, если это касается столь сложной по своему этническому составу племенной группы, как торгоутская.

Я выхватил одну из наиболее ярких форм общественной жизни тарбагатайских торгоутов, которую было-бы рискованно перенести и на их алтайских соплеменников; еще менее осторожно было-бы весь бытовой очерк последних обрисовать на основании данных, почерпнутых из изучения быта волжских торгоутов или торгоутов, населяющих Тарбагатай и горную область Центрального Тяньшаня. Повторяю, алтайцы должны находиться на иной ступени быта, чем их соплеменники, отделившиеся от них в первой половине XVII столетия, ибо как племенная группа, испытавшая меньшие сторонние

[1]) *И. П. Минаев* — „Путешествие Марко-Поло" в „Зап. И. Русск. Геогр. Общ. по отд. этнографии", 1902, XXVI, стр. 76—77.

© ГПНТБ СОРАН

влияния, эволюционировавшая поэтому слабее и в меньшей степени подвергшаяся трансформации. она должна была сохранить и более первобытных, элементарных общественных черт, а также особенностей в покрое одежды и проч.

Алтайские торгоуты занимают своими кочевьями территорию в бассейнах нижнего Чингиля и правых притоков среднего и нижнего течений р. Булугун, а засим пустынное нагорье правого берега низовий р. Булугун на юг до горной гряды Байтык-богдо. При этом, однако, следует отметить, что благодаря недостаточности имеющихся о сем сведений, точной границы между кочевьями торгоутов и хошоутов с одной стороны и цзахачинов с другой в области бассейна р. Булугун провести сейчас невозможно, что, однако, представлялось-бы очень важным, так как, с выходом цзахачинов из состава сейма Чин-сэтхильту [1]) и подчинением Урге, здесь должна проходить государственная граница свободной Монголии. Еще в начале XX столетия в долине Булугун, в участке между устьем Баин-гола и поворотом реки на запад, кочевали почти бок-о-бок курени: хошоутовский и принадлежащий цзахачинам хошуна Гоин-ноина [2]).

Алтайские торгоуты образуют два хошуна: цзинь-вана в составе одного сумуна и бэйсэ в составе двух; хошоуты, до такой степени слившиеся с торгоутами, что Ладыгину [3]) их называли торгоутами хошуна „хошут-цзасака“ — один хошун цзасака тайджи I степени в составе одного сумуна.

Несмотря на обширность занимаемой ими территории, богатой превосходными пастбищами, благосостояние их к началу XX столетия оказалось настолько пошатнувшимся, что даже китайские власти признали необходимым освободить их временно от подводной повинности, обязав лишь представлять на ортоны (станции) бесплатно баранов в количестве, достаточном для продовольствия как служебного их персонала,

[1]) *Матусовский* — „Географическое обозрение Китайской империи“, стр. 299.

[2]) *Ладыгин* — „Поездка на верховья реки Урунгу“ в „Изв. И. Русск. Геогр. Общ.“, 1900, XXXVI, вып. I, стр. 83.

[3]) Ibid.

так и проезжающих по казенной надобности [1]). Причины столь значительного экономического упадка торгоутской массы в Алтае нам неизвестны [2]).

Кочевья хошоутов находятся к западу от р. Булугуна между устьями рек Тошулты и Баин-гола. Общая их численность не превосходит 150 юрт [3]). Кости их следующие: хабчик, хатамат, батат, йамат, ики и бага-шарнут [4]); из них только две последние могут быть отнесены к этнически нам известным [5]). Этим исчерпываются все наши сведения о западных монголах сейма Чин-сэтхильту [6]).

Перехожу к очерку дёрбётов, на территорию которых я вступил в 1903 году в долине р. Намюр 19 июля, оставил же ее в долине Бодхон, на пути к Кемчику, 30 числа того же месяца; но и в течение этих десяти дней, обремененный работами: с'емкой, метеорологическими и гипсометрическими

[1]) *Ладыгин*, ibid.

[2]) Должен, однако, указать на одно крайне важное постановление китайского правительства, в последнее время существенно изменившее положение торгоутов по отбыванию ими воинской повинности. Это правительство обязало монгольские сеймы поставлять определенное число солдат в регулярную армию (лу-цзюнь), причем в этом отношении монголы поставлены даже в более тяжелые условия, чем природные китайцы. При вербовочной системе комплектования армии в ином призывном участке может и не оказаться желающих поступить на службу китайцев, тогда как монгольские сеймы обязаны представить определенное, указанное китайской администрацией, число рекрут, которые могут быть уволены со службы не ранее как по прибытии такого же числа заместителей от того же племени. В войска алтайского хэбэй-амбаня (Шара-сумэ) торгоуты призываются на одинаковых основаниях с олётами и урянхайцами. В 1909 году в Шара-сумэ было солдат торгоутов около 250 человек, приблизительно поровну от Кобук-саурского и Булун-тохойского (Чин-сэтхильту) сеймов (*Сыртланов* — „Материалы по Западному Китаю, собранные во время поездки из Урумчи на Алтай в 1909 году“ в „Сборнике географ., топограф. и статист. материалов по Азии“, вып. LXXXVI, 1913, стр. 66—67).

[3]) *Ладыгин*, ibid.

[4]) *Владимирцов*, рукоп.

[5]) См. выше стр. 188, сноску.

[6]) Неизвестно почему *Сыртланов*, op. cit., во всех случаях называет этот сейм Булун-тохойским. Алтайские князья никогда не собирались в этот город на сейм.

© ГГИТБ СОРАН

наблюдениями, сбором естественно-исторических коллекций и тех специальных материалов, которые требовались министерству финансов, я не мог уделить этнографии этой народности много времени. К тому же в городе Зайсане мне удалось включить в состав экспедиционного отряда лишь переводчика на китайский язык и теперь для сношений с монголами приходилось довольствоваться услугами или русских купцов, и это в лучшем случае, или вести утомительные беседы при посредстве двух переводчиков, из которых одним был всегда местный монгол, знакомый с киргизским языком. Засим еще одно немаловажное обстоятельство мешало мне с пользою для этнографии употребить и эти десять дней пути. В долине р. Намюр я вступил на территорию хошуна дёрбётского бэйлэ, который накануне моего прибытия в его ставку выбыл из нее неизвестно куда. Раз'ехались „по делам службы" с Намюра и другие дёрбётские власти, и это общее бегство последних, и, как следствие, безначалие, водворившееся в долине Намюра, поставило меня в затруднительное положение. Скрылся и тот монгольский чиновник, который сопровождал меня из Кобдо и обязан был, по распоряжению амбаня, устранять все затруднения на моем пути; когда же под вечер он наконец вернулся на бивуак, то стал энергично настаивать на необходимости с завтрашнего же дня существенно изменить мой маршрут. Длительные наши переговоры закончились тем, что я попросил монгола вернуться в Кобдо, а сам решил следовать далее без проводника и языка. Впоследствии, уже в уроч. Мёстю, недоразумение раз'яснилось. Кобдинский амбань дал столь строгие предписания на мой счет, гонец же, посланный к дёрбётскому цинь-вану [1]) с экземпляром этого предпи-

[1]) В 1911 г. он принял деятельное участие в том революционном движении, которое охватило тогда всю Монголию. Его портрет читатель может найти в очерке *Вл. Котвича*—„Краткий обзор истории и современного политического положения Монголии", приложенном к карте Монголии, составленной по данным бывш. российск. уполномоч. в Урге И. Я. Коростовца и изданной в 1914 г. картографическ. зав. А. Ильина. После отделения Монголии он был возведен ургинским хутухтою в ханы с правом титуловаться зорикту.

сания, наговорил обо мне столь много лишнего, что князь решил откупиться от счастья принимать у себя столь „дорогого" (в буквальном значении этого слова) гостя и в этих видах приготовил уже полтораста лан к отсылке в Кобдо, но приостановился этой отсылкой, узнав о моем прибытии в долину Намюр, а засим дальнейшие правдивые донесения совершенно рассеяли его опасения на мой счет. Все это со смехом рассказал мне при свидании сам легковерный виновник конфликта [1]), но все же время было уже упущено, и предложение его всячески отклонять меня от избранного мною маршрута повело к тому, что дёрбёты всюду явно меня сторонились, и я не мог добиться у них даже таких сведений как названия проходимых мною урочищ.

Хотя монгольский тип и представляет большую изменчивость во второстепенных признаках, но устойчив в главных; а так как кобдинские дёрбёты не удержали и этих признаков, то их нельзя отнести к монгольской расе с тою же уверенностью, как мы это делаем, говоря об астраханских калмыках—дёрбётах [2]). Действительно, кобдоские дёрбёты по своему типу

[1]) На мой вопрос князю, как мог он так низко думать о русском чиновнике и считать его способным на присвоение чужого имущества, я получил от него следующий характерный ответ: „Почему же нет? Из русских чиновников вы первый вступаете на мою землю, а китайские чиновники нас научили всего опасаться, причем, чем важнее чиновник, тем значительнее и его путевые поборы. А о вашем прибытии в Кобдо и необходимости самой широкой помощи говорится в предписании из Пекина; стало-быть вы крупный чиновник... К тому же монгол, доставивший мне пакет из Кобдо, сообщил, что вы привели с собой в этот город целый табун собранных по пути лошадей и продали его там, а теперь набираете новый"... Вот какие слухи ходят иногда по степи! А поводом к ним послужила моя сделка с одним из русских купцов в Кобдо, которому я запродал всех экспедиционных лошадей по 25 руб. на круг, обязавшись сдать их его доверенному по прибытии в Кош-агач, где мне предстояло расформировать свой караван.

[2]) *Владимирцов* — „Отчет о командировке к дэрбэтам Кобдоского округа летом 1908 г." в „Изв. Русск. Комит. для изучения Средней и Восточной Азии", 1909, № 9, стр. 54, находит, что и язык кобдоских дёрбётов как в фонетическом, так и в морфологическом отношениях существенно отличается от языка астраханских дёрбётов.

© ГПИБ СОРАН

ближе стоят к урянхайцам, чем к этим последним. Вертикальная норма их черепов представляет, как и у европейских черепов, почти правильный овал, причем скуловые дуги если и не скрыты, то выделяются лишь весьма незначительно, самые же черепа относятся к среднеголовому или даже поддлинноголовому типу [1]). Их лица преимущественно длинные, с острым подбородком и у значительного большинства с выдающимся, узким носом; лоб почти всегда большой и прямой; межглазничный промежуток мал; глаза поставлены горизонтально и глубоко; косые и маленькие встречались мне только у женщин, но последние могли быть и не дорбётками; рот небольшой, губы у взрослых мужчин тонкие и сухие; уши небольшие, и оттопыренных среди них замечалось не много; зубы у большинства мелкие и ровные; резко выраженного прогнатизма мне не бросалось в глаза. Шея тонкая, средней длины. При низком, иногда лишь среднем росте [2]) дорбёты имеют достаточно широкие плечи и бедра, те же, которых я видел обнаженными (борцов), имели и хорошо перехваченную талию. Седалищные мускулы развиты у них, однако, слабо как впрочем и вообще мускулатура, в особенности же на конечностях. Ноги у них короче, руки длиннее, чем следовало-бы. Переходя к волосяной растительности, должен заметить, что на мои неоднократные вопросы, встречаются-ли среди них, хотя-бы в юном возрасте, суб'екты со светлыми

[1]) Я видел, впрочем, только два черепа, которые туземцы считали дорбётскими; взять их с собой не удалось, так как я был окружен дорбётскими ламами.

Deniker, измеривший 12 взрослых калмыков, вероятно, волжских дорбётов, нашел среди них только пять суб'ектов, у которых головной указатель колебался между 74,13 и 80, т. е. долихоцефалов 1, субдолихоцефалов 1 и мезатицефалов 3; остальные распределялись так: 6 суббрахицефалов и 1 брахицефал (головн. указ.—86,84).

[2]) Наиболее рослый элемент попадался мне среди лам; но это, может быть, потому, что не все они по своему происхождению были дорбётами. В уроч. Мостю я застал даже несколько лам тангутов, проживавших в местном монастыре с незадолго перед тем прибывшим к дорбётам гэгэном Лабранского монастыря Лобсан Лундок Джамсо. Дорбётов мирян высокого роста я вовсе не встретил.

волосами, я всегда получал отрицательный ответ, и только однажды мне было указано, что где-то в бассейне Кобдо имеется сумун, в котором среди детей попадаются голубоглазые и белокурые [1]). Бородатых дорбётов я вовсе не видел; у носивших усы, последние обыкновенно не покрывали верхней губы.

Это и все, что я отметил в своем дневнике. Повторяю, однако, что я описываю здесь лишь преобладающий тип; монгольские лица среди кобдоских дорбётов встречаются, притом даже не особенно редко; однако суб'ектов, которые лицом, ростом, сложением и всей вообще фигурой своей напоминали-бы прибайкальских бурят, я среди них вовсе не видел.

Владимирцов [1]) пишет, что у кобдоских дорбётов родовой строй забыт совершенно, хотя названия костей и сохранились в названиях их сумунов; но в таком случае трудно об'яснить существование у них экзогамии—обычая, которого среди дорбётов не придерживается только кость хырхыс, хотя и малочисленная, но стоящая особняком среди прочих дорбётских родов сейма Сайн-цзаягату [3]).

Кобдоские дорбёты вместе с хойтами и баитами образуют два аймака—сейма под общим названием Сайн-цзаягату, именуемые чаще „аран арван зурган хошун", т. е. шестнадцатью соверными хошунами [4]). Левый аймак состоит из хошу-

[1]) Я просил *Б. Я. Владимирцова* проверить это показание, но результат его анкеты оказался отрицательным.

[2]) „Поездка к кобдоским дэрбэтам летом 1908 г." в „Изв. И. Русск. Геогр. Общ.", 1910, XLVI, вып. VIII—X, стр. 334.

[3]) Эта кость, образующая отдельный сумун численностью в сто дымов, как равно и другая из называвшихся мне костей—мынгит, не показана в числе тех сохранивших родовые названия сумунов, которые перечисляются ниже; но список этот и не может считаться полным.

Кость хырхыс среди дорбётов отличается наибольшею распущенностью нравов и, как мне говорили, в этом сумуне в брачное сожительство вступают даже самые близкие родственники, и только брак между единоутробными считается у них недопустимым. Впрочем это известие требует еще проверки.

[4]) *Владимирцов* — „Отчет о командировке к дэрбэтам Кобдоского округа" в „Изв. Русск. Комит. для изуч. Средн. и Вост. Азии", etc., 1909, № 9, стр. 50.

ОТИНБОРАН

нов дөрбётского далай-хана [1]), ханского цзасака и 10 баитских; правый—из хошунов цинь-вана (ныне хана), бэйлэ, ванского цзасака и одного хошуна баитов.

Хошун далай-хана подразделяется на четыре отдела [2]), „анги", в составе каждый следующих сумунов:

анги:	*сумуны:*
залхус	гөльгют
	шемнар
	шацзган (шазган) [3])
көшиктен	орцос
	дурал
	борокчут
	джис (дис)
таргат	таргат
көтчинер	канор [4])
	цохор
	бульчин [5])

Хошун цинь-вана составляют также четыре отдела, слагающиеся из следующих сумунов:

анги:	*сумуны:*
өргө	ярга [6])
	бага туктун
	хотон [7])

[1]) Титул этот пожаловал был дөрбётскому цинь-вану Цэрэну, вероятно, несколько позднее 1755 года, между прочим, за его участие в делах против Даваци. В 1782 г. этот титул был сделан наследственным. См. „Мэн-гу-ю-му-цзи", стр. 138.

[2]) *Очиров*—„Поездка в Александровский и Багацохуровский улусы астраханских калмыков" в „Извест. Русск. Комит. для изуч. Средн. и Восточн. Азии", сер. II, 1913, № 2, стр. 80, „анги" называет родом.

[3]) Этот сумун образовался из двух прежних: чидыл и шацзган.

[4]) И этот сумун образовался из двух: хасык и канор. Чидыл и хасык как самостоятельные административные единицы существовали еще в конце семидесятых годов.

[5]) Сверх перечисленных здесь сумунов *Потанину*—„Очерки сев.-зап. Монг.", вып. II, стр. 30, называли еще сумуны сухун и гарыкчут.

[6]) *Владимирцов*, loc. cit.; *Потанину* этот сумун называли шангис (op. cit., стр. 29).

[7]) Хотон—не этническое название. Так монголы называют оседлых жителей, в частности магометан, независимо от их национальности.

анги.	*сумуны:*
барун	таргат
	джис
	ихи туктун
зун	шархашиха
	зутрук
	хада
көтчи	чечига
	хондога
	замбу

Названий сумунов, образующих уделы: ханского цзасака (в составе одного сумуна) [1]), бэйлэ (в составе пяти сумунов) и цзасака Аюр-занга (одного сумуна), Владимирцов и Потанин нам не дают, и таким образом остается даже неизвестным, в состав которого из этих уделов входят хойты [2]), которых, согласно „Мэн-гу-ю-му-цзи", должно находиться среди дөрбётов два сумуна. Данные „Мэн-гу-ю-му-цзи", однако, значительно уже устарели, как равно и тот перечень

Иакинф—„Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена", I, 1, стр. 65, пишет: „И ныне монголы оседлых тюркистанцев для отличия от кочевых называют на своем языке хотон, что значит в городах живущие". Подтверждением сему служит и карта шведа *Рената* (прилож. к т. XI, 1888, „Зап. И. Русск. Геогр. Общ. по общ. геогр."); неверно, однако, в этом отношении об'яснение *А. Макшеева*, которым сопровождается эта карта; монгольское „хотон", несмотря на созвучие, едва-ли имеет какое-либо отношение к городу Хотан; к тому же и транскрипция, принятая для этих названий *Ренатом*, неодинаковая: туркестанцев он называет *Kottoner*, город—*Choton*. *Пржевальский* („Монголия и страна тангутов", I, стр. 123) говорит, что хотанами в городе Бауту, на северной границе Ордоса, называют южных китайцев. Засим, у *Потанина* („Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия", I, стр. 104) читаем: „В Алашане есть монголы мусульмане; их зовут котон; они ничем не отличаются от ölётов, ни языком, ни образом жизни". Об улангомских хотонах я буду говорить ниже.

[1]) В 1903 году во главе этого хошуна стоял Авермöт цзасак, по имени которого хошун и назывался хошуном Авермöт-цзасака.

[2]) *Владимирцов* мне сообщает, что ханский цзасак—хойт по происхождению, так что всего вероятнее, что хойты входят в состав именно его сумуна.

ОТИБ СО РАН

сеймовых составов монголов, который дает А. М. Позднеев в книге Матусовского—„Географическое обозрение Китайской империи“, и который составлен на основании тех же китайских данных, которые были уже использованы китайскими авторами „Мэн-гу-ю-му-цзи“; это станет нам особенно ясно, когда мы перейдем к обзору баитских хошунов.

Неполный сам по себе, этот перечень не определяет нам этнического состава дөрбётской народности еще и потому, что значительное большинство названий сумунов не может быть отнесено к числу тех, которые носят народные группы, этнологический характер которых известен. Только о родах көшиктэн [1]), цохор [2]) и

---

[1]) *Көшиктэн*—название аймака внутренних монголов сейма Джу-уда; вместе с тем это и название, повидимому, довольно сложной народной группы, сложившейся из монгольских элементов уже в позднейшие времена; в „Мэн-гу-ю-му-цзи“, стр. 29 и 278, говорится, что это название установилось при Шаралда мэргэн-нояне, преемнике Очир-болота, потомке Чингис-хана в 16 колене, и что оно имеет не этническое, а географическое значение и может быть переводено китайским словом „половина“. Сами монголы производят, однако, название этого аймака от слова „кэшик“—счастье (см. *Потанин*—„Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральн. Монг.“, II, стр. 312). Если довериться „Мэн-гу-ю-му-цзи“, то көшиктэновцы должны были войти в состав дөрбётской народности не ранее второй половины XVI столетия и всего вероятнее в эпоху войн между западными и восточными монголами. Что касается того обстоятельства, что они вошли в нее под этим, об'единившим их, именем, а не под своими родовыми прозваниями, то аналогичные случаи—явление довольно частое в Средней Азии, где, например, среди внутренних монголов, в сеймах Джу-уда и Улан-цабском, мы встречаемся с поколениями „халха“, среди ордосских монголов—с поколением „джунгар“ и т. д.

[2]) *Цохор*. С этим именем мы уже встретились как с прилагательным, определяющим тарбагатайских торгоутов „пестрыми“ по своему этническому составу. То же определение прилагается монголами и к той весьма пестрой по своему составу группе халхасцев, которая примкнула к южным монголам, образовав среди них левое крыло Джууда'ского сейма. Как родовое имя, прилагательное цохор в Монголии не встречается, если не считать таковым хурѣ-цохор—наименование одного из тринадцати племен, доставшихся в удел младшему сыну Даян-хана—Гэрэсанцзы (*А. Позднеев*—„Монгольская летопись Эрдэнийн эрихэ“, стр. 96), в виду чего приходится допустить, что и к дөрбётам оно применено в том же

ярга [1]) можно еще говорить как о составных частях дөрбётской народности с достаточно в расовом отношении определившейся физиономией, остальные же требуют еще этноло-

---

смысле, как к халхасцам и торгоутам, иными словами, что в сумуне цохор мы, может быть, сталкиваемся с потомками тех дөрбётов, которые во время разгрома Джунгарского царства, подобно хойтам, бежали из Тянь-шаньских гор или из долины Или на север, к своим сородичам, причем родовой состав таких беглецов мог быть и весьма пестрый. В „Мэн-гу-ю-му-цзи“, стр. 141, читаем: Во время джунгарского возмущения хойтский князь Дамаринь с семейством перекочевал в отдалённые страны, а родовичи его бежали в Ирэн-хабирга (хр. Боро-хоро); поэтому, когда три Цэрэна (все трое—дөрбётские князья) из'явили покорность, Дамаринь не мог прибыть с ними; засим, когда Цэрэн прибыл к Ирэн-хабирга, то более сорока семейств (бывших) поданных Дамариня просили о принятии их в подданство Китая. По умиротворении Или все дөрбётские тайджи были пожалованы кочевьями. Услыхав об этом, и Дамаринь с шестьюдесятью семействами своего народа тропинками добрался до Улясутая и просил о включении в кочевье Цэрэна (князя дөрбётов)... Что случилось с хойтами, могло случиться и с дөрбётами. В Восточном Тянь-шане и до сих пор сохранилась ветвь дөрбётского народа, которая не забыла еще своего происхождения, хотя с переходом в магометанство и подчинением лукчунскому вану и утратила язык и обычаи своих предков (см. *Г. Е. Грум-Гржимайло*—„Описание путешествия в Западный Китай“, т. I, стр. 257). В „Мэн-гу-ю-му-цзи“ же мы находим указание, что Цэрэн-мункэ оставлен был в 1755 году в Илийской долине со всем своим отрядом для охраны границы. Что сталось с этими дөрбётами, не поясняется, но всего вероятнее, что впоследствии часть их перекочевала в Кобдоскую Монголию. Вообще дөрбёты очень часто меняли места своих кочевий до окончательного поселения своего в бассейнах Кобдо и Усуа-нора, а при таких перекочевках должны были быть и отсталые и вновь соединявшиеся с основной массой, среди которой и слагались таким образом сумуны смешанного состава.

[1]) *Ярга* — вероятно, то-же, что и джаркэ—наименование одного из найманских родов отдела эргенекты, кочующего в бассейне р. Бухтармы и в котловине оз. Марка-куль (см. *Потанин*—„Очерки сев.-зап. Монголии“, II, стр. 7). Роду джеркэ (*Березин* транскрибирует джеркэ и дзарга безразлично; переводчик *Абуль-Гази* бар. *Desmaisons* пишет—tcharga) *Рашид эд-Дин*, op. cit., стр. 140, дает большую давность и относит к отделу нукуз племени нирун, т. е. к настоящим монголам; далее же, стр. 183, он пишет: „все племена тайджиют от него (Джеркэ-Лингуна, второго сына Хайду-хана) ответвились“. Среди дөрбётов ярга образуют „аха“ сумун, т. е. главный.

ОПИ ГБС АН

гических изысканий [1]). Тип кобдоских дёрбётов в настоящее время значительно уклоняется от монгольского, между тем перечисленные выше роды кёшиктэн, цохор и ярга представляют элементы преимущественно монгольские. Это обстоятельство еще более подчеркивает, насколько неполно известен нам родовой состав этой народности; всего же страннее, что при физическом сходстве с урянхайцами мы, за исключением тархатов, не находим среди них родов, общих обоим народностям, если не считать в числе таких родов костей цорос и дюрбют (дёрбёт) среди урянхайцев [2]) и хырхыс и мынгит среди дёрбётов [3]).

Этнография не является нам в данном случае на помощь, так как ни здесь, в Средней Азии, ни на западе, в юго-восточной России, исследователи калмыцкой народности не делали еще попыток к ее изучению по ее родовому составу, что, может быть, и внесло-бы некоторый свет в вопрос об ее происхождении, ибо бытовые особенности слагающих ее родов, повидимому, не изгладились в ней еще окончательно, чему прямым доказательством служит вышеприведенный факт эндо-

[1]) Замечания могут быть сделаны о следующих из числа этих последних:

Шемнар встречается среди дёрбётских родов Манычского и Малодэрбэтовского улусов и торгоутовских—Ики-цохуровского и Бага-цохуровского улусов, а также, как мы уже знаем (см. выше стр. 186), среди родов тарбагатайских цохор-торгоутов; *туктун*—среди дёрбётских родов Малодэрбэтовского улуса; *кётчинер* — среди торгоутских родов Ики-цохуровского улуса (см. *Очиров*—„Отчет о поездке к Астраханским калмыкам летом 1909 г." в „Изв. Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии", 1910, № 10, стр. 62, 63, 67 и 69; *idem*—„Поездка в Александровский и Багацохуровский улусы астраханских калмыков", там же, серия II, 1913, № 2, стр. 81). *Баруи* и *зун* не имеют этнического значения; „барун" значит западный, „зун"—восточный. Эти прилагательные очень часто встречаются в соединении с племенным названием для обозначения отдела племени: барун-харачин, дзун-харачин; барун-тумэт, дзун-тумэт, и т. д.

[2]) „Дюрбюты уверяют", пишет *Г. Н. Потанин* („Очерки северо-западной Монголии", II, стр. 33), „будто часть их народа есть между тангну-урянхайцами". См. также выше гл. I, где среди урянхайских костей названы и кости чорос и дюрбют.

[3]) См. выше стр. 199.

гамии у дёрбётов киргизской кости. Вообще этнографические исследования едва коснулись дёрбётской народности, в особенности той ее части, которая населяет Западную Монголию, и все, что мы в этом отношении знаем, сводится к весьма малому.

Кобдоские дёрбёты, пишет Потанин [1]), резко отличаются от халхасцев чертами общественного и частного быта, но не выясняет этих различий, ограничиваясь лишь указанием на отсутствие среди дёрбётов высшего сословия—тайчжи, собственно даже младших тайчжи, так как члены княжеских фамилий и у дёрбётов присваивают себе этот титул. Мне кажется, что кобдоские дёрбёты отличаются от остальных монголов не столько этими чертами, сколько своей психикой, живостью своего темперамента, подвижностью, общительностью и особою любовью ко всякого рода увеселениям, в чем они опять-таки близко напоминают сойотов. Но об их психических особенностях—ниже.

В одежде кобдоских дёрбётов мало оригинального. От халхасцев их отличают особая шапка и сапоги, а их женщин сверх того цегедек и иная прическа.

Разнообразие шапок у западных монголов, пишет Потанин [2]), сразу бросается в глаза; здесь каждое племя—дёрбёты, торгоуты [3]), баиты имеют свою оригинальную шапку и кроме нее другой не носят [4]). Дёрбётская шапка (тёрё-, тёрль-махла) имеет круглую, плоскую матерчатую тулью [5]), которая не простегивается, как у урянхайцев [6]) и халхасцев, а собирается в свободно лежащие складки под плоский, обтя-

[1]) Op. cit., II, стр. 30.

[2]) Op. cit., II, стр. 31.

[3]) *Потанин* имеет здесь в виду тарбагатайских торгоутов.

[4]) Дёрбёты, занимающие административные должности, а также их князья, носят, однако, преимущественно китайские головные уборы.

[5]) Иногда тулья шьется и из меха, и тогда на нее нашивается кружок из другого какого-либо, обыкновенно более ценного, меха (бёлцё); но такие шапки носятся более женщинами.

[6]) См. выше, стр. 31.

© ЭПИГРАФ

нутый тканью иного цвета кружок [1]), середину которого украшает плетеная из красного шнурка шишка [2]). Отворот этой шапки, обыкновенно из черной мерлушки, высок, плотно прилегает к тулье и делится узкими и неглубокими вырезками на три лопасти, из которых две боковые, значительно отвисающие назад, застегиваются на пуговицу. Этот головной убор дополняют две ленты (чабцык), длиной до $^3/_4$ аршина, обыкновенно темнокрасного цвета, которые спускаются на спину из заднего выреза отворота. Такие шапки, подбитые часто мехом, носятся у кобдоских дӧрбётов всеми, мужчинами и женщинами, князьями, ламами и простонародьем.

Дӧрбётский сапог покроем похож на китайский, шьется из юфти и подшивается тройной подошвой, из которых нижняя вырезается всегда шире двух верхних; носок сильно загибается кверху, а самый сапог снабжается иногда войлочной стелькой, что, однако, очень мало предохраняет ногу от сырости, так как такой сапог очень быстро намокает и затем медленно просыхает. Женский сапог только тем и отличается от мужского, что более легок и шьется преимущественно из красного сафьяна. По словам Владимирцова [3]), эта национальная обувь, впрочем только у мужчин, стала за последнее время быстро вытесняться покупными китайско-халхаскими сапогами.

Цегедэка халхаски не носят, дӧрбётский же цегедэк представляет весьма длинную, почти до полу, верхнюю одежду, которая шьется с рукавами и не украшается вышивками.

Прической кобдоские дӧрбётки не отличаются от астраханских дӧрбёток и подобно этим последним заплетают свои волосы в две косы, которые и носятся ими в черных чехлах на груди. Эти чехлы оканчиваются привесками (токок), представляющими небольшой, украшенный двумя жгутиками из мишуры, черного же цвета деревянный цилиндр с прикре-

[1]) Эти кружки вырезаются из кожи, бересты или тонкой деревянной пластинки.

[2]) См. выше, стр. 32.

[3]) „Поездка к кобдинским дэрбэтам летом 1908 г." в „Изв. И. Русск. Геогр. Общ.", 1910, XLVI, вып. VIII—X, стр. 347.

пленной к нему черной шелковой кистью [1]). Халхаской накладки на волосы дӧрбётки не носят.

Мне остается к этому добавить, что кобдоские дӧрбёты зимой, подобно сойотам, носят войлочные чулки, которые валяются ими из отборной шерсти, тонки, очень прочны и у женщин очень часто обшиваются цветной материей.

Некоторыми, небольшими, впрочем, особенностями, что отмечает и Владимирцов [2]), отличается и дӧрбётское седло. Его передняя лука относительно гораздо выше, полки короче, задняя же лука поставлена круче, чем у китайского или монгольского седел, благодаря чему и посадка дӧрбёта несколько иная, чем у халхасца, напоминая посадку наших казаков. Деревянные части виденных мною дӧрбётских седел были пригнаны одна к другой очень хорошо, гладко отполированы и окрашены в густой красный цвет. Подушки к ним довольно толстые и делаются из вдвойне сложенного войлока, простегиваемого вместе с покрывающей их материей, обыкновенно—синей дабой [3]). Седла, которые я видел у приезжавших ко мне дӧрбётских князей, были, однако, не дӧрбётского, а китайского образца.

Войлочные юрты кобдоских дӧрбётов обще-монгольского типа. Отличия указываются Владимирцовым [4]): деревянная решетчатая основа их (термэ) несколько ниже, чем у юрт монголов Халхи и даже астраханских дӧрбётов, и обтягивается кошмой (иргебчи) только на зиму; летом же обыкновенно довольствуются только верхними кошмами (турго), что возможно, так как они шьются настолько длинными, что спускаются до земли. В этом—существенная особенность юрт кобдоских дӧрбётов, ибо даже в юртах астраханских дӧрбётов, не говоря уже о юртах восточных монголов и торгоутских, иргебчи, в виду короткости покрывающих войлоков (турго),

[1]) *Потанин*, op. cit., II, стр. 31.

[2]) Ibid.

[3]) *Владимирцов* пишет, что сиденье дӧрбётских седел чаще всего обивается русским ситцем. Таких обивок мне, однако, не случалось видеть, да они были-бы и непрактичны, скоро изнашиваясь.

[4]) Op. cit., стр. 346.

© ГПНТБ СО РАН

остаются натянутыми в течение круглого года. Засим вместо того, чтобы для устойчивости юрты притягивать верхний обруч (харачи) к земле арканами, как это делается астраханцами, здесь харачи подпирается жердями (бахана), число коих для каждой юрты различно [1]). Наконец, у кобдоских дöрбётов непременной принадлежностью каждой юрты являются войлочные занавески (кöшкö), хотя-бы только одна, в юртах же астраханских дöрбётов такие занавески встречаются очень редко.

Что касается внутреннего устройства и убранства юрт кобдоских дöрбётов, то в этом отношении они мало чем отличаются от юрт волжских калмыков и монголов Халхи. То же следует сказать и об их домашней утвари. Не встречается только у астраханских дöрбётов высокого деревянного чайника, обычно покрытого рисунками и заимствованного кобдоскими дöрбётами у урянхайцев [2]). Затем, как на оригинальную утварь, можно указать на „савол". Это—небольшой деревянный ковш-чашка с прямой ручкой, украшенный растительным резным орнаментом. Такие „саволы" встречаются у кобдоских дöрбётов теперь очень редко и употребляются преимущественно монастырскими евэ, т. е. раздавателями общественного кумыса и чая. Дöрбёты считают савол утварью очень древнею и говорят, что уцелевшие еще у них экземпляры были вывезены ими из былой их родины—Джунгарии [3]). Засим, Потанин [4]) упоминает еще о домбах из облепихи, отличающихся, будто-бы, особой красотой и ценимых в два кирпича чая [5]). Прибор кобдоских дöрбётов, служащий им для выгонки из кислого молока водки, мало отличается от

[1]) В тех юртах кобдоских дöрбётов, которые мне довелось посетить, а равно в тех, которые мне выставлялись, таких подпорок не имелось.

[2]) *Владимирцов*, op. cit. ·Это очевидно одна из так называемых домб, формы и отделка которых у урянхайцев весьма разнообразны.

[3]) *Владимирцов*, ibid.

[4]) Op. cit., II, стр. 110.

[5]) В пределах дöрбётской земли я не встречал, однако, облепихи (Hippophaë rhamnoides), которая достигала-бы размеров, пригодных для такого рода изделий.

урянхайского и близко напоминает торгоутский, описанный мною еще в 1896 году [1]). На котел, в который кладется арьян (арун), ставится не деревянная домба с выбитым дном, как это делается торгоутами, а надевается деревянный, полый, усеченный конус диаметра несколько большего, чем котел (бюркяль), и в нем проделывается отверстие, в которое вкладывается деревянная же трубка, заканчивающаяся лопаткой (цорго). На „бюркяль" ставится засим меньший котел (джилибчи) с снегом или холодной водой, который в целях предохранения последней от нагревания обертывается влажной кошмой, и после этого аппарат считается уже готовым к работе. Потанин [2]) упоминает еще об одном предмете, который кажется ему оригинальным; это—детская люлька (ölьга), которая выделывается из ствола лиственицы и имеет форму корыта, более глубокого в ногах, чем в изголовьи, над которым, если младенец мужского пола, утверждается серебряный лучок с тремя стрелами. Дно люльки устилается рыхлым войлоком или мягким мехом, которые своими полами и закрывают ребенка; для того, чтобы они не откидывались, люльку обвязывают ремнями. На дно люльки для стока мочи ставится между ногами ребенка деревянный лоток (тагна), прикрываемый сверху деревянным же башмаком (цорго), так что обе части образуют как-бы трубку, конец которой и просовывается в нарочно для этой цели проделанное в нижнем конце люльки отверстие. Люльки подобного же устройства встречаются, однако, как у алтайцев, так и у бурят.

Земли кобдоских дöрбётов занимают территорию между русской государственной границей на севере, долиной озера Хара-усу, системы Намюра, на юге, восточной окраиной плоскогория Укок на западе и озером Усуа-нор на востоке, включая в свои пределы лучшие степные участки Западной Монголии, где бок-о-бок с вполне удовлетворительными зимовьями [3])

[1]) „Описание путешествия в Западный Китай", т. I, стр. 44—45; см. также выше стр. 97.

[2]) Op. cit., II, стр. 110.

[3]) Такими считаются незаносимые снегами и обильно поросшие травами, хотя-бы камышом, осокой и Lasiagrostis splendens, речные долины и ключевые урочища.

© ГПНБ СО РАН

дорбёт имеет превосходные летние пастбища в одевающих местные горы в высших их зонах альпийских лугах и степях. Это обстоятельство устраняет для многих из них необходимость частых и длинных перекочевок, сводя их к весьма коротким переходам из долины в альпийский пояс гор и обратно два раза в году [1]): в начале июня или даже

[1]) *Владимирцов* („Изв. И. Русск. Геогр. Общ.“, 1910, XLVI, вып. VIII—X, стр. 336) пишет: „Жизнь кобдинского дэрбэта проходит в ежегодных регулярных перекочевках, которые *всегда* разбиваются на *четыре* главные: зимнюю, весеннюю, летнюю и осеннюю“. И затем далее: „На весну дэрбэты, имеющие пашни, идут к озеру Усуа-нор и оттуда торопятся уйти в горы, куда перекочевывают *прямо с зимников* те, кто пашен не имеют. Осенью повторяется та же перекочевка на пашни до сбора хлебов и затем с пашен на зимники“.

Из этого следует, что четыре перекочевки ведут лишь те дорбёты, которые владеют пашнями. Дело, однако в том, что большинство владеющих пашнями принадлежит к состоятельному классу, не имеющему нужды становиться лично за плуг. Эту обязанность выполняют за них те из обедневших их родственников или сородичей, которые состоят при них на положении прислуги; да и эти последние уходят на пашни, оставляя при патронах свои семьи, которые и сопутствуют господам в их перекочевках с зимних стойбищ прямо на летние. Наконец, нередко можно встретить на дорбётских пашнях и хотонов, принадлежащих к числу бедняков, не имеющих своего крупного скота или лошадей.

Следует, однако, заметить следующее. Как мне лично сообщает *Владимирцов*, не все дорбёты в отношении перекочевок обставлены столь удачно, как это мною указывается, и менее счастливым из них приходится предпринимать более далекие странствования, а именно, в котловину оз. Киргиз-нур, на Тес, в Сайлюгем, где для зимовий ими и избираются обыкновенно лишенные снега южные склоны гор. Засим, надо иметь в виду, что выпадают зимы и притом нередкие, когда даже котловина озера Усуанор пустеет. Озеро это замерзает далеко не всегда и во всяком случае очень поздно, и зимой в его котловине стоят обычно густые туманы, которые задерживают испарение в воздух снегов и препятствуют солнечным лучам нагревать каменистую почву. Благодаря им, снег не только залеживается на полях, но и смерзается в ледяную кору, и воздух становится до такой степени пронизывающе-холодным, что все это в совокупности заставляет усуанорских дорбётов, не исключая и князя, бросать Улан-гом и откочевывать на пригреваемые солнцем южные склоны окраинных гор. Такие случаи, частые, но случающиеся не каждый год, и вызывают необходимость зимней перекочевки усуанорских дорбётов.

в конце мая и в августе месяце, так что жизнь дорбёта в Западной Монголии можно было-бы назвать полуоседлой, не сохрани он всего уклада кочевой жизни даже в тех случаях, когда пастушеские занятия отходят у него на второй план; даже дорбётские князья, выстроившие себе большие каменные дома, предпочитают жизнь в юртах, притом не только в течение летних месяцев, но и зимой. Владимирцов пишет [1]), что ламы дорбётских монастырей, оставляя свои дома, даже поголовно переходят зимой в войлочные юрты, которые обыкновенно на лето убираются и складываются на крышах их летних жилищ, выстроенных по типу китайских фанз, некоторые же и вовсе отказываются жить в таких домах, предпочитая им юрты.

Дом далай-хана—довольно большое кирпичное здание китайской архитектуры, обнесенное каменной стеной [2]). Сам хан никогда в нем не живет, и до последнего времени этот дом выполнял лишь роль обширной кладовой для хранения фамильных драгоценностей: книг, вывезенной из Джунгарии утвари, старинного оружия, жалованных грамот и проч. Дом цинь-вана (ныне хана) в Улан-гоме представляет также значительную постройку китайской архитектуры, обнесенную каменной оградой, охватывающей значительную территорию, которая вмещает прекрасную тополевую рощу и обширный луг, на одной из окраин которого и устанавливаются обычно юрты князя по возвращении его из уроч. Мёстю в августе месяце.

Пунктами оседлости в пределах дорбётской земли являются два дорбётских монастыря—Улан-гомский и хановский в широкой долине р. Кондёлён.

В „Мэн-гу-ю-му-цзи“ [3]) говорится: „В 1757 году дорбётские князья с Цэрэном во главе просили о перекочевке в Улан-гом с тем, чтобы обратить его в земледельческую колонию, а самим кочевать у озера Ихэ-арал в Кобдоском

[1]) Ibid., стр. 327.

[2]) *Владимирцов*, ibid., стр. 328.

[3]) Стр. 446—447.

ОГПИБ ОБРАЗ

округе. На это последовало разрешение. Засим Улан-гом окончательно был назначен для кочевий дöрбётов и, как пригодный для земледельческой культуры, обращен в опорный пункт с постоянным в нем военным гарнизоном.

Из этих слов „Мэн-гу-ю-му-цзи“ можно было-бы вывести заключение, что инициатива образования в Улан-гоме земледельческой колонии принадлежала дöрбётским князьям. Но такое заключение было-бы ошибочным, так как уже в 1716 году император Кан-си, сознавая всю важность заведения земледелия в Улан-гоме в деле закрепления за Китаем вновь приобретенных земель Джунгарского царства, повелел цзянь-цзюню Фурданю отправиться туда с 1.000 человек тумэтов, снабдив их скотом и необходимыми земледельческими орудиями, и одновременно, с тою же целью заселения этого урочища земледельцами, вызвать туда охотников из ссыльно-поселенцев, направляемых на западные окраины государства. Наконец, туда же решено было перевести и рабочие силы из малоплодородной местности Мао-ми-цаган-сор [1]).

Урочище Мао-ми-цаган-сор, изобилующее, по словам автора „Мэн-гу-ю-му-цзи“ [2]), водой и травой, всего вероятнее— котловина оз. Шаргин-цаган-нор [3]), и возможно, что именно

---

[1]) „Мэн-гу-ю-му-цзи“, стр. 447.

[2]) Стр. 407.

[3]) Это видно из следующего.

Абсолютная высота этой котловины не превышает 3.200 фт. и следовательно в этом отношении она находится в столь же благоприятных условиях, как котловина озера Кара-усу, в которой земледелие дает хорошие результаты и которая лежит на обсолютной высоте 3.800 фт., и уроч. Улан-гом, имеющее 3.100 фт. превышения над уровнем моря. В ней и в настоящее время, как мы ниже увидим, ведется культура хлебов, притом в довольно широком для монголов масштабе.

В „Мэн-гу-ю-му-цзи“, стр. 407, говорится, что в местности Мао-ми-цаган-сор легко достать лес, почему здесь и выстроен был город Цаган-сор. Котловина Шаргин-цаган-нор отвечает этому условию, так как горы Тайшир-ола, служащие ей северо-восточной окраиной, местами поросли строевым лесом, лиственицей, которая далее на юго-восток в Гобийском Алтае уже не встречается (см. т. I, стр. 443 и 444, а также *Козлов*— „Монголия и Кам“, I, стр. 64).

отсюда переведены были в Улан-гом те хотоны, которые составляют в настоящее время один из сумунов в хошуне цинь-вана. Согласно записанному Потаниным [1]) преданию, эти хотоны дважды меняли местности, назначавшиеся им для поселения: из страны Кункяр или Кункэр они были переведены в местность Эджиль-гол, оттуда в Бугу-дере и, наконец, в Улан-гом. Несколько восточнее истоков р. Биджи-гола, в ограничивающих с юго-востока Шаргин-цаган-нор'скую котловину горах Алтаин-нуру поднимается пик Бугу-хаирхан, и тут же имеются: другая гора Бага-бугу и перевал Бугу-даба [2]); возможно поэтому, что и прилегающая к ним с севера местность (долина) носила название Бугу-дере.

В 1731 году цзянь-цзюнь Фурдань доносил, что город Кобдо лежит в 1400 ли от города Цаган-сор, а потому наблюдать за последним и своевременно удовлетворять его потребности затруднительно („Мэн-гу-ю-му-цзи“, стр. 407). Заявление это оказалось, однако, несколько неожиданным, так как на оффициальный запрос из Пекина халхаские князья, рекомендуя местность Цаган-сор для постройки города, утверждали, что она находится не в дальнем расстоянии от города Кобдо, который в то время лежал на 40 верст севернее современного, основанного лишь в 1763 году (*А. Позднеев*—„Города Северной Монголии“, 1880, стр. 92). Между старым Кобдо и укр. Цаган-сор установлено было 11 станций, что также указывает на ме́ньшее расстояние между этими пунктами, чем 1400 ли или 600, приблизительно, верст. Озеро Шаргин-цаган-нор, судя по карте, находится в несколько более, чем 400 верстном расстоянии от развалин Кобдо, но это несоответствие с показанием Фурданя, может быть, об'ясняется тем обстоятельством, что в то боевое время расстояния в Монголии определялись на глаз, по впечатлению, страна же между Кобдо и Цаган-сор не может быть отнесена к числу привлекательных; к тому же расстояние, взятое по карте, повидимому, действительно не выражает настоящей длины дороги, что видно хотя-бы из следующих слов *Козлова*, op. cit., I, стр. 57: таким образом от Хулму-нора до озера Тункуль мы прошли расстояние в 30 верст, тогда как, судя по с'емке, ближайшие окраины обоих озер находятся всего лишь в 18 верстах одна от другой.

Местность Цаган-сор лежала в пределах того хошуна Дзасакту-хан'овского аймака, территорию которого на западе ограничивала р. Биджи („Мэн-гу-ю-му-цзи“, стр. 109), сохранившая и до настоящего времени свое название. Эта река служит и ныне юго-западной границей того хошуна, в пределы которого входит котловина оз. Шаргин-цаган-нор.

[1]) Op. cit., II, стр. 16.

[2]) См. т. I, стр. 52; *Потанин*, op. cit., I, стр. 121.

© ПНТБ СО РАН

Что касается монголов тумэтов [1]), то дальнейшая их судьба в Улан-гоме нам неизвестна, если только допустить, что авторы „Мэн-гу-ю-му-цзи“ в этом случае не впали в ошибку, и цзянь-цзюнь Фурдань действительно получил предписание заселить ими урочище Улан-гом [2]).

Во всяком случае дöрбёты должны были найти Улан-гом уже заселенным, и таким образом предложение их князей сводилось не к обращению Улан-гома в земледельческую колонию, а лишь к дальнейшей ее поддержке и, может быть, даже к увеличению местных запашек, причем, давая такое обязательство, они могли сослаться и на прежний свой опыт в этом отношении, так как еще в 1685 году на них возложена была Галданом обязанность завести пашни в низовьях р. Кобдо и заготовить там провиант для той джунгарской армии, которая посылалась в Халху [3]).

Когда в Улан-гоме выстроен был монастырь—сведений мы не имеем.

Он обнесен хорошо содержимой высокой стеной из сырцового кирпича, которая охватывает довольно обширный

---

[1]) *Рашид эд-Дин*, op. cit., стр. 7, включает их в ту группу племен, которые хотя и присвоили себе название монгол, но в прежние времена его не носили. В эту группу вошли как племена, которые мы относим к монголам по расе и языку, каковы хори и баргуты, так и такие несомненно тюркские, как теленгуты. Во всяком случае в XVIII веке в жилах тумэтов должна была уже течь густая монгольская кровь. Тумэтов в настоящее время мы встречаем в составе Джосотуского сейма внутренних монголов.

[2]) У *А. Позднеева*—„Монголия и Монголы“, I, стр. 304, читаем: „В 1716 или 1717 г. цзянь-цзюнь Фурдань получил высочайшее повеление набрать 1.000 человек из тумэтских солдат и обосновать хлебопахатные колонии в местностях, прилегающих к р. Кобдо; когда эта обработка земли началась, то Фурдань и построил городок на р. Кобдо ради собственно помещения этих пахарей“. Если у *А. М. Позднеева* нет ошибки, то следов тумэтского пребывания в Улан-гоме нам искать не приходится; однако сообщаемому им известию и сам *Позднеев* не придает, повидимому, значения непреложного факта, так как далее пишет: „таким образом *по преданию* этому“... Цзянь-цзюнь Фурдань вел с Пекином письменные сношения, а если так, то что же хотел сказать *Позднеев* словом „предание“?

[3]) *А. Позднеев*—„Монгольская летопись Эрдэниин эрихэ“, стр. 188.

четырехугольник [1]). С каждой из четырех его сторон в него ведут ворота, перед которыми возвышаются: чодон (тиб. m C'od-rton) и джалцан (тиб. r Gyal-mts'an), т. е. столб с венчающим его медным цилиндром, а засим небольшая арка, в замке которой помещаются бурханы. Внутри ограды, прямо против восточных ворот, которые играют роль главных, поднимаются два небольших кирпичных здания—храмы, в которых хранятся Канджур и Данджур, а далее, за ними, среди площади, фасадом на восток, виднеется и главный монастырский храм, сюмэ, в свою очередь обнесенный оградой, обсаженной изнутри тополями. Среди образуемого этой второй оградой двора, сооружены: площадка, на которой происходит „цам“ [2]), и между ней и храмом два домика китайской архитектуры и ворота между ними, на обвершке которых высится небольшая башня: домики служат помещением для знати, присутствующей на цаме, башня же играет роль минарета или колокольни, с которой ламы ежедневно созываются на молитву ударами в барабан (джанга) особого устройства, который издает звук, напоминающий гуденье церковного колокола. Наконец, непосредственно перед храмом имеется еще одна небольшая постройка — „уден байшин“—деревянный домик, в котором князь выжидает начало богослужения в храме.

Сумэ выстроено из сырцового кирпича и представляет под железной крышей довольно большое здание обычной тибетской архитектуры, мрачное и довольно грязное внутри, где бурханы стоят на особо устроенных для них возвышениях.

Позади сумэ имеется еще одно здание, выстроенное также из сырцового кирпича,—„цанит чöря“, т. е. высшая школа, а по обеим сторонам последней два павильона с молитвенными барабанами (маниин хурдэ). Справа и слева от хра-

---

[1]) Дальнейшее заимствовано, главным образом, у *Владимириова*, op. cit., стр. 331—333.

[2]) Богослужение (хурал), состоящее из представления пантомимических плясок божеств, причисляемых к разряду докшитов, т. е. гениев-хранителей священного буддийского учения. Подробнее см. *А. Позднеев*—„Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии“ в „Зап. И. Русск. Геогр. Общ. по отд. этногр.“, 1887, XVI, стр. 392.

© ПНТБ СО РАН

мовой ограды, между последней и внешней стеной, расположены дворы казначейств—барун джиса и зюн-джиса, а позади ее, т. е. в западной части территории, охватываемой монастырской стеной, особый, также обнесенный глинобитной стеной двор, в котором производится раздача монашествующей братии чая, кумыса и муки (иден өргө). Еще ближе к западной стене высится второе сумэ — небольшое здание, в котором хранится Канджур.

Жилые помещения монахов группируются вдоль южной и северной внешних стен монастыря, образуя по одной улице, параллельной стене, и по нескольку перпендикулярных ей переулков, причем на южной стороне монастырской территории в ряду этих жилых строений поднимается еще одно сумэ, представляющее деревянную небольшую постройку, в которой покоятся мощи (шарил) одного, скончавшегося в начале текущего столетия, монаха, почитаемого в Улан-гоме святым. На том месте, на котором он отошел в вечность, поставлена небольшая часовня, в которой хранятся его бурханы и другие принадлежавшие ему вещи, а по другую сторону сумэ, в том пункте, где стояла его юрта, сооружено из глины подобие ступы.

Описывая этот монастырь, Владимирцов [1]) замечает, что его внутреннее расположение, как и расположение ханского монастыря на р. Кондёлён, отличается от расположения халхаских монастырей, а равно монастырей у астраханских дөрбётов: в астраханских монастырях-хурулах жилые строения или юрты располагаются большим кругом с храмом в центре, не отличаясь в этом отношении от того расположения, какое мы встречаем в княжеском летнем монастыре в уроч. Мөстю, куда на летние месяцы переселяется значительное большинство улангомских монахов; в халхаских же монастырях храмы занимают обособленную от жилых помещений территорию, нередко отделяемую сплошной высокой оградой [2]).

Около улангомского монастыря находится теперь целый поселок китайцев, живущих там совершенно оседло. Они

[1]) Loc. cit.

[2]) См. *А. Позднеев*, op. cit., стр. 30—33.

обзавелись фанзами, лавками и разными службами и содержат большие огороды. Поселок этот вырос в последнее время. В 1879 году, по словам Г. Н. Потанина [1]), в Улан-гоме находилась всего лишь одна китайская фанза.

Ханский монастырь расположен на широкой речной террасе, верстах в двух на юго-восток от отступившей туда р. Кондёлён, и с трех сторон окружен горами, носящими различные названия; поднимающаяся к северу именуется Денкерва и считается священной [2]).

Монастырь образуют несколько храмов, высоко поднимающих свои крыши над общим уровнем построек, и группы обступивших их и тесно жмущихся друг к другу жилых строений, обнесенных высокими частоколами; ограды вокруг всего монастыря нет, нет поэтому и особых входных в него ворот.

Больших храмов насчитывается семь. Все они представляют значительные деревянные здания под железными крышами, группируются в середине монастырской территории на площади, вытянутой с запада на восток, и окружены каждый особой оградой. Главное сюмэ стоит внутри большого двора, обнесенного частоколом с воротами, столбы которых сложены из камня. Перед ним выстроены два домика в китайском стиле: один из них служит помещением для молитвенных барабанов (маниин хурдэ), другой—покоем, в котором восседают далай-хан, чиновники и старшие ламы во время исполнения религиозного танца, цама, выполняемого на особой, выровненной для сего, площадке впереди храма. Крыша как этого, так и остальных храмов, выкрашена в голубой цвет; их украшают блестящие колокольчики и металлические ганджиры [3]), благодаря чему, издали, при солнечном освеще-

[1]) Op. cit., вып. 3, стр. 24.

[2]) *Владимирцов*, op. cit., стр. 327.

[3]) Ганджир делается из меди и золотится; по форме он представляет собою вазу с высоким, с'уживающимся кверху и закругленным горлом; при освящении храма он наполняется до верха печатными „мани“, почему, вероятно, и получил свое название у монголов — „полный сокровищ“. Ганджир помещается по средине крыши и заменяет собой группу в обычной

нии, храмы выглядят очень нарядно. Вблизи, однако, это впечатление утрачивается, так как все недостатки стройки выступают рельефнее. Следует иметь в виду, что все монастырские здания строились и украшались самими монахами без чьих-либо указаний и помощи, и конечно, отсутствие у них, не говоря уже о специальной подготовке, простого навыка в такого рода работах сказались здесь в полной мере.

Кроме больших сумэ в пределах монастырской территории разбросано еще несколько меньших храмов, представляющих уже в их целом глинобитные постройки.

Позади главного храма помещается монастырское казнохранилище, санг, служащее также и присутственным местом, где производится разбор тяжб, наказание провинившихся и т. д.

В северном участке монастыря, по дёрбётски—на левой стороне, так как они считают передней стороной ту, которая обращена на восток, находится двор. где варится чай и распределяются между монашествующими кумыс и мука.

Жилые помещения разбросаны на монастырской территории в беспорядке и местами очень скучены, образуя сеть узких, кривых улиц и переулков: очевидно, предварительно эта территория не была распланирована, и каждый строился там, где хотел. Дворы лам невелики, как и их жилища, представляющие постройки или глинобитные или из дерева.

Это и все, что приходится отметить в ханском монастыре.

Кроме описанных выше монастырей кобдоские дёрбёты имеют еще две кури—обе в долине р. Намюр; одна из них носит название Дёрбёт-хурё, другая—Ван-хурё, хотя она и выстроена, подобно первой, на средства, собранные со всего хошуна. Тогда как в первых двух монастырях насчитывается свыше тысячи человек монахов в каждом, штаты этих хурё весьма невелики, как и их денежные рессурсы.

концепции из серпа луны, водруженного на нем солнца и исходящего из последнего огненного языка—символов чистоты веры Шигэмуни, так как в своих правилах она столь же чиста и блестяща, как свет лучей этих небесных тел (см. *А. Позднеев*, op. cit., стр. 37).

В отличие от халхаского духовенства [1]), замечает Владимирцов [2]), дёрбётские ламы в огромном большинстве случаев живут постоянно в монастырях и только изредка, и притом на короткие сроки, покидают его. Совершенно нет лам, открыто живущих с женами или обзаведшихся самостоятельным хозяйством, чем они также отличаются и от урянхайских монахов. В монастырь они поступают в отроческом возрасте, часто на 8-м году, причем первую монашескую степень „банди“ мальчики получают при записи в число монашествующих монастыря, оставаясь засим жить в родном ауле в течение нескольких лет. Вторая степень „гецель“ дается им по вступлении в монастырь, где они и поселяются у какого-нибудь взрослого ламы, всего чаще родственника, на положении прислуги. С этого же момента они приступают к изучению и тибетской грамоты, знание которой для дёрбётского монаха обязательно, если он не хочет до конца дней своих оставаться в степени гецеля. Став „гелюнгом“, т. е. обладателем высшей духовной степени, лама приобретает более самостоятельное положение, уважение и почет. Но мало состоятельным все же приходится и находясь в этой степени нести все работы, связанные с должностью монаха, не исключая и черных; так, гелюнгов, иногда даже преклонного возраста, можно встретить и в должности дровосека или землекопа и на постройках и на других не менее тяжелых работах. Но в общем можно все же сказать, что гелюнгам в большинстве случаев удается более или менее упрочить свое материальное благосостояние, так как к ним постоянно обращаются из народа за совершением различных треб, тогда как к гецелю не обратится никто.

Дёрбётские монахи не прерывают связи со своими семьями. Скот их не выделяется и ходит вместе со скотом других членов семьи; эта последняя прилагает обыкновенно всяческие усилия, чтобы обставить возможно лучше жизнь своего члена в монастыре, куда ему и доставляются всевоз-

[1]) См. *А. Позднеев*, op. cit., стр. 115.

[2]) Op. cit., стр. 339.

© ГПНТБ СО РАН

можные с'естные продукты, а также по первому его о том требованию, если семья состоятельная, меха, ткань в нужном количестве, серебро. Зато с другой стороны и монах старается не остаться в долгу у семьи, и весной и осенью большая их часть раз'езжается по родным кочевьям для полевых работ, на посев и жатву хлебов. Лама, в особенности достигший преклонного возраста или занимающий в монастыре видное положение, является, как общее правило, как-бы главой семьи, главным распорядителем ее судеб. Все же это, взятое в совокупности, позволяет монахам жить значительно лучше, чем остальным дöрбётам, и лучше обставлять и устраивать свои жилища.

Избрание настоятеля монастыря „хамбо ламы" зависит от князя. Уже один этот факт указывает на то, какую видную роль в жизни монастыря играет князь; действительно, хотя все должности в монастырях и считаются выборными, но выборщики обыкновенно всегда сообразуются с желанием князя и подают свои голоса за его кандидатов. Из числа же лам князь избирает и чиновников хошунного управления; так, Владимирцов [1]) встречал лам, исполнявших обязанности дамала, ергули, т. е. заведующего хозяйственною частью сумуна, и даже сборщика податей.

Жизнь в монастырях начинается рано: первое богослужение совершается при восходе солнца. В 9 час. утра ламы собираются на общественную трапезу: распределяются кумыс и чай, иногда же мясо и мука. Всем этим заведует лама, носящий титул „еве" [2]). Чай засим посылается и в храмы, когда в них идет вторая служба, присутствие на которой для всех лам обязательно. После нее оффициальная часть дня для большинства монашествующих заканчивается, и им предоставляется полная свобода располагать своим временем по личному усмотрению каждого. Это время взаимных посещений и приема в своих юртах светских гостей, число которых летом всегда значительно в монастырях. Гелюнги пользуются им

[1]) Op. cit., стр. 341.

[2]) В переводе — матушка. Титул этот неизвестен ни в халхаских, ни в астраханских монастырях (*Владимирцов*, ibid.).

также и для совершения различных треб в ближайших окрестностях обители.

Зимой жизнь в монастырях принимает более монотонный и замкнутый характер. Это время как наиболее усиленных книжных занятий самих гелюнгов, так и обучения ими молодежи.

В разных областях жизни монастырей кобдоских дöрбётов можно отметить особенности, не встречаемые ни в астраханских хурулах, ни в буддийских монастырях Халхи: в них совершается бóльшее количество богослужений, но нет обычая совершать ежедневные круговращения вокруг храмов, как это принято у астраханских калмыков; на богослужение монашествующие собираются боем в барабан, а не звуками трубраковин (дунг); „оркимджи", род ораря, составляет здесь неот'емлемую принадлежность одеяния ламы-гелюнга, тогда как на Волге его надевают только при отправлении богослужений, и т. д. Засим, можно подметить небольшие особенности и в быте каждого из монастырей кобдоских дöрбётов; так, в то время, как в Улан-гоме, в пределах монастырской территории, все ламы имеют право носить головной убор, на Кондёлёне это право сохранено лишь за ламами, исправляющими какую-либо монастырскую должность, так что шапка является там символом власти; все же остальные монахи имеют право воспользоваться своим головным убором только за пределами монастыря [1]).

А. М. Позднеев, посетивший кобдоских дöрбётов в 1876 году, писал [2]), что в их монастырях не только нет цанитских школ, но даже и обыкновенных ламских училищ. В настоящее время не только в Улан-гоме, как сообщает Владимирцов [2]), существует уже вполне организованная цанитская школа, привлекающая к себе лам из других монастырей, не исключая и урянхайских, но таковая же открыта и в другом, меньшем, монастыре того же хошуна—наглядный пример быстрого роста ламаизма в Западной Монголии.

[1]) *Владимирцов*, op. cit., стр. 342—343.

[2]) „Образцы народной литературы монгольских племен", 1880, стр. 169.

[3]) Op. cit., стр. 343.

© ГПНТБ СОРАН

Тот же А. М. Позднеев в своих „Очерках быта буддийских монастырей“ [1]) указывает, что упрочение ламаизма и рост монастырей начались у кобдоских дёрбётов только в XIX столетии и что лишь с начала шестидесятых годов у них стали поговаривать о святителях и перерожденцах—хубилганах. Ныне же среди их монахов находится уже несколько хубилганов. Один из них живет в монастыре далай-хана на Кондёлёне, где у него имеется свой двор и штат; это—третий сын хана, тойн, т. е. лама, в котором, по указанию ургинского богдо-гэгэна Джебдзун-Дамба-хутукты, чтят перерожденца бурхана Дорджи-Сембэ (тиб. r Do-rje Sems-dpa); другой—в Улан-гоме; это—тангут по происхождению, Лобсан Лундок Джамсо, с которым я имел случай познакомиться в 1903 году. Молодые свои годы он провел в Адмо, в Лабранском монастыре, затем жил некоторое время у южных монголов, побывал в Пекине и оттуда, через Монголию, перебрался в Россию, к бурятам, где и поселился на некоторое время в Гусино-озерском дацанстве; он посетил Селенгинск, Верхнеудинск, Читу и о России сохранил прекрасное впечатление. Его заветной мечтой было видеть Москву и „город цаган-хана“, но осуществить ее своевременно не удалось, а теперь, когда он так прочно обосновался среди дёрбётов, ее приходится и вовсе оставить. Из Забайкалья он вывез двух мордашек-щенков, много фотографий и безделушек, предшествовавшая же его визиту его визитная карточка из белого бристольского картона с золотым обрезом, на которой монгольским шрифтом и русским курсивом было напечатано „Лобсан Лундок Джамсо“, должна была мне указать, что мне предстояло встретить в нем человека, знакомого с русской жизнью [2]). В нем чтут перерожденца бурхана Наньдик.

[1]) Стр. 235 и 236.

[2]) Однако, при обмене подарками, прислав мне кусок китайской шелковой ткани, испорченной невыводимыми пятнами, он все же не удержался, чтобы не выпросить у меня, помимо посланных ему мною в подарок вещей, еще и дорожного моего бинокля, отдать который было для меня большим лишением. В этом отношении он держал себя совершенно иначе, чем князь, который в весьма деликатной форме просил меня ограничиться посылкой ему лишь самой ничтожной вещицы, которая тем не менее будет

В Улан-гоме у него имеется свой особый двор с особым храмом, расположенный к западу от монастырской ограды, а также особое казначейство и штат из духовных и светских лиц, именуемых „гэгэнä кöкöд“ —товарищами гэгэна [1]).

Владимирцов писал в 1911 году [2]), что несколько лет перед тем Джамсо ездил в сопровождении тибетских и дёрбётских лам в Урянхайскую землю насаждать там буддизм. В 1914 году, в бытность мою на Улу-кеме, я действительно слышал об этой поездке, но, по словам русских, она едва-ли могла удовлетворить предприимчивого гэгэна, так как урянхайские власти и народ встретили его очень холодно и не преподнесли ему „знаков внимания“ в количестве, на которое он расчитывал и претендовал; успеху же его проповедей много мешало непонимание урянхайцами, как светскими, так и монахами, монгольского и тибетского языков.

Кроме этих хубилганов среди дёрбётов нарождаются еще хубилганы богини Дара-екё (Дарька) [3]), которые, по словам Позднеева [4]) и Потанина [5]), являются девственницами, „небесными девами“. Как пишет Владимирцов [6]), это

занимать почетное место среди предметов, дорогих ему по воспоминаниям, с ними связанным. Казакам, отвозившим подарок, он лично вручил по три серебряных рубля и сверх того на всю команду послал два кирпича чая. Повидимому, он был очень огорчен попрошайничеством гэгэна и других монахов, которые вздумали подводить мне баранов в надежде получить подарки более значительной ценности.

[1]) *Владимирцов*, op. cit., стр. 344.

[2]) Ibid.

[3]) О ней см. *de Blonay*—„Matériaux pour servir à l'histoire de la déesse bouddhique Tara“ в „Bibliothèque de l'École des Hautes Études“, CVII. *Владимирцов*, ibid.

[4]) Эту ссылку на *А. М. Позднеева* делает *Владимирцов*, ibid. *Позднеев*, однако, как кажется, нигде не утверждает прямо, что хубилганом Дара-екё может быть только девственница; на стр. же 69 его книги—„Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии“ мы встречаем даже следующие строки: Дара-эхэ явилась женой Сронцзан-гамбо, царя тибетского, в двух своих видоизменениях—цаган и ногон дара-эхэ.

[5]) Op. cit., II, стр. 32.

[6]) Ibid.

ОТГПБ СОРАН

утверждение, однако, ошибочно: девственность для них вовсе не обязательна, и замужество в глазах монголов совсем не роняет их духовного достоинства. Ему пришлось даже посетить одну из таких перерожденниц. Ее он не застал дома, но его принял ее муж, чиновник Дорджи. Ее юрта ничем не отличалась от прочих ни величиной, ни убранством; он заметил в ней даже снаряд для выкуривания водки [1]).

Перерождения (хубилган) Дара-екё являются в нескольких видах: белые, зеленые, синие, желтые, а так как таких перерождений Дара-екё насчитывается 21, то одновременно может явиться несколько белых, зеленых, желтых Дара. В Монголии и Тибете особо чтутся зеленая (ногон) и белая (цаган), потому что в этих двух своих видоизменениях Дара-екё явилась женой Сронцзан-гамбо, царя тибетского, и насадительницей буддизма в Тибете.

По смерти какой-либо Дара, вновь возродившейся ее заместительницы не ищут [2]); она обнаруживается сама даром особого прозрения, о чем и поставляются в известность или тибетский далай-лама или ургинский богдо-гэгэн, которые в особом свидетельстве (темдэк) и указывают народу, к какому виду должна быть отнесена возродившаяся. В настоящее время в хошуне вана находятся четыре перерожденницы Дара-екё с такими темдэками: две белых, одна зеленая и одна желтая, но кроме того кобдоскими дёрбётами чтутся и некоторые перерожденницы, не имеющие темдэков, одна из которых, зеленая — по толкованию местных лам, проживала в 1910 году в хошуне далай-хана.

Хотя главными источниками существования кобдоских дёрбётов и остались скотоводство и коневодство, условия для развития которых весьма благоприятны на занимаемой ими

[1]) Ср., однако, с тем, что по этому предмету пишет *А. М. Позднеев* на стр. 238 цит. выше сочинения. Прибор для выкуривания водки—предмет, нахождение которого в жилище ламы считалось-бы крайне предосудительным; тем страннее видеть его в жилище хубилгана.

[2]) *Владимирцов,* op. cit., стр. 345. См. однако *Потанин*, ibid., у которого читаем: „По смерти они возрождаются также, как и гэгэны; отыскивание их делается таким же образом, как и гэгэнов, т. е. сначала ждут указания места рождения Дара явлением радуги".

территории, но и земледелие стало за последнее время [1]) играть в их хозяйстве видную роль. В особенности это следует сказать о дёрбётах княжеского хошуна, кочевья которого охватывают с запада и юга Усуа-норскую котловину, где главным образом и сосредоточена культура земли [2]). Попытки дёрбётов завести пашни также и в бассейне Бёкон-морена потерпели неудачу, и хотя это дело и не замерло там окончательно, но и развиться не может, благодаря неблагоприятным климатическим условиям— частым августовским, а иногда даже июльским утренникам, губительно влияющим на хлеба в момент их созревания: не следует забывать, что абсолютная высота этого бассейна в общем свыше, чем на 2.000 фт., превышает абсолютную высоту Улан-гома [3]).

Пашни дёрбётов я видел в долине Бодхон. Хлеба были хороши, но обработка земли оставляла желать многого. Впрочем мое заключение может оказаться и ошибочным, так как в странах, практикующих искусственное орошение полей, по состоянию их в августе трудно судить о том, какими выходят они из рук земледельца весной. Во всяком случае вспашка их очень неглубока, от щебня и гальки они почти не освобождены, хлеб засорен, его полотье им неизвестно и посев его не рядовой, как у китайцев.

Высевают дёрбёты только пшеницу и просо.

Сравнительно хорошо оборудованными мельницами владеют в Улан-гоме только китайцы. Мельниц с конской тягой у дёрбётов имеется только две: одна принадлежит гэгэну и находится близь ханского монастыря, на Кондёлёне, дру-

[1]) *Потанин*, op. cit., II, стр. 33, пишет, что район дёрбётских пашен раздвинулся на глазах у русских купцов, т. е. за какое-нибудь десятилетие. (Эти строки писались *Г. Н. Потаниным* в 1881 г.).

[2]) Водами и землей Усуа-норской котловины пользуются не только дёрбёты княжеского хошуна, но и других хошунов. В этой же котловине находятся и пахотные земли далай-хана, который посещает их обыкновенно в августе месяце.

[3]) Уровень озера Ачит-нора лежит на абсолютной высоте 4.630 фут. (см. т. I, стр. 180), уровень озера Усуа-нор на абсолютной высоте 2.512 фут. (см. т. I, стр. 165).

ОТПЕЧАТАНО

гая—вану. Владимирцову рассказывали [1]), что в 1907 году нашелся русский предприниматель, который построил водяную мельницу под Улан-гомом, но должен был затем ее бросить по настоянию китайских властей. Что касается главной массы земледельцев, то они мелют свой хлеб на ручных мельницах или растирают зерна в особых деревянных ступах (цохор) деревянным пестом (цоклур).

Земледельческих орудий, находящихся в употреблении у кобдоских дёрбётов, я не видел, и в литературе не нахожу их описаний.

Равным образом умалчивает она как об их коневодстве, так и о скотоводческом их хозяйстве. Пробел этот тем важнее, что и то и другое составляют и до сего времени главнейшее их занятие и для многих единственный почти рессурс жизни. Заполнить его личными наблюдениями я могу только отчасти, так как на всем протяжении своего пути по дёрбётской территории, от оз. Хара-усу до пикета Бодхон, я редко где встречал скот, лошадей же видел почти исключительно под седлом, а между тем, по рассказам русских купцов, дёрбёты и до сего времени могут считаться богатыми скотоводами, причем у цинь-вана только одних верблюдов насчитывается свыше 2.000 голов. Этому можно верить, так как земли кобдоских дёрбётов представляют все данные для успешного ведения степного скотоводства [2]), о властях же их мне доводилось слышать лишь лучшие отзывы; в особенности же хвалили цинь-вана, который проявлял отеческие заботы в отношении своих подданных и в годы недорода трав или случающихся эпизоотий всегда оказывал широкую помощь впавшим в нужду.

Те лошади, которых мне довелось видеть, в значительном большинстве случаев оказывались с неразвитыми формами

[1]) Op. cit., стр. 348.

[2]) Этому благоприятствуют: открытая местность, сухая почва, местами поросшая превосходными травами и богатая столь необходимыми для скота и в особенности для верблюдов солонцами, обилие чистой проточной воды, умеренный климат и, наконец, возможность пользоваться подножным кормом как летом, так и зимой.

тела и имели неправильный постав ног, особенно задних, и дряблую мускулатуру, что указывало на то, что предо мною были экземпляры с ясными следами вырождающейся породы. Действительно, приемы коневодства у дёрбётов оказались теми же, что и у остальных кочевников Алтайско-Саянского нагорья, обычай же обходиться жеребцами своей небольшой общины [1]) усугубил у них значение других причин, вызывающих ухудшение породы, важнейшими из числа коих следует считать: неравномерность кормления лошади в течение года [2]), случку в очень раннем возрасте и неизвестность качеств как жеребца, так и кобыл, т. е. отсутствие подбора производителей.

Что касается экстерьера лошади кобдинских дёрбётов, т. е. наружных ее форм, то лучшие из виденных мной экземпляров местной породы достигали, повидимому, двух аршин роста. Этому росту соответствовала и величина головы, вообще непропорционально большая у монголок, но у дёрбётской лошади менее значительная, что сближает ее с сойотской лошади менее значительная, что сближает ее с сойотской лошадью, к которой она всего ближе стоит и по остальным своим статьям [3]). Лоб и ганаши у нее столь же широки, как у этой последней, морда не менее тупая, глаза столь же узки и не более велики, уши средней длины, и держит она их спокойно, что указывает на ее менее дикий нрав и, может быть, пониженную возбудимость жизненных сил. Шея у нее сравнительно короткая, грива не особенно густая и длинная, хвост также [4]). Ее холка и круп невысокие, спина у большинства прямая, грудь довольно широкая, но ребра не столь круты, как у сойотской лошади, моклоки выделяются мало; ноги сравнительно массивны, бабки коротки, копыта боль-

[1]) Кобдоские дёрбёты кочуют не хотонами, как их соплеменники в астраханских степях, а или отдельными семьями или небольшими группами в 2—4 семьи.

[2]) Дёрбёты не делают заготовок сена на зиму и держат своих лошадей и скот круглый год на подножном корму.

[3]) С лошадью калмыков Тянь-шаня она имеет мало общего, так как та приведена была из России, где успела выработаться особая порода калмыцкой лошади, в жилах которой течет кровь ногайских, башкирских, киргизских и кабардинских лошадей.

[4]) С отделом или без него, у меня не отмечено.

© ГПБ СОРАН

шие [1]). Довольно плотные, по словам дöрбётов, — очень выносливые и неприхотливые, они не отличаются особой резвостью бега, иноходцы же среди них большая редкость, почему последние и ценятся здесь высоко. Что касается их мастей, то среди них преобладают темные до вороной включительно. Повторяю, однако, что я видел мало дöрбётских лошадей, и конь, бывший под верхом у князя, послуживший мне главным об'ектом для вышеприведенной краткой характеристики типа дöрбётской лошади, может оказаться и не лучшим и не наиболее типичным представителем своей расы: князь предпочитал его из-за его чрезвычайно скорого и покойного хода.

Переходя к характеристике дöрбётского крупного рогатого скота, я должен сказать то же, что говорил, характеризуя дöрбётскую породу лошадей: я не видел этого скота в количестве, достаточном, чтобы составить себе ясное представление об особенностях его типа. Повидимому, он очень близок к монгольскому, заметно отличаясь от сойотского.

---

[1]) В дополнение к этому описанию привожу следующую характеристику монгольской лошади, которую я отношу к дöрбётской породе, так как автор (*Кальнинг* — „Ветеринарные известия из Алтая и Монголии" в „Архиве ветерин. наук", 1875, сент., отд. IV, стр. 25) побывал лишь в пределах Западной Монголии, проехав по пути от Суока до г. Кобдо.

„Монгольская лошадь вышиной 2 арш., длиной 2 арш. 2 вершка. Голова ее длинная (?) и сухая, с узкими ганашами. Лоб прямой, с небольшою выпуклостью. Губы покрыты тонкими волосами, глаза маленькие, подщечина довольно широкая, уши сравнительно длинные (?) и близко приставлены. Постановка головы хорошая. Шея прямая и мускулистая, с ясно выражающимися бороздками. Она резко переходит в грудь. Перед холкой не находится никакого выреза: она незначительно поднимается и переходит в спину. Грудь широкая, но грудной ящик узкий. У многих спина прямая и острая; но бывает и вогнутая, делаясь такою, вероятно, вследствие того, что на них ездят уже по второму году, хотя садятся только мальчики. Брюхо так называемое оленье и почки длинные. Крестец короткий и косой, а хвост высоко приставленный и носится дугой. Ягодицы редко широкие, скакательные суставы широкие, бабки крутые и короткие, копыта плоские (?) и большие, стрелка хорошо развитая. Подплечья мускулистые и колена широкие. Хвост обыкновенно густой, арабский. Чолка и грива густые". Масти различные; реже попадались серые и вороные.

Дöрбётский скот легковеснее и мельче сойотского [1]), с шерстью очень густой и длинной, темных мастей, среди которых преобладающей может считаться темнобурая с более светлым, иногда почти рыжим, ремнем на спине; с монгольской дöрбётскую породу в особенности сближает сравнительно большая голова с широко расходящимися в обе стороны не особенно, впрочем, длинными рогами. По словам русских купцов, она отличается меньшей молочностью и более диким нравом, чем сойотская [2]).

Кобдоские дöрбёты разводят также сарлыков, сильных, рослых, очень медленных в своих движениях животных, которых и употребляют для перевозки тяжестей. Ценными продуктами считаются также как молоко их коров, густое и жирное, дающее большой отстой сливок, так и их шкуры и шерсть, расцениваемая на 50 процентов дороже овечьей. Местная порода сарлыков отличается несколько от монгольской, близко подходя к той, которая разводится русскими инородцами в бассейне р. Катуни: она крупнее монгольской, ее волосяной покров длиннее и гуще, преобладающий же цвет последнего серый, тогда как в Халхе господствующими мастями являются черная и черно-бурая.

Я встретил дöрбётских сарлыков на плоскогории Керче [3]) и в ущелье Неуцугун, где они паслись отдельно от прочего

---

[1]) *И. М. Морозов* („Московская торговая экспедиция в Монголию", 1912, стр. 257) пишет, что монгольский бык достигает в холке 1 арш. 14 вершк., т. е. высоты, которую имеет средний по размерам бык урянхайской породы. Не имел-ли *Морозов* в виду дархатского скота, выгоняемого ежегодно по Тункинскому тракту в Иркутск в количестве, не меньшем 1.200 шт.? Дархаты разводят скот урянхайской породы.

[2]) *Кальнинг*, op. cit., стр. 27, дает ей следующую характеристику.

„Голова большая, зеркальцо и лоб широкие, рога толстые, длинные, наклонены немного вперед. Шея широкая. Холка не слишком высока. Грудной ящик довольно выпуклый. Спина прямая или немного вогнутая. Крестец прямой и хвост высоко посаженный. Вымя довольно большое и поросшее волосами. Молочное зеркало хорошее. Ноги толстые и пропорциональной длины относительно тела. Копыта крутые. Длина самого животного также пропорциональна вышине его. Вид его статный. Цвет шерсти преимущественно рыжий".

[3]) См. т. I, стр. 171.

© ГПНТБ СОРАН

скота, хотя и подгонялись на ночь к юртам аула. Об этих животных я буду иметь еще случай говорить ниже, теперь же только замечу, что сведений об их помесях—хайнаках и ортомах, которых не видел, собрать мне не удалось.

Дöрбётская овца—монгольской породы, мельче, однако, как халхаской, так и калмыцкой овцы, разводимой в Тяньшань'ских горах. Коз дöрбёты разводят в небольшом количестве. Верблюды имеются далеко даже не у всех зажиточных дöрбётов. И те и другие принадлежат к породам, встречаемым повсеместно в Монголии. На всех этих животных я здесь не останавливаюсь, так как буду говорить о них при обзоре степного хозяйства в халхаских хошунах.

Переходя засим к обзору побочных занятий кобдоских дöрбётов, на первом месте после земледелия следует поставить охотничий промысел.

Промышляют дöрбёты главным образом сурка (тарбагана), которого и вывозится в Россию через Кош-агач свыше сотни тысяч шкур ежегодно [1]). Охотятся они и на марала, бьют дзэрэнов (Gazella gutturosa) и если попадутся—лисиц и волков, но охота на всех этих зверей в народном хозяйстве дöрбётов большого значения не имеет; иное дело сурок, который приносил дöрбётам не один десяток тысяч рублей ежегодно. Его добывают преимущественно капканами, так что, если вы встречаете дöрбёта с ружьем за плечами, то это почти всегда охотник на крупного зверя.

Ремесленничество весьма развито среди кобдоских дöрбётов. Я уже говорил, что дöрбётские монахи строят все свои здания, не исключая больших кумирен, не прибегая к посторонней помощи; они же расписывают их стены [2]), красят

[1]) Точнее было-бы сказать — вывозилось до 1915 года, так как с этого времени внешняя торговля России по ее южно-сибирской границе резко упала; в особенности же сократился вывоз сурка, в получении которого русский рынок был мало заинтересован как в товаре, требовавшемся почти исключительно Англией и Германией, где он поступал в мастерские поддельных мехов.

[2]) *Владимирцов*, op. cit., стр. 344. пишет, что гэгэн, сын далайхана, художник в европейском значении этого слова, так как, не говоря

железные листы крыш, льют из меди и режут из дерева орнамент, их украшающий, а равно различную храмовую утварь, и только в искусстве ваяния они не чувствуют себя настолько сильными, чтобы отважиться на лепку бурханов.

Кобдоские дöрбёты изготовляют сами все предметы своего одеяния, не исключая сапог, всю домашнюю утварь, седла и проч., и таким образом очень мало зависят от китайского торговца [1]), но все эти изделия невысокого качества. Лучше, чище (шерсть тщательно у них сортируется), плотнее, чем урянхайские, их войлочные изделия, но все же они должны быть поставлены ниже соответственных изделий киргизских, не говоря уже о туркменских. Литейщики дöрбёты плохие, значительно уступая в этом искусстве сойотам, у которых они и приобретают металлические сосуды, шахматы, даже ружья [2]).

Вот все то немногое, что я могу сказать о промысловой деятельности кобдоских дöрбётов, которой мне почти не пришлось наблюдать; не видел я также и их ремесленников за работой.

Перехожу к описанию психических особенностей этого народа.

уже о китайской живописи, удачно копирует и картины европейских мастеров, знакомясь таким путем с правилами перспективы и с европейскими средствами и приемами живописи.

Это тем более замечательно, что попытки японских художников перенять принципы европейского искусства и его приемы до сего времени нельзя считать удачными, гэгэн же достиг удовлетворительных результатов без руководства учителей.

[1]) Главными статьями китайской торговли среди дöрбётов, как впрочем и везде в Монголии, служат ткани и кирпичный чай; но халхасцы приобретают у китайцев сверх того и целый ряд предметов, которые находят лишь весьма ограниченный спрос у дöрбётов. Дöрбёты, например, вовсе не являются такими записными курильщиками табака как остальные монголы и урянхайцы, китайский сапог лишь в самое последнее время стал вытеснять местный и т. д.

[2]) Большинство дöрбётских ружей очень стары, унаследованы от дедов и прадедов и, как говорят, вывезены были еще из Джунгарии в XVIII ст.

© ГПНТБ СО РАН

Дорбёты обладают живым темпераментом и также, как и сойоты, любят всякие увеселения и зрелища, в особенности же, когда они носят общественный характер, чему, однако, мало соответствует тот образ жизни, который они себе выработали, кочуя и селясь, не будучи к тому вынужденными физико-географическими условиями своей страны, либо отдельными семьями, либо небольшими общинами в три-четыре семьи.

К числу наиболее любимых кобдоскими дорбётами развлечений следует отнести борьбу и скачки.

Борьба организуется при всяком случае [1]), на призы же в каждый праздник при монастыре, где она обыкновенно и получает характер состязания на силу между мирянами и монахами. Эта борьба ведется по строго соблюдаемым правилам и сопровождается определенной, закрепленной обычаем, церемонией [2]).

Смотреть на такую борьбу сходится, кроме знати, множество народа и чуть-ли не все население монастыря. Для князя, членов его семьи и высокопоставленных лам ставится особый холщевой навес „асар“, остальные же зрители размещаются, где придется, образуя вокруг арены громадный круг, позади которого остаются стреноженные кони. Пред началом борьбы по монастырской территории скачут особые вершники с криком: „шара хара бэкэ цуг-лултун!“, т. е. борцы из духовных и светских, собирайтесь! И когда эти последние об'явятся, то лама, наблюдающий над порядком состязания, выпускает первую пару, одного светского борца, другого монаха, которые и выступают вперед особым размеренным шагом, не сгибая колен, ступая только на пятки и в такт широко размахивая руками. За ними следуют наблюдающий и его помощник, обыкновенно избираемый из числа

[1]) Мне пришлось видеть ее даже на каждом бивуаке с тех пор, как я выступил с р. Кондёлён. Состязания эти устраивал прикомандированный ко мне офицер, сам большой любитель этого вида спорта, принимавший в них всегда деятельное участие.

[2]) *Владимирцов*, op. cit., стр. 349.

мелких чиновников, вооруженные палками, которые и пускаются ими в ход во время состязания в случае необходимости поощрить ударами наиболее вялого из борцов. Пройдя арену, борцы останавливаются на довольно значительном расстоянии один от другого, меняются затем местами и тем же шагом направляются к асару, на поклон князю, который в их направлении и выплескивает чашку кумысу. Это как-бы его благословение на борьбу. Борцы отходят на заранее выровненное место, становятся здесь друг против друга, отвешивают один другому поклон, касаясь при этом руками земли, затем взмахнув ими в воздухе, быстро ударяют себя по бедрам и уже только после этого сближаются и вступают в борьбу, которая на первых порах, до ознакомления с силами своего противника, и ведется ими всегда весьма осторожно. Приемы этой борьбы везде одинаковы: как в Урянхайской земле и Монголии, так и в Японии [1]). Борятся голыми, обвязав только бедра особым пояском. При этом считается недозволенным предварительно смазать свое тело салом, наносить противнику удары в особо чувствительные места, щипать его или кусать. Победителем считается тот, кто трижды положит своего противника на обе лопатки. Значительную роль в этой борьбе играет навык и природная ловкость, и мне случалось видеть, что далеко не атлеты, а лица, у которых едва обозначались мускулы на руках и ногах, побеждали борцов, обладавших сильным телосложением.

Скачки ведутся порядком, принятым повсеместно в Монголии. Так как кочевники ценят в своей лошади не столько резвость ее бега, сколько выносливость ее и силу, то в этих испытаниях дальности пробега придается преимущественное значение, и у дорбётов, несмотря на большую абсолютную высоту их летних стойбищ, дистанция в 10—15 верст считается нормальной, и только в очень гористой местности ее

[1]) Фотографический снимок с борющихся можно видеть в книге *Каррутерса* — „Неведомая Монголия“, т. I; подробное же описание борьбы, написанное впрочем в очень приподнятом тоне, у *Небольсина* — „Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса“ в „Библ. для Чтен.“, CXIV, отд. III, стр. 15—25.

ОТПЕЧАТОК

сокращают верст до пяти. Конечно, такие расстояния выдерживают далеко не все лошади, да и те обыкновенно уже не добегают до призового столба, а еле-еле до него дотаскиваются, часто с посторонней лишь помощью [1]), и всегда при оживленных понуканиях голосом и нагайкою, которой работают не только ездок, но и подоспевшие ему на помощь товарищи. Это зрелище казалось мне всегда отвратительным, и я всячески старался уклониться от соответственных приглашений. Дабы облегчить лошади ее задачу, у дёрбётов, как и у других номадов, скачут одни лишь подростки, и я видел в роли жокеев иногда мальчуганов, едва достигших восьмилетнего возраста. Впрочем к скачке лошадь обыкновенно подготовляется, и состоятельные дёрбёты уже за целый месяц ставят ее иногда на зерновой корм. Призы получают все лошади, исполнившие свою задачу, но первый приз по своей ценности обыкновенно превышает все остальные в их совокупности. Наименьший из выдаваемых в этих случаях у дёрбётов приз—кирпиччая, наибольший—трехгодовалый бык. Халатов, как это в обычае у киргизов, здесь не принято выдавать. Не существует у дёрбётов, повидимому, и обычая, обязывающего почетных гостей давать и с своей стороны приз первой лошади. Этот обычай я встретил впрочем только у алайских кара-киргизов.

---

[1]) Обыкновенно на встречу уже не скачущим, а сбивающимся на разные аллюры лошадям выезжают собственники последних или их родственники, подхватывают каждую в этом нуждающуюся под уздцы с обеих сторон и тянут вперед изо всей мочи, криком и нагайкой стараясь одновременно возбудить в ней прилив новых сил. Повидимому, это им удается, но лошадь выходит иногда из такого испытания настолько измученной, что шатается. После такой гоньбы ее прогуливают часами, а засим ставят на выстойку, выдерживая без воды и корма не менее полусуток. Говорят, что именно благодаря этим мерам, такая усиленная гоньба проходит у лошадей бесследно. Но этому трудно поверить, тем более, что очень часто собственники таких лошадей, если последние жеребцы, отправляют их в табун, меринов же стараются усиленно сбыть. По крайней мере так водится у киргизов, у которых мне лично доводилось не раз встречаться с подобными предложениями и видеть на конских базарах таких скакунов.

Кобыл на беговые состязания ни киргизы, ни кобдинские дёрбёты не выпускают.

Неподвижный спорт также в большой чести у кобдоских дёрбётов; особенной же любовью пользуется шахматная игра, и хорошие шахматисты становятся широко известными в округе. Такой, например, известностью, как сильный игрок, пользовался, по словам Владимирцова [1]), в его время Цэвэнтайчжи, младший сын далай-хана. Способ игры и названия фигур у них те же, что и у астраханских калмыков [2]), но от нашей игры имеются отличия: если один из играющих заставит короля (хана) противной стороны пройти перед строем пешек (кюбюн), то это называется „цюден“ и считается особой победой; хан, лишившийся защиты, т. е. фигур и пешек, продолжает игру, и тогда все стремление проигрывающего направляется к тому, чтобы лишиться хода, т. е. получить пат, „джит“, и сделать таким образом партию в ничью; ферзь (королева, берьсын) ограничена в ходах, предоставляемых слону (верблюду, темень), ближайшим квадратом, и т. д.

Шахматы (шатыр) режутся дёрбётами из дерева, но изделия их грубы и фигуры коня и верблюда, как это ни странно, им всего менее удаются. Впрочем, я имел случай видеть только один набор шахматных фигур местного изделия у гэгэна Джамсо. Металлические фигуры приобретаются ими у урянхайцев.

Из других игр особенно распространены: китайская игра в кости (далу) [3]) и своеобразная игра, называемая „корол“, состоящая из деревянных пластинок с вырезанными на них изображениями животных годового цикла, т. е. мыши, вола, коня, овцы и т. д. и нескольких драгоценностей „эрдэни“, которыми играют как в домино.

---

[1]) Op. cit., стр. 351.

[2]) *Владимирцов,* ibid. См. также *Ив. Савенков*—„К вопросу об эволюции шахматной игры в связи с ее передвижениями среди различных народностей северной и центральной Азии“ в „Шахматн. Обозр.“, 1904, №№ 72—76, стр. 201—235; и *Небольсин*—„Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса“ в „Библ. для Чтен.“, CXIV, отд. III, стр. 11—12.

[3]) *Владимирцов,* ibid. У урянхайцев наименование „тала“ присваивается игре, подобной домино. См. *Ф. Кон*—„Предварительный отчет по экспедиции в Урянхайскую землю“ в „Изв. вост.-сиб. отд. И. Русск. Геогр. Общ.“, 1903, XXXIV, № 1, отд. отт., стр. 29, и выше гл. II.

© ЭПИГРАФ

Кобдоские дöрбёты часто и много поют, и в этом у них проявляется еще одна сходная черта с урянхайцами. Поют дома, поют на работе, поют при каждом сборище. С'езжаются гости, и тотчас же затевается пение. Поют в унисон хором, но еще охотнее слушают певцов по профессии, аккомпанирующих себе на тобшуре.

Песни дöрбётов—лирические и лиро-эпические, в которых воспеваются молодецкие подвиги богатырей, красавицы, привольные кочевья, всего же чаще лихие кони; в некоторых из них вспоминается и былая их родина—Джунгария, с именем которой всегда связываются имена Чингис-хана и Амурсаны; много песен у них и бытового содержания; а засим существует не мало песен, которые и слагаются и поются исключительно женщинами. Те из них, которые получают особое распространение, становятся популярными и переходят часто в разряд хоровых; они преимущественно любовного содержания. Не мало также песен распевается кобдоскими дöрбётами и духовного содержания. Все они сравнительно недавнего происхождения и возникли, вероятно, вместе с распространением ламаизма в народе. В них воспеваются святительские подвиги особо чтимых ревнителей веры, гэгэны, монастыри, и весьма вероятно, что некоторые из них родились на обломках старинных лирических песнопений; среди них встречаются замечательные как по глубине мысли и чувства, так и по элегантности изложения, но имеются и неуклюжие переложения халхаских песен [1]). Сами дöрбёты различают три рода своих песен: к разряду „шаштыр дун" они относят песни исключительно духовного содержения, к следующему—„айдым дун"—лиро-эпические и считаемые старинными, к третьему—„шалик дун"—свадебные, любовного содержания, различные импровизации и т. п. Ламы, конечно, поют только песни разряда шаштыр. Вообще, однако, в монастырях пение не разрешается; исключение делается только в дни религиозных праздников, когда монахи собираются на торжественную общую трапезу, после которой наиболее молодые из них удаляются

[1]) *Владимирцов*, op. cit. стр. 351—352.

в какой-либо из храмов пить кумыс и петь песни, что затягивается иногда на целую ночь.

Свои песни дöрбёты поют очень часто под аккомпанимент тобшуров и хуров [1]). Тобшуром называется инструмент типа туркестанского дутара [2]), хуром — двуструнный инструмент, на котором играют смычком; последний становится все более и более редким, но зато у них входит в употребление китайская флейта (ди).

Пение дöрбётов не может доставить удовольствия европейцу как по своеобразному темпу напевов и построению мелодии, так и по отсутствию гармонии; к тому же инструменты, на которых они себе аккомпанируют в унисон или в октаву, не имеют красивой звучности.

Под аккомпанимент тобшура и хура поются дöрбётами и большие эпические поэмы „хучин", которые еще сохранились у них, как, впрочем, и у некоторых других монгольских племен [3]).

Сказителями этих былин являются чаще всего профессиональные певцы (тульчи), которые ходят из аула в аул и поют их за плату. Хороший сказитель знает несколько былин; у него, как и у русского певца былин, твердо держатся в голове только типические части этих последних, все в них существенное, которое он и передает с возможной точностью, а засим остальное он варьирует согласно настроению, давая фон главному рисунку. Таким образом он может удлиннять и сокращать сказываемую былину. Героями их являются богатыри, „батыр", „ере", носящие имена, незнакомые истории. В них описываются с большой подробностью их рождение, женитьба на чудесной деве и их геройские подвиги, совершаемые чаще всего при помощи вещих богатырских коней. Среди других былин кобдоским дöрбётам известен

[1]) *Владимирцов*, op. cit., стр. 352. *Небольсин*, ibid., стр. 2, пишет, что у астраханских калмыков струнный инструмент типа балалайки носит название думбур (думбры).

[2]) См. выше гл. II.

[3]) *Владимирцов*, ibid.

© ГПНТБ СО РАН

и Джангар—единственная, кажется, былина, еще сохранившаяся у астраханских дорбётов.

Владимирцов пишет [1]), что ему доводилось слышать, что иногда дорбётский сказитель былин записывает их, желая передать их потомству, но что видеть подобных списков ему не удалось, да он и сомневается в их существовании, так как большинство эпических поэм пользуется широкою известностью в народе, среди которого всегда можно встретить лиц, хорошо знающих из них несколько.

Из других родов эпоса у кобдоских дорбётов сохранилось не мало различных сказок. В виде же сказок доживают у них свой век в несомненные остатки былинного эпоса, постепенно утратившего стихотворную форму и другие особенности былевой поэзии. Следует также отметить и влияние письменной повествовательной литературы. Среди кобдоских дорбётов известны, например, пересказы книжных повестей, забредшие в Монголию из Индии: Шидиту кюр, сказания об Арджи-Бурджи [2]) и Бикармиджиде (Raja Bhoja и Vikramaditya), и др., а также сказания, заимствованные из других отделов буддийской литературы, например, сказания о Дара-екё [3]) и Аджи (Ajy) бодисатвах [4]).

Кроме этих произведений народной литературы у кобдоских дорбётов очень распространены пересказы, не облеченные в какую-либо определенную литературную форму; таковы поветствования об Амурсане, Кункер-хане и Цаган-хане, т. е. русском царе. Особой популярностью пользуется личность Амурсаны, которого они еще в 1910 году ждали к себе как Мессию, долженствовавшего освободить их от китайцев, гнет которых они чувствовали не менее остальных монголов.

---

[1]) Op. cit., стр. 353.

[2]) Имеется и в русском переводе: *Гомбоев*—„Арджи-Бурджи. Монгольская повесть“ в „Общезанимательн. Вестн.“, 1858, № 1, стр. 2—4 (См. *Владимирцов* — „Монгольский сборник рассказов из Pancatantra“ в „Сборн. Музея Антропологии и Этнографии при Росс. Акад. Наук“, 1921, V, стр. 15).

[3]) См. выше. стр. 223.

[4]) *Владимирцов,* ibid.

Литературное творчество не прекратилось у кобдоских дорбётов [1]); там время от времени появляются разные сочинения, переводы с тибетского и монгольского, переписываются старые книги. Но при этом нельзя не отметить, что проникшая к ним, вероятно, лишь в недавнее время монгольская грамота (худом монгол) начинает все более и более вытеснять национальную калмыцкую (тодо)—один из весьма редких в истории примеров, когда худшая письменность получает преобладание над лучшей. Вообще грамотность или точнее сказать полуграмотность среди них довольно распространена, но большинство довольствуется уменьем читать по складам. Хорошо пишут и читают одни лишь члены княжеских семейств, чиновники и профессиональные писцы. Школ у дорбётов не существует, и грамоте учатся дома обыкновенно уже в возрасте 15—20 лет. Среди чиновников распространено также знание маньчжурского языка, ибо вся переписка с внехошунными властями ведется на этом языке. Что касается внутренней, хошунной, то здесь преобладает монгольское письмо, почему чиновники и знают монгольскую грамоту лучше своей, калмыцкой, которая более распространена в народе и среди лам. Впрочем ламы, за редкими исключениями, удовлетворяются лишь знанием тибетской грамоты и равно пренебрегают как монгольской, так и калмыцкой. Только отдельные личности предпочитают чтение и письмо на своем родном языке, и, по словам Владимирцова [2]), изданные в Петрограде на калмыцком языке книги вызывали у них необычайный восторг.

Изложенным исчерпывается все то, что можно сказать о дорбётах, населяющих прилегающий к русской границе северо-западный район Западной Монголии [3]).

---

[1]) *Владимирцов,* op. cit., стр. 355.

[2]) Ibid.

[3]) *И. Майский*—„Современная Монголия“, Иркутск, 1921, стр. 19, определяет общую численность кобдоских дорбётов в 24.000 д., но тут же оговаривается, что эта цифра не может претендовать на точность.

© ГПИБ СОРАН

ГЛАВА V.

Народности, населяющие Западную Монголию.

Баиты, мингаты, ӧлёты, цзахачины, хото-гайту, хотоны.

Выше говорилось [1]), что в состав аймака далай-хана дӧрбётов входит 10 из 11 хошунов баитов. Оффициально они действительно причислены к дӧрбётам кости чорос [2]); но дӧрбёты не считают их родственным себе народом, да и тамги их разные [3]). То же говорит и Рашид эд-Дин [4]), относящий баяутов (баиыт, баиут, байут, баят) и дурбэнов (дӧрбётов) к двум различным отделам монгольской группы племен. Это первое [5]) историческое свидетельство об этом племени: в эпоху Чингис-хана они населяли широкую долину р. Джиды, левого притока р. Селенги, частью же жили в степи, где и носили

---

[1]) Стр. 200.

[2]) *Котвич*—„Образцы баитских пословиц“ в „Живой Старине“, 1910, III, стр. 254.

[3]) Согласно распросным данным, собранным мною в ставке далай-хана на р. Кондёлён. У *Владимирцова* („Отчет о командировке к баитам Кобдоского округа“ в „Известиях Русск. Комит. для изуч. Средн. и Вост. Азии“, etc., серия II, № 1, 1912, стр. 102) читаем: „язык баитов во многих отношениях отличается от языка их предполагаемых родичей и соседей—кобдоских дэрбэтов: помимо отличий фонетических можно отметить отличия и в области морфологии и лексики; в нравах, обычаях, одежде, утвари тоже можно проследить отличия баитов от дэрбэтов“.

[4]) „Введение“, etc., стр. 10.

[5]) См., однако, „Юань-чао-ми-ши“ в „Труд. член. Российской духовной миссии в Пекине“, IV, стр. 120.

название кегерун-баяут [1]). Засим, позднее мы встречаемся с этим народным названием далеко на западе [2]) и в XVI столетии к югу от Гобийской пустыни, где одно из монгольских становищ носило название Баяо [3]), XVIII же век застает это племя в северной Джунгарии в составе ойратских племен. В „Илетхель Шастир“ [4]) говорится: „Зимой, в 18 году правления императора Цянь-луна (т. е. в 1754—1755 г.), приняли маньчжурское подданство три Цэрэна: Цэрэн, Цэрэн-убаши и Цэрэн-мунхэ. Аймак баиутов находился у них в подчинении. Дӧрбёты дали Цэрэну звание даруги, Цэрэна-убаши провозгласили ваном; тогда и баиуты об'явили Цэрэна-мунхэ даруга, после чего все собрались в долине р. Иртыша (на Ерцис'е). Цэрэны, подчинившись маньчжурам, составили сейм Сайн-цза-ягату и были поселены на землях, годных для земледелия, у стремнины (хурхирэ) Зак Байдарик реки Туин-гол. В 1756—1757 г. Цэрэны приняли участие в войне с Даваци, по окончании которой Цэрэну был пожалован титул хана. Зимой того же 1757 г. дӧрбёты, стесненные на отведенных им местах для кочевий, просили у императора разрешения переселиться в местность Ихэ-арал-ун-газар. Однако, им предоставлены были земли в Улан-хум, причем занимавшие его урянхайцы перешли на Кобдо (1759 г.)“. В этих перекочевках принимали участие и баиты, о численности которых тот же источник говорит: „Цэрэн-мунхэ был двоюродным дядей (узелим-абага)

---

[1]) *Рашид эд-Дин*, op. cit., стр. 175.

[2]) Среди туркмен (*Vambery*—„Das Türkenvolk“, etc., стр. 569—579; цит. по *Аристову*—„Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей“ в „Живой Старине“, 1896, вып. III и IV, стр. 413) имеется род баят. Это же родовое имя встречается и среди тюркских племен Персии и Закавказья, а также (баят или баяут; см. *Аристов*, op. cit., стр. 417) у канглов. У *Бретшнейдера* („Mediaeval researches from Eastern Asiatic sources“, I, стр. 303) читаем: „Bo-ya-wu is probably intended for Bayaut. This was, according to the Mohammedan authors (*d'Ohsson*, I, 197), the name of one branch of the Kanklys, to which Turkhan khatun, the mother of Mohammed shah of Khorazm, belonged“.

[3]) *В. Успенский*—„Страна Кукэ-нор или Цинхай“ в „Зап. И. Русского Геогр. общ. по отд. этногр.“, 1880, VI, отд. II, стр. 155.

[4]) Рукоп. перев. *Владимирцова*.

© ГПНТБ СОРАН

Цэрэна; его отцом был Бабуши. Он заведывал баиотами (баиутами): из 700 слишком находившихся в его подчинении юрт родовых было всего только 114, остальные были баиотские“ [1]).

Вот и все, что о баитах говорит нам история.

Потанин [2]) намечает следующие границы современных баитских кочевий: Они живут по южную и северную стороны хребта Тухтугэн-нуру; на севере их земли достигают берегов оз. Усуа (Убса) и р. Теса; на востоке местности Худжирту, где граничат с урянхайцами и халхасцами-ельджигинами; низовья р. Нарына находятся в их пределах.

Эти пределы должны быть, однако, продолжены на юг и восток. Лет 70—80 тому назад кочевья баитов на юг простирались до устья р. Цзабхан, захватывая большую часть котловины оз. Киргиз-нора, но в этой местности произошло убийство, вызвавшее длительное следствие китайских властей и такие поборы, которые вынудили баитов покинуть южную часть котловины; с тех пор последняя перешла во владение халхасцев-ельджигинов, согласившихся нести все дальнейшие расходы по производству следствия и суда [3]). На востоке же земли баитов обнимают весь бассейн Хангильцика до устья р. Тюргун, в вершине которой и соприкасаются с кочевьями халхасцев-ельджигинов.

Баиты, как сказано было выше, образуют 11 хошунов, хотя оффициально и носят название арбан-баит, по числу тех хошунов, которые входят в состав левого, далай-хановского аймака. Все эти 11 хошунов носили до 1911 г. названия по именам их правителей, в виду чего оффициальный их перечень, полученный мною от далай-хана, до некоторой степени уже не совпадал с тем, который получен был несколько лет спустя Вл. Л. Котвичем, и только в настоящее время

[1]) См. также „Мэн-гу-ю-му-цзи“, стр. 138. Современную численность баитов (байотов) *И. Майский*—„Современная Монголия“, Иркутск, 1921, стр. 19, определяет, хотя и весьма приблизительно, в 15.000 д.

[2]) „Очерки северо-западной Монголии“, III, стр. 33—34.

[3]) *А. Бурдуков*—„Очерк Баитского хошуна князя Тюмы-Баир-гуна“, Томск, 1915, стр. 2.

после событий 1911 года, когда правители этих хошунов были богдо-гэгэном повышены в своих рангах [1]), названия их должны будут получить бо̀льшую устойчивость, так как им присваиваются ныне названия уже не по имени, а по титулу их правителей; так мы имеем хошуны Уйцзан цзасак туруйн-бэйлэ, Сэцэн цзасак улус-ун туше-гун, Эрдэни цзасак улус-тур тусалакчи-гун, Батур-цзасак улус-тур тусалакчи-гун, Мэргэн-цзасак улус-тур тусалакчи-гун и т. д. К сожалению, я не имею возможности заменить этими современными наименованиями хошунов их прежние и указать на занимаемые ими ныне территории, в виду чего привожу далее их список и данные об их границах на основании имевшихся уже у меня и проф. Котвича [2]) сведений.

1.	Хошун Сэнгэ-гуна	к востоку от оз. Усуа-нор, между Нарыном и Тесом, на восток почти до устья правого притока последнего Холай-гола.
2.	„ Гоби Банди (Паньди)-бэйлэ (бэйсэ?)	к востоку от предшедшего, между Нарыном, переходя на левый его берег, и Тесом, почти до устья правого притока последнего Улясутай-гола.
3.	„ Дандыр-гуна	к востоку от оз. Усуа-нор, между Нарыном и подгорьем хр. Хан-хухэй или Хан-коко.
4.	„ Тудцѣ-гуна	к югу от хошуна Банди-бэйлэ до песков Баин-нора.
5.	„ Очир-гуна	к востоку от хошунов Банди-бэйлэ и Тудцѣ-гуна до сойотских земель.

Остальные шесть хошунов занимают оба склона хр. Хан-хухэй (Хан-коко) на восток до места слияния рек Тюргун и Хангильцик, между Баиннорскими песками и северным берегом Киргиз-нора, где их территории, представляя узкие

[1]) Одновременно были повышены в рангах и многие другие князья Западной Монголии, и в их числе цинь-ван дӧрбётов, возведенный, как говорилось уже выше, в сан хана.

[2]) Сведения эти собирались проф. *Котвичем* в Петрограде в 1915 г., но данные, им при этом полученные, оказались уже устаревшими.

© ГПНТБ СОРАН

полосы земли, вытянутые от севера к югу [1]), располагаются в таком порядке от запада к востоку:

6. Хошун Гоби Бэнди-бэйлэ [2])
7. „ Нацык-бэйлэ (бэйсэ?)
8. „ Да-вана Тюсемэма (?)
9. „ Батора-бэйлэ.
10. „ Санду (Самдн) вана [3]).
11. „ Тюмен (Тюмы) Баир-гуна.

Что касается родового состава баитской народности, то он нам почти неизвестен. В небольшой литературе, посвященной баитам, я нахожу лишь у Бурдукова [4]) перечень костей в хошуне Тюмен Баир гуна. Он называет здесь следующие шесть костей: цорос, булгудур, хасгут, цамхад, цагакгут и тонгоруд.

Цорос—кость не баитская, а джунгарская, и среди баитов к ней принадлежат лишь члены княжеских фамилий; происхождение же остальных пяти нам неизвестно, и только о кости хасгут или хасут можно сказать, что то же название встречаем мы и среди сойотских костей, где по ней и весь хошун косогольских урянхайцев носит название хасутского [5]).

По своему типу баиты стоят еще ближе к урянхайцам, чем дёрбёты [6]), но и в этом отношении литература о баитах не содержит каких-либо определенных данных.

Свой краткий очерк этой народности мне остается закончить указанием на те особенности их одежды, которые сразу же отличают их от дёрбётов. Их головной убор существенно

---

[1]) Длина этих полос от 60 до 70 верст, ширина не превосходит 15 (см. *А. Бурдуков*—„От Хангельцика до Кош-Агача", Томск, 1915, стр. 11).

[2]) В 1915 г. князь Банди-бэйлэ временно, повидимому, управлял двумя хошунами.

[3]) Этот хошун *Бурдуков* — „Очерк Баитского хошуна князя Тюмы-Баир-гуна", passim, называет Са-вановским.

[4]) Op. cit., стр. 7.

[5]) См. выше стр. 10—11.

Среди казаков Малой орды имеется род бургу, но нельзя сказать, имеет-ли последний какое-либо отношение к баитской кости булгудур.

[6]) *Потанин*—„Очерки северо-западной Монголии", II, стр. 34.

отличается от дёрбётского. Их шапка имеет заостренный, слегка простеганный верх, напоминая в этом отношении халхаскую шапку, и отворот из черной мерлушки без лопастей; при этом, однако, задние концы этого отворота значительно длиннее, чем у какой-бы то ни было монгольской шапки, образуя как-бы крылья, отгибающиеся при нужде на уши, что нельзя сделать у шапок халхаского, дёрбётского и теленгитского покроя. Другая ее особенность заключается в том, что красные ленты прикреплены у нее не к затылочной части верха, а к этим крыльям [1]). Отличается от дёрбётской и прическа баиток. Последние хотя и носят свои косы на груди в чехлах из черной ткани, но эти чехлы не украшаются ими тококом, т. е. деревянным стержнем с шелковой кистью, как это делают дёрбётки [2]). Наконец, отличаются от дёрбётских и баитские седла, более приближаясь, чем у дёрбётов, к седлам обще-монгольского образца [3]).

Дёрбёты, считая баитов народностью, об'единенною с ними лишь политически, наоборот, о мингатах (мингытах) говорят, как о родственном им племени. При этом они передавали мне следующую легенду об их происхождении. Некогда, в давно прошедшие времена, к дёрбётскому князю явился человек незнаемого рода, назвавшийся Мингом. Он понравился князю, который приблизил его к своей особе и женил на дёрбётке. От него-то и пошел мингытский (мингатский) народ.

Имя мингат появляется очень поздно на страницах истории и притом в тот уже период их политической жизни,

---

[1]) *Потанин*, loc. cit.

Дёрбёты говорят, что шапки баитов похожи на черную ворону (хара-кирэ).

[2]) *Потанин*, op. cit., стр. 107.

[3]) *Владимирцов* — „Поездка к Кобдоским дэрбэтам летом 1908 г." в „Изв. И. Русск. Геогр. Общ.", 1910, XLVI, вып. VIII—X, стр. 347.

В литературе о баитах имеется еще одна небольшая работа по этнографии этой народности—заметка *А. Бурдукова*—„Роды у баитов (обычаи и знахарство во время родов)", помещенная в прилож. к „Живой Старине" за 1916 год. При совершенном незнакомстве нашем с обычаями баитов я не счел, однако, уместным останавливаться здесь на одном лишь этом эпизоде их жизни.

когда они оказались разбросанными на огромном пространстве Азиатского материка от Урала и Волги до Гиндукуша и Ордосских степей. Так, мы встречаем их среди кундровских татар [1]), в составе башкирской народности, где имеется целая волость, носящая название Минской [2]), в составе узбекских родов [3]), среди которых род минг получил даже особо выдающееся политическое значение [4]) и, наконец, в южной Монголии, где мингаты достаются в 1550 году в удел правнуку Даян-хана, ордосскому князю Бадмасамбава [5]). В эту же эпоху они упоминаются и среди народностей, населявших бассейн р. Кемчика и местность Улан-гом [6]).

---

[1]) Так называемые кундровские татары составляют отдельное племя ногайцев, жившее первоначально на Кубани, а засим в половине XVIII ст. переселенное оттуда на Волгу калмыками; в настоящее время они живут на землях Красноярского и Енотаевского уездов. См. *Небольсин*—„Заметки о кундровских татарах" в „Вестн. И. Русск. Геогр. Общ.", 1851, II.

[2]) Среди башкиров отдела мин (минг) имеется и аймак меркитский (миркит). См. *П. Рычков*—„Топография Оренбургская, т. е. обстоятельное описание Оренбургской губернии", 1762, I, стр. 93 и след.; *Руденко*—„Башкиры", ч. I, в „Зап. И. Русского Геогр. Общ. по отд. этногр.", 1916, XLIII, вып. I, стр. 22.

[3]) См. т. II, гл. VIII этого сочинения, а также: *Радлов*—„Средняя Зерафшанская долина" в „Зап. И. Русск. Геогр. Общ. по отд. этногр.", 1880, VI, стр. 62; *Наливкин*—„Краткая история Кокандского ханства", 1885, passim; *И. Яворский*—„Путешествие русского посольства по Авганистану и Бухарскому ханству в 1878—1879 г.г.", 1883, II, стр. 230 (цит. по *Аристову*—„Заметки об этнич. составе тюркск. племен и народностей" в „Живой Стар.", 1896, вып. III и IV, стр. 434).

[4]) „Когда эмир бухарский вступает на престол, то его сажают на белую кошму, четыре угла которой поднимают депутаты четырех родов: минг, аллат, бехрин и баташ" (*Радлов*, op. cit., стр. 64). В Кокандском ханстве правившая династия принадлежала к роду минг (*Радлов*, loc. cit., *Наливкин*, ibid.).

[5]) *J. Schmidt*—„Geschichte der Ost-Mongolen und Ihres Fürstenhauses verfasst von Ssenang Ssetsen Chungtaidschi", стр. 209. То же известие находится и в „Мэн-гу-юань-лю" („Мэн-гу-ю-му-цзи", стр. 309).

[6]) См. т. II, гл. VIII и XI. В рукописном атласе *Ремезова* XVII века в области верхнего Енисея показана „Мингацка" земля; *Ив. Унковский* („Посольство к зюнгарскому хун-тайчжи Цэван-Рабтану", стр. 193), пере-

В эпоху Галдановских войн [1]) часть этих мингатов была выселена джунгарами на юго-запад, в бассейн р. Таласа [2]), но засим, в 1757 году, возвращена оттуда маньчжурским правительством обратно в Западную Монголию, где и включена в состав Дзасакту-хан'овского аймака; позднее, а именно в 1765 году, она была, однако, из него выделена и поселена к северу от города Кобдо с подчинением непосредственно маньчжурскому амбаню в этом городе [3]). Об этой-то части мингатской народности, образующей в настоящее время отдельный, самостоятельно управляющийся хошун, далее и будет идти речь; что же касается оставшейся на Кемчике части мингатов, то участь, их постигшая, оказалась более печальной: после поражения, нанесенного им дорбётами в 1758 году [4]) они вынуждены были бежать на восток, где, вероятно, постепенно и растворились среди урянхайцев [5]) и хото-гайту [6]).

Потанин считает мингатов омонголенными тюрками [7]), не подтверждая, однако, этой гипотезы какими-либо фактическими данными; не оправдывает это предположение и сообщаемый как им [8]), так и Владимирцовым [9]), родовой их состав, который образуют кости: мингат, башкит, хулур, шарakиргис, хара-киргис, бюргют, китедут и шуу.

числяя народы, подвластные джунгарам, на ряду с урянхами и теленгутами называет мингатов; в „Мэн-гу-ю-му-цзи", стр. 448, сказано: „мингаты вышли из урянхайцев".

[1]) См. т. II, гл. X.

[2]) *Потанин*—„Материалы для истории Сибири" в „Чтен. в И. Общ. истории и древностей росс. при Моск. Унив.", 1866, IV, стр. 101; „Шэн-у-цзи", перев. *Васильева*, прилож. к т. III кн. Потанина—„Очерки сев.-зап. Монг.", стр. 329.

[3]) „Мэн-гу-ю-му-цзи", стр. 448—449; *Липовцов*—„Уложение китайской палаты внешних сношений", I, стр. 72, § 96.

[4]) „Мэн-гу-ю-му-цзи", стр. 139.

[5]) См. выше, гл. I.

[6]) См. ниже.

[7]) Op. cit., IV, стр. 653.

[8]) Op. cit., II, стр. 40.

[9]) Рукоп.

© ГПИБ СОРАН

Киргизы, вошедшие в состав многих народностей Алтайско-Саянского нагорья,—отуреченные динлины; тоже следует сказать и о кости шуу, встречающейся среди кузнецких татар [1]); происхождение первых трех из перечисленных выше костей нам неизвестно; бюргюты, которых пишут бюргут, бургут, буркут [2]) и которых Абуль-Гази [3]) отождествляет с баргутами, считая их в близком родстве с конгратами, кунградами или хонкиратами [4]), т. е. коренными монголами [5]), не могут считаться народностью тюркского происхождения, что касается китедут, которых Потанину называли китыт, то это—несомненно киданьская кость: кидань, читаем мы в „Мэн-гу-ю-му-цзи“ [6]), представляет лишь искажение имени китат. Этот родовой состав указывает на то, что в мингатах мы встречаем народность не менее смешанного происхождения, чем все те, с которыми мы успели уже познакомиться выше.

Мне не довелось видеть многих мингатов: их летовки находились далеко в стороне от моего маршрута, и даже в их монастыре на р. Сунду я застал лишь несколько человек лам. При таких условиях мои замечания о физическом типе этой народности могут иметь весьма односторонний характер, и если я все жа решаюсь поместить их ниже, то только в виду совершенного отсутствия соответственных указаний в литературе.

Все виденные мною мингаты, за исключением одного ламы, были ниже среднего роста; работавшие на шерстомойне купца Рогалева вдобавок отличались своей недостаточно развитой мускулатурой и столь мало выдающимся тазом, что

[1]) *Radloff*—„Aus Sibirien“, I, стр. 212—215 (цит. по *Аристову*, op. cit., стр. 344).

[2]) *Радлов*—„Средняя Зерафшанская долина“, стр. 63.

[3]) *Desmaisons*—„Histoire des Mogols et des Tatares“, II, стр. 60.

[4]) Тождество имен—монгольского хонкират и турецкого кунград доказывается *Дорджи Банзаровым* в его письме, помещенном в „Труд. вост. отд. И. Археолог. Общ.“, 1857, III, вып. 2, стр. 201.

[5]) См. *Рашид эд-Дин*, op. cit., стр. 4, который называет хонкиратов среди племен отдела дурлюгун, т. е. коренных монгольских. То же повторяет и *Абуль-Гази*.

[6]) Стр. 325.

поясница у них едва намечалась; в общем они производили впечатление физически недоразвившихся людей, что, может быть, следует об'яснить недостаточным их питанием в молодости, так как рабочими в русские „заведения“ (шерстомойни) поступают обычно лишь беднейшие из кочевников. Своим типом они стояли ближе к монголам, чем к тюркам. Некоторые лица особенно бросались в глаза неправильным угловатым своим очертанием и сплющенной средней и выступающими широкими боковыми частями, чему соответствовали узкие, хотя и прямо поставленные глаза, широкая переносица, широкий сплющенный нос, сухие тонкие губы с слабыми признаками волосяной растительности над верхней губой и широкий подбородок. Насколько, однако, распространен этот тип среди мингатов, сказать затрудняюсь, так как купца Рогалева в уроч. Коку-бурут я не застал, и предложить этот вопрос было некому.

Ни в одежде, ни в жилищной обстановке мингатов не встречается особенностей, которые резко отличали-бы их от дӧрбётов [1]), и только двери своих юрт они всегда кроют синей бязью в память Шидыр-вана [2]), который, согласно легенде, должен будет вернуться на родину и тогда по этому признаку отличит их от прочих народностей, населяющих Западную Монголию.

Мингаты почти не высевают хлеба. Это—кочевники по преимуществу, и на все работы, не вызываемые кочевым бытом, идут лишь в силу крайней необходимости. До 1911 г. на их обязанности лежала, однако, доставка сена, дров и каменного угля в Кобдо для потребностей местной китай-

[1]) Некоторая разница замечается только в седлах, которые у мингатов своей конструкцией походят на урянхайские. Засим, на стр. 23 „Очерк. сев.-зап. Монг.“, вып. 2, *Потанин* замечает, что у хото-гайту сапог как у мингатов, а женщины их носят мингатский цегедэк, из чего можно вывести заключение, что у мингатов эти части одежды представляют некоторые особенности, но эти особенности *Потаниным* далее не указываются.

[2]) Легендарная личность (см. *Шишмарев*—„Сведения о дархатах-урянхах ведомства ургинского хутухты“ в „Изв. Сиб. отд. И. Русск. Геогр. Общ., 1871, II, № 3; *Потанин*, op. cit., IV, стр. 298 и след.).

© ГПИБ СОРАН

ской администрации и гарнизона, за что им выплачивалась казной, и то неполностью и крайне неаккуратно, ничтожная сумма, притом редко доходившая по назначению, т. е. достигавшая рук тех семей, которые выделялись хошуном для несения этой повинности.

Единственным пунктом оседлости в пределах Мингатского хошуна служит упоминавшийся выше монастырь (куря) на р. Сунду; другой мингатский монастырь, упоминаемый в литературе [1]) и находившийся на северной окраине котловины озера Дзерен-нор, представлял в 1903 г. уже одну только развалину, причем от возведенных в нем некогда деревянных построек не осталось даже следа.

Монастырь на р. Сунду представляет правильный прямоугольник, вытянутый с юга на север вдоль обтекающей его с востока речки. Сюда же, на речку, обращены и единственные его ворота, против которых, вдоль противоположной стены, высится главный храм монастыря (сюмэ)—длинное и сравнительно высокое каменное здание под крышей китайского стиля. Службы и жилые постройки расположены по обе стороны храма, вдоль северной и южной сторон монастырской ограды. Особняком, на обширной площади перед сюмэ, поднимаются еще два небольших каменных здания, назначение коих осталось мне неизвестным [2]), а засим мне остается еще только упомянуть о панели, выложенной из каменных плит и ведущей между этими двумя зданиями от ворот к главному храму. Это и все, что я счел нужным отметить в своем дневнике при беглом осмотре монастыря [3]).

Кроме этой кури для духовных нужд мингатов и ӧлётов по распоряжению императора Цянь-луна был выстроен

[1]) *Орлов*—„Топографическое описание пути, пройденного по северо-западной Монголии в 1879 году“, прил. к кн. Потанина—„Очерки сев.-зап. Монг.“, III, стр. 196; *Потанин*, op. cit., III, стр. 93.

На наших картах указывается и третья куря мингатов к северу от р. Кобдо; но о ней я не мог получить никаких сведений.

[2]) Вероятно, в них хранятся канджур и данджур.

[3]) Я мог уделить этому осмотру лишь весьма мало времени, так как вел с'емку и не имел никакой возможности по долгу задерживаться в пути.

в 1766 году большой монастырь близь г. Кобдо, на левом берегу р. Буянту.

Об этом монастыре монгольская летопись Эрдэнийн-эрихэ впервые упоминает под 1762 г., когда на его месте находилась лишь небольшая обитель, основанная ӧлётским ламой Дондоком [1]). На отпущенные из пекинского казначейства 10.000 лан эта обитель была в 1766 г. значительно расширена, обведена каменной стеной, в ней выстроен был обширный храм и помещения для хутукты и хувараков; одновременно в него собраны были ламы из мингатского и ӧлётского хошунов и управление передано было хутуктам Дзасакту-хан'овского и Сайн-ноин'овского аймаков. В 1872 году этот монастырь, получивший в народе название Шара-сумэ, подвергся почти полному разрушению, причем монахи уже при одном слухе о приближении дунган разбежались, оставив его без охраны. Позднее он был восстановлен, но и в 1903 г. его стены и отдельные здания не были еще приведены в должный порядок по отсутствию на то денежных средств; число лам было в нем также не велико, да и управлявший им ар-гэгэн предпочитал жить не в его стенах, а в особой небольшой усадьбе на правом берегу р. Буянту.

Маньчжурское правительство, нуждавшееся в людях, знакомых с монгольским и маньчжурским письмом, еще в 1768 г. учредило при кобдоском инородческом приказе (ли-фань-юань) школу с интернатом для 15 мингатских и ӧлётских юношей, которые после 6-тилетнего курса выходили из нее знающими не только маньчжурскую и монгольскую грамоту, но и маньчжурские, преимущественно уголовные, законы [2]). Эта школа просуществовала до 1911 года, о дальнейшей же ее судьбе сведений у меня не имеется.

Мингатский хошун занимает территорию горной области между долинами рек—нижней Кобдо и Намюра, причем, однако, на этой территории мне встречались и ӧлётские стойбища [3]).

[1]) *А. Позднеев*—„Монголия и монголы“, т. I, стр. 327 и след.

[2]) *А. Позднеев*, op. cit., стр. 310.

[3]) *И. Майский*—„Современная Монголия“, Иркутск, 1921, стр. 20, определяет на основании расспросных данных общую численность мингатов в 2.000 душ; эта цифра должна быть близка к действительной.

© ГПНТБ СО РАН

До 1911 года хошуном управлял окурдай (ухэрида)— чиновник, назначавшийся амбанем Кобдо из числа родовитых дёрбётов (кости чорос), но не мингатов, как это, повидимому, предполагал Г. Н. Потанин. Ныне, с подчинением бывшего Кобдоского округа ургинскому правительству, порядок замещения должности окурдая остался тем же, с тем лишь отличием, что выбор его стал зависеть от монгольского комиссара, управляющего Кобдинской Монголией с правами наместника [1]).

---

[1]) См. т. II наст. соч. гл. XII. По этому поводу у *И. Майского*, стр. 272, читаем: „После переворота 1911—1912 г.г. тогдашнему князю мингытов (мингатов) было пожаловано из Урги наследственное звание. Когда в 1915 г. князь умер, ургинское правительство пожелало видеть на месте покойного его малолетнего сына. Мингаты запротестовали. В особой бумаге, посланной богдо-гэгэну они заявили, что желают остаться верными своим двухвековым традициям и иметь не наследственного, а выборного князя, причем мотивировали свое желание следующим небезосновательным образом: наследственный князь не может знать страданий простого человека так хорошо, как выборный, и кроме того он будет угождать богатым. Начался длинный политический спор между монархической Ургой и республиканской „тысячей“ (минг—тысяча), спор, который не закончился еще и поныне. Пока же мингаты продолжают выбирать (sic!) своих правителей. С 1915 по 1918 г. у них сидел „на престоле“ князь Комбо, но так как он слишком потворствовал „цензовым элементам“, то был смещен и заменен простым чиновником (захиракчи) Санджи, который показал себя хорошим администратором. В настоящее время хошун вообще не имеет князя и, кажется, не собирается его заводить. Общее управление делами хошуна находится в руках особого представительного собрания (цугла), состоящего из 47 человек (37 светских и 10 лам). Сессии собрания происходят два раза в год—весной и осенью. Правитель хошуна является исполнителем постановлений правительственного органа. Срок полномочий его ограничен, но в случае необходимости собрание может сместить его в любой момент. Как видим, в хошуне мингытов установились порядки, которые напоминают даже не просто республику, а что-то приближающееся уже к советской республике“.

Этими сведениями *И. Майский* обязан мингатскому чиновнику Баинцзу; но они настолько не соответствуют всему тому, что до сих пор было известно о мингатах, деспотически управлявшихся из Кобдо при посредстве назначавшихся амбанями окурдаев, что я склонен думать, что этот исследователь Монголии стал в данном случае жертвой мистификации.

К югу от мингатов, между долинами рек Кобдо и Буянту, на запад до Терактинского белка живут ölёты. Еще в семидесятых годах прошлого столетия владения их переходили на правый берег Буянту, простираясь на юг до р. Коко-бельчир, но уже в 1903 году я не застал их на этих землях: там кочевали халхасцы.

Что представляют эти ölёты, остаток-ли племени угэлэт, как ölётов называет Санан-Сэцэн, или народную группу, сложившуюся из осколков различных племен Западной Монголии и называющую себя ölётами только потому, что так стали называть ее китайцы [1]), сказать сейчас трудно; неизвестно также, как давно заселяют они те земли по рекам Буянту и Кобдо, на которых мы их ныне находим. Их родовой состав не говорит, впрочем, за то, что мы сталкиваемся

---

[1]) Случаев, когда народ забывал свое название, принимая то, которое давала ему правительственная власть и господствующее население страны, известно не мало, но я ограничусь ближайшими примерами, уже впрочем приводившимися мною ранее, во II т. настоящего труда. Хошоуты, переселившиеся в Ала-шань, в настоящее время называют себя ölётами (так называет их и *Пржевальский*—„Монголия и страна тангутов“, I, стр. 159). Наименование хошот (хошоут) удерживает за собой только потомство племянников Гуши-хана хошоутского („Мэн-гу-ю-му-цзи“, стр. 147). Ölёты Чахара состоят, вероятно, главным образом из взятых в плен хойтов Амурсаны (*А. Позднеев*—„Примечания на дневник о. Палладия по Монголии, веденный в 1847 году“ в „Зап. И. Русск. Геогр. Общ. по общ. геогр.“, 1892, XXII, вып. I, стр. 137). Западные монголы, поселенные в долине Орхона, известные под именем ölёт и сами себя так называющие (см. *Потанин*—„Тангутско-тибетск. окраина Китая и Центр. Монголия“, I, стр. 521), являются потомками тех джунгаров (ойратов), которые в 1697 г., после смерти Галдана, приняли маньчжурское подданство; поселенные первоначально в Мо-нань (в Чахаре), они засим лишь в 1671 г. возвращены были на север и водворены на территории бассейна Орхона („Мэн-гу-ю-му-цзи“, стр. 84 и 85). К числу потомков пленных джунгаров должны быть отнесены и ölёты, поселенные в Маньчжурии, в Хулунь-буирском или Хайларском округе. Илийские и тарбагатайские ölёты представляют также потомков бежавших к кара-киргизам джунгаров, уклонившихся от участия в последней джунгарско-маньчжурской войне, к которым присоединены были шабинары калмыцких монастырей и некоторые части пришлых с Волги калмыков („Мэн-гу-ю-му-цзи“, стр. 461). Хотоны называют себя так по имени, которое получили от окружающих их монголов.

ОТДЕЛ РАН

в данном случае с доживающим свои последние дни остатком значительного когда-то ойратского племени [1]).

Владимирцову среди них называли следующие кости [2]):

Хошут (хошоут, хошот)	нойон цорас
шара хойт	нохай цорас
цаган хойт	цагантук
хойт цудак	байльгас
хара бургут	киргис
тольтон бургут	кирей цудак
анду шемнер (шевьнер)	хулхай цудак
джиса шемнер	йӧгӧс
байрилга шемнер	авгас
тос	сус
тайчут	ӧткӧс

С 17 из этих костей мы или уже встречались или же существование их среди кобдоских ӧлётов может быть об'яснено сборным характером этой народности, сложившейся из отделившихся от своих племен хошоутов, хойтов, дӧрбётов [3]), торгоутов [4]), хото-гайту [5]), киргизов, может быть, урянхайцев [6]) и др. [7]).

---

[1]) Что ойраты и ӧлёты не один и тот же народ, это помимо других доводов (см. т. II, глава IX) доказывает следующее место „Алтан тобчи", стр. 160: „Лишь только Тогон-тайши прибыл, как собрались *ойраты*, угулеты (ӧлёты), багатуты, хойхаты (хойты), дурбен-тумен (?) и спрашивали у него"...

[2]) Рукоп.

[3]) *Шемнер* или *шемнар*, может быть, являются осколками не дӧрбётской, а торгоутской народности, так как род этот входит в состав обоих (см. выше, гл. IV, стр. 186, 200 и 204).

[4]) *Байлыас*, у торгоутов—баргас (см. выше стр. 186). Род этот очень многочислен среди кара-киргизов Тянь-шаня, и возможно, что в состав кобдоских ӧлётов он вошел из числа пленных, поселенных джунгарами в Алтайских горах.

[5]) Как будет указано ниже, *тос*—одна из составных костей хото-гайту.

[6]) *Цорас*—одна из костей алтайских урянхайцев (см. выше, стр. 20). *Потанин*, как это уже говорилось выше, пишет, что эта часть урянхайской народности называет себя ӧлётами. Не потому-ли, что в их состав вошла и часть ӧлётского племени и в том числе кость цорас, может быть, одна и коренных ӧлётских костей?

[7]) *Бургут*. Об этой кости, встречающейся, между прочим, и у мингатов, говорилось выше (стр. 19).

На некоторую близость между собой ӧлётов и хошоутов, может быть, даже общность их происхождения указывает легенда о богатыре Мекеле, записанная Потаниным [1]), в которой, между прочим, рассказывается, что когда этот богатырь разорвал пополам змею, столь огромную, как река Кобдо, и отбросил одну от другой обе части на расстояние двух переходов, то из каждой вышло по улусу: хошоуты пошли на север, ӧлёты—на юг.

Те ӧлёты, которых мне довелось видеть, а их не мало жило в ближайших окрестностях города Кобдо, поддерживая здесь свое полуголодное существование, подряжаясь на всякую работу, требовавшую лишь мускульной силы, а их женщины проституцией, имели в большинстве средний рост и чаще низкий, чем выше среднего, и черты лица чисто монгольские, причем лица овальные, с острым профилем, представляли весьма редкое исключение. Я заглядывал в некоторые из их юрт и хангуров [2]), но ничего кроме очагов из камней, обрывков войлока, заношенных овчин и самой необходимой, самой жалкой утвари в них не встречал: это были жилища нищих и в качестве таковых не могли служить об'ектом для изучения этой народности с этнографической точки зрения. Такую же нищенскую обстановку нашел я и у ӧлётов, живших в горах

Тайчут, у *Рашид эд-Дина*, op. cit., passim, тайджиют, у *Абуль-Гази*, op. cit., стр. 76 и след., тайджут,—одно из коренных монгольских племен, жившее в век Чингис-хана по берегам р. Селенги (*Рашид эд-Дин*, op. cit., стр. 130).

Цагантук. В одной легенде, записанной *Г. Н. Потаниным*, op. cit., II, стр. 161, говорится, что отцом всех монголов или кости цагантук был Ноха—собака.

О костях *киргис* и *кирей* я не считаю необходимым говорить особо.

[1]) Op. cit., IV, стр. 473.

[2]) Так называется шалаш, в котором деревянные части представляют верхнюю часть юртовой основы, причем дверью служит более широкий промежуток между жердями (унинами), поддерживающими верхний обруч (харачи); на такой деревянный каркас натягивается войлок, который обыкновенно покрывает юрту. В хангурах стоять нельзя, и обычно они настолько тесны, что в них едва могут поместиться три человека.

ОТПЕЧАТОРАН

под Теректинским белком [1]) и по р. Буянту, верст 20 выше г. Кобдо. Несколько богаче выглядели лишь их стойбища на землях мингатов, но здесь мне не пришлось останавливаться в ближайшем от них расстоянии. Меня, однако, провожал один из их низших чиновников—чжанго бошога, из беседы с которым я мог вывести заключение, что ни в их одежде, ни в их утвари нет ничего, что существенно отличало-бы их от других калмыцких племен. В небольшой литературе о кобдоских ölётах я также не нашел соответственных указаний.

Кобдоские ölёты разводят преимущественно баранов и коз; верблюды, лошади, сарлыки и крупный рогатый скот имеются лишь у очень немногих, что, конечно, указывает на их крайнюю обнищалость и подтверждает мнение о них русских купцов, что их задолженность на много превышает все их имущество. Некоторым подспорьем их степному хозяйству служит доставка в Кобдо в качестве топлива кустов караганы, которая кое-где еще уцелела в местных ущельях: ее выкорчевывают, связывают в снопы и в таком виде на верблюдах и быках доставляют на рынок этого города. Охотой заняты очень немногие: предметом промысла служит местная антилопа-дзерен, Gazella gutturosa, Pall.

Кобдоские ölёты образуют один хошун, во главе которого находится ухэрида, по местному—укурда, чиновник, назначавшийся до 1911 года хэбэй-амбанем Кобдо, а ныне избираемый на эту должность монгольским наместником [2]).

[1]) Как здесь, так и на р. Буянту, я впрочем застал лишь несколько юрт беднейших из ölётского хошуна, которые не имели возможности перейти на летние пастбища в Теректинских горах по неимению крупных животных для перевозки несложного их имущества; все их богатство составляли несколько голов коз и баранов; поддерживали же они свое существование главным образом продажей топлива на рынке Кобдо, куда они доставляли преимущественно карагану на нанятых у более состоятельных их сородичей верблюдах и быках.

[2]) На основании расспросных данных *И. Майский*, ibid., определяет общую численность этой группы ölётов цифрой 3.000 чел.; она, вероятно, выше действительной. Мне ölёты говорили: нас осталось очень мало, а богатых среди нас и совсем нет. Это несомненно вымирающая народность.

Кроме кобдоских ölётов в пределах территории, которая рассматривается в этом труде, живет с сравнительно недавнего времени, а именно, с начала семидесятых годов прошлого столетия, еще одна народная группа, называющая себя ölётами—арбан суму-ölёт-барлык. Это—выходцы из западной Джунгарии, населявшие там долину Кошо в Барлыкских горах, те ölёты, которые явились в бассейн Черного Иртыша с своим вождем Цаган-гэгэном [1]) и поселились в низовьях р. Крана, в местности Тулта (Толту), где Цаган-гэгэном основан был монастырь, в недавнее время преобразованный в город Шары-сумэ (Чэн-хуа-сы).

Сведения наши об этих ölётах сводятся к следующему.

После окончательного присоединения Илийского края к Маньчжурской державе на пограничных с киргизскими землях поселены были дöрбёты, бывшие подданные Даши-дава, старшего брата Цэрэн-убаши; к ним присоединены были бежавшие к кара-киргизам (бурутам) джунгары, оставшиеся без управителей монастырские шабинары и впоследствии те части джунгарского племени, которые вернулись в Джунгарию с берегов Волги. Из этих-то различных частей калмыцкого народа и образован был знаменный контингент илийских ölётов, которые впоследствии распались на два отдела: дзурган и арбан-сумун, т. е. шести и десяти-сумунных ölётов. Засим, в эпоху смут 1863—1873 г.г., часть арбан-сумунных ölётов откочевала на север и поселилась в пределах Тарбагатайского округа, в горах Уркошар, Джаир и в долине Кошо [2]). Среди этих-то последних Цаган-гэгэн и собрал своих партизанов для борьбы с дунганскими шайками и киреями, которые, пользуясь анархией в стране, гра-

Тот же автор, op. cit., стр. 272, утверждает, что после 1912 г. должность правителя ölётов стала наследственной.

[1]) См. т. II, гл. XI.

[2]) Это переселение не было, впрочем, первым, так как уже в „Мэнгу-ю-му-цзи“, стр. 149, говорится, что кочевья хобоксарийских торгоутов граничат с кочевьями ölётов тарбагатайского ведомства, переселенных с Или на Барлык, Могай и Гэлэнгир, где они кочуют чересполосно с чахарами и киргизами.

© ГПИБ СО РАН

били монголов где к тому представлялась хотя какая-либо возможность.

Эта часть калмыцкой народности отличается, по словам Сыртланова [1]), мéньшей приниженностью и даже иногда вызывающею грубостью в обращении со всеми, кто не принадлежит к числу их сородичей. Илийские ölёты доказали, что они в состоянии постоять за себя; они мстительны и, повидимому, даже сохранили прежний задор и воинственность, всегда отличавшие калмыцкие племена. По признанию семиреченских и китайских киргиз-казаков, пишет тот же автор, при беспрерывных взаимных угонах скота и лошадей они легко справляются с торгоутами, труднее с чахарами, с тарбагатайскими же (барлыкскими) ölётами им приходится быть весьма осторожными и совершать свои набеги, хорошо взвешивая последствия предпринимаемого шага.

В отношении политических воззрений они также весьма существенно отличаются от остальных калмыков.

Их предки принадлежали к той части калмыцкой народности, которая не только уклонилась от активного участия в борьбе с маньчжурами, но даже явно перешла на сторону последних;. этого предательства не забыли калмыки, и между ними и илийскими ölётами создалось отчуждение, не изгладившееся с годами. Оно заставило илийских ölётов искать опоры в китайцах, и в настоящее время во всем Западном Китае не найдется ни одной народной группы, которая была-бы более предана последним, чем эти ölёты. Китайцы давно это поняли и платят им полным доверием, что реально выражается в том, что предпочтительно перед всеми западными инородцами, не исключая даже знаменных чахаров, из их числа ими набирается нужный им контингент чиновников, главным же образом переводчиков, играющих такую важную роль при всех сношениях китайских властей с лицами туземной администрации.

---

[1]) „Материалы по Западному Китаю, собранные во время поездки из Урумчи на Алтай в 1909 году“ в „Сборнике географич., топограф. и статист. материалов по Азии“, 1913, вып. LXXXVI, стр. 82.

Барлыкские ölёты заняли долину низовий Крана [1]), не войдя в предварительное соглашение с алтайскими урянхайцами, земли которых они захватили. Урянхайцы протестовали. Этот протест восходил до Пекина, но ölёты остались на занятой ими территории и в настоящее время составляют главную массу подгородного населения Шары-сумэ, где им принадлежит наибольшая площадь культурных земель.

Дöрбёты издавна стали обнаруживать склонность к земледельческой культуре. На Черном Иртыше, на берегах Байдарика, в Улан-гоме, они везде заводили пашни. То же случилось и при переселении их в Илийский бассейн, где, будучи об'единены с джунгарами и другими калмыками, они получили название ölётов. Здесь они обратили в поля низовые земли Текеса и Каша. Переселившись в Тарбагатайский округ, они должны были занять здесь территорию, мало пригодную для культуры, но на южном склоне Алтая водные ресурсы оказались достаточными, и на Кране они очень скоро обратили степь в поля пшеницы и ячменя и в плантации мака и табака, так что уже в 1876 году экспедиция Потанина застала здесь местность ниже Шары-сумэ сплошь распаханной ölётами и китайцами, бежавшими из южной Джунгарии [2]) под защиту Цаган-гэгэна.

---

[1]) *Потанин*, op. cit., вып. I, стр. 27, пишет, что барлыкские ölёты заняли две соседние долины рек Крана и Кемерчика, но в 1903 г. в долине Чемерчека (Кемерчика) ölётов я уже не застал: она находилась всецело в обладании абак-киреев.

[2]) *Сосновский*—„Отчет булун-тохойской экспедиции“ в „Зап. И. Русск. Геогр. Общ. по общ. геогр.“, 1875, V, стр. 594, пишет, что кроме китайцев, которых насчитывалось в местности Тулта около 200 д. об. пола, там жили также ölёты, чахары и калмыки в числе до 1000 д. об. пола. Эти сведения получены были им расспросным путем и поэтому не могут претендовать на точность; особенно же сомнительным следует считать известие о чахарах, которые в эпоху смут шестидесятых годов прошлого столетия держали себя нейтрально, решительно отказавшись выступить против илийских магометан; иное дело ölёты, взявшие на себя активную роль в деле усмирения возмутившихся; они пострадали не менее, чем китайцы и маньчжуры, и их последующее бегство с Текеса и Каша вполне об'яснимо,

© ГПИБ СОРАН

Потанин пишет, что ölёты, заселившие низовья Крана, принадлежат к поколению барлык [1]). Это, конечно, ошибка, так как с названием Барлык, как термином географическим, к востоку от оз. Ала-куль мы встречаемся до переселения в Тарбагатайский округ илийских ölётов [2]).

Этим исчерпывается все то, что мы знаем об этой группе калмыков.

Перехожу к изложению данных, имеющихся о следующей небольшой народности, населяющей Алтайские горы, о цзахачинах (чжахацинах).

Цзахачин—не этнографическое название. Так, по словам автора „Мэн-гу-ю-му-цзи“ [3]), назывались джунгарами те войсковые их части, которые назначались на охрану государственной границы, где они и располагались по пикетам кордоном [4]). После покорения Джунгарии, маньчжурское правительство во внимание к тому, что эти части джунгарских военных сил, находившиеся под общим управлением зайсана Махмуда, сохранили верность маньчжурскому импера-

---

как понятно и то, что именно среди них Цаган-гэгэн всего легче мог набрать свой отряд истребителей дунганских шаек и мстителей тем киргизским родам, которые занимались грабежом монгольских кочевий.

[1]) Ibid.

[2]) Даже в том случае, если считать ölётов, осевших в долине Крана, не за бежавших незадолго пред тем с Текеса и Каша и нашедших временное пристанище в Барлыкских горах илийских ölётов, а за потомков тарбагатайских ölётов, то и тогда приведенная выше выписка из „Мэн-гу-ю-му-цзи“ ясно указывает, что ölёты свое наименование барлыкских должны были получить от местности, где были поселены, а не наоборот.

Наименование Барлык, как географическое, встречается уже на наших картах, начиная с конца пятидесятых годов прошлого столетия. См., между прочим: *И. Ф. Бабков*—„Воспоминания о моей службе в Западной Сибири 1859—1875 г.“, СПБ., 1912, стр. 188, 206; *А. Голубев*—„Ала-куль“ в „Зап. И. Русск. Геогр. Общ.“, 1867, I; *Spörer*—„Die Seenzone des Balchasch—Ala-kul und das Siebenstromland mit dem Ili-Becken“ в „Peterm. Geogr. Mittheil.“, 1868, I—III.

[3]) Стр. 486.

[4]) *Унковский*—„Посольство к зюнгарскому хун-тайчжи Цэван-Рабтану“, стр. 20, 23, 27 и 150, подтверждает существование такой военной организации у джунгар.

тору, причем зайсан Махмуд заплатил даже жизнью за свою верность присяге, перевело их внутрь страны и, образовав из них отдельный хошун, возложило его управление на потомков зайсана Махмуда, причем княжеский титул гуна был в его роде сделан наследственным. Впоследствии, однако, а именно в 1775 году, этот порядок управления хошуном был изменен, так как зайсан Махмуд был у цзахачинов начальником по назначению, а не родовым их князем, причем в их составе оказалось всего лишь 30 семейств его родных и обязанных ему службой; из этих-то последних и образовано было тогда отдельное знамя под управлением потомков Махмуда, остальные же цзахачины подчинены были непосредственно кобдоскому хэбэй-амбаню и до 1911 года управлялись на общих с алтайскими урянхайцами основаниях [1]).

Знамя гун-ноина в настоящее время выделяется своим богатством среди прочих цзахачинов; одновременно оно отличается и многолюдством, которому вполне отвечает численность лам княжеского монастыря, достигающая 200 человек.

Этот монастырь считается собственником кроме прочего скота 5.000 лошадей и 10.000 баранов [2]).

Земли цзахачинов охватывают оба склона хребта Алтаин-нуру от долины Цзэргэ на севере до гор Байтык-богдо на юге; западной границей их кочевий следует считать реку Булгун, где, однако, они неясно отграничены от хошоутских кочевий, встречающихся ниже устья Баин-гола и на левом берегу этой реки, восточной—котловину Хулму-нора (точнее—перевал Хонгор-обонын-дабан) и р. Барлыген-гол (Барлык). Цзахачины гун-ноина кочуют на южном склоне хребта, цзахачины, подчиненные ухэриде [3]), частью на северном, частью на южном, где границей обоих ведомств служит р. Бодунчи.

---

[1]) *И. Майский*, op. cit., стр. 272, утверждает, что после 1912 года власть правителей цзахачинов в обоих хошунах (?) стала наследственной.

[2]) *В. Ладыгин*—„Поездка на верховья реки Урунгу“ в „Изв. И. Русск. Геогр. Общ.“, 1900, XXXVI, вып. I, стр. 83. Кстати будет отметить, что у цзахачинов имеется шесть монастырей, принадлежащих к типу кочующих (см. *И. Майский*, op. cit., стр. 302).

[3]) У *Козлова*—„Монголия и Кам“, I, стр. 50, читаем: „Обитатели хошуна Цзахачин-дагин, ютящиеся по северному склону гор (хребта Алтаин-

Из изложенного выше явствует, что племенной состав цзахачинов должен быть очень пестрым, так как для службы на кордоне, как это до последнего времени велось повсеместно в Монголии, выделялись части из различных, как ближайших к границе, так и дальних хошунов; вероятно также, что на границу джунгарами назначались не одни только калмыки, но и части им подвластных племен, хотя-бы тех же урянхайцев, контингенты которых, как это мне уже приходилось говорить, вводились в состав даже тех армий, на которые возлагались труднейшие и наиболее ответственные задачи [1]). При таких условиях знание их родового состава могло-бы в значительной степени облегчить задачу этнографа. К сожалению в этом отношении наши сведения ограничиваются лишь указанием Потанина [2]), что среди цзахачинов встречаются кости буконют, шангыс или чингыс и киргис, из коих последние две, указывающие на существование среди цзахачинов саянского элемента [3]), подтверждают высказанное .выше предположение о том, что кордонную службу у джунгар несли не одни только калмыки, но и части подвластных им

нуру) и прилежащей долине, имеют у себя начальником настоятеля своей кумирни—да-ламу, который по рангу в светском отношении сравнивается с цзасаком; в помощь ему, как начальнику хошуна (?), придан штат чиновников: два цзалана, четыре цзангина и столько же хундэ". Между тем *Ладыгин*, участник той же экспедиции, пишет (ibid.), что по речке „Бодунчи кочуют цзахачины гун-ноина и ухэрида'я Немудэлих". Я не знаю, как помирить столь явное противоречие.

[1]) См. выше, стр. 170.

[2]) Ibid.

[3]) Среди костей живущего смешанно с телеутами народца ач-кештим, который относится *Аристовым*—„Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей", etc., в „Жив. Стар.", 1896, вып. III и IV, стр. 340, к числу отуреченных самоедских и енисейских племен, имеется кость чингис (см. *Radloff*—„Aus Sibirien", I, стр. 216).

Следует иметь впрочем в виду, что среди дорбётов имеется один, к тому же старший, „ах-сумун", который *Потанину*, op. cit., II, стр. 29, называли шангис, а *Владимирцову*—„Отчет о командировке к дэрбэтам Кобдинского округа" в „Извест. Русск. Комит. для изуч. средн. и восточн. Азии", etc., 1909, № 9, стр. 50,—ярга.

народностей и в том числе урянхайцы, мингаты, киргизы и теленгуты [1]).

В этнографическом отношении эта народная группа остается еще не затронутой исследователями, и все, что я могу о ней сказать в дополнение к изложенному, ограничивается лишь замечанием, что, несмотря на сравнительный достаток, каким пользуются цзахачины, извлекая его из скотоводческого хозяйства [2]), охотничьего промысла [3]) и культуры земли [4]), они поражали даже забайкальских бурят, входивших в состав экспедиционного отряда полк. Козлова, грязью и нищенской обстановкой своих жилищ [5]), что не осталось не отмеченным и халхаскими монголами, аттестовавшими их Козлову „простыми" людьми и одновременно — хитрыми и лукавыми [6]).

Государственная повинность, которую несли цзахачины до 1911 года, ограничивалась содержанием пяти уртэнов, т. е. станций, на мало проезжем тракте в города Гу-чэн и Баркуль, а потому и не вызывавшем больших расходов по

[1]) *Унковский*, op. cit., стр. 193. У него же читаем на стр. 183: „Потом он, Бошту-хан (Галдан), теленгутов и киргизов под власть свою подклонил, и *тако умножа войски*, при реке Бортале одного зайсана с двумя тысячами оставил, сам со всеми людьми в Киргизскую землю пошел"...

[2]) Цзахачины разводят крупный рогатый скот: баранов, коз, лошадей и в малом количестве верблюдов и сарлыков.

[3]) Промышляли преимущественно сурка, которого добывалось в конце прошлого столетия около 40.000 штук ежегодно. Истребление этого зверька, по словам *Козлова*, ibid., велось цзахачинами весьма энергично, и в этой охоте принимали участие не только взрослые, но и подростки, проводя к сурчинам канавки с водой.

[4]) *Потанин*, op. cit., II, стр. 42, пишет, что цзахачины ведут значительные посевы ячменя на северном склоне хр. Алтаин-нуру, в долине Цзэргэ, и ячменя и пшеницы на южном склоне того же хребта.

Как и везде в Монголии, цзахачины свои поля заводят лишь на землях, доступных для искусственного их орошения, причем в большинстве случаев эти земли, непромытые дождями и содержащие в избытке серно-кислое кали, известковые и хлористые соединения, дают очень хороший урожай даже при самой примитивной их обработке.

[5]) *Козлов*, ibid.

[6]) Ibid.

ОТПЕЧАТОК

содержанию подвод и выдаче продовольствия проезжавшим по казенной надобности чиновникам и курьерам.

Кроме урянхайцев все те народности, с которыми мы знакомились выше, не исключая мингатов, являются сравнительно недавними насельниками занимаемых ими в настоящее время земель, и то-же следует сказать о хотохойтах или хото-гайту, к которым мы теперь переходим и которые образуют пять хошунов в составе Дзасакту-хан'овского аймака [1]). История Убаши [2]) помещает их в долине Черного Иртыша, переселение же их отсюда на восток следует, может быть, отнести ко времени очень близкому к той эпохе, когда вся Западная Монголия пришла в движение. Именно, в „Мэн-гу-ю-му-цзи [3]) мы читаем, что в 1688 году Гэнь-дунь [4]), из хотохойтов, переселился на Селенгу, а потом думал перекочевать на юг, к Хангаю, но в 1695 году вторжение войск Галдана помешало ему выполнить это намерение. Впрочем, вскоре затем он все-таки перешел в местность Цискиб [5]).

---

[1]) Привожу их названия как они показаны на картах: 1) *И. Я. Коростовца* и *Вл. Л. Котвича*, изданной в 1914 году, и 2) приложенной к книге *Майского*—„Современная Монголия“, и изданной в 1921 г.

1914 г.	1921 г.
Ахай-гун Цэдэн—дорчжи	Ахай-гун Цэдэн-дорчжи
Цзянь-цзюнь Далай-туше-гун Базар-ракша	Далай-гун Дорчжи Палма (?) гун
Туше-гун Баян-джаргал	Мэргэн туше-гун
Ван Намхай-джалцан	Дурехчи (Дурукчи?)-ван
Туше-гун Дамдин-абача	Цоктой (Цокту?)-ван

На территории хошуна Ван Намхай-джалцана, ныне Дурехчи (Дурукчи?)-вана, имеется шаби хубилгана Джалхандза-хутухты.

[2]) „Алтан-тобчи“, стр. 87.

[3]) Стр. 404.

[4]) Это имя транскрибируется разно: в „Мэн-гу-ю-му-цзи“ *П. С. Попов* пишет то Гэнь-дунь, то Гэндун, *А. Ивановский*—„Кочевья Тушѣтухановского аймака“ в кн. Потанина „Очерки сев.-зап. Монг.“, вып. III, стр. 284,—Гэньдун и т. д.

[5]) Неизвестная местность. В „И-тун-чжи“ говорится, однако, что Гэнь-дунь кочевал по северному склону Хангай'я, на север до Селенги („Мэн-гу-ю-му-цзи“, стр. 405).

Гэнь-дунь был преемником алтын-хана Эринчина, избранным правителем урянхайцев и хотохойтов на сейме в Хурѣнь Бэльчире в 1685 году [1]). На этом посту он оставался до своей смерти, последовавшей в 1696 году, после чего в той же должности были утверждены сначала его родной сын Сончжин-сэнгэ, скончавшийся в 1703 году, а затем приемный, Бубэй, который в последний раз упоминается историей в 1726 году [2]). Засим управление уделом Гэнь-дуня оставалось в его роду до 1756 года, когда внук Бубэя, Цэнгунь-чжаб, за своевольное оставление без охраны порученного ему участка границы был схвачен маньчжурами и казнен [3]). По усмирении одновременно вспыхнувшего восстания урянхайцев маньчжуры решили выделить последних из Гэнь-дун'евского удела под управление назначаемых местной маньчжурской администрацией чиновников, значительно же сокращенный таким путем удел передать в управление князей из рода алтын-хана Омбо-эрдэни. С этого момента политическая жизнь хото-гайту пошла отдельным от урянхайцев путем, который и привел их к тесному сближению с монголами Халхи.

Потанин [4]) пишет, что у хото-гайту замечаются нехалхаские черты: они носят такие же сапоги, как мингаты, а женщины их цегедэк, не отличающийся от мингатского [5]), из чего он выводит заключение, что хото-гайту должны быть отнесены к западным монголам, а так как большинство западных монголов, и в их числе мингатов, он считает омонголив-

---

[1]) См. т. II, гл. XI.

[2]) „Мэн-гу-ю-му-цзи“, стр. 103; *M. Courant*—„L'Asie Centrale aux XVII et XVIII siècles“, стр. 110.

[3]) См. т. II, гл. XI; „Мэн-гу-ю-му-цзи“, стр. 103.

[4]) Op. cit., II, стр. 23.

[5]) Как говорилось выше, в 1758 году в состав племени хото-гайту вступила часть мингатов, бежавших с Кемчика и Улан-гома после поражения, нанесенного им дорбётами. Не к этой-ли части хото-гайту следует отнести это указание *Потанина*—вопрос тем более уместный, что, представляя лишь показание одного из рабочих каравана, оно не является плодом личного наблюдения путешественника.

© ЦНТБ СОРАН

шимися тюрками [1]), то и хото-гайту причисляются им к той же группе народностей. А. Позднеев [2]) идет дальше и считает их потомками древних хойхоров, в которых он, впрочем, видит племя, отличное от уйгуров. Насколько оправдываются эти преположения, это показывает их родовой состав.

Потанину [3]) удалось записать у них названия следующих костей:

дартын [4])	кусэр (кусур)
тотын (тодын) [5])	цогонут
охитын [6])	халиучин [7])—онгут [8])

[1]) Op. cit., вып. IV, стр. 653.

[2]) „Образцы народной поэзии монгольских племен", стр. 153 (цитир. у Потанина, op. cit., вып. IV, стр. 669).

[3]) Op. cit., вып. II, стр. 25.

[4]) Среди шорцев, населяющих Алтайско-Саянское нагорье между Телецким озером и вершинами Томи, которых *Радлов* считает потомками кузнецких татар XVII в., т. е. отуреченными енисейцами („Aus Sibirien", I, стр. 212—215; *Аристов*, op. cit., стр. 344), имеется род тарткын. Не представляет-ли наименование дартын, дартынг, лишь ошибочную запись того же названия?

[5]) Тотын, тодын, вероятно, то же, что тот (*Кастрен*) или тод у урянхайцев—название рода, который пишут также тодут и додот. *Кастрен* („Путешествие в Минусинском округе до китайской границы" в „Магазине землеведения и путешествий", 1860, VI, 2, стр. 411) считает его самоедским.

[6]) *Красовский* („Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами ганерального штаба. Область Сибирских киргизов", цитир. по *Аристову*, op. cit., стр. 377—379) называет среди киргиз-казаков Кокчетавского и Атбасарского округов отдел окты.

[7]) В составе Хасутского хошуна косогольских урянхайцев имеется какая-то часть, может быть—кость, которая носит название калиучин (см. выше стр. 10).

[8]) Онгутов *Рашид эд-Дин*, op. cit., стр. 8, не относит к числу монголов, хотя далее (стр. 114) и пишет: „они суть отдельное племя, похожее на монголов". *Арх. Палладий* в примеч. к „Юань-чао-ми-ши" („Труды членов российск. духовн. миссии в Пекине", IV, стр. 171), основываясь на китайских источниках, приписывает им, как потомках шато, тюркское происхождение. Это не совсем так. Согласно „У-дай-ши-цзи" (*Васильев*—„История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века", 1857, стр. 166; см. также *Klaproth*—„Fragmens sur les races et sur les langues

чилун	кыргыз [2])
цогдык [1])	борджигин [3])

de l'ancien et du nouveau continent" в „Mémoires relatifs à l'Asie", II, стр. 4; *Grosier*, примеч. в *de Mailla*—„Histoire génér. de la Chine", IX, стр. 2—3), с татарами ван-гу китайцам пришлось познакомиться лишь в конце танской эпохи, именно в 875 году, когда шатоский князь Ли Кэ-юн призвал их на помощь против бунтовщика Хуан-цзяо. В составе его войска они вступили в пров. Шан-си и затем уже не вернулись на север, а осели между Юнь и Дай в Инь-шань'ских горах; позднее они принимали участие в войнах киданей с Китаем на стороне последнего и, повидимому, настолько перемешались с шато, что китайский писатель XIII века *Мэн-хун* имел некоторое основание приписать да-да ван-гу, т. е. онгутам, шатоское (тюркское) происхождение. Таким образом разрешение вопроса о происхождении онгутов находится в теснейшей связи с разрешением вопроса о происхождении татар. *Мэн-хун* называл их белыми да-да; что это не сочиненное китайцами название, явствует из того, что и *Рашид эд-Дин'у*, op. cit., стр. 51, такой отдел татар был известен, хотя он и не отождествляет их с онгутами.

В настоящее время онгуты представляют совершенно омонголившуюся народность (если только они не были монгольской по происхождению раньше), образующую два хошуна Оннют в составе Джу-уда'ского сейма внутренних монголов.

[1]) Среди урянхайцев, населяющих долину р. Хук, имеется кость джокду; цогдык вероятный вариант этого имени. Хото-гайту приписывают древние могилы и насыпи в Западной Монголии двум народам: киргизам и цогудык.

[2]) Киргизы, как это видно из предшедших страниц, входят в состав всех почти народностей, населяющих ныне Алтайско-Саянское нагорье, где некогда они были господствующим племенем, оправдывая слова следующей, записанной *Майнагашевым* („Отчет по поездке к турецким племенам Минусинского и Ачинского уездов Енисейской губ. летом 1914 года" в „Изв. Русск. Комит. для изуч. Средн. и Вост. Азии", etc., серия II, 1914, № 3, стр. 127), сагайской песни:

„В сорока славных котловинах
Есть-ли котловина,
Где-бы не лежали кости киргиза?
В сорока березах, растущих на хребте,
Есть-ли береза,
Которой не коснулся-бы топор киргиза?"

[3]) О борджигинах у *Рашид эд-Дина*, op. cit., стр. 11, читаем: „Ветвь кыиот борджигин началась с отца Чингис-хана и принадлежит к колену его и отца его". В них нельзя не признать потомков омонголившихся

ОТИПБОРАН

мингыт [1])
кэрдык [2])
тангдут [3])
тос [4])
орхит [5])

Среди этих костей, может быть, только три: чилун, хусэр и цогонут не встречаются среди других народностей, населяющих южную Сибирь и Западную Монголию; из них две первые, согласно легенде [6]), ведут свое происхождение от Эртэ-сайн хун-тайчжи, предка хото-гайту, и таким образом могут считаться коренными в этом народе. Засим, большинство остальных—дартын (?), тотын, халиучин, цогдык, кыргыз, мингат, кэрдык, тангдут и орхит (?), общи хото-гайту и урянхайцам, точнее же—тем племенным группам, которые населяют Алтайско-Саянское нагорье и представляют остатки аборигенов страны—отуреченных енисейцев (т. е. динлинов) и самоедов; к числу динлинских костей, успевших к концу XII столетия совершенно омонголиться, следует отнести и борджигинов-кыиотов; наконец, из остающихся трех костей одна, тос, встречается и у кобдоских ӧлётов, одна, охитын

динлинов; см. т. II, гл. VII, настоящего сочинения. Борджигины—ханская кость, совершенно выродившаяся и, согласно тому, что о борджигинах слышал *Потанин*, op. cit., II, стр. 25, состоящая из потомков лишенных дворянства преступников; в прежнее время все борджигины были тайджи (тэджи); за воровство и другие преступления с них снимали шарики на шапках, т. е. лишали дворянства, и они обращались в простолюдинов кости борджигин; поэтому-то и говорят, что эта кость состоит из худых людей.

[1]) Мингатов, как выше говорилось, нельзя считать омонголенными тюрками; это не менее смешанная народность, чем хото-гайту, к которым она примкнула лишь во второй половине XVIII столетия.

[2]) Среди урянхайцев кость хэрдэк встречается в Хасутском хошуне (*Потанин*, op. cit., IV, стр. 12), в сумуне куль и среди урянхайцев, живущих по р. Термису (хэрэдэк или чердэк). См. выше стр. 10 и 12.

[3]) Среди алтайцев имеется кость танду (*Аристов*, op. cit., стр. 339), которую *Потанин* (op. cit., II, прим., стр. 10) пишет тангду.

[4]) Кость тос встречается и среди кобдоских ӧлётов.

[5]) Орхит, вероятно, вариант имени ирхит, названия кости, которую *Кастрен* (см. выше стр. 9, 10) считает самоедской. Наименование это в русской передаче перешло в ургун из вариантов иргэ, иргэн.

[6]) *Потанин*, op. cit., II, стр. 25.

(если только можно считать это название варьянтом окты), у киргиз-казаков Средней орды и одна, онгут,—татарская.

Что касается их племенного имени, то с ним мы встречаемся уже в „Алтан-тобчи“ и в исторических материалах, легших в основание обширного китайского исследования о монгольских кочевьях („Мэн-гу-ю-му-цзи“), где они названы хо-то-хуй-тэ, т. е. хотохойтами в переводе Попова. Потанин полагает [1]), что это наименование сложилось из двух частей: хото, что могло-бы быть коту—наименованием вымершего в настоящее время динлинского племени коттов, и гайту—названия, также встречающегося в южной Сибири, где Ровинский встретил в области верхнего Енисея, по р. Урее, народность, именовавшую себя хайдутами [2]). Если так, то хото-гайту следует считать одной из коренных народностей Алтайско-Саянского нагорья, в своих передвижениях недалеко уклонившейся от первоначальной родины, где она сложилась в одно этническое целое из осколков первобытных племен, заселявших это нагорье.

---

[1]) Op. cit., II, примеч., стр. 16.

[2]) Среди койбалов имеется также кость, носящая название кайденг или хайды, хайдыпар. *Radde*—„Bericht über Reisen im Süden von Ost-Sibirien“ в „Beiträge zur Kenntniss des Russ. Reiches“, etc., XXIII, стр. 48 (цитир. у Потанина, op. cit., IV, стр. 661) пишет, что часть урянхайцев, живущих в вершинах р. Оки, называет себя хайдутами или сайдутами.

Необходимо иметь в виду также следующие два указания, которые я нахожу у *Потанина* („Тангутско-тибетск. окраина Китая и Центральная Монголия“, II, стр. 273): 1) во главе родословной джунгарских ханов у *Палласа* стоит князь Хото-гайту, прозванный Харахулой; 2) то-же название хото (хуту)-гайту носит гора в Забайкалье (*К. Риттер*—„Землеведение Азии“, „Восточная Сибирь“, вып. I, 1879, пер. П. Семенова, стр. 96). *Риттер* заимствовал это известие у *Клапрота*, который пишет, что 7-ой пограничный столб поставлен был на горе Хуту-гайту, на левом берегу р. Зильтуры, системы Джигды. Согласно разменному письму 27 октября 1727 года, приложенному к Буринскому договору, наименование Хуту-гайту должна была носить не отдельная гора, а хребет, на котором поставлено было два пограничных столба—7-ой и 8-ой:

7-ой на хребте Хутугайту-ола на левом конце.

8-ой—на том же хребте Хутугайту-ола на правом конце Кукун на Ругу (?), на левом конце между Убур Холода реки на вершине.

© ГПНТБ СО РАН

Как говорилось выше [1]), хото-гайту образуют пять хошунов (табын хото-гайту) в составе Дзасакту-хан'овского аймака. Согласно установившемуся во всей Северной Монголии обычаю, их названия менялись со смертью их правителей, что между прочим, видно и из сопоставления их названий в 1914 и 1921 г.г. Менялись не только наименования княжеств, но нередко и их границы, и в этом отношении последние пятьдесят лет не прошли у хото-гайту совершенно бесследно; в общем, однако, все же хото-гайту удалось, повидимому, удержать за собой территорию Саянско-Хангайского нагорья в следующих ее частях:

1) бассейн верхнего течения р. Теса, на запад до поворота этой реки на северо-запад, т. е. до горного мысаДзур [2]), и на юг до хр. Болнай, причем в западной части последнего, там, где хребет решительно переходит в плоскогорие [3]), их кочевья спускаются с него к югу, достигая левого берега р. Ангирты, притока Идэра (Эдера);

2) котловину оз. Сангин-дэлай;

3) бассейн нижнего течения р. Тельгир-морин между меридианом восточной оконечности оз. Сангин-далай и устьем Буксый'я.

Монастыри имеются в каждом хошуне по одному. Самый значительный из них—Вангинский (Вангай хурѣ) в долине р. Теса, на пересыхающем летом горном ручье Цзо-модон, в четырех верстах ниже устья правого притока Теса—Гагыс-хыл-гола [4]); в нем четыре храма и до 600 монахов; он считается лучшим в Западной Монголии по постановке в нем образования и особенно изучения медицины, что привлекает в его стены учеников не только со всей Монголии, но и из сопредельных с последней русских областей Тункинского

[1]) Стр. 264.

[2]) См. т. I, стр. 350.

[3]) См. т. I, стр. 158.

[4]) „Карта области землетрясений 9 и 23 июля н. ст. 1905 г. по с'емкам *А. В. Вознесенского* и *В. Ч. Дорогостайского* с дополнениями по с'емке экспедиции *В. Л. Попова*, изд. И. Акад. Наук. *Потанин*, op. cit., II стр. 78, пишет: ниже устья Шивэртэн-гола.

края и Забайкалья [1]). Большинство зданий в этом монастыре из дерева. Как значительный пункт оседлости, он давно уже привлек к себе торговцев, и близь него мало по малу образовалась торговая слобода, в которой в 1910 году вели крупные операции четыре китайские торговые фирмы и русский купец Котельников. Засим остальные монастыри находятся: на Буксый'е, в уроч. Дулан-тологой на р. Тельгир-морине, на Бугдыгэне, системы Идэра, и в уроч. Номрюк-кутурюк, на левом берегу р. Нарын-гол, впадающей в озеро Тельмин-нор [2]).

Через кочевья хото-гайту пролегали маршруты Потанина, В. Попова, шт.-кап. Михеева, А. В. Вознесенского, Дорогостайского и Майского; в задачи всех этих путешественников, кроме Г. Н. Потанина, не входило исследование края в этнографическом отношении; Майский и Михеев даже не отличают хото-гайту от халхасцев, называя их просто монголами; что касается Потанина, то этот исследователь, который, как я это писал уже в предисловии к первому тому настоящего сочинения, вложил так много труда в изучение Западной Монголии, почему-то совершенно не затронул этнографии хото-гайту, хотя эта народность должна представлять в этом отношении значительный интерес и особенности, отличающие ее от остальных монголов Халхи; на некоторые особенности в их одежде было даже указано выше. Особенно же важно было-бы изучение в этнографическом отношении хошуна, за которым удержалось название Уар-гуни, Вар-гуни, Бар-гуни [3]), по имени вар-хонитов [4]), составляющих его население [5]), о которых я могу повторить здесь лишь то, что мною уже говорилось во

[1]) Шт.-кап. *Михеев* — „Отчет о поездке в северо-западную Монголию и Урянхайскую землю", изд. главн. управл. генер. шт., 1910, СПБ., стр. 16.

[2]) *Потанин*, ibid.

[3]) *Потанин*, op. cit., II, стр. 23. Другое его название (официальное)— Ахай-гун Цэдэн-дорчжи.

[4]) *Потанин*, op. cit., IV, стр. 752.

[5]) На карте Монголии, составл. по данным *И. Я. Коростовца* при участии *В. Л. Котвича* и изд. картогр. зав. А. Ильина, этот хошун носит название Ахай-гуна Цэдэн-дорчжи.

© ГПИБ СОРАН

втором томе [1]): это имя Уар-гуни (Уар-гони) тождественно с тем, которое давала себе некоторая часть обров или аваров—племени, которое, заняв Приазовские степи, затем Кавказ, было призвано отсюда в 558 году императором Юстинианом против славян и таким образом проникло в Европу, где, в Паннонии, и образовало могущественное государство, просуществовавшее до начала IX столетия. Свое наименование они производили от своих родоначальников—ханов Уара и Хуни [2]).

Хото-гайту занимаются хлебопашеством очень мало, чему, может быть, причиной служит сравнительно высокое над уровнем моря положение населяемой ими горной области. Сеют только ячмень, так как пшеница не вызревает. Хлеба не жнут, а выдергивают его с корнями; обмолачивают же общепринятым в Монголии способом—гоняя по разложенным на току снопам скот, чаще всего лошадей. Охота также не является у них распространенным занятием. Промышляют главным образом сурка, мясо которого идет в пищу, а шкурки

[1]) Гл. III, стр. 176.

[2]) См. *Saint-Martin* в прибавл. к IX т. „Histoire du Bas-Empire" par *Lebeau*, Paris, 1829, стр. 361 и 373.

Более полную справку по этому вопросу дает *Н. А. Аристов*, op. cit., стр. 310, у которого читаем: „Авары (вторгшиеся в Европу) могли быть частью тургешей или близким к ним родом, ибо в „Дай-цин-и-тун-чжи" говорится без указания, к сожалению, оснований, что в VII веке китайское правительство именовало земли тургешей (ту-ки-ши) областью у-а-ла („Journal Asiatique", 1846, VIII, стр. 388), что кажется ясною транскрипцией имени авар: могло быть, что в половине VI века, не желая подчиниться туркам, часть тургешей, носившая сама или вместе с остальными тургешскими родами имя авар, укочевала на запад. Не даром же турецкий посол говорил в 568 г. императору Юстину II: „Есть авары, которые еще преданы нам, число же тех, которые от нас убежали, полагаем до двадцати тысяч" („Византийские историки Дексипп" и проч., перевод *Дестуниса*, СПБ., 1861 г., стр. 374). На алтайское, подобно почти всем тюркским племенам, происхождение аваров указывает имя притока Урусула—Уар или Угар. Прибывшие на Дунай в 557 г. авары по *Феофилакту Симокатте* (писал в 582—602 г.г.) принадлежали к племенам огорским, обитавшим к востоку от р. Тил'я (Волги), из которых некоторые носили имя уар-хуни по имени прежних государей Уара и Хуни".

сбываются русским купцам. Как и остальные монголы в бассейне р. Селенги, они осенью производят сбор мякира (Polygonum viviparum) в норах местных полевок [1]), но главным их занятием все же остается скотоводство и коневодство, причем крупный рогатый скот разводят преимущественно в бассейне р. Теса [2]), коневодство же и овцеводство более развиты в бассейне Тельгир-морина [3]).

Экономическое положение хото-гайту шт.-кап. Михеев называет не блестящим; однако, оно много лучше, чем у халхасцев, населяющих южные склоны Хангая, не говоря уже об урянхайцах, в особенности алтайских, и кобдоских ölётах. Среди них встречаются даже богачи, владеющие табунами лошадей в сотни голов. Об'яснение этому приходится искать в их многоземельи, в обилии превосходных пастбищных угодий, может быть, лучших в Западной Монголии [4]), а засим и в том обстоятельстве, что их кочевья находятся в стороне от торных путей, что устраняло в прежнее время [5]) необходимость нести значительные расходы по содержанию почтовых станций; так же мало могла считаться обременительной и другая их государственная повинность, ложившаяся на все пять их хошунов и ныне также отпавшая—содержание военнообязанных на пикете Агыр [6]).

[1]) См. т. I, стр. 504—505.

[2]) В том числе и сарлыков; последних, впрочем, разводят в неменьшем количестве и в восточных хошунах.

[3]) Хото-гайту имеют также и верблюдов, но держат их в весьма небольшом числе.

[4]) Зимы хотя здесь и суровы, но весьма малоснежны, благодаря чему хото-гайту не ощущают особого недостатка в зимних пастбищах; что касается летних, то уже одно отсутствие на них язвы Саян, так называемого в Сибири „гнуса", дает им огромное преимущество перед луговыми пространствами в бассейне Енисея; но это преимущество не единственное; не меньшее значение для успешного скотоводства имеют: преобладание луговых степей над лугами, обилие солонцов, вообще солонцеватая почва, обилие чистых проточных вод и прохладный воздух; все это вмещает в себе горная территория, занятая кочевьями хото-гайту.

[5]) Т. е. до 1911 года.

[6]) Статистические данные, приводимые *И. Майским* в его книге „Современная Монголия", как это будет видно из дальнейшего (см. главу VII), не подтверждают, однако, вышеизложенного.

ОТПЕЧАТОК

Этим ограничивается все то, что мы знаем о хото-гайту.

Перехожу к следующей, также не монгольской народности, населяющей Западную Монголию,—хотонам, о которых мне приходилось упоминать уже выше [1]), говоря о дёрбётах, среди которых они образуют сумын в составе хошуна хошой-цинь-вана, с 1912 г. зорикту-хана.

Это указание принадлежит Б. Я. Владимирцову [2]). Потанин не пишет того же. Мне также было сообщено, что среди дёрбётов они занимают совершенно особое положение и, как крепостные князя (болчуты), обязанные службой лично ему, а не государству, воинской повинности не несут и сумуна (эскадрона) не образуют, хотя управляющий ими чиновник, назначаемый князем, и носит название цзангина.

Владимирцов же высказывает предположение, что хотоны приведены были в котловину оз. Усуа-нора предком зорикту-хана Цэрэном-Убаши, но тут же, однако, пишет [3]): нам совершенно неизвестно, когда и при каких обстоятельствах хотоны попали в Кобдоский округ с.-з. Монголии; неизвестно также, жили-ли они среди ойратов в Джунгарии или нет, а равно, были-ли прежде оседлым племенем или такими же, как теперь, кочевниками; наконец, мы не имеем данных, чтобы приурочить их к какому-либо из турецких племен, да и самое имя хотон, как они себя называют, и как их называют монголы, не дает нам ничего [4]).

Выше я имел уже случай высказаться за то, что хотоны могли быть выведены из котловины Шаргин-цаган-нор, где в начале XVIII столетия существовала земледельческая колония [5]) — гипотеза, подтверждающаяся их преданием о приходе их в Улан-гом из местности Буку-дере. Но если так, то что же засим поставило их в крепостную зависимость

---

[1]) Стр. 213.

[2]) „Турецкий народец хотоны“ в „Зап. вост. отд. И. Русск. Археолог. Общества“, 1916, XXIII, стр. 266.

[3]) Стр. 265.

[4]) Справку о наименовании хотон, см. выше стр. 200—201.

[5]) Стр. 212—213.

от дёрбётского князя? — вопрос тем более уместный, что история не дает нам повода противопоставлять этой гипотезе другую, считающую их потомками уведенных Цэрэном-Убаши в плен и засим водворенных в Улан-гоме частей различных турецких народностей, населявших ближайшие к Джунгарии местности Средней Азии, так как в своих поисках лучших кочевий этот князь не выходил за пределы Алтая и равным образом не участвовал в каких-либо карательных экспедициях против турецких племен, к чему, впрочем, и повода не было, так как за весь почти бурный период конца XVII и первой половины XVIII столетий эти племена держали себя спокойными зрителями маньчжурско-ойратской борьбы; особенно же неправдоподобно предположение о набегах иртышских дёрбётов на территорию Восточного Туркестана. Иное дело образование культурных участков в Западной Монголии в государственных целях; и Галдан и маньчжурское правительство выполняли эту задачу, рекрутируя поселенцев в Притяньшаньских землях, и хотя при этом без насилий не обходилось, но это был не плен, не закрепощение народа одному лицу; очевидно, что в данном случае мы сталкиваемся с исключительным даже в Монголии явлением, так как во всей этой стране мы не встречаем другой народности, кроме дархатов (и других шабинаров), которая находилась-бы в условиях, напоминающих те, какие существуют между хотонами и князем.

Сами себя хотоны считают народностью, родственной киргизам и народу Кункер-хана, т. е. туркам, и языковые данные, пишет А. Самойлович [1]), несмотря на свое несовершенство, в связи с данными о верованиях дают действительно некоторое право считать их потомками восточно-туркестанцев и кара-киргизов.

Потанину удалось записать названия следующих семи их родов [2]):

---

[1]) „Турецкий народец хотоны“ в „Зап. Вост. отд. И. Русск. Археолог. Общества“, 1916, XXIII, стр. 280.

[2]) Op. cit., II, стр. 16.

© ГПИБ СОРАН

аджу-хурмян	удзюбук
яс	касыль
ильбя	джуппар
бурут	

Владимирцову же [1]) названы были роды (имена родоначальников):

худай-берды	ӧзбёк
шава	хасн
нилва	цӧс
шалбак	

Столь различные показания следует, очевидно, приписать тому обстоятельству, что у хотонов род успел уже утратить свое первоначальное значение; они стали забываться, и на вопросы Владимирцова и Потанина каждый называл лишь те, которые удержал в своей памяти, причем цыфре семь в обоих случаях следует приписать лишь случайное значение.

Эти роды, конечно, не выражают всего состава хотонской народности, в особенности же в том случае, если в нее вошли выходцы из Восточного Туркестана, откуда последними могли быть вынесены не родовые названия, а лишь названия по месту первоначального жительства; тем не менее, они до некоторой степени подтверждают предположение о видной роли среди хотонов киргизского элемента, так как роды аджу-хурмян [2]), джуппар [3]) и худай-берды [4]) встречаются среди

[1]) Op. cit., стр. 267.

[2]) Аджу-хурмян в кара-киргизском произношении должно звучать ацы-курман (*А. Самойлович*, op. cit., стр. 281). С наименованием курман мы встречаемся среди киреев-череучи (*Аристов*, op. cit., стр. 354) и других их колен (*Аристов*, op. cit., стр. 366, 376, 379), адбанов, населяющих долину Или и входящих в состав киргиз-казаков Большой орды (*Аристов*, op. cit., стр. 352) и маскаров—одного из родов киргиз-казаков Малой орды, среди которых курман образует одно из его отделений.

Что касается ацы, то нельзя-ли видеть в этом наименовании лишь варьянт аучи—имени одного из узбекских родов?

[3]) Джуппар в форме джапар встречается как название отделения одного из родов аргынов—момунов, населяющих Еремскую волость в Акмолинском уезде (*Аристов*, op. cit., стр. 366),

[4]) С наименованием худай-берды мы встречаемся в Кокчетавском округе, где так называется одна из киргиз-казачьих волостей, населенная

киргиз-казаков Средней и Малой орды, буруты же – кара-киргизы. Род ӧзбӧк (узбек) указывает на выходцев из нынешнего Русского Туркестана. Самым же неожиданным среди хотонских родов является род яс [1]), который не встречается уже нигде более в Средней Азии, но в котором следует видеть остаток подвижной аланской народности, вольно, а отчасти невольно раскидавшейся своими частями на громадном пространстве от Пекинской равнины до Карпатских гор. Засим об остальных родах: ильбя, удзюбук, касыль, шава, нилва, шалбак, хасн и цӧс я не мог собрать в известной мне литературе каких-либо данных [2]).

Хотоны, численность коих доходит до 400 дымов [3]), зимуют и летуют в бассейне рек Шибэ и Бургуста, на осень же и весну переходят в котловину оз. Усуа-нор, где имеют обширные пашни по реке Тэли.

Своей наружностью хотоны сильно отличаются даже от дӧрбётов и урянхайцев, храня чисто арийскую внешность;

родами кочкулы, ураз, андагул, джумук, джантели и акмалыч (*Аристов*, op. cit., стр. 376).

[1]) *В. Рубрук* [см. *Палладий, Бретшнейдер* и *Руварц*—„Русь и Асы в Китае, на Балканском полуострове, в Румынии и Угорщине (в XIII—XIV в.)“ в „Жив. Стар.“, 1894, вып. I, стр. 70] пишет: „Habebamus autem ad meridiem montes maximos, in quibus habitant, in lateribus versus solitudinem illam, Cherkis et Alani, sive Aas, qui sunt christiani“, etc. У него же несколько выше читаем: „In vigilia Pentecostes venerunt ad nos quidam Alani, qui ibi dicuntur Aas“, etc. Засим, в русских летописях упоминаются ясы, и что ясы—то же, что аланы. Эти свидетельства устанавливают, что уже в XIII в. существовало наименование яс или ас.

[2]) Впрочем о двух из этих имен можно сказать следующее:

Как родовое название цӧс, если только это не варьянт имени тос (см. выше стр. 268), среди народностей Средней Азии мне не встречалось, но как географическое мы находим его на картах Монголии; см. например, местность Цос на территории мингатского хошуна (*Потанин*, op. cit., I, стр. 312); р. Цосу в системе Термиса (*Потанин*, op. cit., III, стр. 149; т. I наст. соч., стр. 380) и т. д.

Шава может быть единственным числом от шабат—названия одной из алтайских костей. Конечная буква *т*—для обозначения множественного числа встречается в орхонских надписях.

[3]) *Владимирцов*, op. cit., стр. 267; *Майский*—„Современная Монголия“, Иркутск, 1921, стр. 20, дает цифру 1.500 чел.

СПНТБ СОБРАН

среди них встречается даже не мало бородачей—тип редкий среди киреев и даже кара-киргизов, хотя браки последних с уроженками Русского и Восточного Туркестанов не представляют исключительного явления.

Хотоны, как общее правило, женятся на хотонках же, выбирая их из не состоящих с ними в родстве [1]); женитьба же на монголках хотя и не возбраняется их обычаями, но случается среди них очень редко.

Они живут в юртах общемонгольского типа, причем, по отзыву Владимирцова, содержатся они у них до невозможности грязно, много хуже, чем у дёрбётов, которые также особой опрятностью похвалиться не могут. Хотоны—магометане, которые обычно держат и себя и свои жилища чище буддистов, в виду чего эта их бытовая особенность должна быть особо отмеченной.

Их мужчины одеваются как дёрбёты, и только их головной убор отличается несколько от дёрбётского. Именно, верх их шапки сшивается из четырех треугольных клиньев, сходящихся своими верхними углами на середине, благодаря чему он имеет четырехугольную плоскую форму; засим он не снабжается плоским кружком и шишкой из красного жгутика—особенность, которая сразу же отличает хотонскую шапку не только от дёрбётской, но и от всякой иной монгольской [2]). У их мулл этот верх шьется обыкновенно из красной материи [3]).

Голову хотоны бреют, женщины же их носят особую прическу: девушки заплетают одну косу, к которой подвязываются особые украшения (бёдок), состоящие из пряжек с несколькими, по большей части пятью, нитями из бус (тобчи), спереди же отпускают набольшие косички (шанхак), как и дёрбётские девушки; женщины заплетают свои волосы в две косы, которые спускаются не на грудь, а на спину, и соединяются вместе при помощи чичибака—украшения,

[1]) *Владимирцов*, ibid.
[2]) *Потанин*, op. cit., II, стр. 16.
[3]) *Владимирцов*, ibid.

состоящего из двух частей: верхней, имеющей вид тесьмы, которая делается из красной материи, и концы которой сшиваются вместе так, что образуется глухая петля, продеваемая между связанными косами, как продевается звено у цепи, причем фальшивый узел, которым она как-бы закреплена, приходится снаружи и играет роль узора; и нижней—кисти, подшиваемой к петле и образуемой двумя четырехугольными простеганными кусочками материи, нижние свободные концы которых украшены двойной бахромкой из нитей синих и белых бус. Иногда хотонки, в подражание дёрбёткам, спускают на грудь особые чехлы для двух кос (дукту), но они остаются у них пустыми.

Одежда хотонок представляет еще одну особенность, отмечаемую Владимирцовым [1]): их верхняя безрукавка, т. е. цегедэк, еще короче, чем у мингаток и хотогойтских женщин, и едва прикрывает пояс.

В своем убранстве юрты хотонов не отличаются от дёрбётских; вся утварь—та-же [2]), и только в ящике (хачан), стоящем против дверей, в котором у дёрбёта хранятся бурханы, у хотона лежит лядунка (хумар) с маленькой арабской книжкой, содержащей обычно первую суру корана, завернутой, согласно обычаю, заимствованному у соседей, в щелковый шарф—хадак; действительно, монголы ламаиты постоянно завертывают свои священные книги в хадаки [3]). Этот хачан и хумар с арабской книжкой являются главными предметами поклонения в юрте. Перед хачаном ставятся маленькие чашечки (чаще всего две), и перед тем, как начать разливать чай, хозяйка юрты никогда не забывает наливать в них с молитвенным поклоном по несколько капель этого чая. Затем она брызгает чаем в дымовое отверстие юрты, что делается уже в честь владыки земли—делькэн-хана, в огонь—в честь хозяина огня—галин-эзн и опять в сторону хачана.

Уже из этого видно, что хотоны—магометане только по имени: забыли-ли они „веру предков“, как думает Г. Н.

[1]) Op. cit., стр. 267.
[2]) *Потанин*, ibid.
[3]) *Владимирцов*, op. cit., стр. 270.

© ГПБ СО РАН

Потанин [1]), или явились в котловину Усуа-нора лишь внешним образом ее воспринявшими—вопрос, который, вероятно, навсегда останется открытым. Последнее, однако, вероятнее, если считать их в главной массе выходцами из области Прибалхашских степей и Тянь-шаня, так как нельзя не считаться с тем фактом, что даже и в настоящее время в киргизском народе ислам отражается чисто внешним образом: строго наблюдаются лишь обрезание, бритье волос, подстригание усов, но посты и ежедневные молитвы большинством не соблюдаются, как не соблюдается и омовение, заменяемое иногда сухими вытираниями, и т. д.

Теперешняя религия хотонов является странным смешением шаманства и мусульманских и ламайских напластываний. Коран известен им только по имени; из него цитируются лишь немногие тексты и то, вероятно, в сильно искаженном виде, так как по незнанию арабской грамоты и неимению книг они читаются по памяти уже несколькими поколениями мулл. Имя пророка Магомета, пишет Потанин [2]), даже их муллам было мало известно, и на мой вопрос одному такому мулле, кто у них был пророком, он назвал какого-то Ольджа-пейгамбара, а на имя Магомета я мог его навести, только напомнив ему молитву: „ля ил ля иль Аллах“.

Бога хотоны называют персидским словом Худай, но далеко не все имеют о нем такое же представление, как мусульмане об Аллахе [3]). Для большинства хотонов Худай один из добрых духов. После Худай'я хотоны чтут Хан-ходжу и Мöм-перлэра; трудно сказать, какой именно ходжа почитается теперь под именем Хан-ходжи [4]), равным же образом не поддается об'яснению и имя Мöм-перлэра.

---

[1]) Op. cit., II, стр. 17.

[2]) Ibid.

[3]) *Владимирцов*, op. cit.. стр. 269.

[4]) *Владимирцов*, ibid. Если относить переселение хотонов в Западную Монголию к эпохе Галдана, то всего вероятнее, что так величался Апак-ходжа—глава белогорской партии и одно время светский правитель Кашгарии (см. т. II, гл. X).

Из шаманских божеств хотоны чтут в особенности владыку или хозяина земли, которого называют монгольским именем—Делькэн-ханом [1]); чтут также гениев, владык гор, рек и озер, которых называют сабдак, сабдак-шибдак [2]), причем нередко гений — хозяин какой-нибудь местности отождествляется с самой местностью; так, например, хотоны чтут Алтайские горы, Хангай, реки Харкра и Тэли. Засим они чтут также гения—покровителя их кочевий, владыку земельных и водных угодий их родины, называемого ими по турецки—Йер-сув (земля-вода)—именем, которое упоминается и в орхонских надписях [3]).

Мулл (мол, молдо) у хотонов довольно много; они пользуются уважением в народе, но, как кажется, их не окружают таким благоговением, каким окружают монголы своих лам. Как говорилось уже выше, арабского языка никто из них уже не знает, и в законах религии они наставляют своих учеников устным путем, заставляя их со своих слов заучивать молитвы и тексты из Корана. Тем не менее можно думать, что еще в середине прошлого столетия среди хотонов находились лица, умевшие читать и, может быть, даже понимавшие арабский язык [4]); да и теперь еще попадаются муллы, знающие названия нескольких букв арабского алфавита. Муллы не только читают наизусть тексты из Корана, но и молитвы, обращаемые к сабдакам. В честь Йер-сув'а они приносят также жертвы, чаще всего барана, которому при этом отсекают голову. Его шкура вешается, по окончании же обряда посту-

---

[1]) *Владимирцов*, ibid. В ламайском пантеоне ему сооответствует делкāн еʒц̥ Цаɣāн öwгц̥.

[2]) Слово это монгольское, заимствованное монголами в свою очередь у тибетцев.

[3]) *Владимирцов*, ibid. Божество Йер-сув чтится и у алтайских племен (см. *Мелиоранский*—„Об орхонских и енисейских надгробных памятниках с надписями“ в „Журн. мин. нар. просв.“, 1898, VI, стр. 265—266).

[4]) Еще в конце семидесятых годов прошлого столетия среди хотонских мул были люди, знавшие арабскую грамоту, так как *Потанин*, op. cit., II, стр. 17, находил возможным писать, что среди них почти нет знающих эту грамоту.

© ГПНТБ СО РАН

пает в собственность муллы. В честь гениев гор хотоны устраивают обо, но составляют их из камней несколько иначе, чем монголы, и муллы совершают обряд жертвоприношения этим обо, причем жгут на них голову и кости барана и окропляют их кровью последнего [1]).

Когда хотон умирает, то перед его головой ставят свечу и приглашают муллу. Последний читает над покойником соответственные тексты из Корана и молитвы, которые должны отправить его душу (сунсон) в радостную область—Шамбол [2]), лежащую на дальнем западе. О судьбе, постигающей души грешников, хотоны, повидимому, не имеют ясного представления, и на соответственный вопрос Владимирцову приходилось довольствоваться ответом, что мулла, конечно, не отправит душу такого человека в Шамбол.

Хоронят своих покойников хотоны всегда на особых кладбищах (кур), причем тело, лицом обращенное на запад, кладут на правый бок, над могилами же устраивают небольшие курганы из земли или камней, иногда же ставят часовенки, называемые цаца [3]). На могиле приносят в жертву барана и жгут на огне особое печение—борцок'и.

Хотонские кладбища находятся в горах, в вершине р. Тэли, и в низовьях этой реки, на пашнях, около хлебных и других складов (сурум) [4]). На этих же кладбищах устроены и обо.

---

[1]) *Владимирцов*, op. cit., стр. 271.

[2]) Понятие об области Шамбол заимствовано хотонами у монголов, среди которых легенды о буддийской радостной стране (санскр. Çambhala, тиб. Шамбха-ла) очень распространены. *Владимирцов* высказывает впрочем предположение, что, может быть, у хотонов понятие о рае Шамбол сложилось под влиянием рассказов о столице кункер-хана — Стамбуле (Самбуле).

[3]) Кур и цаца—слова монгольские (*Владимирцов*, ibid.).

Потанин хотонского кладбища не посещал, со слов же своих спутников он пишет, что хотоны над могилами ставят деревянные срубы, внутри которых делаются полки, на которых затем и раскладываются рядами каменья (op. cit., II, стр. 18).

[4]) *Владимирцов*, ibid; *Потанин* же, ibid., пишет, что общее их кладбище находится около Улан-гом'ского ламайского монастыря.

На свадьбах муллы говорят тексты из Корана и благопожелания перед началом обрядов свадебного действа, которые в общем не отличаются от дёрбётских [1]); только родители как жениха, так и невесты, высказывают свои благопожелания на хотонском языке.

Знание первой суры Корана распространено и среди простого народа, который называет ее по начальному слову аль-хам и уверен, что говорит ее на старом „хотонском" языке. Это лучшее доказательство, насколько полно забыли они свой родной язык.

Хотоны одновременно и земледельцы и скотоводы. Весной, после перекочевки на систему р. Тэли, происходит дележ земельных участков; количество земли, получаемое при этом каждым семейством, зависит от количества мешков зерна, которым к этому времени оно располагает для посева. Хотоны слывут за лучших земледельцев Западной Монголии, но их приемы обработки земли также, как и употребляемые ими орудия, не более совершенны, чем у их соседей—баитов и дёрбётов [2]). Их земельная повинность князю в семидесятых годах прошлого столетия выражалась в количестве 400 мешков (утов) смолотой пшеницы [3]); возросла-ли она с тех пор или осталась прежней, сведений мы не имеем. Равным образом неизвестно, ни в каком состоянии находится их скотоводческое хозяйство [4]), ни каково вообще экономическое их положение, ни, наконец, в чем выражаются остальные их повинности князю (алба), повидимому, значительные, так как вызывают горькие их сетования на то, что под их тяжестью они не в силах разбогатеть. У нас, жаловались они Владимирцову, все „с'едают" поставленные над нами чиновники- дёр-

---

[1]) *Владимирцов*, ibid.

К сожалению, этот исследователь кобдоских дёрбётов до настоящего времени еще не описал дёрбётских обрядов свадебного действа, в виду чего это его указание утрачивает значительную долю своего значения.

[2]) *Владимирцов*, op. cit., стр. 267.

[3]) *Потанин*, op. cit., II, стр. 15.

[4]) Известно лишь, что лошадей у них мало, сарлыков (сарланов) же они и совсем не разводят.

© ГНИГБ СОРАН

бёты. Они берут с нас в пользу нойона хлеб, баранов, скот, шкуры, шерсть, даже серебро; сверх того мы же обязаны выставлять людей для исполнения разного рода работ при княжеском ӧргӧ в Улан-гоме и на его мельницах; должны пасти его скот, его лошадей. Да, повинностей у нас много!

Впрочем, как личные подданные князя, его рабы, не только имуществом, но и жизнью коих последний в праве располагать, не давая никому отчета, хотоны не несут одновременно и государственных повинностей [1]).

В их жизненном укладе не наблюдается в настоящее время таких особенностей, которые отличали-бы их от дӧрбётов и баитов; забыв свои, они переняли у этих народностей даже такие обычаи, как обыкновение обмениваться в известных случаях хадаками.

Этим ограничивается все то, что мы знаем об этой небольшой народности, населяющей Западную Монголию.

---

[1]) *Владимирцов*, op. cit., стр. 268 и 269.

ГЛАВА VI.

Народности, населяющие Западную Монголию.

Халхасцы.

В Западной Монголии, т. е. на той территории, какая принята была мною для этого весьма неопределенного географического термина [1]), халхасцы составляют господствующий элемент населения к востоку от Гобийского Алтая и к югу от больших ее озер и рек Кунгуя и Идэра. В этой ее части, на восток до меридиана озера Косогола, они образуют 14 из 19 княжеств (хошунов) [2]) и одно шаби [3]), об'единенных в ханство (аймак) Дзасакту-хан, и 11 княжеств и 4 шаби из состава Сайн-ноин'овского аймака.

Я уже имел случай заметить, что халхасцы успели забыть свой родовой состав [4]) и что княжества называются в Западной Монголии по именам и титулам их правителей: с их смертью

---

[1]) См. т. I, стр. 1. Кстати исправляю свою ошибку: вместо Сайн-нойоновского аймака следует читать—Сайн-ноиновский. В эту ошибку я был введен *Г. Н. Потаниным* (op. cit., II, стр. 25) и картой Генерального Штаба.

[2]) Население остальных пяти, как писалось выше, стр. 264, составляют хото-гайту.

[3]) Так называются владения духовных особ, пользующихся всеми правами дзасаков.

[4]) Это утверждают все исследователи Халхи, не исключая последнего из них—*Майского*, op. cit., стр. 24. Однако в этом можно и сомневаться. Так, у *Потанина*—„Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия“, I, стр. 103, сноска 2, читаем: „Халхасцы не помнят имен своих родов...; впрочем от одного халхасца из хошуна Далай-Чокур-вана я записал следующий список будто-бы существующих в этом хошуне

© ГПНТБ СО РАН

меняются и названия княжеств. Это правило создает очень большие неудобства и дает поводы к ошибкам иследователей [1]), тем более возможным, что у монголов вошло в обычай называть не все имя правителя, а лишь первый слог его имени; так, например, бэйсэ Сансарай-дорджи именовался Сан-бэйсэ [2]). Только за немногими княжествами установилось постоянное наименование, но к числу таковых в пределах Западной Монголии может быть отнесен лишь удел Дзасакту-хан. Ниже я привожу параллельно названия этих уделов по переписи их,

---

костей (омок): хаткэй, уранхыт, тынгытут, олютут, барынут, солонут, олгнут, атучин (ар-сару-атучин, убур-сару-атучин), харят, бурят, чаган-герют, хара-герют, кольвачин и шöданур". Оказались омоки и в хошуне Кэшиктэн южных монголов. Засим, несколько неожиданным после того, что писал *Майский*, является одно из приложений к его книге (стр. 12 прилож.), представляющее переведенный с монгольского документ: „ведомость о количестве населения и скота в духовном ведомстве автономной Монголии", где в первой рубрике сказано: „название родов (отоков) и управляющих ими старшин". Среди этих родов (?), наряду с названиями географическими, каковы керулунский, гобийский, орхонский и т. д., и личными — зорикту цинь-вана, тайджи 2-ой степени Анандавачира, ноин-ламы и проч., мы встречаемся и с такими, как торгоут, хуяк (хояк, хуюк среди урянхайцев, куяклы среди узбеков), тарячин (тарачин), сеоен(г), угет (древн. угэ или уху среди уйгуров), эрхэтэн (эркэтын среди джунгар и астраханских дöрбётов), бага- и ихэ-барга, харчин (хархын?), табунен (?) (табунай среди киргиз-казаков Малой орды), долот (царский род дуло среди болгар) и т. д., которые являются действительно родовыми. О сохранившемся в шабинском ведомстве делении халхасцев на отоки писал, впрочем, еще *Шишмарев* („Сведения о Халхаских владениях" в „Зап. Сиб. отд. И. Русск. Геогр. Общ.", 1864, VII, стр. 71). *А. Болобан* („Монголия в ее современном торгово-экономическом отношении", 1914, стр. 8) пишет, что деление на отоки удержалось еще до настоящего времени в хошунах, причем эти отоки состоят обыкновенно всего лишь из нескольких семейств.

[1]) Достаточно сравнить наименования хошунов на географической карте, приложенной к вып. I „Очерк. сев.-зап. Монголии" *Г. Н. Потанина*, с современными, чтобы понять, что, не выполни этот исследователь Монголии своей замечательной работы — нанесения на карту, тогда весьма несовершенную, границ этих хошунов, и мы поставлены были-бы в настоящее время уже в невозможность определить в некоторых случаях, о какой части халхаской народности он ведет свою речь.

[2]) *Вл. Котвич* — „Краткий обзор истории и современного политического положения Монголии", стр. 18.

составленной И. Я. Коростовцом в 1911 году [1]) и исправленной Вл. Л. Котвичем по сведениям до 1917 года [2]), и по списку, относящемуся к позднейшему времени и опубликованному И. Майским в его книге — „Современная Монголия", изданной в 1921 году [3]).

Дзасакту-хан

1917.	1921.
Ачиту-бэйсэ Гонджик-дамба	Ачиту-ван Бичуку-дамба
Цэцэн-бэйсэ Джалцан-гомбо-цэдэн	Цэцэн-ван
Бэйлэ Наван-цэрэн	Зорикту-ван
Батор-бэйсэ Базар-бани	Батор-ван
Бэйсэ Дамдин-сурун	Уйдзин (Уйцзан?) туше-гун
Эрдэни-бэйсэ Суксурун	Эрдэни-бэйсэ
Дзасак Цэрэн-чакдор-джаб	Судзикту туше-гун
Туше-гун Мани-бадара	Дархан-бэйсэ
Бэйлэ Джалчин-гамбо-дорджи	Дайчин-ван

---

[1]) „Карта Монголии", изд. картогр. зав. Ильина в 1914 г.

[2]) Рукописная карта, любезно предоставленная мне ее составителем для использования.

[3]) С некоторыми поправками в транскрипции монгольских имен.

Можно пожалеть, что *Майский* уделил так мало внимания согласованию наименований хошунов на картах, приложенных им к своей книге и приписанных им совершенно неправильно *И. Я. Коростовцу* и *Вл. Л. Котвичу*, с наименованиями тех же хошунов в статистических ведомостях, служащих наиболее ценной частью его труда, причем различия проявляются не только в титулах правителей хошунов, но и в наименованиях этих правителей. Имеются и пропуски. Так, в Сайн-ноин'овском аймаке приходится отметить следующие ошибки:

карта	приложение 5-е: население:
Эрдени Чи Ван	Эрдени Ван
Ахай Бейсе	Ахай Бейле
Утгемчиту Бейсе	Итгемчиту Бейсе
(удел ошибочно отнесен к аймаку Дзасакту-хан).	
Эсту Бейле	Эсту Бейсе
Цоктой Тюше-гун	Цоктой Гун
Эрхе Бейсе	Эрхе Гун

и т. д.

ОНТИБ СОРАН

Дзасакту-хан	Дзасакту-хан [1])
Дзасак Мичик-дорджи	Эсту (Йэсту?)-бэйсэ
Гун Гомбо-сурун	Ильдэн туше-гун
Бэйлэ Джалчин-далай (Юндун-бэйсэ)	Джонон-ван
Джасак Туддун-дорджи	Баширельту-дзасак
(Шаби) Илагугсан-хутухта [2])	(Шаби) Илагугсан-хутухта

Сайн-ноин

Ван Гургум-джаб	Дайчин-ван
Гун Балби-бу	Дархан-гун
Туше-гун Даши-дорджи	Цоктой (Цокту?) туше-гун
Эрдэни-ван [3])	Эрдэни цинь-ван
Туше-гун Пурбу-джаб	Джонон-бэйлэ
Хошучи-бэйсэ Дугар-чжаб	Хошучи-бэйсэ
Гун Бирва-ракча	Батор-бэйсэ
Далай Чойнхор ван Цэдэн-соном	Далай Чойнхор цинь-ван
Гун Даик-чжялбо	Эйтэй(?)-гун [4])

Засим, на карте в пределах того же аймака мы не находим уделов:

Ачиту Гун
Эсте Дзасык
Эрдени Мерген хутухта
Нарбанчин хутухта.

Взамен же обозначены:

Эйтей Гун
удел без названия
Докшин ноин хутухта.

При таких условиях пользоваться трудом *П. Майского* приходится с большой осторожностью. Эти погрешности нигде не оговорены.

[1]) На территории этого хошуна совместно с подданными Дзасакту-хана кочуют и шабинары Номун-хан-хутухты.

[2]) Шаби этого хутухты находится к северо-западу от г. Улясутая. На карте *И. Я. Коростовца* и *Вл. Л. Котвича* восточная граница Дзасакту-хановского аймака в этом участке проведена не вполне точно: она должна быть отнесена к востоку и проходить в недальнем расстоянии от г. Улясутая.

[3]) На карте *И. Я. Коростовца* и *Вл. Л. Котвича* — хошун Ван-Джамьян-дорджи.

[4]) Вероятно, тот же хошун, который в статистических ведомостях, приложенных к книге *И. Майского*, носит название Ачиту-гун. См. выше сноску 3 страницы 287.

Мэргэн-гун [1])	Мэргэн-гун
Ван Наянту	Цэцэн цинь-ван
(Шаби) Хамбо-хутухта [2])	Хамбо Номун-хан
Нару-банчен-хутухта	Нару-банчэн-хутухта
Чин-судзикту номун-ван (хан-лама)	Чин-судзикту Номун-хан
(Шаби) Ширету-хутухта [3])	(Шаби) Ширету-хутухта

Утрата халхасцами родовых связей до почти полного забвения родовых имен могла явиться последствием того политического устройства страны, которое она получила в XVII столетии, хотя начало ему и положено было не маньчжурами, а преемником Даян-хана, его младшим сыном Гэрэсэнцзэ, разделившим всю Северную Монголию на уделы [4]).

Из политических видов маньчжурское правительство довело дробление Халхи на уделы до предела, который перестал уже отвечать государственным интересам [5]), вызвав в ней такое обнищание народных масс, которое в дальнейшем грозило совершенно подорвать платежные рессурсы страны; одновременно же, вследствие лишения ханов их прежней власти контроля над действиями князей, народ перешел под ближайшее управление лиц, получивших над ним неограниченные права, т. е. стал в положение, близкое к крепостному, позволившее князьям не считаться с родовыми традициями [6]): роды стали дробиться, их части поступали в различные уделы, отдавались в услужение, в приданое за дочерьми, приписы-

---

[1]) На карте *И. Я. Коростовца* и *Вл. Л. Котвича* хошун Гун Мунхэ-очир.

[2]) Шаби находится к северу от г. Улясутая; оно было выделено из земель частью хошуна гуна Бирва-ракча, ныне Батор-бэйсэ, частью улясутайских в самое последнее время.

[3]) Ширету-хутухта проявился весьма недавно. Шаби выделено из земель хошуна вана Наянту (ныне Цэцэн цинь-вана).

[4]) См. т. II, гл. IX.

[5]) См. т. II, гл. XI.

[6]) Совершенно ошибочно, как это делают некоторые писатели (*А. М. Позднеев* и друг.), называть князей—правителей хошунов родовой знатью. Князья Халхи ведут свое происхождение от Чингис-хана, хошуны же всегда были только административными единицами, уделами, и если первоначально и заключали в своем составе отдельные племена и роды, то засим, с их последовательным дроблением, должны были дробиться и эти племена и роды.

© ГПНТБ СО РАН

вались на основании дарственных записей к монастырям и в конце концов исчезали. Особое при этом значение получило узаконенное маньчжурским правительством право князей выделять из состава народа определенное число семейств в услужение своим сыновьям и в приданое за дочерьми, причем такие семьи закреплялись за нисходящим потомством княжичей навсегда [1]). Из этого-то элемента сложился в Халхе тот класс населения, за которым утвердилось название хамджилга и который Майский вслед за Болобаном [2]) называет крепостным сословием. К этому элементу в прежние времена примыкали и военнопленные, но ныне выделить потомков этих последних уже не представляется возможным, так тесно слились они с столь же бесправными, как они, хамджилга [3]). В некоторых хошунах хамджилга составляют в настоящее время преобладающую массу их населения, как

[1]) По закону тайджи первой степени (младшие сыновья и братья князей I степени) имеют право на наделение их прислугой в количестве 12 семейств, второй степени (сыновья княжен I кл., сыновья и братья князей II и III степеней)—8, третьей (сыновья княжен II кл., сыновья и братья бэйсэ)—4; тайджи четвертой степени (прочие родственники князей всех степеней) прислугой не наделяются; что касается прав владетельных князей на выдел людей в приданое за своими дочерьми, то они предусматриваются ст. 20 отд. II „Монгольского уложения", причем этой статьей вводится то ограничение, что в означенный выдел могут назначаться лишь те семьи, главы коих не числятся среди военнообязанных.

[2]) „Монголия в ее современном торгово-экономическом отношении", Петроград, 1914, стр. 49.

[3]) Кроме этих элементов в состав хамджилга должны были входить как семейства княжеских данников в том числе, на которое штрафовались князья в пользу ими обиженных лиц дворянского сословия, так и семьи казненных преступников, отдававшиеся „в вечное рабство" потерпевшим. Так, в ст. 14 отд. II „Монгольского уложения" говорится: „Если невладетельный князь, тайджи или табунан (зять князя) сговорят невесту, а между тем другой князь или тайджи или табунан возьмут ее за себя, то и взявшего и выдавшего, если то князья I и II степени, штрафовать десятью семействами, бэйлэ, бэйсэ и гуна—семью семействами, тайджи и табунана—пятью семействами и сие число семейств дозволяется потерпевшему взять по выбору"... Засим в ст. 1, отд. VI, сказано: „Если при грабеже поранят человека и возьмут его вещи, то и зачинщику и участникам отсечь головы, а семейства их, скот и имущество, описав, отдать обиженному". Анало

это показывают следующие цифры мужского населения Халхи, заимствованные мною из книги И. Майского.

Аймак Дзасакту-хан

Хошуны:	Дворян [1]):	%	Простого народа (хара):	%	Обязанных службой дворянам (хамджилга):	%
Дзасакту-хан . .	589 чел.	16,4	1320 чел.	36,6	1690 чел.	47
Цэцэн-ван . . .	1301 „	31,6	429 „	10,4	2377 „	58
Дайчин-ван . . .	556 „	27,3	613 „	30,1	864 „	42,6
Батор-ван	275 „	22,9	387 „	32,3	535 „	44,8
Джонон-ван . . .	304 „	39,5	167 „	21,7	298 „	38,8
		и т. д.				

Аймак Сайн-ноин

Ахай-бэйлэ . . .	45 „	11,8	116 „	30,5	219 „	57,7
Тушету-гун . . .	165 „	11,2	150 „	10,2	1156 „	78,6
Мэргэн-гун . . .	289 „	26,7	300 „	27,8	489 „	45,5
Зорикту-гун . . .	98 „	28,6	60 „	17,5	184 „	53,9
		и т. д.				

В остальных двух хошунах те же цифры не менее показательны:

Аймак Тушету-хан

Тушету-хан . . .	228 „	13,1	56 „	3,2	1445 „	83,7
Баширельту-гун .	166 „	11,8	416[2]) „	29,6	820 „	58,6

Аймак Цэцэн-хан

Далай-ван . . .	491 „	21,1	513 „	22,1	1316 „	56,8
Ачиту-бэйсэ . . .	346 „	11	1232 „	38,4	1548 „	51,6

гичные постановления содержат и ст. 3 того же отдела, ст. I отд. VII и ст. II отд. X.

Что положение хамджилга существенно отличается от того, в каком находились крепостные в России, это можно заключить из того рассказа, который приведен *А. Позднеевым* в его книге „Монголия и монголы", т. II, стр. 423.

[1]) Несоответствие в некоторых хошунах между числом дворян и числом хамджилга об'ясняется преобладанием в них тайджи низших степеней, главным образом четвертой.

[2]) Эта цифра взята из ведомости № 1, в ведомости же № 8 стоит цифра 600, которой соответствуют цыфры ведомости № 7, хотя там общий итог хамджилга и свободных обывателей и подведен неверно—1320 вместо

© ИНИБО РАН

Упразднению в Халхе родового начала способствовала также и замена родового управления—управлением сумунным, причем эта военно-административная единица, как об'единявшая определенное число семейств военнообязанных [1]), по об'ему своему уже не совпадала с родом и управлялась не родовыми старшинами, а лицами по назначению [2]).

Наименование „Халха" становится известным во второй половине XVI столетия и приписывается младшему сыну Даян-хана Гэрэсэнцзэ, введшему его, будто-бы, для обозначения территории своего удела, обнимавшего кочевья следующих племен и народностей: унэгэт [3]), джа-

1420; неверен в ведомости № 1 и итог всего населения хошуна: 5971 вместо 5590; замена цифры 416 цифрой 600 не исправила-бы этой погрешности.

[1]) В прежнее время сумуны должны были состоять из того количества семейств, которое могло выставить 150 эри, т. е. мужчин, способных выйти на войну. Но с течением времени сумуны, как военная единица, почти утратили свое значение, сохранив лишь административное, причем по числу своего населения далеко отошли от возможности выставить в поле 150 воинов, и это станет понятным, если я скажу, что в Халхе имеются в настоящее время хошуны, которые по численности своего населения не превышают полусумуна первоначального его состава и даже такие, которые насчитывают всего лишь несколько юрт и одного конного солдата, называемого 150-ым, так как остальные 149 подразумеваются (см. *А. Болобан*, op. cit., стр. 8). *Майский*, op. cit., стр. 270—271, на передний план выдвигает бак или оток—одно из подразделений хошуна, управляемое выборным старшиной (дарга) и представляющее, как он думает, пережиток родового строя. Количество семейств, входящих в состав бака, очень различно, различно же и число баков в хошуне. *Майский* прав лишь в отношении тех территорий, которые находятся под управлением духовных лиц, так как шабинары воинской повинности не подлежат, и шаби делятся не на сумуны, а отоки.

[2]) В ст. 4 отд. I „Монгольского уложения" говорится: На открывшуюся вакансию сумун-цзангина должен избираться один из способных к занятию этой должности тайджи или табунан, а если среди них в хошуне не найдется лиц к сему достойных, то разрешается назначить и из податного сословия успевших проявить свои способности к управлению.

[3]) С племенным именем унэгэт мне в литературе не приходилось встречаться. Судя по тому, что впоследствии оно вошло в удел Ашихая, старшего сына Гэрэсэнцзэ, кочевавшего в Хангайских горах, следует думать, что оно жило в тех же горах.

лаир [1]), басут [2]), эрчжигэт [3]), хэрэгут [4]), хорлос [5]), хорога [6]), хурѣ-цохор [7]), хухэйт [8]), хатагин [9]), тан-

[1]) Племя, кочевавшее в бассейне р. Онона и в век Чингис-хана отличавшееся своей многочисленностью. Его отделы, распространившиеся на запад до пределов Ирана, вошли, между прочим, в состав узбекского союза, кураминской народности и киргиз-казаков Большой орды. *Аристов* причисляет джалаиров к группе омонголенных турецких народностей, опираясь, повидимому, лишь на авторитет *Рашид эд-Дина*, который помещает их в группу не монгольских племен, только в эпоху Чингис-хана ставших называться монголами.

[2]) Басуды упоминаются *Санан-Сэцэном* (*I. Schmidt*—„Geschichte der Ost-Mongolen", etc., стр. 207, где говорится о басод-уйшинах) в числе монгольских племен, живших к югу от Гобийской пустыни.

[3]) Эрчжигэт—несомненно эльджигэны *Рашид эд-Дина*, который относит их к числу коренных монгольских племен. Эльджигэны образуют в настоящее время население двух хошунов Дзасакту-хан'овского аймака—Ачиту-ван Бичуку-дамба и Зорикту-вана; в хошуне же Цэцэн-вана они кочуют совместно с сартаголами, о которых говорится ниже.

[4]) В „Алтан-тобчи", стр. 185, упоминается поколение эрэгут; о племени кэригют, жившем где-то в Монголии еще в XVII веке, говорится и в Цаган-байшинской надписи (*G. Huth*—„Die Inschriften von Tsaghan Baischin", Leipzig, 1894, стр. 47). *Санан-Сэцэн* (*I. Schmidt*, op. cit., стр. 57) слагает „четырех ойратов" из племен угэлэт (ölёt), багатут, хойт и кэргут, что дает основание считать хэрэгутов если не коренными монголами, то племенем, в жилах которого течет не мало монгольской крови. К этому остается добавить, что высказывавшееся некоторыми орьенталистами предположение, что кэргут есть ничто иное, как монгольский варьянт имени киргиз, в виду данных Цаган-байшинской надписи, должно считаться отпавшим.

[5]) У *Рашид эд-Дина*—хорлас. Оно принадлежало к числу коренных монгольских племен и кочевало, вероятно, в бассейне Орхона. Его части, ушедшие на запад, вошли в состав узбекского союза.

[6]) Это племя кочевало в долине р. Керулюна. Как племенное имя, хорога, хороха, в литературе не упоминается, но как имя географическое мы находим его кое-где в Монголии.

[7]) С этим именем мы встречались выше, в IV главе, стр. 202.

[8]) В „Мэн-гу-ю-му-цзи", стр. 309, читаем: второй сын Даян-хана Бай-сангурлан владел четырьмя (sic) родами: хухэт, шибуцинь, урат, тангут и тубот. Эти хухэт входят ныне в состав Улан-цабского сейма внутренних монголов (дурбэн-хухэт).

[9]) Хатагины принадлежат к числу коренных монгольских племен; ушедшие на запад вошли в состав узбекского союза, оставшиеся в Халхе частью бежали в XVII веке в Забайкальскую область, где и осели среди

© ГПНТБ СССР

гут [1]), сартагул (сартагол, сартол) [2]) и урянхай [3]).

Если даже этот племенной список не считать полным [4]), то и в таком виде он в значительной мере выясняет нам этнический состав халхаской народности. Ее образуют или коренные монголы: эльджигены, хорлас (хорлос), хатагин, или племена, может быть, и чуждые им по крови, но успевшие омонголиться до начала XIII века, каковыми могут считаться джалаиры и хэрэгуты, а засим и утратившие свои племенные особенности и перенявшие от монголов их язык и обычаи только в век первых Чингисидов—тангуты и сартаголы или сартолы; наконец, племена, вероятно, также монгольского

бурят (см. „Материалы, собр. комисс. для исслед. землевлад. и землепользования в Забайк. области", 1898, VI, стр. 3; *И. Шендрцковский*—„Материалы к антропологии бурят", СПБ., 1894, стр. 15).

[1]) Эти тангуты, конечно, потомки тех пленных, которые уведены были Чингис-ханом на север. В состав какого хошуна они ныне входят—неизвестно, но в XVI веке они кочевали, повидимому, в Хангайских горах.

[2]) Под именем сартагул, сартагол, сартол у монголов были известны жители обоих Туркестанов (см. *Санан-Сэцэн*, стр. 85, 111; Арх. *Палладий*—„Замечание о названии Харакитай и орде или резиденции Харакитайской" в „Изв. И. Русск. Геогр. Общ.", 1874, X, стр. 355); уведенные отсюда пленные, вероятно, и образовали в Халхе народность, получившую это название. Часть сартолов в эпоху Галдановских войн бежала на север, в Забайкальскую область, где и поселилась среди бурят Аларского ведомства (см. „Материалы, собранные ком. для иссл. землевлад. и землепольз. в Забайк. обл.", VI, стр. 3; о роде гартул или сартул среди бурят упоминает *Потанин*, op. cit., IV, стр. 23; среди селенгинских бурят—*И. Шендрцковский*, ibid.); остальная часть образует ныне главную массу населения хошуна Цэцэн-вана Дзасакту-хан'овского аймака.

[3]) Здесь имеются очевидно в виду те урянхайцы, которые впоследствии вошли в удел князей, ставших у нас известными под именем алтын-ханов.

[4]) Поражает прежде всего отсутствие в этом списке баргутов, хотя род барга и существует до настоящего времени среди халхасцев. У бурят довольно многочисленного поколения хонгодор, Аларского ведомства, сохранилось предание, что они бежали в долину Иркута и в Тункинские альпы из Монголии в эпоху Галдановских войн (*Потанин*, op. cit., IV, стр. 25). Не упомянуты в списке и мингаты, которые, однако, входили в состав народностей ведомства алтын-ханов.

происхождения, но о которых мы не имеем ближайших сведений—унэгэт, басут, хухэйт, хорога, хурѣ-цохор. Что касается урянхайцев, то они лишь небольшой своей частью и притом не ранее XVIII столетия вступили в ряды халхасцев [1]) и в настоящее время, заселяя оба склона хребта Алтаин-нуру южнее цзахачинов, образуют хошун Дайчин-вана. То же следует сказать и о хото-гайту, которые вошли в состав халхаской народности позднее других ее частей; это подтверждается, между прочим, и тем, что они не названы в числе тех племен, которые отошли в удел Гэрэсэнцзэ: в XVI веке они жили еще к западу от хребта Алтаин-нуру.

Такой этнический состав указывает на преобладание среди халхасцев монгольского элемента, и антропологическое их исследование, коснувшееся, правда, лишь сравнительно весьма небольшой их группы—36 человек из состава Тушету-хан'овского аймака, подтверждает этот вывод.

Из монгольских народностей буряты представляют более чистый монгольский тип [2]), чем халхасцы, и приводимое ниже антропологическое сравнение обоих групп, заимствуемое мною из упомянутого выше труда Талько-Грынцевича, указывает, как сравнительно незначительна и в монголах Халхи примесь им чуждой крови.

Впоследствии, как мы уже знаем, среди халхасцев поселены были джунгары, которые и образуют ныне население хошуна Сарул-гуна (гуна Гелын карты *Коростовца*); в среду халхасцев попала и небольшая часть торгоутов.

[1]) До поражения и смерти Галдана джунгары занимали своими кочевьями, точнее, владели обоими склонами хр. Алтаин-нуру; Цэван-рабтану же пришлось их оставить, и халхасцам только тогда удалось впервые утвердиться в бассейне верховий Урунгу и Черного Иртыша. Жили-ли уже в это время там урянхайцы, доподлинно неизвестно.

[2]) Что он должен был, однако, потерпеть довольно существенные уклонения от первобытного монгольского, на это указывают встречающиеся у них серые и серо-зеленые глаза (*Ю. Д. Талько-Грынцевич*—„Народности Центральной Азии (монголо-халхасцы, буряты и тунгусы)", отд. отт. из „Труд. Троицкосавско-Кяхтинск. отд. Приамурского отдела И. Русск. Геогр. Общ.", 1902, V, вып. I, стр. 13). *Талько-Грынцевич*, к сожалению, не говорит, среди какого отдела бурят встречаются суб'екты с светлыми глазами, что

© ЭПГБ СОРАН

Рост измеренных Талько-Грынцевичем 36 халхасцев оказался средним (161,1 сант.), но более низким, чем у бурят [1]) (163,1), в особенности закаменных [2]) (165,3), которые должны считаться аборигенами Восточного Саяна, обязанными, может быть, своим более высоким ростом примеси меркитской крови,—вывод для меня лично несколько неожиданный, так как монголы-халхасцы, с которыми мне доводилось встречаться в Бэйшаньских горах и в Кобдо, выделялись среди других монгольских групп своим сравнительно более высоким ростом.

Длина рук как абсолютная, так и по отношению к росту, у халхасцев (75 сант. и 46,8%) меньше, чем у бурят (77 и 47,2%), и то же следует сказать о длине ног, которые у них короче, чем у бурят и в особенности у тунгусов, причем

дало-бы возможность судить, являются-ли они результатом смешения с русскими или должны считаться наследием более ранней эпохи, когда бок-о-бок с монголами в Забайкалье жили динлины. В литературе о бурятах совершенно особняком стоит показание *Георги* (цит. у К. Риттера—„Землеведение Азии", т. V, вып. I, 1879, стр. 143), который пишет, что у бурят волосы большею частью русые или темно-каштановые и такие же бороды. Впрочем д-р *Поротов*—„К антропологии бурят. Буряты-аларцы". СПБ., 1895, стр. 68 и след., также нашел, что у аларских бурят темно-карие глаза встречаются довольно редко (не более 8%), преобладают же (92%) более светлые оттенки, причем на долю серо-карих приходится 8% и чисто серых 2%; светло-голубых глаз, отмеченных *Шендриковским* у селенгинских бурят (3,33%), он, однако, у аларцев не видел. При этом он находит необходимым оговориться, что не считает эти светлые глаза результатом метисации с русскими, так как обладателей таких глаз встречал преимущественно в самых глухих частях саянской тайги. Что касается волос, то среди аларцев им встречено было суб'ектов, имевших „рыжий отлив" черных волос, 11%, русых 3% и светло-русых 2%; такой же процент светлорусых найден был и д-ром *Шендриковским* у исследованных им селенгинских бурят.

[1]) Число бурят, измеренных *Талько-Грынцевичем*, равняется 550 чел.

[2]) Этот отдел бурят населяет бассейн верхней Джиды. Число суб'ектов этой группы, измеренных *Талько-Грынцевичем*, равно 21. У *М. Т. Поротова*, op. cit., стр. 93, читаем, что наибольшее число измерений у аларских бурят приходится на размеры в 162,5—167,5 сант. (38%) и что в обе стороны—вверх (179,3) и вниз (151,6) цифры довольно быстро понижаются.

это зависит от большей длины бедряных костей у этих народностей, так как длиной голеней халхасцы даже превосходят своих соседей. Вообще же халхасцы обладают умеренной длины руками и ногами при сравнительно длинном туловище. Кисти их рук и ног отличаются красивой формой и малыми размерами—особенность, свойственная, впрочем, и другим монгольским народностям [1]).

Величиной головы [2]) и ее отношением к росту буряты (21,8 сант. и 13,3%), в особенности хоринские (22,3 и 13,5%), также превосходят халхасцев (20,5 и 12,8%), и то же следует сказать об абсолютной высоте их черепа при несколько, однако, большей у халхасцев относительной его высоте к величине головы.

По головному указателю халхасцы также отступают от монгольского типа. Их головной указатель равен 81,9 [3]),

---

[1]) Изменения, встречающиеся у халхасцев в конечностях, а именно, выгнутость середины голени наружу и неполное разгибание рук, не должны быть отнесены у них к числу расовых особенностей их типа, а приписаны привычке сидеть с поджатыми ногами и согнутыми в локтях руками и особой посадке при верховой езде.

[2]) *Талько-Грынцевич* определял эту величину путем вычета из высоты роста высоты над полом подбородочной точки.

[3]) Эта цифра показывает, что халхасцы должны быть отнесены в группу подкороткоголовых народностей, что существенно отличает их от других монгольских народностей Средней Азии.

Для сравнения привожу следующие цифры головных указателей у этих последних:

аларские буряты (*Поротов*)	82,4
тарбагатайские торгоуты (*Ивановский*)	84,7
чахары (*Мацеевский* и *Поярков*)	84,9
тяньшанские калмыки (*Мацеевский* и *Поярков*)	85,9
селенгинские буряты (*Шендриковский*)	88,4

Только волжские калмыки (вероятно, дöрбёты) по своему головному указателю—81,4 подходят к халхасцам.

Среднюю 81,9 слагают:

короткоголовые	38,9%
подкороткоголовые	30,6 „
среднеголовые	22,2 „
поддлинноголовые	5,6 „
длинноголовые	2,8 „

© ГПНТБ СО РАН

тогда как у бурят, колеблясь в отдельных их группах между 82,4 и 85,8 [1]), он в среднем выражается цифрой 85,7.

Что впрочем число краниологических измерений, которыми мы располагаем, еще весьма недостаточно, не говоря уже о монголах Халхи, даже для такой народности, как буряты, это лучше всего доказывает различие средних цифр, полученных Талько-Грынцевичем и Шендриковским [2]) для одной и той же народной группы селенгинских бурят.

Талько-Грынцевич—средняя из 401 измерений—85,8
Шендриковский — „ „ 180 „ —88,4

причем короткоголовый тип составляет у них, согласно данным Талько-Грынцевича, лишь 91,6%, согласно же данным Шендриковского—98,9%.

Еще более уклоняются от селенгинского типа аларцы, средний головной указатель у которых по измерениям Поротова [3]) (100 суб'ектов) выразился цифрой 82,4, что об'ясняется значительной примесью к короткоголовому типу (72%) среднеголового (17%) и длинноголового (11%).

Если таким образом даже среди бурят при сравнительно очень большом числе измерений (401,180,100) обнаруживаются столь резкие краниологические колебания в средних цифрах, то вывод, к которому приходит Талько-Грынцевич на основании сделанных им измерений среди небольшой группы тушетухановцев о краниологическом типе халхасцев, мы, конечно, не в праве считать окончательным и распространить его на всех халхасцев, отведя им соответствующее место в краниологической классификации народностей, предложенной Брока.

---

[1]) И даже 88,4, как это указывается выше (см. *Шендриковский*—„Материалы к антропологии бурят", СПБ., 1894, стр. 68). Эта средняя представляет результат изменений 181 суб'ектов, причем разница указателей—19 (77,6 и 96,6) значительно превзошла ту, которую допускает *Брока* для расы, почитаемой сравнительно чистой, а именно 10 на 100.

[2]) „О селенгинских бурятах (казаках)", докторск. диссерт. при военно-медиц. академ., цит. у Талько-Грынцевича.

[3]) „О бурятах-аларцах (Иркутск. губ.)", докторск. диссерт. при военно-медиц. акад., цит. у Талько-Грынцевича.

Наименьшим лобным диаметром, т. е. шириной лба, халхасцы мало отличаются от бурят; у первых он равен 110,4 м.м., у вторых—111,6 м.м. В общем он низок и у большинства халхасцев округлен или откинут назад; прямые лбы встречаются у них редко. Лобные бугры мало развиты и часто вовсе отсутствуют.

Темя у них высокое [1]) и короткое, узкое спереди и заметно расширяющееся назад, с развитыми теменными буграми, имеющими трехгранную форму и резко выступающими между теменем, затылком и височными костями черепа. Затылок у них менее широк, чем у бурят [2]), и по своей форме, как и у этих последних, он умеренный и плоский, как-бы усеченный и неразвитой в длину, представляя одну из характернейших расовых особенностей обеих народностей. Е. А. Покровский [3]) об'ясняет ее искусственной деформацией, вызываемой особым устройством монгольской колыбели,—предположение, которому противоречит, однако, тот факт, что ту же форму затылка удерживают и буряты, выросшие в условиях европейской жизни; к тому же особенность эта, общая для огромного большинства мужчин, встречается далеко не всегда у женщин.

Размером лицевой линии, от корня волос на лбу до нижнего края подбородка, халхасцы (196,9 м.м.) превосходят бурят (192,0 м.м.), и разница эта выступает еще резче при сравнении отношений величин этих линий к величине головы: у халхасцев оно выражается цифрой 96,3, у бурят—89,0. Рассматривая эту лицевую линию у обеих народностей по частям, приходится сказать то же, что и по отношению ко всей линии,

---

[1]) Это говорится о всех трех народностях—халхасцах, бурятах и тунгусах (op. cit., стр. 19); но ниже *Талько-Грынцевич* помещает такую оговорку: высокое темя встречается лишь у 47,9% исследованных бурят.

[2]) В цифрах это выражается так:

наибольший затылочный диаметр у халхасцев равен 136,5 м.м.
„ „ „ у бурят „ 143,9 „

[3]) *Талько-Грынцевич*, op. cit., стр. 20, без ссылки на сочинение. Вероятно, имелся в виду известный труд *Е. А. Покровского*—„Физическое воспитание детей у разных народов, преимущественно России", М., 1890.

© ГПНТБ СОРАН

тогда как у бурят, колеблясь в отдельных их группах между 82,4 и 85,8 [1]), он в среднем выражается цифрой 85,7.

Что впрочем число краниологических измерений, которыми мы располагаем, еще весьма недостаточно, не говоря уже о монголах Халхи, даже для такой народности, как буряты, это лучше всего доказывает различие средних цифр, полученных Талько-Грынцевичем и Шендриковским [2]) для одной и той же народной группы селенгинских бурят.

Талько-Грынцевич—средняя из 401 измерений—85,8
Шендриковский — „ „ 180 „ —88,4

причем короткоголовый тип составляет у них, согласно данным Талько-Грынцевича, лишь 91,6%, согласно же данным Шендриковского—98,9%.

Еще более уклоняются от селенгинского типа аларцы, средний головной указатель у которых по измерениям Поротова [3]) (100 суб'ектов) выразился цифрой 82,4, что об'ясняется значительной примесью к короткоголовому типу (72%) среднеголового (17%) и длинноголового (11%).

Если таким образом даже среди бурят при сравнительно очень большом числе измерений (401,180,100) обнаруживаются столь резкие краниологические колебания в средних цифрах, то вывод, к которому приходит Талько-Грынцевич на основании сделанных им измерений среди небольшой группы тушетухановцев о краниологическом типе халхасцев, мы, конечно, не в праве считать окончательным и распространить его на всех халхасцев, отведя им соответствующее место в краниологической классификации народностей, предложенной Брока.

---

[1]) И даже 88,4, как это указывается выше (см. *Шендриковский*—„Материалы к антропологии бурят", СПБ., 1894, стр. 68). Эта средняя представляет результат изменений 181 суб'ектов, причем разница указателей—19 (77,6 и 96,6) значительно превзошла ту, которую допускает *Брока* для расы, почитаемой сравнительно чистой, а именно 10 на 100.

[2]) „О селенгинских бурятах (казаках)", докторск. диссерт. при военно-медиц. академ., цит. у Талько-Грынцевича.

[3]) „О бурятах-аларцах (Иркутск. губ.)", докторск. диссерт. при военно-медиц. акад., цит. у Талько-Грынцевича.

Наименьшим лобным диаметром, т. е. шириной лба, халхасцы мало отличаются от бурят; у первых он равен 110,4 м.м., у вторых—111,6 м.м. В общем он низок и у большинства халхасцев округлен или откинут назад; прямые лбы встречаются у них редко. Лобные бугры мало развиты и часто вовсе отсутствуют.

Темя у них высокое [1]) и короткое, узкое спереди и заметно расширяющееся назад, с развитыми теменными буграми, имеющими трехгранную форму и резко выступающими между теменем, затылком и височными костями черепа. Затылок у них менее широк, чем у бурят [2]), и по своей форме, как и у этих последних, он умеренный и плоский, как-бы усеченный и неразвитой в длину, представляя одну из характернейших расовых особенностей обеих народностей. Е. А. Покровский [3]) об'ясняет ее искусственной деформацией, вызываемой особым устройством монгольской колыбели,—предположение, которому противоречит, однако, тот факт, что ту же форму затылка удерживают и буряты, выросшие в условиях европейской жизни; к тому же особенность эта, общая для огромного большинства мужчин, встречается далеко не всегда у женщин.

Размером лицевой линии, от корня волос на лбу до нижнего края подбородка, халхасцы (196,9 м.м.) превосходят бурят (192,0 м.м.), и разница эта выступает еще резче при сравнении отношений величин этих линий к величине головы: у халхасцев оно выражается цифрой 96,3, у бурят—89,0. Рассматривая эту лицевую линию у обеих народностей по частям, приходится сказать то же, что и по отношению ко всей линии,

---

[1]) Это говорится о всех трех народностях—халхасцах, бурятах и тунгусах (op. cit., стр. 19); но ниже *Талько-Грынцевич* помещает такую оговорку: высокое темя встречается лишь у 47,9% исследованных бурят.

[2]) В цифрах это выражается так:

наибольший затылочный диаметр у халхасцев равен 136,5 м.м.
„ „ „ у бурят „ 143,9 „

[3]) *Талько-Грынцевич*, op. cit., стр. 20, без ссылки на сочинение. Вероятно, имелся в виду известный труд *Е. А. Покровского*—„Физическое воспитание детей у разных народов, преимущественно России", М., 1890.

ОТГПБСОРАН

а именно, что и абсолютные цифры этих частей (но не отношения величин этих частей к величине всей лицевой линии) остаются у халхасцев бо́льшими, чем у бурят, иными словами, что у обеих народностей наблюдается полное соответствие в отдельных частях лицевой линии, а именно:

	у халхасцев:	у бурят:
верхняя треть лица, т. е. расстояние от лобной волосяной линии до корня носа	58,5 м.м.	55,4 м.м.
отношение ко всей лицевой линии . .	29,6%	28,7%
средняя треть лица или длина носа от корня его до его основания . .	64,6 м.м.	63,9 м.м.
отношение ко всей лицевой линии . .	32,9%	33,0%
нижняя треть лица от подносовой точки до нижнего края подбородка . .	74,6 м.м.	73,7 м.м.
отношение ко всей лицевой линии . .	37,9%	38,2%
	197,7	193 [1]

Из этих данных видно, что, превышая тарбагатайских торгоутов [2]) верхней и нижней частью лица, как халхасцы, так и буряты, значительно уступают им в длине носа.

Лицо у монголов-халхасцев уже, чем у бурят; у первых наибольшая ширина его достигает 149,9 м.м., у вторых—152,7 м.м. Более значительная разница выступает у них при сравнении отношений ширины лица к длине его: у халхасцев она равна 76,6, у бурят 79,9.

Абсолютная ширина скулового диаметра, а равно и лицевой указатель, т. е. отношение скулового диаметра к лицевой линии, у бурят также значительно больше (129,4 м.м. и 67,3), чем у халхасцев (126,2 м.м. и 64,4). Таким образом оказы-

[1]) Небольшая разница в приводимых *Талько-Грынцевичем* цифрах об'ясняется трудностью абсолютно точных измерений, а засим и округлением дробей.

[2]) См. *А. Ивановский*—„Антропологический очерк торгоутов Тарбагатайской области Китайской империи", отд. прилож. к т. XIII „Труд. Антроп. отд. И. Общ. Люб. Естествозн., Антроп. и Этногр.".

вается, что тогда как халхасцы преимущественно микроземы (57,1%), буряты являются главным образом мезо—(19%) и мегаземами (37%).

При ширине носа, мало различающейся у бурят и халхасцев (36,5 м.м. и 36,6 м.м.), межглазное пространство у первых все же уже (35,7 м.м.), чем у вторых (36,3 м.м.). По носовому указателю (отношению ширины носа к его длине) обе народности принадлежат к плосконосым. Незначительно различаются они и по высоте носа: у монголов Халхи она равна 18,0 м.м., у бурят—18,2 [1]).

Ширина рта и ее отношение к скуловому диаметру у халхасцев равны 53,3 м.м. и 42,4, у бурят—50,2 м.м. и 39.

Переходя от этих цифр к описательным признакам лиц сравниваемых народностей, следует сказать, что лица как у халхасцев, так и у бурят плоские и ортогнатичные, что особенно ясно выступает у них в профиле. По форме они чаще всего четырехугольные и продолговатые (у халхасцев—55,6%, у бурят—58%), реже—длинные (у халхасцев—30,6%, у бурят—26%) и еще реже—овальные (у халхасцев 13,8%, у бурят—16%), причем короткоголовость сочетается у них обыкновенно с четырехугольной формой лица [2]).

Глаза как у халхасцев, так и у бурят, сидят глубоко в глазных впадинах, причем узкая глазная щель стоит в последних не горизонтально, а немного наискось и притом так, что наружный угол глаза у них приподнят, а внутренний опущен, что менее заметно у халхасцев и более у бурят,

[1]) Нос халхасцев, как и бурят,—одна из характернейших черт их лица: он длинен, приплюснут и низок, с широкими ноздрями, имеющими вид вытянутых элипсов, длинные оси которых образуют при своем схождении очень тупой угол. Эта форма носа является у обеих народностей безусловно господствующей, служа наиболее характерной расовой чертой монгольского типа; встречающиеся же у бурят вздернутые носы, и даже горбатые, всегда указывают на значительную примесь текущей в их жилах чуждой крови.

[2]) У *М. Т. Иоротова*, op. cit., стр. 78, впрочем, читаем, что у аларцев в 20% лицо зарегистрировано круглым, в 41%—овальным и в 39%—продолговатым.

ОТПЕЧАТАН

среди которых резкое косогласие отмечено было у $^3/_4$ исследовавшихся суб'ектов. Засим, строение глаз у монголов имеет и еще одну особенность, выражающуюся в выступающей на верхнем веке, у внутреннего угла глаза, складке кожи, т. е. в так называемой монгольской складке или третьем веке (epicanthus), которая в детском возрасте закрывает иногда целый глазной угол, но с годами сглаживается и в некоторых случаях совсем исчезает.

Наблюдения Ю. Д. Талько-Грынцевича показали, что из числа исследованных им монголов Халхи всего лишь 11,1% не имели третьего века, среди же бурят—28,7%. В общем следует сказать, что этот признак монгольской расы очень устойчив и почти всегда передается метисам, удерживаясь у них даже во втором и третьем поколениях, причем начинает сглаживаться у них эта складка не ранее 16-тилетнего возраста.

Губы у халхасцев, как общее правило,—острые и поджатые (50%), реже открытые, т. е. заметно отвороченные, (40%) и еще реже толстые (10%); у бурят же поджатые губы встречаются сравнительно реже (35%), заменяясь открытыми (46%) и толстыми.

Формой подбородка халхасцы существенно отличаются от бурят: у первых она чаще острая (41,7%), чем широкая (36,1%) или круглая (22,2%), у вторых же широкий подбородок преобладает (53,3%), а острая форма его является как исключение.

Уши у обеих народностей чаще всего являются оттопыренными, у халхасцев—69,4%, у бурят—80,5%,— особенность, которую Талько-Грынцевич относит к числу расовых у монголов [1]), хотя некоторые из исследователей (Гильченко, Насонов и др.) и пытаются дать ей об'яснение искусственно созданной, например, ставят ее в зависимость от ношения монгольского головного убора и т. д. Своей величиной они никогда не переходят за размер средних,

[1]) Того же взгляда держится и д-р *Поротов*, op. cit., стр. 85.

оставаясь у бурят в большинстве случаев (56,3%), у халхасцев часто (50%) весьма малыми [1]).

Зубы как у халхасцев, так и бурят, ярко-белого цвета, ровные, небольшие, без промежутков и крепко сидящие в деснах, с заметным, однако, наклоном вперед. Талько-Грынцевич пишет, что едва у $^1/_5$ из числа исследованных им бурят не хватало некоторых зубов, и хотя у халхасцев процент этот был сравнительно бо́льшим, но об'яснялось это не меньшей их прочностью, а причинами, как он выражается, травматического, т. е. механического характера, стало-быть—внешними. Зубы начинают выпадать только после 40 лет, но лишь в редких случаях можно встретить совершенно беззубого старика; при этом они выпадают не от своей порчи, а целиком, от вялости и расслабления десен. Зубной кариоз Талько-Грынцевич обнаружил едва у 15% исследованных им индивидуумов.

Перехожу к обзору общих покровов тела, а именно, к коже.

Цвет ее по многолетним наблюдениям Талько-Грынцевича как у халхасцев, так и у бурят, бледно-желтоватый на закрытых местах и желтовато-смуглый, иногда почти коричневый, на местах, подвергающихся внешним влияниям—действию солнечных лучей, ветров и т. д. Что этот цвет кожи у халхасцев и бурят составляет расовый признак монгольской народности, в этом убеждает нас тот факт, что он замечается и у детей, не исключая новорожденных, причем, однако, покрывающий иногда их щеки и щеки молодых девушек румянец следует всецело приписать влиянию текущей в их жилах им чуждой крови [2]). Желтоватость кожи, более сильно выра-

[1]) Мочки ушей у халхасцев могут считаться нормальными по своей величине, но так как монголы, как, впрочем, и остальные буддисты, находят в их длине особую красоту (у всех буддийских идолов уши отличаются особой величиной мочек), то и стараются удлиннить их искусственным путем, причем женщины достигают этого путем ношения массивных, тяжелых серег.

[2]) *Топинар* („Антропология", 1879, стр. 459) пишет, что монгольский тип характеризуется кожей желтоватобелой, более или менее смуглой,

© ГПНТБ СО РАН

женная у бурят, нежели у халхасцев, должна быть отнесена к числу устойчивых признаков монгольской расы: она передается метисам (карымам) в первом и даже втором поколениях.

Волосы у описываемых мною народностей отличаются значительной толщиной, бо́льшей, чем у китайцев, что придает их шевелюре густоту, какой в действительности она не имеет [1]). Они преимущественно черные с синеватым отливом, жесткие, круглые и прямые. Седина пробивается в них поздно, но скорее у халхасцев, чем у бурят, среди которых попадаются, однако, хотя и очень редко, суб'екты, поседевшие уже в юных годах; так, например, Талько-Грынцевич встретил однажды бурята с совершенно седой головой, хотя ему едва минуло 20 лет. Несмотря на свою редкость и сравнительную короткость [2]), волосы у монголов прочно сидят в коже, и лысых среди них почти не встречается; так, среди 550 исследованных бурят Талько-Грынцевич насчитал едва 1,8% лысых, да и то это количество падало преимущественно на кударинскую группу, среди же хоринских и закаменных бурят лысых вовсе не оказалось.

Усы начинают пробиваться у бурят и халхасцев не ранее 20-тилетнего возраста и затем продолжают густеть на протяжении последующих тридцати лет, оставаясь, однако, жидкими и короткими. Усы и бороды пробиваются, однако, далеко

без примеси розоватого оттенка; между тем о розовых щечках юных красавиц Халхи, „могущих возбудить внимание, если не соперничество, даже в кругу европейских красавиц", говорят почти все писавшие о халхасцах, начиная с *Тимковского* („Путешествие в Китай", 1824, III, стр. 298; *о. Иакинф*—„Записки о Монголии", I, стр. 169, пишет даже о румянце у мужчин монголов) и кончая *Майским* (см. хотя-бы стр. 40 цитир. выше сочинения; см. также *И. Шендриковский*, op. cit., стр. 26, который пишет о румянце „во всю щеку" у молодых бурят как об явлении далеко не исключительном).

[1]) Ср., однако, *И. Шендриковский*, op. cit., стр. 27, который пишет, что волосы у селенгинских бурят сидят на голове настолько густо, что даже при самой короткой стрижке кожа черепа почти не просвечивает.

[2]) Длина косы у монголов Халхи не превосходит 1/4 метра.

не у всех [1]), и на долю безусых среди халхасцев пришлось 27,8%, среди бурят—56,2%, причем надлежит отметить, что у бурят именно в усах и редкой бороде всего чаще проявляется тот рыжеватый оттенок, который, если верить Георги, был у них в XVIII столетии господствующим [2]).

Брови у бурят и халхасцев прямые и достаточно широкие, волоса их редкие, короткие, толстые, прямые и жесткие, но мягче, чем в усах и бороде.

Цвет глаз у большинства халхасцев светло-карий, у большинства бурят темно-карий, но среди последних одновременно

[1]) У *Галсан Гомбоева* („О древних монгольских обычаях и суевериях, описанных у Плано Карпини" в „Труд. вост. отд. И. Археол. Общ.", 1857, IV, I, стр. 246) читаем: „Недостаток бород у монголов происходит от обыкновения выдергивать растущие на подбородке волосы щипцами. У которого от природы нет бороды, на того смотрят с презрением, говоря „энэ кумун мирман, киосуган буйдза", что значит—„человек без бороды кажется двуполым"". В этих строках—несомненное противоречие, ибо презрение, которое, будто-бы, испытывают монголы к безбородым, не вяжется с их обычаем выщипывать у себя бороду. Обычай не соответствует поговорке. Он мог возникнуть у народа с скудной растительностью на подбородке, тогда как поговорка—у людей с обильной растительностью на лице. Это именно то, что мы и застаем у монголов конца XII и начала XIII столетий, когда среди них ясно выступали два типа—безбородый и бородатый. *Мэн-хун* (см. *Васильев*—„История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века" в „Труд. вост. отд. И. Археол. Общ,", 1857, IV, I, стр. 217) оставил нам следующее их описание: у татар (монголов) лицо широкое, плоское и четырехугольное, с выдающимися скулами; глаза у них без верхних ресниц; волос на бороде и усах весьма мало; рост не на много превосходит 5 футов; их повелитель Тэмучжень (Темучин) выделяется среди них своим огромным ростом, широким лбом и длинной бородой. *Мэн-хун* пишет только о Темучине; но вся его семья, более того, весь род борджигин, к которому он принадлежал, отличался теми же этническими особенностями, о чем мне уже приходилось говорить выше (см. гл. VII, т. II наст. сочинения). Что бороду носил не один только Темучин, но в его время и другие монголы, это видно из следующего места „Юань-чао-ми-ши" (стр. 156): „Бури сказал: Бату не более как баба с бородой, и я, пятой толкнув, свалю и растопчу его". Засим известно, что его послам были сбриты бороды и что этот акт был сочтен в Монголии высшей мерой того бесчестия, какому мог быть вообще подвергнут царский посол.

[2]) См. выше стр. 295—296.

© ГИНТБОРАН

мы встречаем, хотя и не часто, суб'ектов со светлыми глазами от смешанных зеленовато-карих до серо-зеленоватых, чего у халхасцев не наблюдается вовсе [1]). Темный цвет глаз монголов усиливает еще и глубокое стояние их в орбитах в связи с узкостью глазной щели.

Этот краткий антропологический очерк, в котором я останавливался лишь на наиболее существенном, могущем служить к антропологической характеристике халхаской народности, я закончу двумя биологическими замечаниями в отношении этой народности.

Халхаские женщины, как и бурятки, пишет Талько-Грынцевич, не отличаются плодовитостью [2]); при большом числе бездетных супружеств среднее число рождений на семью не превосходит у них цыфры три, причем число выживающих, благодаря тяжелым условиям кочевой жизни и отсутствию медицинской помощи, ограничивается едва половиной этой цифры. Один этот факт, не говоря уже о значительном количестве лам, живущих в безбрачии, вполне удовлетворительно об'ясняет причину уменьшения народонаселения в Халхе—процесса хотя и идущего медленно, не настолько, однако, чтобы

---

[1]) Этот вывод, в виду небольшого числа антропологически исследованных монголов Халхи, должен считаться впрочем преждевременным.

[2]) *Н. С. Щукин* („Буряты" в „Журн. мин. вн. д.", 1849, XXV) также замечает о бурятках, что они мало плодовиты, но д-р *Поротов*, op. cit., стр. 88, приводит факты, опровергающие это мнение; у опрошенных им 35 женщин сумма родов выразилась общей цифрой 220, что в среднем дает 6,3 рождений, причем у девяти буряток число рождений превысило десять. „Это-ли", замечает он в заключение, „можно назвать малой плодовитостью?" Но если аларские бурятки составляют исключение, то сообщаемый *Талько-Грынцевичем* факт указывал-бы на значительное число чуждых друг другу этнических элементов, образовавших халхаскую народность. Впрочем такое об'яснение малой плодовитости женщин, принадлежащее *Лапужу* и основанное на обширном материале, который дала ему статистика браков в департаментах Франции, не может считаться общепризнанным. Вообще этот ученый придерживается того взгляда, что значительное смешение племен ведет к их вырождению. Близко к этой точке зрения подходит и *Гельвальд*, об'ясняя процесс падения Римской империи этнологическими причинами.

остаться незамеченным со стороны монгольских правителей этой страны [1]).

Мнение это последний из исследователей Халхи—И. Майский, считает, однако, не обоснованным и не оправдывающимся тем впечатлением, которое он вынес о халхаской народности—физически и морально вполне здоровой и весьма еще далекой от тех зловещих признаков, которые характеризуют „вымирающую" народность [2]). Очевидно, что в данном случае Майский смешивает два процесса, хотя и приводящих часто к одному результату, но глубоко различных по своей природе: вымирание и вырождение. Последний процесс есть наследственная порча человеческого типа, тогда как вымирание может постигнуть и вполне физически здоровую народную массу вследствие чисто внешних причин, например, усиления государственного деспотизма, ведущего эти массы по пути последовательного уменьшения в них способности к борьбе с внешними пагубными влияниями. Прогрессирующее обеднение монголов Халхи, об'ясняемое столько же внешними, сколько и социальными условиями современного их быта, к чему я вернусь впоследствии, усиливает значение тех неблагоприятных причин, которые вызывают у них значительную смертность детей; в этой их бедности поэтому и следует видеть одну из главнейших причин их вымирания, так как число выживаний в настоящее время уже перестало покрывать у них естественную их убыль от смертности, которая к тому же в Халхе должна быть выше, чем в государствах Европы, благодаря частым в ней эпидемиям оспы, кори и в последние годы—чумы, против которых, в особенности же оспы, страна эта и до сих пор остается столь же беззащитной, как Европа до начала XIX столетия (собственно до 1798 года—времени появления знаменитого трактата Эд. Дженнера—„Inquiry into the causes and effects of the variolae vaccinae"), когда, например, в XV столетии, она в некоторых своих частях представляла из себя как-бы

---

[1]) *А. Болобан*, op. cit., стр. 51—52.

[2]) Op. cit., стр. 68.

© ГПНТБ СО РАН

сплошную оспенную больницу. В Сибирь оспа перекинулась в начале XVII столетия и тогда же произвела в ней такие опустошения, что, по словам Словцова, истребила до $^3/_4$ инородческого ее населения: „все отделы племен сократились в людности, а иные даже вымерли вовсе, если не во время здесь означенных (эпидемий), то в последовавшие повторения болезни“. Тогда же оспа проникла и в Монголию, хотя, вероятно, посещала ее и раньше, так как в Китае она была известна уже начиная с VI века христианской эры.

И. Майский приходит к выводу, что за последние шесть-семь веков население Халхи оставалось стационарным, т. е. не увеличивалось и не уменьшалось, лишь более или менее благополучно сводя баланс, ибо в противном случае должны были-бы образоваться в Монголии значительные пространства свободных земель, чего в действительности в ней, однако, не наблюдается [1]).

И. Майский не закрывает глаз на то, что в Центральной Азии совершается хотя и медленное, но неудержимое изменение среды, благодаря постепенному уменьшению влажности воздуха, что в конечном итоге ведет к сокращению площади пастбищных угодий, но думает, что такие естественноисторические процессы для окончательного своего выявления требуют тысячелетий [2]), в чем и заключается главнейшая его ошибка.

---

[1]) Op. cit., стр. 67.

[2]) Op. cit., стр. 66. *Майский*, придерживаясь довольно распространенного взгляда, не оправдываемого, впрочем, историей, что вторжения хуннов, турок и других кочевников Средней Азии в Европу, а также походы полководцев Чингис-хана и затем Батыя вызваны были малоземельем в Монголии, говорит, что ту же роль разрежения народной массы в этой стране сыграли в последние шесть-семь веков междоусобия, эпидемии и в особенности экономическая эксплоатация монголов китайцами. Эта эксплоатация, способствовавшая лишь обеднению народа в Халхе и через то, конечно, влиявшая, как это говорилось мной выше, на уменьшение числа выживаний, заметно проявилась в этой стране только в конце XIX столетия; что же касается стихийных бедствий, внешних и междоусобных войн, то их было в предшедшие века отнюдь не менее, если только не более, чем в „последние шесть-семь веков“, в чем легко можно убедиться, ознакомившись с содержанием т. II настоящего труда.

Я не стану приводить исторических свидетельств, указывающих на то, насколько изменился климат Центральной Азии в сторону большей сухости именно в последние века [1]), и даже только за последнее время [2]), я остановлюсь лишь на одном документе, который совершенно неопровержимо доказывает, во сколько раз многочисленнее должно было быть животное население Халхи и Западной Монголии в XVII столетии. Это—„Степное Уложение“ 1640 года, правильнее называемое „Уставом взысканий“, так как главное его содержание—кары за всевозможные преступления; и вот эти-то кары, сводившиеся главным образом к штрафам [3]), указывают на то,

---

[1]) Остановлюсь лишь на одном факте. Что представляет в современную эпоху Ала-шань с прилегающими к нему местностями между долиной р. Эцзин-гола и изгибом Желтой реки—известно достаточно. В настоящее время эта территория едва прокармливает ничтожное кочевое население и весьма небольшое число китайцев, ведущих преимущественно скотоводческое хозяйство, в общем же образует одну из пустыннейших частей Центральной Азии; а между тем с X до XIII столетия эта именно территория вместе с Ордосом служила главнейшим пастбищным фондом для весьма значительного скотоводства в могущественном Тангутском государстве, которое именно в скотоводстве черпало главнейшие свои материальные ресурсы и было при этом настолько богато, что могло содержать полумиллионную армию и вести многолетние и часто успешные войны с великими империями того времени—Киданьской, Чжурчженской и Сунской, причем только сокрушитель царств—Чингис-хан, да и то после упорной двадцатилетней борьбы, положил конец его существованию. Акад. *Васильев* говорит, что государство это, занимавшее одну из бесплоднейших частей Китайской державы и, несмотря на это, находившее в себе силы на протяжении трех столетий отстаивать свою самостоятельность и культуру в борьбе с сильнейшими монархиями, представляет историческую загадку. Но это лишь потому, что на его территорию акад. *Васильев* смотрел глазами современника; в прошлом же она представляла иную картину.

[2]) Уже после поселения русских вдоль западных подножий хр. Джунгарского Ала-тау, в этих горах, в области истоков р. Копал, исчезли хвойные леса; в Западной Монголии, в долине р. Кунгуй, рос еще недавно березовый лес (см. т. I, стр. 185); он сгорел и с тех пор не возобновлялся. Таких случаев сравнительно недавнего исчезновения древесных насаждений Средняя Азия знает не мало.

[3]) Ныне штрафы применяются лишь в исключительных случаях; они заменены телесными наказаниями, принижающими человека. В Монголии

© ГПНТБ СО РАН

сколь богаты должны были-быть в ту эпоху лошадьми и скотом кочевники названных стран, ибо даже малейшие проступки их вели к взысканиям, наложение которых в настоящее время было-бы явным абсурдом. Более же значительное, чем ныне, скотоводческое хозяйство требовало, конечно, и сравнительно бóльшей площади пастбищ; если же, как утверждает Майский, в современную нам эпоху Халха не в состоянии уже прокормить бóльшего количества скота, чем то, которое мы в ней находим, то естественный вывод отсюда тот, что общая площадь пастбищных угодий с конца XVII столетия в ней сократилась и притом очень значительно.

Перехожу ко второму биологическому замечанию в отношении халхаской народности.

Жизнь халхасца в среднем менее долговечна, чем жизнь европейца, благодаря расовым особенностям [1]): он быстро

забыты в настоящее время те принципы, которыми руководствовались авторы „Степного уложения“ 1640 г., давшие друг другу клятву, гласившую: „не будем обращаться с людьми одной с нами крови, как с рабами, хотя-бы то были наши слуги; не будем отдавать дочерей их в приданое; не будем проливать их кровь“. Правда, эта клятва не распространялась на черный народ, но самое содержание Уложения показывает, что в эпоху его составления в Монголии еще не был забыт завет Чингис-хана — поддерживать в монголах (в данном случае в монгольской массе) сознание собственного достоинства и чести.

[1]) *Талько-Грынцевич*, op. cit., стр. 34, пишет: „и под влиянием внешних условий“. Если при этом он разумеет природные условия, то он делает ошибку, ибо Центральная Азия представляет физическую среду более благоприятную для жизни человека, чем, например, Европа с ее преимущественно морским климатом.

Сухость атмосферы содействует процессу респирации, т. е. кожному и легочному испарению, которое вызывает более энергичное движение жидкостей через ткани, влияя тем на бóльшую быстроту и совершенство жизненных отправлений и на своевременный обмен в организме веществ; а так как от степени насыщения атмосферы парами зависит и способность воздуха поглощать влагу, выделяемую легкими и кожей, то от сравнительной сухости воздуха зависит и жизнедеятельность организма. Поэтому-то при других равных условиях относительно сухой климат Монголии в ряду поколений должен был-бы произвести расу более жизненную и, скажу,— энергичную, т. е. активную, чем та, которая ныне ее населяет. Если этого

стареет. В его жизни нет переходной ступени от молодости к старости или по крайней мере она весьма кратковременна. Но первая эпоха молодости у него более продолжительна, чем у европейца. Свежее и гладкое, без морщин, лицо с выступающим на щеках легким румянцем, без всякой растительности, с резко выраженными складками век, белые неиспорченные зубы, черные волосы на голове и карие блестящие глаза, при нерасположении тела к тучности, надолго сохраняют ему моложавый вид, затрудняя определение его возраста. Вторая же эпоха его жизни у него много короче, чем у европейца, и старость захватывает его как-то сразу. Моложавость после 40 лет покидает его очень быстро, и лицо изменяется до неузнаваемости. Кожа на нем темнеет и покрывается густою сетью морщин; исчезающие складки век мешкообразно отвисают, и из-под них выступают значительно большие в поперечном диаметре, нежели у молодых, потускневшие и лишенные прежнего блеска глаза [1]), часто окруженные валиком, который с годами начинает занимать все более и более значительную окружность роговицы, превращаясь в плотную ткань; черты лица становятся более мягкими и как-бы расплываются; волосы на голове седеют; у безусых

не произошло, то причины тому следует искать в самой природе этой расы, может быть, в психических ее особенностях. Впрочем сама Монголия представляет одно условие, парализующее до некоторой степени благоприятную для жизни человека роль резко в ней выраженного континентального климата. Это — сравнительно довольно высокое ее положение над уровнем моря. При более высоком атмосферном давлении каждое дыхание вводит в легкия соответственно бóльшее количество кислорода, вызывая этим более деятельное кровообращение, и стало-быть наоборот, при более низком давлении атмосферы на больших абсолютных высотах тот же процесс кровообращения протекает более медленно. В зависимости от высоты давления находится также и насыщенность атмосферы влагой и электричеством, что также играет немаловажную роль в органической жизни.

[1]) Выцветание глаз в старческом возрасте зависит у халхасцев, по мнению *Талько-Грынцевича*, op. cit., стр. 14, не столько от выцветания пигмента, сколько от потускнения роговицы и раннего старческого ее перерождения, случающегося у номадов, особенно подверженных хроническому катарру слизистой оболочки века вследствие действия солнечных лучей, пыли и дыма, чаще, чем у европейцев.

ОТПЕЧАТОГРАФ

и безбородых появляется на соответственных местах редкая волосяная растительность в виде седых и жестких волос; зубы начинают выпадать; руки постепенно теряют свою прежнюю полную подвижность в локтевом сгибе; ноги еще более искривляются, вместе с довольно быстрым упадком общего питания и увяданием мышечной системы. Вообще, продолжительная моложавость, а затем быстрое и раннее увядание представляют у халхасцев, как и у других монголов, характернейший биологический признак, отличающий их от европейцев.

Подводя итог вышеизложенному, мы должны придти к тому заключению, что халхасцы среди монголов образуют особую разновидность, отличающуюся сравнительно низким ростом, меньшей длиной рук, меньшей короткоголовостью, более длинным лицом при меньшей его скуластости, более светлой кожей и глазами и т. д. и образовавшуюся путем довольно значительного смешения с чуждыми монголам этническими элементами, на что указывают и весьма широкие пределы колебаний в цифрах, обнаруживающиеся во всех почти измерениях. Вывод этот впрочем нельзя считать окончательным, но во всяком случае и теперь уже можно считать, что халхасцы представляют отдельный тип от бурят, притом более смешанный [1]).

Перехожу к тому, что дает нам этнография.

Вот, какими штрихами описывает Плано Карпини [2]) одежду монголов (татар) XIII века.

Одежда мужчин и женщин покроем не различается. Татары не имеют ни плащей, ни шапок, ни шляп, ни шуб [3]), кафтаны-же шьют из букарана [4]), пурпура [5]) или балда-

[1]) *Талько-Грынцевич*, op. cit., стр. 38.

[2]) *Иоанн де Плано Карпини* — „История монгалов", перев. *А. Маленина*, изд. А. С. Суворина, 1911, стр. 5.

[3]) Затрудняюсь понять, что хотел сказать этим *Плано Карпини*.

[4]) По об'яснению *Дюканжа* (Glossarium mediae et infimae latinitatis") — тонкое полотно; отсюда французское bougran (прим. *А. Маленина*, стр. 181).

[5]) Не могу сказать, что это за ткань. Плано Карпини говорит о белом и голубом пурпуре.

дакина [1]). Эти кафтаны имеют два разреза: один спереди, причем на груди левая пола запахивается на правую, где и застегивается на три застежки, другой — на левом боку; он доходит здесь до рукава и застегивается на одну застежку. Их полушубки шьются таким же образом. Тот, который носится сверху, имеет мех наружу и „сзади открыт (?), но имеет хвостик, висящий назад до колен (?)". Замужние женщины носят один кафтан, но очень широкий, с передним разрезом до земли [2]).

Рубрук [3]) вносит в это описание следующие дополнения и поправки.

Зимой у татар в употреблении по крайней мере две шубы: одна, шьющаяся мехом внутрь, другая — наружу. Сверх того дома они носят еще и третью, более легкую. Штаны шьются у них также из кож. Верхнюю свою одежду для теплоты они подбивают подкладкой, богатые — на шелковых оческах, бедные — на мягкой шерсти. Плащи свои они шьют из войлока и из него же делают шляпы, носимые в дождь. Платье девушек отличается от мужского только большей длиной. Что касается женщин, то на следующий же день после свадьбы они выбривают себе волосы спереди и облекаются в широкую рубашку с разрезом по середине и левой полой, запахивающейся на правую, „ибо татары (монголы) отличаются от турок именно тем, что турки завязывают свои рубашки с левой стороны, а татары всегда с правой". Эту рубашку они подпоясывают обыкновенно куском шелковой ткани небесного цвета; другую же повязку носят на груди. Они носят также особый головной убор, именуемый бокка. Основу его составляет высотой в локоть усеченный конус,

[1]) По об'яснению *Дюканжа* (ibid.), драгоценная узорчатая ткань из золотых и шелковых нитей; название ее произошло от имени города Вавилона, который в Европе в средние века был известен под именем Балдакка.

[2]) Это „до земли" указывает на то, что женщины носили не кафтаны, а длинную одежду, нечто, подобное современному терлику.

[3]) *Вильгельм де Рубрук* — „Путешествие в восточные страны", перев. *А. Маленина*, изд. А. С. Суворина, стр. 76—77.

© ГПНТБ СО РАН

полый внутри и заканчивающийся, как капитель колонны, четырехугольной пластиной; делается он из бересты или другого легкого материала и обшивается дорогой шелковой тканью, на верхней же пластине, капители, утверждается стержень, высотой также не менее локтя, венчаемый павлиньими перьями и украшаемый драгоценными камнями и перьями селезня. Меховая шапка, которую носят женщины, имеет наверху вырезку, соответствующую размеру бокка, и, таким образом, она представляет из себя только как-бы меховой околыш, плотно облегающий со всех сторон описываемый головной убор, который служит для вмещения волос, связываемых на темени в плотный узел. Бокку, чтобы удержать на голове, крепко подвязывают под подбородком [1]).

Об обуви Рубрук ничего не говорит, но мы находим у него следующие строки [2]): „тогда нам впервые доставили от двора овчинные шубы и штаны из того же материала, а также сандалии".

О мужском уборе волос узнаем следующее: „Мужчины, пишет Рубрук [3]), выбривают себе на макушке головы четырехугольник и с передних его углов ведут бритье до висков". Засим они выбривают также виски, шею до верхней части впадины затылка и лоб до макушки, на которой оставляют прядь волос, спускаемых вперед до бровей. Волосы они оставляют и по краям затылка; эти волосы заплетаются в косички и носятся связанными узлом повыше ушей.

Плано Карпини [4]) описывает этот мужской убор в общем сходно с тем, что говорит о нем Рубрук, но о волосах, заплетаемых в косички, замечает: с обеих сторон лба (?) оставляют длинные волосы, обстригая их более, чем на половину (?), остальным же волосам дают расти, и из этих волос составляют две косы, завязывая каждую за ухом.

---

[1]) *Плано Карпини*, ibid., добавляет к этому: этот убор нашивается на шапочку, которая спускается до плеч.

[2]) Op. cit., стр. 118.

[3]) Op. cit., стр. 77.

[4]) Op. cit., стр. 5.

О жилищах монголов те же монахи-путешественники говорят нам следующее.

Ставки, пишет Плано-Карпини [1]), у них круглые, на подобие палаток; основой их служат жерди, на верху же они имеют круглое отверстие, служащее одновременно и окном и для выхода дыма. Стены этих ставок, также как и их двери, делаются из войлока, размер же различен, „сообразно достоинству и скудости людей". Они быстро разбираются и переносятся засим с места на место на вьючных животных. Но имеются среди них и такие, которые не могут разбираться и перевозятся на повозках (платформах?), в которые впрягают быков, одного, двух и больше, в зависимости от размера жилища.

Рубрук [2]), не упоминая о первого рода жилищах [3]), о последних пишет подробнее.

„Дома, в которых они спят, говорит он, они ставят на колеса из плетенных прутьев (sic!)". Основой этих домов служат жерди, сходящиеся кверху, где поднимается шейка на подобие печной трубы. Как и весь дом, она обертывается белым войлоком, который для придания ему большей яркости и белизны натирается известью, белой землей (мелом?) и толчеными костями. Иногда, впрочем, они кроют эти дома и черным войлоком. Войлок этот около шейки украшается разнообразной живописью; цветная же войлочная дверь покрывается из нашивных тканей пестрым узором, изображающим виноградную лозу, деревья, птиц и зверей. Эти жилища достигают 30 футов в поперечнике, причем в повозку, оставляющую колею шириной в двадцать футов, впрягается 11 пар волов цугом. Жилище выдается над колесами футов на 5 с каждой стороны и таким образом составляются те 30 футов, о которых говорилось выше. Оси у этих повозок (платформ?) величиной с мачту корабля.

---

[1]) Op. cit., стр. 6.

[2]) Op. cit., стр. 69—70.

[3]) Это обстоятельство заслуживает быть отмеченным, так как, повидимому, указывает на то, что разборные и переносные жилища имели в XIII столетии еще малое распространение в степи. Китайские летописи

© ГПНБ СОРАН

В становищах богатых монголов, пишет далее Рубрук, такие жилища окружают передвижные же на колесах кладовые, в которых хранятся наиболее ценная утварь и все их сокровища, причем эти кладовые никогда не снимаются с повозок, достаточно высоких, чтобы переезжать без подмочки в них содержащегося через реки. Формой своей эти кладовые напоминают большие сундуки, проникают же в них через небольшие двери. Их основой служат также жерди, которые крюются черным войлоком, пропитанным ради того, чтобы сделать его непроницаемым для воды, салом или овечьим молоком [1]). Снаружи этот войлок украшают „пестро-тканными и пуховыми (?) материями".

У богатого монгола таких повозок-кладовых не менее ста, и когда он устраивает свое стойбище, то устанавливает их на расстоянии „половины полета камня" двумя, образующими как-бы стены, рядами по обеим сторонам своего жилища, всегда обращенного дверью на юг [2]).

говорят нам, что в древности телеги были во всеобщем употреблении у кочевников Монголии, и, конечно, необходимость перевозить на телегах свои жилища должна была до крайности стеснять их в их передвижениях по пресеченной местности. В этом, вероятно, и лежит разгадка того, что горные страны еще в XIII столетии избегались кочевниками-скотоводами, оставаясь в обладании „лесных" племен, которые при своих перемещениях, не нуждаясь в деревянной основе своих жилищ, всегда оставлявшейся ими на месте, довольствовались лишь перевозкой их покровов из войлока и бересты. Историки не останавливали еще своего внимания на этом этнографическом явлении, но с ним нельзя не считаться при определении путей следования кочевников-скотоводов и при решении других задач исторической географии Азии.

[1]) *Марко Поло* (*И. П. Минаев*—„Путешествие Марко Поло" в „Зап. И. Русск. Геогр. Общ. по отд. этногр.", 1902, XXVI, стр. 87), который очень неудовлетворительно описывает перевозившееся жилище монголов, подтверждает, однако, что они умели выделывать непроницаемый для воды войлок: „телеги у них, говорит он, покрыты черным войлоком, да так хорошо, что хотя-бы целый день шел дождь, вода ничего не подмочит в телеге".

[2]) Обычай перевозки юрт на телегах, по словам *Гмелина* („Путеш. по России в 1759—1770 г.", II, стр. 174 и 175; цит. у *Н. Харузина* — „История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России", 1896, стр. 41), существовал еще у астраханских татар в XVIII столетии, причем их юрты представляли в то время одно крепкое целое, служа летним жилищем. Об юртах кундровских татар *Паллас* („Путеш. по разн. провинц. Росс. империи", 1773—1788, III, 2, стр. 140—141) пишет следующее: „Их юрты видом и строением весьма различествуют от употребляемых калмыками и другими азиатскими кочующими народами. Их не можно по частям разбирать, но тем удобнее... устанавливать на большой телеге..." В XVIII же веке, по свидетельству *Клеманна* („Kleemann's Reisen", стр. 183 и 184: цит. у *Н. Харузина*, op. cit., стр. 43), перевозные на телегах юрты были в употреблении у татар, кочевавших между Бендерами и Очаковым. Они удержались до настоящего времени еще только у караногайцев. Это—„куй-мэ", строющиеся на арбах из досок и служащие для перевозки невесты из дома родителей в дом жениха (см. *Ананьев*—„Караногайцы" в „Матер. для опис. местност. и племен Кавказа", XX, стр. 38—40; цит. у *Н. Харузина*, op. cit., стр. 39)

[1]) Op. cit.. стр. 71.

О внутреннем убранстве монгольских жилищ обе реляции умалчивают, и в этой области мы узнаем лишь, что прямо против двери помещалась кровать хозяина дома, очевидно, деревянная, так как далее говорится об ее ножках, и что дом делился на две половины: мужскую—правую, западную, и женскую—левую, восточную, причем деление это проводилось столь полно, что ни один мужчина не смел повесить своего колчана направо от двери. Засим, Рубрук говорит еще [1]), что над мужской кроватью всегда вешалась человеческая фигурка из войлока: она именовалась „братом" хозяина дома; и другая такая же фигурка над женской кроватью и именовалась „братом" госпожи, т. е. хозяйки дома; и что сверх того в каждом доме находились статуэтки: сторожа жилища, изображение (кого?) с коровьим выменем на женской половине его и другое с выменем кобылы на мужской и, наконец, статуэтка, „смотрящая в направлении к служанкам и женщинам" (?).

Как ни кратки и мало обстоятельны эти описания, их достаточно, чтобы установить, что ни в уборе волос, ни в других этнографических об'ектах современные халхасцы не являются прямыми наследниками монголов XIII столетия. Мужской убор волос был изменен вследствие требования,

© ГПИБ СОРАН

пред'явленного монголам маньчжурским правительством; жилище на колесах, менее отвечавшее потребностям кочевой жизни, чем современная юрта, было ими оставлено, и утрата ими этих этнографических явлений имеет свое об'яснение, но его нет, когда приходится сопоставлять бокка XIII века с современным головным убором халхаски, отличающимся крайней сложностью и большими неудобствами, или искать причину замены короткого мужского платья долгополой одеждой, мало пригодной кавалеристу. В этих случаях перемен нельзя предполагать эволюции, нельзя видеть и воздействия на халхасцев одной из соседних народностей [1]), но так как причины, их вызвавшие, все же существовали, то одной из важнейших задач будущих этнографических исследований Халхи и должно быть их выяснение.

Перехожу к обзору этнографических об'ектов современной Халхи.

Халхаская шапка (малха) состоит из конической, более пологой сзади, тульи, покрытой цветной, преимущественно красного цвета материей, простегиваемой сходящимися кверху линиями, и загнутых кверху, более широких спереди и вырезанных сзади, полей, обшиваемых или мехом (чаще всего черной мерлушкой) или черным плисом в зависимости от того, когда она носится—летом или зимой; впрочем в теплое время в году халхасцы ходят обычно с непокрытой головой, обертывая ее лишь иногда куском ткани на подобие того, как это делают русские женщины [2]). На верхний конец тульи нашивается обыкновенно расшитый шнурком шестиугольный кусок материи иного цвета, чем цвет покрывающей тулью материи, и поверх его укрепляется джинса—плетеная из красного шелкового шнурка шишка; назад, через разрез полей, выпускаются две шелковые красные ленты до 7 вершков дли-

[1]) Каким-бы консерватизмом ни отличались народности, стоящие на низшей ступени культурного развития, но и у них переимчивость развита достаточно сильно. Ниже будут приведены некоторые примеры позаимствований, сделанных халхасцами у своих соседей.

[2]) См. фотографический снимок, приложенный к стр. 195 третьего тома моего сочинения—„Описание путешествия в Западный Китай".

ной и $1^1/_2$ шириной, которые прикрепляются к черному шнурку, соединяющему в разрезе края полей. Под джинсу подшивается иногда „цалга"—аграмант, от которого назад падают три шелковые, длиной до фута, кисти [1]).

Головной убор женщин отличается только в том отношении от мужского, что на обшивку его тульи берется иногда шелковая материя; он делается менее высоким, поля его более узкими.

Взрослый халхасец носит летом в качестве нижнего белья „цамцу"—род кофты китайского покроя [2]) из далембы и цуембы (бязи) и такие же короткие штаны. Менее состоятельные, впрочем, обходятся и вовсе без цамцы, да и у состоятельных она не составляет непременной части одежды [3]).

Верхней одеждой халхасцу служит халат (терлик) из цветной, всего чаще синей, далембы, который шьется очень длинным, почти до пола, с длинными же рукавами, часто на четверть длиннее кисти руки. Как и у остальных монголов, левая его пола запахивается сверх правой и застегивается на две медные шарообразные пуговки у воротника и на третью под локтем правой руки. Его полы неодинаковы: левая делается шире правой, и край ее выкраивается не прямым от горла до подола, но с вырезкой на груди, ниже которой ей и дают бо́льшую ширину. Праздничный терлик шьется у зажиточных халхасцев из чесучи (чи-цюй-чоу) и обшивается по вороту, бортам и подолу лентой из парчи (имчжир). Зимой терлик заменяется или крытой далембой или нагольной шубой, материалом для которой служат овчины. Ее покрой тот же, что и у терлика. Обыкновенно она обшивается широкой полосой черного плиса, и только на обшлага рукавов употребляется черная же мерлушка или заменяющая ее поддельная, вязаная из шерсти (нутарга).

[1]) *Потанин*—„Очерки северо-западной Монголии" вып. II, стр. 103.

[2]) Точнее—маньчжурского, как и покрой всех других частей современного китайского костюма.

[3]) *И. Майский*, op. cit., стр. 278, посетивший одного из монгольских министров в Урге, пишет, что он не заметил у него нижнего белья: терлик одет был на голое тело.

© ГПНТБ СО РАН

Летние бязевые штаны значительное большинство халхасцев сменяет зимой штанами, сшитыми из овчин шерстью внутрь, надевая их на голое тело, и только немногие из них позволяют себе при этом роскошь носить и нижнее белье.

Обувь (гутулы) халхасцы или шьют сами или покупают готовую у китайцев, но в обоих случаях материалом для нее служит преимущественно русская юфть. Покроем своим халхаский сапог напоминает китайский, отличаясь от него лишь более острым носком. Иногда такие сапоги (гутулы) у менее состоятельных из них заменяются обшитыми по подошве сыромятью толстыми войлочными чулками [1]). Такую именно обувь видел я у халхасцев Бэй-шаня, но в употреблении-ли она и в остальной Монголии, осталось мне неизвестным. Обувь женщин несущественно отличается от мужской по фасону и материалу, но она изготовляется более легкой, кожа для нее выбирается мягче, подошва делается тоньше, голенище—короче [2]).

Существенной частью костюма халхасца является пояс, сдерживающий и терлик и шубу. Еще недавно халхасцы носили кожаный пояс с серебряными или медными пряжками и украшениями [3]); в настоящее, однако, время такой пояс вышел из моды и заменен несколькими аршинами цветной цуембы или другой подходящей материи. Майский [4]) пишет, что такой пояс служит ныне в Халхе предметом щегольства местных франтов, причем считается, что чем дороже употребленная на него ткань и чем он длиннее, тем более шику.

[1]) Чулки (оймос) из более тонкого войлока составляют обычную часть одежды халхасца в холодное время года; летом же они носят (впрочем только наиболее состоятельные из них), подобно китайцам, чулки, сшитые из вдвойне сложенной бязи. Войлочные чулки заменяются у них иногда подваченными чулками из бязи.

[2]) Сверх того головки у парадных сапог расшиваются у них цветными шелками или даже шелковыми шнурками—мода, занесенная в Халху, повидимому, из Тибета.

[3]) *Е. Тимковский*—„Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 годах", III, стр. 300; *о. Иакинф*—„Записки о Монголии", 1828, I, стр. 175.

[4]) Op. cit., стр. 45.

Здесь в этом отношении наблюдается стало-быть то-же, что и в западной части Средней Азии, населенной тюркскими племенами.

За поясом носится обычно китайский нож в ножнах [1]), и к нему же подвешивается огниво. Этот кремневый прибор служит также предметом щегольства, и у богатых оправляется иногда в золото и серебро. Цепочкой он прикрепляется к медной бляхе, которая в свою очередь снабжена цепью, некогда связывавшей ее с одной из блях кожаного кушака; ныне же бляха просто затыкается за матерчатый пояс. За пояс же прячется и мешочек из красной материи с табакеркой в виде флакона из матового стекла, яшмы, фарфора или серебра китайской работы [2]). По табакерке в Халхе принято судить о достатке ее владельца, в виду чего на нее тратятся иногда огромные, по монгольскому, конечно, масштабу, суммы, переходящие за тысячу лан. Что касается трубки и кисета с табаком, то они носятся обыкновенно за голенищем сапога.

Дополнением к описанному выше костюму мужчин служат: надеваемая лишь в торжественных случаях поверх терлика хань-тань-цзы—из цветной шелковой материи безрукавка, и берущиеся лишь в дальнюю дорогу: летом—цветной суконный плащ с капюшоном, зимой—доха из козлин.

Одеяние женщин, в особенности девушек, не отличается существенно от одежды мужчин. Выше говорилось уже об их головном уборе и обуви; то-же приходится сказать и о верхней одежде—шубе и терлике. Впрочем, покрой их у женщин, но не у девушек, несколько иной: они имеют прямой разрез на груди, застегивающийся на медные пуговки, высокие на вате буфы на плечах и части рукавов от локтя до кисти из другой ткани как по цвету, так иногда и по роду ее. Майский [3])

[1]) Ножи эти длинные (около фута), узкие, очень плохой выделки и шлифовки; стачиваются очень быстро; у халхасцев, за неимением лучших лезвий, они играют, между прочим, иногда и роль бритв.

[2]) Табакерки из нефрита ныне уже почти не встречаются в Монголии; выдающиеся за таковые—обычно довольно грубая подделка, на что, впрочем, указывает и их сравнительно невысокая стоимость.

[3]) Op. cit., стр. 46.

© ПГБ СО РАН

пишет, что хань-тань-цзы у них ныне уже не в употреблении, но в прежнее время эти безрукавки или, как их называет о. Иакинф [1]),—„телогреи", составляли обычную часть женской одежды. Замужние женщины пояса не носят.

Нижнее белье, включая чулки, составляет неот'емлемую принадлежность одежды даже беднейших халхасок.

Отличаются замужние женщины от девушек в Халхе и своим весьма сложным убором волос.

Темя прикрывается у них особой шапочкой с круглым отверстием по середине (тологой полты), которая утверждается с помощью шубного клея неподвижно на волосах. По ее краям имеются три придатка: два меньших по бокам (хантайрик) и один, более значительный (шиль), позади. И полта и ее придатки сплошь покрываются орнаментом из листового серебра с вставленными в промежутки кораллами и цветными камнями [2]). Над хантайриками к полте прикрепляются сверх того кружки из серебра (шига), которые свешиваются над висками и служат для подвязывания спускающихся вдоль щек подвесков (суйх) из серебряных колец, связывающих их ниток кораллов и шелковых кистей. Эти подвески соединяются на груди бляхой из серебра, украшенной в свою очередь подвесками из шелка и серебра. Волосы, висящие из-под полты, разделяются на две пряди—левую и правую; каждой из них с помощью того же шубного клея придается форма пластинки до трех вершков шириной, которая удерживает эту форму, благодаря двум металлическим или деревянным

[1]) Op. cit., I, стр. 176.

[2]) Из цветных камней наибольшей любовью монголов пользуется бирюза; но камень этот, благодаря попадающему на него жиру, очень скоро утрачивает у них свой голубой цвет, сменяя его на зеленый. Особенно ценится у них также жемчуг; но в настоящее время его можно встретить в Халхе лишь на старинных уборах в княжеских семьях. На тех же старинных уборах, как мне говорили, попадается и янтарь, вероятно, в отдаленные времена завезенный в эту страну. Он добывался некогда на севере Сибири, служа в то время предметом, повидимому, оживленной торговли (см. *Middendorff*—„Sibirische Reise", Bd. IV, Th. I, „Uebersicht der Natur Nord und Ost-Sibiriens", 2-te Liefer., „Orographie und Geognosie", стр. 256—257).

брускам (хабчик), сжимающим ее на уровне уха и над плечем. Под нижним хабчиком внутрь волос закладывается небольшой деревянный валик (бунто), под которым они связываются, заплетаются в косы и в таком виде прячутся в чехлы из черного плиса (уснэй гарь), украшаемые снаружи серебром и кораллами. Весь такой волосяной убор, в котором женщины спят, не снимая его даже во время болезни, содержит нередко до двух фунтов серебра. Впрочем хантайрики и суйхи не составляют неот'емлемой его принадлежности и подвешиваются только в особо торжественных случаях. У халхаских женщин, не отличающихся достатком, серебро в некоторых частях убора заменяется белым металлом и даже медью, настоящие кораллы—поддельными, тем не менее серебра все же и на бедных монголках бывает довольно. „Зато, добавляет к этому последнему замечанию Г. Н. Потанин [1]), эта масса блестящего металла мешается с грязью намазанных клеем и никогда не причесываемых волос и заношенной шубы".

Предметом щегольства у женщин Халхи служит не только описанный выше убор, который достигает иногда значительной стоимости, но и серьги, браслеты и кольца преимущественно из серебра—наиболее ценимого у монголов металла.

Все эти украшения, довольно грубые и массивные—туземной выделки, так как ювелирное дело—одно из немногих ремесл или искусств, которые мы находим у халхасцев и которые у них в чести; Потанин [2]) даже пишет, что среди них встречаются очень хорошие серебряных дел мастера. Серьги во всей Халхе делаются по одному типу: это—вершиной своей висящий в мочке уха трехугольник из серебряной проволоки, к основанию которого припаяны различные привески с камнями и без них. Браслеты представляют из себя обычно массивные, лишенные орнамента, обручи, и тот же характер имеют и кольца.

[1]) Op. cit., II, стр. 106.

[2]) Ibid.

ОТПЕЧАТОК

Косы свои халхаские девушки украшают еще вплетаемыми в них красными лентами и подвешиваемыми к ним серебряными монетами, которые играют иногда в Халхе и роль пуговиц.

И. Майский [1]) указывает еще на одну черту кокетства халхаских женщин привиллегированного класса: это обычай клеить на обе щеки по одной красной мушке. Право носить красную мушку—их преимущество, и по красной точке на щеке всегда можно узнать в встречной женщине представительницу высшего сословия в государстве [2]).

В заключение следует отметить, что халхаские женщины предпочитают яркие, кричащие цвета (за исключением зеленого) более темным.

Жилищем халхасцу служит юрта (гыр).

Халхаская юрта—общемонгольского типа и, как и урянхайская, состоит из деревянной основы и войлочного покрова. Основа состоит из решетки (терьмэ), которая сбирается из нескольких, связываемых между собою шерстяною тесьмою частей (хан) и ставится в круг, дополняясь деревянной дверью [3]), стрел (унин) и верхнего обруча (харачи или тон) с отверстиями для стрел и со связывающими его по диагоналям дугообразно изогнутыми деревянными крестовинами (цамхык) [4]). Унины вставляются в отверстия тона, другими своими концами подвязываются к верхнему краю решетки, и этим заканчивается установка деревянной основы юрты, после чего переходят к покрытию ее войлоками. Эти войлоки состоят из нескольких полостей. В первую очередь настилаются те из них, которые предназначены для покрытия решетчатой стены юрты и называются дэбирь; они поддержи-

[1]) Ibid.

[2]) Этот обычай существует, впрочем, и у буряток.

[3]) Для того, чтобы эта решетчатая стена не спадала и не раз'езжалась, ее стягивают широкой шерстяной лентой, концы которой, охватив косяки двери, заворачиваются внутрь и там привязываются к решеткам.

[4]) У *Н. Харузина* („История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России", 1896, стр. 28) эти крестовины названы „цагрык".

ваются широкой, охватывающей юрту шерстяной лентой и в случае нужды—волосяными арканами; засим, накидывают на стрелы соответственного покроя полости (туурдюк), которые и подвязываются к ним длинными шерстяными тесьминами, одним из концов своих подшитыми к туурдюку; далее, на тон накидывают уркэ—особого покроя кроющий верх юрты войлок, который может по желанию откидываться назад и снабжен широкими тесемками, при помощи которых его закрепляют на месте; наконец, навешивается войлочная дверь, прикрывающая на ночь двустворчатую деревянную (халга), и юрта считается готовой к приему своих жильцов [1]).

Дверью халхаские юрты ставятся всегда на юго-восток.

Деревянная дощатая дверь и прямые стрелы составляют особенности монгольской юрты, отличающие ее от киргизской. Наружная войлочная дверь кроется у халхасцев материей, которая простегивается различными узорами—тоже особенность, не встречающаяся у значительного большинства киргизских юрт [2]), которые щеголяют, главным образом, своими цветными, с ковровым рисунком, широкими шерстяными лентами, как стягивающими решетчатые их стены, так и служащими для прикрепления к деревянной основе ее войлочных полостей; у халхасцев эти тесмины и ленты обыкновенно плетутся из белой шерсти, которая быстро темнеет от грязи и дыма. Впрочем, в богатых халхаских юртах внутренние их стены

[1]) У *И. А. Житецкого*—„Очерк быта астраханских калмыков" в „Труд. отд. этногр. И. Общ. Люб. Естеств., Антроп. и Этногр.", XII, 1 (цит. у *Н. Харузина*, op. cit.) войлочные полости, служащие для покрытия калмыцкой юрты, носят иные названия: войлок, покрывающий терьмэ—„иргебчи", унины—„турго" и „дебер", причем эти названия относятся к различным полостям: „турго"—к покрывающим нижние части унин, „дебер"—к покрывающим верхние их части, в чем обнаруживается отличие между халхаским и калмыцким юртовыми покровами, войлочная дверь—„ишигэ удун", войлочный покров дымового отверстия—„öркэ".

[2]) Дверь киргизской юрты делается, впрочем, также часто двойной: внутренняя из чиевой циновки, иногда украшаемой пестрым узором, и наружная из войлока; иногда обе сшиваются вместе. О киргизской юрте см. ниже гл. VIII.

© ГПНТБ СО РАН

обвешиваются цветными бумажными и шелковыми материями, которые и придают им довольно нарядную внешность, скрывая дефекты.

На зиму в богатых юртах дэбирь навешивается двойной [1]).

При входе в монгольскую юрту первое, что бросается в ней в глаза, это—божница (бурхану ширэгэ) [2]), помещаемая как раз против дверей [3]). Алтарь обыкновенно образуют два сундучка, поставленных один на другой, реже— особый столик, накрываемый шелковой тканью. На нем устанавливаются: на заднем плане бронзовые бурханы, на переднем—чаша с коровьим маслом для возжиганий, подставка для курительных тибетских свечей (худжи) и ряд небольших чашечек (цокцо) с араком, чаем, хлебными зернами, сыром и проч.

В большинстве юрт бронзовые бурханы заменяются иконами, писанными на бумаге или бязи, которые и подвеши-

---

[1]) В безлесных местностях, именно в большинстве хошунов Дзасактухан'овского аймака, деревянная юртовая основа делается не самими монголами, а приобретается ими в готовом виде либо в богатых лесом хошунах, либо в Урге и Улясутае, где до 1911 г. имелись китайские мастерские, специально занимавшиеся их изготовлением. Средняя их цена для юрты наиболее употребительных размеров (в 3 хана) не превышала 4 лан серебра.

[2]) У калмыков, по словам *Житецкого*, ibid., алтарь носит название „таклын ширэ", помещающийся же на нем ящик с бурханами—„хобол".

[3]) Это место считалось у монголов всегда наиболее почетным. У *Галсан Гомбоева* („О древних монгольских обычаях и суевериях, описанных у Плано Карпини" в „Труд. вост. отд. И. Археол. Общ.", 1857, IV, 1, стр. 240) читаем: „В древности, до принятия монголами буддизма, глава дома сидел против двери; ныне он сидит по левую сторону божницы; за ним—жена и прочие женщины; мужчины же занимают место на противоположной стороне юрты, которая носит название „барагун хоймор"—правого хоймора в отличие от хозяйской половины—„дзэгун хоймор". Садиться в хойморе без особого на то приглашения считается невежливым; говорится: „магу кумун хоймор тэмэцэху, мухур укэр худдук тэмэцэху"—дурак лезет в хоймор (подобно тому), как комолая корова к колодцу. *Плано Карпини* замечает, что у Батыя его братья, сыновья и другие вельможи садились в средней части юрты, на поставленных тут скамьях; это значит, что они из уважения к Батыю не пробирались в хоймор. Послов, ехавших к императору, сажали на левой стороне юрты и, вероятно, около самой двери: это место самое низкое.

ваются над алтарем к юртовым стрелам. Засим, в целях украшения алтаря, на нем расставляются различные фигурки и раскладываются искусственные цветы и другие соответственные предметы. Вправо от божницы, если смотреть от дверей, помещается сундук (абдра), в котором хранится праздничная одежда хозяев и домашний скарб, а затем низкая, без ножек, прикрытая стеганым войлочным тюфяком (шердык) деревянная кровать, в изголовье которой лежит обыкновенно цилиндрической формы туго набитый шерстью валик из цветной ткани [1]). Постельного белья и одеял в Халхе даже в княжеских семьях не знают и на ночь укрываются шубами и халатами [2]). Засим, далее вдоль той же стены, между кроватью и дверью, последовательно располагаются: горка (табур) из двух-трех полок с уставленной на ней посудой и ящики с провизией. Иногда последние устанавливаются вдоль противоположной стены, а здесь отводится место для мешков с хлебом и седел. Влево от двери—место для деревянной стойки, служащей для подвески кожаных мешков с кислым молоком, маслом и кумысом, а также узд и предметов охотничьего промысла, а далее—место, отводимое в бедных семьях ягнятам и даже телятам; оно отделяется от божницы сундуком, служащим для хранения домашнего скарба.

В середине юрты устраивается очаг из камней, который у состоятельных халхасцев заменяется железным таганом (тулга) китайской работы, а ее пол вокруг этого очага устилается войлоком и поверх его шердыками, крытыми цветной тканью и служащими тюфяками для младших членов семьи [3]).

---

[1]) *Майский*, op. cit., стр. 49, пишет, что монголы Халхи подушек не знают; это не совсем так. См. *Потанин*, op. cit., II, стр. 109.

[2]) В княжеских семьях южной Монголии и Ордоса, успевших уже значительно окитаиться, одеяла все более и более входят в употребление.

[3]) Ложа взрослых и младших членов семьи не разделяются в Халхе пологом подобно тому, как мы это видим, например, в палатках кукунорских панака. Однако у тарбагатайских торгоутов, по словам *А. А. Ивановского*, такие пологи (кöшкэ) в употреблении.

© НЭБ СОРАН

В более состоятельных семьях эту обстановку юрты дополняет небольшой красный лакированный столик китайской работы (ширэ), который во время трапезы ставится перед почетным гостем.

Обстановка более обширных княжеских юрт, войлочный покров которых обшивается иногда брезентом или цветной далембой [1]), несколько иная. Кухня из них изгоняется; на горках виднеются лишь фарфоровые, оправленные в серебро деревянные и более ценные металлические изделия; пол поверх кошем устилается алашаньскими коврами [2]); такие же ковры или ковры, доставленные из Туркестана, покрывают и сундуки; вместо очага ставится русская железная печь. Вообще княжеские юрты имеют и более нарядный и более уютный и опрятный вид, чем юрты даже наиболее состоятельных из халхасцев, что указывает на то, что поездки князей в Пекин не остались без влияния на развитие у них стремления к бóльшей опрятности и комфорту.

За последнее время князья стали возводить в своих ставках постоянные постройки—байшины, в которых и проводят часть года; обыкновенно это небольшие, глинобитные, дощатые или бревенчатые и тогда ярко окрашенные здания китайского типа, внутри оклеенные выписанными из России обоями. Некоторые князья пошли в этом отношении еще дальше и стали строить себе дома в русском стиле. И. Майский [3]) описывает один из таких домов, который ему пришлось посетить в Вангай-хуре, т. е. в ставке хотохойтского князя Дурукчи-вана [4]). Вот, что он о нем пишет: „Это пре-

[1]) *Майский*, op. cit., стр. 49.

[2]) Монголам ковровое производство неизвестно. Исключение представляют лишь ölёты Ала-шаня. К ним это производство могло быть, однако, занесено теми хотонами, которые в настоящее время ничем уже кроме магометанской религии не отличаются от ölётской массы, среди которой они живут. Алашаньские ковры ближе всего напоминают кара-киргизские, хотя у немногих, виденных мною, узор отличался большею сложностью, характеризуясь преобладанием белого цвета, почти отсутствующего на кара-киргизских коврах.

[3]) Op. cit., стр. 50.

[4]) См. выше стр. 264.

красное двухэтажное здание обычного русского типа с большими окнами, стеклянной галлереей, балконом и железной крышей, выкрашенной в зеленый цвет. На крыше—изящно сделанные железные трубы с коньками, под крышей и у окон—красивые резные украшения. Общее впечатление портит только пристроенная с одной стороны на высоте второго этажа площадка, к которой снизу ведет ярко-голубая лестница. Несмотря на это, дом Дурукчи-вана смело мог-бы стать украшением любого сибирского города. Во внутреннем его убранстве стиль, однако, не вполне выдержан. Правда, в доме имеется одна „европейская“ комната, обставленная совсем по-русски, зато в остальных, общее число коих десять, Европа самым причудливым образом смешивается с Азией. Тюлевые гардины на окнах как-то плохо гармонируют с низкими монгольскими сидениями, русские часы на стене кажутся неуместными рядом с кожаным мешком для кумыса. Вообще часов в доме чрезвычайно много, что-то около сотни, самого разнообразного вида и характера—дамских, мужских карманных, стоячих, будильников, с музыкой, с кукушкой и т. д., и все они идут, наполняя воздух тиканьем, звоном, криком, стуком и отрывками арий великих композиторов. Часы—это одна из слабостей хозяина дома, другой же слабостью является постоянное его перекрашивание дома. Когда я проезжал через Вангин-хурэ (Вангай-хурэ), княжеский дом был темно-желтого цвета. Перед тем он был синего, малинового и зеленого. Каждый раз, как князь ездит в Ургу, он привозит с собой оттуда какую-нибудь новую краску и сейчас же созывает местных маляров. В момент моего посещения князя не было в ставке, он по каким-то делам уехал в столицу, и его дворня ломала себе голову над вопросом о том, в какой цвет придется теперь перекрашивать дом: голубой или красный“.

Палатки в Халхе не в употреблении; только на больших празднествах, устраиваемых при монастырях, распоряжением начальства этих последних для князей, лам высших степеней и почетных гостей, следуя в этом случае китайскому обычаю, разбиваются иногда шатры, сшитые из грубой, цветной, китайской бумажной материи. Даже, когда халхасцу прихо-

ОГПИБ СОПАН

дится отправляться куда-нибудь в далекий путь зимой, он берет с собой не палатку, а так называемый абахай, т. е. небольшой шалаш из войлока конусообразной формы [1]).

Посуда и помещения для хранения пищевых продуктов, как твердых, так и жидких, у халхасцев не отличаются особым разнообразием. Кроме чугунного котла (тебиш), имеющегося даже в самом бедном хозяйстве, мы находим у них медный ковш на деревянной длинной ручке (шиныk), поварешку, несколько деревянных, обтянутых медными обручами, или металлических домб и ведер (суулгы), два-три деревянных корытца или плоских блюда для талкана [2]) и вареного мяса, деревянную ступку для толчения проса и кирпичного чая и несколько деревянных чашек, в редких лишь случаях заменяемых фарфоровыми. Этот список дополняют: черпак (тунгютюрь), плетеный из ивовых прутьев или стеблей Lasiagrostis splendens (дэрису), за последнее лишь время получивший в Халхе популярность, но имеющийся далеко не в каждом хозяйстве, русский эмалированный чайник и несколько мешков из кожи для хранения жидких продуктов питания. Наконец, к числу принадлежностей халхаской кухни могут быть отнесены: метелка для очистки котла, железные щипцы для углей, плетеные из ивовых прутьев корзины для сбора аргала, т. е. служащего в Монголии топливом сухого скотского помета, и сабур — род деревянных грабель с длинными, загнутыми внутрь зубьями, которыми подхватывается с земли аргал и бросается засим в находящуюся за плечами корзину.

Халхасец — кочевник по преимуществу, и только нужда заставляет его браться за дело, которое прикрепляет его к одному месту. Будучи скотоводом, он в прежнее время промышлял и охотой, но теперь зверь в степи и в горах стал встречаться реже [3]),

[1]) *Майский*, op. cit., стр. 50.

[2]) Так называется в Халхе поджаренная ячменная мука.

[3]) Что количество диких животных быстро убывает в Монгольской степи, это общее мнение всех монголов; но твердых данных, на которых можно было-бы построить такой вывод, мы не имеем. Что, впрочем, охота в XIII веке играла большую роль в жизни монгола, это можно заключить из некоторых мест „Юань-чао-ми-ши“. Так, например, мы там читаем

промысел этот пал [1]), и только требование в конце прошлого столетия на сурка заставило его взяться вновь за ружье, а засим добывать его более дешевым, описываемым ниже, способом. В соответствии с этим среди предметов халхаского обихода мы не найдем тех предметов, которые сразу же бросаются в глаза при посещении жилища сойота-тоджинца — оружия и снарядов для охоты на зверя. Халхасцы, живя даже в области богатых рыбой водных бассейнов, не отдаются рыбному промыслу [2]), и то, за что они

(„Труды членов Российск. дух. миссии в Пекине“, IV, 1866, стр. 61—62): „Алтань и другие, посоветовавшись целым обществом, об'явили Темучжиню: Мы хотим провозгласить тебя царем. Когда ты будешь царем, то... в облавах на зверей мы будем выступать прежде других и пойманных нами зверей отдавать тебе...“. Позднее в послании к тому же Алтаню Чингис-хан говорит: „Избранный ханом, я подумал, что обязан обогатить тех, кто был мне предан, и все, что я приобретал: скот, женщин и детей, все это я отдавал вам; облавой я сгонял вам животных степи; с гор я гнал вам горных животных...“

[1]) Этому взгляду, находящему себе подтверждение как в той беспомощности, какую проявляют халхасцы в борьбе с степным хищником — серым волком, так и в сравнительно редких случаях встречи среди них обладателя огнестрельного оружия, противоречат, однако, следующие сведения, по данным китайского таможенного управления и местных купцов, о вывозе в 1908 г. из Урги пушного товара, которые мы находим в № 26, стр. 580, „Вестн. Фин., Пром. и Торг.“ за 1909 г. (цит. у *Флавдена* — „Вывоз сырья из Монголии“, в сборнике „Московская торговая экспедиция в Монголию“, стр. 327).

вывезено шкур:	в Калган:	в Кяхту:
сурковых	500.000 шт.	1.556.500 шт.
беличьих	1.400.000 „	162.740 „
волчьих	120.000 „	1.314 „
красной лисицы . .	150.000 „	15.456 „
степной „ . .	80.000 „	—
хорьковых	—	1.313 „
собольих	200 „	47 „
рысьих	3.500 „	479 „
дикой кошки	50.000 „	—

Впрочем в этот счет вошла и пушнина, доставленная в Ургу как из Дархатской земли, так и из Урянхайского края (частью).

[2]) Только в районе оз. Косогола, видимо под воздействием русских монголы ловят сравнительно много рыбы, сами едят ее и даже кормят ею

ОТПЕЧАТОК

еще, хотя и с большой неохотой, берутся, это — земледелие; но необходимые им при этом снаряды оставляются ими на пашнях в особых шалашах или в лучшем случае в небольших байшинах в полной уверенности, что они там и без надзора останутся в полной сохранности.

На сурка ради его мяса в Халхе охотились и до об'явившегося на него спроса как пушного зверя. Но когда их было еще много, эта охота не представляла никаких трудностей; даже детям удавалось тогда убивать их палками. Ныне она значительно осложнилась. Хищническое, беспощадное их истребление привело к тому, что они исчезли во многих местах, в других уменьшились на много в числе, стали пугливее, осторожнее, и теперь за ними приходится уже ходить далеко в горы, поднимаясь подчас на едва доступные выси [1]).

Сурка (тарбагана) бьют из ружей, ловят капканами, но чаще всего на них ходят с особым ломиком (царликом), представляющим тяжелую палку с железным наконечником, и с приученной к их ловле собакой. Ломиком разворачивают их норы, выгоняя их на насторожившуюся собаку; иногда разворачивают лишь устье норы и, раскладывая в нем огонь, выкуривают зверька; иногда того же результата достигают,

в зимнее время свой скот. По всей остальной Монголии местное население рыболовством совершенно не занимается и даже относится к этому промыслу с явным предубеждением. Заставить обыкновенного рядового монгола с'есть рыбу дело почти невозможное (*Майский*, op. cit., стр. 141).

[1]) С 1910 года на рынке начался сурковый кризис, цены на сурка сильно упали, и истребление его в Монголии несколько ослабело; так, по данным таможенной статистики в 1913 г. из Монголии в Россию вывезено было свыше миллиона сурковых шкурок, а в следующем уже только 600.000 штук. В дальнейшем, благодаря мировой войне, спрос на сурка почти прекратился, и бедный зверек мог несколько отдохнуть от жестоких преследований. Когда в 1919—1920 г.г. *И. Майский* (op. cit., стр. 139) проезжал местностью между реками Тола и Орхон, страна эта вновь изобиловала сурками, причем многочисленные их норы затрудняли даже езду по степи. Видимо, несколько лет запуска способствовало сильному их размножению; тем не менее, по отзыву старожилов, говорит *Майский*, „теперь совсем не то", что было раньше, и количество сурка против „доброго старого времени сократилось по крайней мере на половину".

затопляя нору водой из соседнего ручейка. Описанный выше ломик составляет, таким образом, почти единственное орудие охоты у большинства халхасцев, занимающихся тарбаганьим промыслом. Он развит только в Хангае, где тарбаган водится еще в большом числе [1]) и почти вовсе не производится в прочих хошунах Западной Халхи.

Промышляют сурка весной и осенью. Августовский и сентябрьский дают наилучший товар, отличающийся мягкой шерстью, шелковистостью и „сочностью" общего вида меха. Весенний сурок, добываемый из нор с конца марта до конца мая, слабее осеннего и расценивается процентов на 20 дешевле [2]); в это время он уже начинает линять.

Там в Халхе, где существует тарбаганий промысел, там производится и добыча из нор полевок (урген) мякира (Polygonum viviparum), о чем мне уже приходилось писать выше [3]), причем главным орудием этого промысла служит халхасцу та же с железным наконечником палка — царлик.

В степных хошунах Халхи предметами охотничьего промысла служат: джигетай (Equus hemionus), дзэрэн (Gazella gutturosa) и сульта, также хара-сульта (Gazella subgutturosa), но насколько слабо развит здесь в настоящее время этот промысел, это лучше всего показывает, как говорилось уже выше, та беспомощность, какую обнаруживают халхасцы в борьбе с страшным бичем их стад — мирским захребетником, серым волком, который именно в хошунах западной Халхи очень еще многочислен. В этих хошунах, при сравнительной редкости населения и кочевий, разделенных обширными участками пустыни, эпизотии составляют явление очень редкое, но убыль в них скота вследствие стихийных причин, благодаря этому дерзкому хищнику, все же не меньшая, чем в хошунах восточной Халхи.

[1]) Улясутайский, т. е. хангайский сурок считается на Ирбитской ярмарке лучшим.

[2]) *Бюлепов* и *Соболев* — „Очерки русско-монгольской торговли" („Труды Томского общ. изуч. Сибири", I, 1911, стр. 342).

[3]) См. т. I, стр. 504—506.

ОТДЕЛ ВОСТОКА

С культурой земли в Западной Халхе мы встречаемся на северо-восточных склонах Гобийского Алтая, на южных склонах Хангая и местами в горах Хан-хухэй (Хан-коко).

Как и повсеместно в Центральной Азии, посевы в Халхе производятся лишь там, где возможно искусственное орошение полей; посевов под дождь алтайские и хангайские халхасцы не знают [1]). Обработка этих полей самая примитивная. Монгольский плуг только бороздит землю, углубляясь в нее едва на 3—4 вершка [2]), а так как удобрительных туков монголы в нее не вводят, то она истощается уже после трех последовательно снятых урожаев, и ее приходится запускать на срок от 6 до 10 лет; но и после этого крайнего срока она не восстанавливается до прежней своей урожайности—сам 8—10, что об'ясняется, главным образом, редкостью в этих районах атмосферных осадков и гроз.

Внешний вид монгольских полей не привлекателен: земля вспахана плохо, заборонена кое-как, засеяна неровно, местами посев заглушают сорные травы. Тем не менее, как указывалось выше, их урожайность довольно высокая. благодаря богатству местных почв такими солями, которые необходимы для растительной жизни. В странах с континентальным климатом, бедных атмосферными осадками, почвы не выщелачиваются и содержат в верхних своих слоях часто даже в избыточном количестве калийные соли, почему при применении к таким почвам искусственного орошения соли эти растворяются и дают им то плодородие, которое обеспечивает халхасцам урожайность их полей. Если они и выпахиваются через три-четыре года, то это всецело должно быть отнесено к утрате ими азотистых соединений: не следует забывать, что халхасцы большею частью не жнут, а выдергивают хлеб с корнем, не оставляя почве даже того небольшого количества азотистых соединений, которое содержит солома, а затем,

[1]) Такие посевы производятся, однако, в бассейне Селенги.

[2]) Фотографический снимок монгольского плуга и об'яснительный его чертеж даны *А. Рудневым* в его заметке „Плуг у восточных монголов", помещ. в „Жив. Стар.", 1911, XX, вып. II, стр. 301 и 302.

как говорилось уже выше, редкость дождей и гроз об'ясняет медленное накопление в почве азота воздуха.

В Алтайском районе сеют почти исключительно ячмень, в долинах Байдарика и Туин-гола сверх того и пшеницу.

Халхаский плуг тяжелее и грубее китайского; им пашут, предварительно смочив водой почву. Но тогда как китайцы после повторной пахоты подвергают ее дальнейшему измельчению неоднократной бороньбой, причем сверх того комья земли разбиваются ими каменными вальками или особыми колотушками, халхасцы ограничиваются лишь тем, что забаранивают проведенные в земле борозды.

Наилучшие урожаи в Монголии дают суглинистые темные почвы, но таких там немного, в виду чего халхасцам приходится нередко довольствоваться и песчанистыми глинами.

В Сайн-ноин'овском и Дзасакту-хан'овском аймаках для занятия хлебопашеством не требуется испрашивать особых разрешений хошунных властей: на отведенной хошуном под посев территории каждый волен занять приглянувшийся ему участок земли, причем первый поднявший целину и считается владельцем поля.

В настоящее время ургинское правительство, озабоченное под'емом благосостояния страны, принимает некоторые меры к развитию монгольского земледелия; так, в 1917 году оно издало указ, обязывавший население сеять хлеб. Хошуны поняли его как новую повинность, и отнеслись к проведению его в жизнь как к повинности, назначая к обработке земли известное количество семей, достаточное для засева 1—2-х десятин; но так как земледелие считается у монголов тяжелой повинностью, то на роль невольных хлебопашцев стали попадать, главным образом, хамджилга, как люди зависимые. Впрочем не всюду этот указ богдо-гэгэна был принят к исполнению. Нашлись протестанты. Дзаин-шаби, например, решительно отказалось выполнять распоряжение главы церкви и государства. Местные духовные власти вошли в Ургу с представлением, в котором доносили, что находят земледелие делом несогласным с заветами великих святителей церкви и что они не признают возможным искажать природу своей

© ЦНБ СОРАН

страны разворачиванием почвы. Этот протест оставлен был в Урге без последствий, за противодействие же правительственному распоряжению на Дзаин-шаби наложен был штраф. Этот штраф уплачивается непокорным княжеством уже несколько лет, и трудно предвидеть, кто—упорствующее-ли в отказе завести у себя земледелие шаби или правительство одержит в этом деле победу [1]).

Столь же враждебно ламайское духовенство относится и к горному промыслу [2]); тем не менее, золото издавна, хотя и тайно [3]), моется халхасцами, и притом не только простонародьем, но и князьями, как во многих местах на южных склонах Хангая, так и в Гобийском Алтае. С бо́льшей достоверностью известны месторождения драгоценного металла на южном склоне нагорья Укёк, в Хангае, где золотоносные площади особенно многочисленны к востоку от станции Ологой, в хошуне Цоктой туше-гуна [4]). Эта местность вошла в состав концессии, выданной ургинским правительством русскому золотопромышленному обществу „Немчинов, Синицын и К⁰“, не успевшему впрочем развить здесь сколько-нибудь значительной деятельности.

Промывка золотодержащих песков ведется монголами самыми примитивными способами, не отличающимися от тех, которые мы встречаем у китайцев [5]).

---

[1]) *Майский*, op. cit., стр. 229.

[2]) См. *Майский*, op. cit., стр. 220, который рассказывает случай распадения образовавшегося было горнопромышленного предприятия, намеревавшегося приступить к разработке горных богатств страны на монгольские капиталы, вследствие того противодействия, какое оно встретило со стороны значительной части духовенства.

[3]) Самовольная разработка золотых приисков в прежнее время строго преследовалась китайским правительством; карается она и нынешним ургинским правительством, об'явившим недра земли государственной собственностью.

[4]) *А. Позднеев*—„Монголия и монголы“, I, стр. 209, пишет: „в хошуне Ма-гуна“. Цоктой туше-гун современное название этого хошуна.

[5]) Один из китайских приемов промывки золотосодержащих песков описан был мной на стр. 303—304 т. II „Опис. путешествия в Западный Китай“.

Кроме золотых розсыпей из горных богатств своей страны монголы эксплоатируют к западу от меридиана оз. Косогола только залежи соли, добывая ее, однако, в количествах, не превышающих местной потребности. Что же касается обрабатывающей промышленности, то в этом отношении халхасцы занимают одно из самых последних мест среди кочевых племен Азии. Как выше уже указывалось, среди них встречаются иногда даже порядочные серебряных дел мастера, но их мало; засим в Халхе можно найти и других ремесленников [1])—столяров [2]), кузнецов [3]) и сапожников, чаще всего лиц, об'единяющих все эти мастерства, но их изделия обыкновенно очень грубы и далеко не покрывают требований рынка, в виду чего населению приходится приобретать у китайцев покупкой не только седла, деревянные чашки, обувь, металлические изделия, но и такие предметы, как деревянные части юрт, деревянные блюда и корытца [4]). Лучше несколько поставлена у халхасцев переработка продуктов скотоводства—выделка овчин, сыромяти, производство кошем и войлочных изделий и т. д., но к этому я перейду ниже, предварительно ознакомив читателя с приемами их скотоводческого хозяйства; теперь же еще замечу, что единственное из распространенных в Халхе производств, которое незнакомо кочевникам западной половины Средней Азии, это— корзиночное: халхаские женщины довольно искусно плетут из ивовых прутьев корзины для сбора аргала и черпаки, о которых мне уже приходилось говорить выше.

---

[1]) В Халхе, как и в остальной Монголии, ремесленность наиболее развита среди лам, что об'ясняется часто требующимся ремонтом монастырских зданий.

[2]) Столяр—название не вполне определяющее круг тех работ—изготовление предметов бытового и хозяйственного потребления масс: телег, ханов и других частей юртовой деревянной основы, домб, деревянных блюд, корыт и проч., которые мастеру приходится выполнять; одновременно он и плотник и резчик и бондарь.

[3]) Кузнец одновременно всегда и литейщик.

[4]) Китайские ремесленники, в большом количестве изготовляющие из местного лесного материала все эти предметы, имеются как в Урге, так и в Улясутае.

© ГПНТБ СОРАН

Это и все, что можно сказать о встречаемых нами в Халхе слабых зачатках промышленности вне скотоводства [1]).

Но если хозяйственная энергия и мысль монгола замкнулись в тесном кругу скотоводческого хозяйства, то посмотрим, каких достиг он здесь результатов.

Д. Клеменц высказал совершенно верную мысль, что в Монголии кочевое скотоводство является наиболее рациональной формой использования естественных ресурсов страны. В особенности это верно в отношении тех частей Западной Монголии к югу от хр. Танну-ола, где по тем или иным причинам невозможны покосы, а к числу таких территорий должны быть отнесены по меньшей мере 70% утилизируемых в ней в настоящее время пастбищных площадей. Это будут:

1) высокие зоны гор, посещаемые кочевниками только в летние месяцы;

2) крутые горные склоны;

3) пади с почвой, прикрытой щебнем, среди которого растительность образует лишь небольшие острова или где она прячется в камнях;

4) кустовый сплошняк, среди которого скот находит, однако, для себя вполне достаточный корм;

5) горные склоны, хотя и поросшие злаками и травами полынной формации, но настолько редко, что эта растительность нигде не образует хотя-бы сколько-нибудь значительных дерновинок, и голая почва всюду просвечивает настолько, что цвет ее является доминирующим в окраске ландшафта; это—самые распространенные пастбищные угодья на всем протяжении Гобийского Алтая, в бассейне Кобдо, на южных склонах Хангая;

[1]) Для полноты картины можно указать еще на две статьи заработка халхасцев, населяющих ближайшие окрестности г. Улясутая: на сбор грибов, преимущественно маслеников (Boletus luteus, L), которые сушатся ими и в довольно большом количестве продаются затем китайцам, отправляющим их в Куку-хото и далее внутрь Китая, и на добычу древесного угля, имеющего большой спрос в городе (см. *А. Позднеев*—„Города северной Монголии“, стр. 87—88).

6) долины, служившие некогда ложем ледников;

7) устланные валунами и крупной галькой берега горных потоков;

8) солонцы, за исключением тех их частей, где камыши образуют сплошные острова зелени;

9) наконец, даже заболачиваемые части речных долин, на которых кустарник и крупная галька препятствуют сенокошению.

Эти природные условия не учитываются теми, кто огулом обвиняет монголов в пассивном отношении к судьбе своего скота, проводящего зиму на подножном корму и часто гибнущего весной от бескормицы. Конечно, в Монголии имеются местности, и их особенно много в восточной Халхе, где заготовка сена на зиму—дело вполне возможное [1]), но характер монгола и его отношение к животному складывались не в таких одаренных природой местах, а на широком пространстве каменистых степей с редкой растительностью. Достаточно хорошо известно, с каким пренебрежением относятся к лесным богатствам своей родины русские крестьяне; то-же можно сказать и о крестьянах Германии и китайцах. Но это потому, что народный характер как к северу от Альп и в восточной Европе, так и в бассейне Желтой реки [2]), складывался в условиях непрестанной борьбы с лесным засильем, борьбы, растянувшейся на многие столетия и в России далеко не везде и ныне законченной. Что верно в одном случае, должно быть справедливо и в другом, по отношению к мон-

[1]) Это там ныне и осуществляется как русскими скотопромышленниками, так и монголами, которые, впрочем, нередко продают русским свои заготовки.

[2]) Некогда (за XXV столетий до Р. Хр.) весь бассейн Желтой реки к востоку от ее изгиба за исключением прилегавших к этой реке частей провинций Шань-си и Чжи-ли („Страны цветов“) был покрыт девственными лесами, населенными дикими охотничьими племенами, настолько в антропологическом отношении отличными от китайцев (племенами белокурой расы), что именно с того времени эти последние стали именовать себя „народом ста черноволосых семейств“. Последний лес в этом бассейне был уничтожен китайцами в танскую эпоху.

© ГПНТБ СО РАН

голу: в течение многих веков он жил в условиях, лишавших его возможности вследствие самых разнообразных причин заготовлять на зиму сено, и ныне не его лени следует приписать отсутствие у него забот об обеспечении скота кормом и помещением на зиму, а той инерции, которая в нем выработалась именно в этом вопросе и поддерживается современными природными условиями занимаемой им страны.

„Нельзя иначе уразуметь современное состояние народов, пишет Костомаров [1]), как проследивши прежние пути, по которым народ дошел до этого состояния; все признаки современной жизни не иначе могут иметь смысл, как только тогда, когда они рассматриваются как продукт предшедшего развития народных сил“...

Халха, войдя в конце XVII столетия в состав Китайского государства, с половины XVIII пребывала в полном покое, причем разграничение земель между хошунами положило предел свободному в ней перемещению народных масс [2]). Не то было в предшедшие времена. Вся страна находилась в вечном брожении. Достаточно ознакомиться с содержанием хотя-бы „Юань-чао-ми-ши“ для того, чтобы убедиться, насколько подвижны были в XIII веке границы земельных владений каждого племени или рода, насколько мало обеспечены были жизнь и достояние кочевника. В то время каждый мужчина был воин; он не расставался с оружием и жил в постоянной готовности покинуть свое кочевье, бежать, пользуясь тем,

[1]) „Истор. моногр.“, III, стр. 356, 359.

[2]) Аймаки и хошуны существовали у монголов Халхи и до подчинения их маньчжурам, но, повидимому, они обнимали собой только роды и племена, не распространяясь на определенные какими-либо соглашениями территории, что и создавало частые поводы к взаимным неудовольствиям и столкновениям. Это не значило, конечно, что территория Халхи находилась в общем пользовании всех монголов, и что хошун мог произвольно занимать под свои кочевья любую в ней местность, но только то, что границы кочевий отдельных племен отличались подвижностью, допускавшею более свободные, чем ныне, передвижения. В годины стихийных бедствий такие передвижения совершались обычно в большом масштабе, причем известны случаи, когда халхасцы ради спасения своих стад предпринимали далекие переходы, не стесняясь переступать даже государственную границу.

что все имущество его было подвижным. Он принужден был сторониться всего, что так или иначе прикрепляло его к земле, что могло послужить приманкой для хищника. Еще у хуннов возникла мысль построить ряд укрепленных пунктов в Монголии, снабдив их запасами хлеба, но она была оставлена, как несовместная с кочевым бытом, как мера, могущая послужить лишь на пользу врагам [1]). Вся сила кочевников, писали китайцы, заключается не в их многолюдстве, а в том, что они свободны как ветер и как ветер неуловимы, что вся их жизнь построена на началах, глубоко отличных от тех, в которых живут сыны Небесной империи. Кочевник не имеет родины; он легко расстается с вскормившей его страной, меняя ее на другую, представляющую равно благоприятные условия для жизни его стад; ничто не привязывает его к земле, с которой не связал его труд; все его имущество, повинуясь его воле, само перемещается туда, куда он его направляет; вот почему и настичь его, нанести ему невознаградимый урон, который на долго-бы подорвал его благосостояние и силы, так трудно и требует средств во много раз больших тех, которыми он располагает. Все это сознавали и сами кочевники, и величайшие их вожди всегда сознательно отклоняли их от усвоения ими элементов оседлой жизни.

Система монгольского скотоводческого хозяйства направлена к тому, чтобы с возможно меньшей затратой труда на заготовку сухого корма содержать возможно большее количество скота; поэтому монгол там, где это возможно, а в западной Халхе это далеко не везде возможно, заготовляет корм лишь в очень ограниченном количестве, на случай крайней нужды, а сам для прокормления своих стад перекочевывает постоянно с одного места на другое. При этом никакого деления на участки в границах территории, которая временем и обычаем закреплена за баком (общиной) и в его пределах — за „десятком“, в котором числится монгол, не существует, так как монголы считают, что скотоводством с успехом можно

[1]) *Иакинф* „Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена“, I, стр. 57.

ОТПЕЧАТАН

заниматься лишь при обширности и разнообразии кочевых угодий, что при участковом пользовании землей является невозможным. Действительно, чем чаще переменяет халхасец свои стойбища, тем лучше нагуливаются его стада [1]).

Перекочевки за пределы территории бака на соседние земли и в настоящее время случаются довольно часто, но не иначе, как с разрешения дарги того бака, на земли которого совершается передвижение; на более дальние перекочевки требуется сверх того и согласие князя; переход же из одного хошуна в другой допускается только по взаимному соглашению между собою князей обоих хошунов и допускается лишь в случаях сильных недородов и других стихийных бедствий в одном из двух соседних хошунов.

Как и везде в Средней Азии, для летовок кочевники Халхи избирают местности, которые не могут быть использованы зимой. Обычно это более высокие зоны гор, куда они постепенно передвигаются в мае и которые покидают уже в августе, чаще—в последних числах этого месяца, когда там начинают перепадать снега, и холодные утренники становятся обычным явлением.

Под зимовья избираются местности, мало или вовсе незаносимые зимой снегом, обыкновенно в долинах, укрытых от холодных ветров, на южных склонах гор, причем обращается внимание также на то, чтобы в их состав входили различные земли в пастбищном отношении. Особенно ценятся кочевниками районы, где на ряду с пресными пастбищами имеются и солонцы. Там, где их нет, скот, преимущественно овец и верблюдов, приходится подкармливать солью, что достигается тем, что к местам ночных лежек скота подвозится земля с солонцов, которая и складывается там в виде грядок.

[1]) *И. М. Морозов*—„Экономический очерк“ в сборнике „Московск. торг. экспед. в Монголию“, 1912, стр. 246. *И. Майский*, op. cit., стр. 116, делает ошибку, приписывая перекочевки халхасцев „непоседливости“ их характера, выработавшейся у них под воздействием „тысячелетней привычки к кочевому образу жизни“. Халхасцы, по его мнению, кочуют, „не соблюдая“, будто-бы, „никакой разумной последовательности и мало заботясь о завтрашнем дне“.

Характерным указанием недостатка соли в пище служит у овцы истечение из носа, затрудненное дыхание и изменение формы помета, принимающего вид раздельных орешков; наоборот, долгая пастьба на солонцах вызывает понос у ягнят и у более старых и слабых овец [1]). То-же наблюдается и у лошадей, начинающих быстро спадать с тела и проявлять усталость в движениях. Хорошо себя чувствует на солонце только верблюд.

По зимовью халхасца видно, что он далеко не безучастно относится к главному своему достоянию—скоту. Для себя он редко когда возводит стены, размещая среди них свои юрты, для скота же, главным образом для овец, почти всегда строит загоны в виде ограды, сложенной из дикого камня, или плетня из хвороста и камыша.

Использование зимних пастбищ ведется от худшего к лучшему следующим образом.

С выпадением первого снега устанавливается строгое распределение в использовании пастбищных угодий не только по месяцам и неделям, но даже по дням [2]), что находится, впрочем, в зависимости от состояния погоды.

Так, в начале зимы и в теплые дни стада гоняют на более отдаленные пастбища, оставляя ближние и защищенные от ветров в запас, на случай непогоды. Засим, так как овцы могут добывать корм из под рыхлого снега глубиной не свыше 5—6 вершков, то раньше всего вытравливают такие места, которые обычно заносятся снегом на бо́льшую глубину. Очень снежные зимы, случающиеся, впрочем, в западной Халхе редко, причиняют монголам и много горя и много лишних забот, особенно в отношении мелкого рогатого скота—коз и овец. Им отводятся лучшие участки пастбищ, наименее занесенные снегом, на которых их и держат до полного использования ими одевающей их растительности, после чего переводят на следующий участок. Если, благодаря морозам, снег чересчур уплотняется, то для приведения его в рыхлое состояние на

[1]) *Морозов*, op. cit., стр. 247.

[2]) *Морозов*, ibid.

ОТГБ ОРАН

такой участок выгоняют сначала лошадей, затем крупный рогатый скот и наконец уже мелкий, причем в первую голову маток и лишь затем баранов и валахов.

Несмотря на все эти меры, монголам редко удается оградить овец от сильного истощения за зиму: к весне они настолько худеют, что даже курдюки у них почти исчезают. Это истощение обусловливается большой затратой сил, расходуемых на отыскание себе корма из-под снега и на борьбу с непогодой—ветром, морозом и сыростью, а также на ежедневные переходы, иногда очень далекие, до пастбища и обратно [1]). Сухая же, выщелоченная за осень и потерявшая в значительной степени свои питательные свойства трава не в состоянии возместить утраченных за день сил, и животное начинает постепенно слабеть, причем иногда истощение его организма становится к весне уже столь полным, что оно не выдерживает случающихся в это время года буранных периодов, сопровождающихся обычно большими понижениями температуры, и погибает.

Чтобы спасти погибающее животное, халхасцы иногда накрывают его войлочной попонкой и подкармливают небольшими дачами либо сена, если оно заготовлено, либо той ветоши, которую им удастся собрать по ложбинам, либо, наконец, соломы в местностях, где развито земледелие; но конечно, все это делается лишь тогда, когда гибель от истощения угрожает немногим особям.

Крупный рогатый скот и лошади переносят обыкновенно зиму с меньшей потерей сил, но все-же и у этих животных истощение к весне достигает крайних пределов.

Эти хронические голодовки и вечная борьба с непогодой, конечно, не проходят для животного даром и в лучшем случае отзываются на продолжительности его жизни: тогда как в России лошадь, например, доживает до 30-ти лет и более,

[1]) На часто бесснежных северо-восточных склонах Гобийского Алтая, вообще в пределах Кобдинской Монголии, скот страдает, главным образом, от плохого питания на скудных пастбищах, а засим от низких температур и холодных ветров, часто достигающих силы бури в весеннее время.

лошадь в Халхе старше 20 лет составляет уже исключительное явление [1]). Пагубно отзываются они и на приплоде: животные его часто скидывают, если-же и выносят его до конца, то все же он часто гибнет, вследствие недостаточного последующего питания молоком матери.

При таких условиях не удивительно, что халхаские скот и лошади не отличаются высокими качествами, но на этом предмете я остановлюсь подробнее уже в следующей главе, когда буду говорить о каждом виде халхаских домашних животных отдельно, теперь же, говоря вообще о приемах скотоводческого хозяйства халхасцев, ограничусь еще одним замечанием.

Классификации пастбищ по их пригодности для того или иного вида животных в Халхе, собственно говоря, не существует, тем не менее, халхасцы все же стараются всегда отвести верблюдам, лошадям и крупному рогатому скоту местности с мягким грунтом, посылая в скалы и на каменистые склоны гор коз и баранов.

[1]) *Майский*, op. cit., стр. 117.

© ГПИБ СО РАН

ГЛАВА VII.

Народности, населяющие Западную Монголию.

Халхасцы.

(Продолжение).

Главной отраслью монгольского скотоводства в Халхе является овцеводство. Благодаря разнообразию доставляемых им для монгольского хозяйства продуктов, оно составляет, как выражается И. М. Морозов в своей статье об овцеводстве в Монголии [1]), фундамент кочевого быта в этой стране.

И прежде, когда в Халхе в полной мере господствовало натуральное хозяйство, значение в ней овцеводства было весьма велико, причем все виды монгольского скота оценивались овцою; с вторжением же в монгольское хозяйство денежного обращения и переходом торговли к современным ее видам—значение этой отрасли скотоводческого хозяйства халхасца, благодаря высокому пищевому достоинству бараньего мяса и сала и усиленному спросу на шерсть, увеличилось еще более.

До самого последнего времени мы не имели твердых данных для определения численного состава овцеводства как всей страны, так и в среднем на одно монгольское хозяйство в каждом хошуне; ныне же И. Майский дает нам эти данные [2]), воспользовавшись одной из тех переписей, которые с давних пор велись уже в Халхе [3]), но до сего времени

[1]) Loc. cit., стр. 241 и след.

[2]) Приложение № 9 к его кн. „Современная Монголия".

[3]) Они составлялись в силу требования ст. I, отд. II, „Монгольского Уложения". Перепись, которая была разработана *Майским*, была выполнена монголами в 1918 г.

оставались материалом, недоступным для европейца. Не следует, однако, придавать преувеличенного значения этому цифровому материалу. Если Майский считает [1]), что цифры скота шабинского ведомства настолько „явно" недостоверны, что ими „совершенно невозможно пользоваться", и что и прочие грешат значительным преуменьшением, приблизительно на 30% (почему, однако, только на 30?), то мы в праве и по адресу этих данных сделать то же замечание, какое находим у Майского [2]), который по поводу исчислений монгольского скота прежними исследователями Монголии иронизировал: „недурная статистика!" [3]). Впрочем, они дают нам опорный пункт: минимальную цифру скота в описываемой нами стране в конце 1918 г.

Выше мне приходилось уже отмечать тот факт, что хотогайту отличаются среди монголов западной Халхи своим достатком, и что в их среде встречаются богачи, владеющие

[1]) Op. cit., стр. 120.

[2]) Ibid.

[3]) Недостоверность цифровых данных в монгольской переписи 1918 г. распространяется не только на численность скотского населения в Монголии, но и на прочие исчисления, в этой переписи содержащиеся; так, соотношение полов в различных хошунах показывает трудно об'яснимые колебания; например, в хошуне Биширельту-дзасака (Дзасакту-хан'овского аймака) на сто душ приходится мужчин—73, женщин—27, в хошуне Итгемчиту-бэйсэ (Сайн-ноин'овского аймака) даже мужчин—83, женщин—17, а в хошуне Эсту-гуна (Тушету-хан'овского аймака) наоборот—мужчин 32, женщин—68; при этом даже во владениях духовных особ, в которых число монахов сравнительно велико, по крайней мере в 8 из 13, женский элемент показан преобладающим. Засим, не менее разноречивы показания этой переписи и касательно численных соотношений между количествами отдельных хозяйств в хошунах и общими цифрами населения последних; так, во владениях Джалханзы-хутухты на семью приходится в среднем 8,1 душ а в хошуне Уйдзин туше-гуна, находящегося в том же Дзасакту-ханов'ском аймаке, 1,6 д., и т. д. Столь очевидная недостоверность данных монгольской переписи 1918 года, конечно, в значительной мере подрывает ее значение как материала для выводов, что нелишне иметь в виду, когда читаешь книгу *И. Майского*, который, впрочем, не затушевывает несовершенства того статистического материала, которым ему пришлось оперировать.

© ГПБ

табунами в сотни голов лошадей [1]). Обращаясь же к статистическим таблицам, приложенным к книге Майского [2]), мы не находим в них соответственного подтверждения, как это видно из следующих приводимых в них числовых данных:

хошуны:	число юрт:	число душ:	число лошадей:	на юрту:	на душу:
Ахай-гун Цэдэн-дорчжи	823	5.942	5.338	6,4	0,9
Далай-гун Дорчжи Палма гун	654	3.537	8.103	12,3	2,3
Мергэн туше-гун	152	638	189	1,2	0,3
Дурехчи-ван	1.428	4.179	10.564	7,4	2,5
Цоктой-ван	530	2.422	3.651	6,8	1,5
			число верблюдов:		
Ахай-гун Цэдэн-дорчжи	823	5.942	300	0,3	0,05
Далай-гун Дорчжи Палма-гун	654	3.537	375	0,5	0,1
Мергэн туше-гун	152	638	9	0,05	0,01
Дурехчи-ван	1.428	4.179	702	0,4	0,1
Цоктой-ван	530	2.422	287	0,5	0,01
			число кр. рог. скота:		
Ахай-гун Цэдэн-дорчжи	823	5.942	8.228	9,9	1,3
Далай-гун Дорчжи Палма-гун	654	3.537	9.404	14,3	2,6
Мергэн туше-гун	152	638	548	3,6	0,8
Дурехчи-ван	1.428	4.179	6.691	4,6	1,6
Цоктой-ван	530	2.422	4.884	9,2	2,1
			число овец и коз:		
Ахай-гун Цэдэн-дорчжи	823	5.942	33.870	41,1	5,7
Далай-гун Дорчжи Палма-гун	654	3.537	42.413	64,8	11,9
Мергэн туше-гун	152	638	3.998	26,4	6,2
Дурехчи-ван	1.428	4.179	61.165	42,7	14,6
Цоктой-ван	530	2.422	31.818	60,0	13,1

Эти цифры становятся особенно показательными при сравнении их с данными о численном составе скотоводства

[1]) См. выше стр. 273.

[2]) Помещая ниже извлечения из этих таблиц, я внес в них лишь некоторые арифметические поправки.

в остальных халхаских хошунах Западной Монголии, причем, как уже говорилось выше, нам приходится с особою осторожностью относиться к цифрам, выведенным для владений шабинского ведомства [1]).

Дзасакту-хан'овский аймак.

хошуны:	число юрт:	число душ:	число лошадей:	на юрту:	на душу:
Ачит-ван Бичуку-дамба	1.584	5.941	15.533	9,1	2,6
Цэцэн-ван	2.291	10.152	12.705	5,5	1,2
Зорикту-ван	160	648	948	5,9	1,4
Батор-ван	684	3.984	3.735	5,4	0,9
Уйдзин туше-гун	640	1.064	1.700	2,6	1,5
Эрдэни-бэйсэ	459	2.078	5.458	11,8	2,6
Судзикту туше-гун	175	600	392	2,2	0,6
Дархан-бэйсэ	157	857	692	4,4	0,8
Дайчин-ван	2.026	7.641	4.796	2,3	0,6
Дзасакту-хан	2.382	11.043	10.289	4,3	0,9
Эсту-бейсэ	535	2.249	2.224	4,1	0,9
Ильдэн туше-гун	48	229	92	1,9	0,4
Джонон-ван	398	1.829	985	2,4	0,5
Биширельту-дзасак	114	359	206	1,8	0,5
Шаби Илагугсан-хутухта	262	1.387	2.702	10,3	1,9
„ Джалханза-хутухта [2])	545	2.003	2.074	3,8	0,1
„ Номун-хан-хутухта [3])	175	771	720	4,1	0,9
			число верблюдов:		
Ачит-ван Бичуку-дамба	1.584	5.941	2.548	1,6	0,4
Цэцэн-ван	2.291	10.152	2.421	1,0	0,2
Зорикту-ван	160	648	70	0,4	0,1
Батор-ван	684	3.984	842	1,2	0,2
Уйдзин туше-гун	640	1.064	176	0,2	0,1
Эрдэни-бэйсэ	459	2.078	1.523	3,3	0,7

[1]) Количество скота у шабинаров *И. Майский* исчислял на основании среднего количества скота, приходящегося на одну душу в группе податного населения.

[2]) Кочует в пределах хошуна хотогойтского князя Дурехчи-вана.

[3]) Кочует на землях Дзасакту-хана.

© ГНТБ СО РАН

Хошуны:	число юрт:	число душ:	число верблюдов:	на юрту:	на душу:
Судзикту туше-гун	175	600	180	1,0	0,3
Дархан-бэйсэ	157	857	332	2,1	0,3
Дайчин-ван	2.026	7.641	2.678	1,3	0,3
Дзасакту-хан	2.382	11.043	3.030	1,2	0,2
Эсту-бэйсэ	535	2.249	827	1,5	0,3
Ильдэн туше-гун	48	229	17	0,3	0,07
Джонон-ван	398	1.829	228	0,5	0,1
Биширельту-дзасак	114	359	112	0,9	0,3
Шаби Илагугсан-хутухта	262	1.387	122	0,4	0,09
„ Джалханза-хутухта	545	2.003	255	0,4	0,1
„ Номун-хан-хутухта	175	771	341	1,9	0,4
			число кр. рог. скота:		
Ачит-ван Бичуку-дамба	1.584	5.941	5.705	3,6	0,9
Цэцэн-ван	2.291	10.152	9.160	3,9	0,9
Зорикту-ван	160	648	641	4,0	0,9
Батор-ван	684	3.984	4.528	6,6	1,1
Уйдзин туше-гун	640	1.064	1.672	2,6	1,5
Эрдэни-бэйсэ	459	2.078	4.336	9,4	2,0
Судзикту туше-гун	175	600	562	3,2	0,9
Дархан-бэйсэ	157	857	2.300	14,6	2,6
Дайчин-ван	2.026	7.641	8.180	4,0	1,0
Дзасакту-хан	2.382	11.043	14.829	6,2	1,3
Эсту-бэйсэ	535	2.249	2.806	5,2	1,2
Ильдэн туше-гун	48	229	69	1,4	0,2
Джонон-ван	398	1.829	649	1,6	0,3
Биширельту-дзасак	114	359	141	1,2	0,3
Шаби Илагугсан-хутухта	262	1.387	4.722	18,4	3,4
„ Джалханза-хутухта	545	2.003	3.166	5,8	1,5
„ Номун-хан-хутухта	175	771	1.705	9,7	2,2
			число овец и коз:		
Ачит-ван Бучуку-дамба	1.584	5.941	78.831	49,7	13,2
Цэцэн-ван	2.291	10.152	89.778	39,1	8,7
Зорикту-ван	160	648	4.953	30,9	7,6
Батор-ван	684	3.984	40.375	59,0	12,6
Уйдзин туше-гун	640	1.064	13.968	21,8	13,1

Хошуны:	число юрт:	число душ:	число овец и коз:	на юрту:	на душу:
Эрдени-бэйсэ	459	2.078	47.221	102,8	22,7
Судзикту туше-гун	175	600	6.554	37,4	10,9
Дархан-бэйсэ	157	857	22.191	141,3	25,8
Дайчин-ван	2.026	7.641	114.452	56,4	14,9
Дзасакту-хан	2.382	11.043	183.526	77,0	16,6
Эсту-бэйсэ	535	2.249	56.184	105,0	24,9
Ильдэн туше-гун	48	229	1.459	30,3	6,3
Джонон-ван	398	1.829	22.251	55,9	12,1
Биширельту-дзасак	114	359	3.154	27,6	8,7
Шаби Илагугсан-хутухта	262	1.387	13.997	53,1	10,0
„ Джалханза-хутухта	545	2.003	7.831	14,5	3,9
„ Номун-хан-хутухта	175	771	15.754	90,0	20,4

Сайн-ноинновский аймак:

Хошуны:	число юрт:	число душ:	число лошадей:	на юрту:	на душу:
Дайчин-ван	471	2.639	7.014	14,8	2,6
Дархан-гун	238	610	1.270	5,3	2,0
Цоктой туше-гун	600	2.859	5.933	9,8	2,0
Эрдени цинь-ван	669	2.620	6.501	9,7	2,4
Джонон-бэйлэ	888	4.536	10.682	12,0	2,3
Хошучи-бэйсэ	1.809	5.763	12.846	7,1	2,2
Батор-бэйсэ	401	1.501	3.819	9,5	2,5
Далай Чойнхор цинь-ван	5.647	24.219	27.125	4,8	1,1
Эйтэй-гун (Ачиту-гун?) [1]	240	1.147	1.654	6,8	1,4
Мергэн-гун	788	3.137	4.801	6,0	1,5
Цэцэн цинь-ван	2.203	9.946	21.799	9,8	2,1
Шаби Хамбо Номун-хан	249	1.006	2.163	8,5	2,1
„ Нару-банчэн-хутухта	130	658	1.841	14,1	2,7
„ Чин-судзикту Номун-хан	272	1.666	206	0,7	0,1
„ Ширету хутухта	286	1.024	1.207	4,1	1,1
			число верблюдов:		
Дайчин-ван	471	2.639	1.653	4,5	0,6
Дархан-гун	238	610	455	1,9	0,7

[1]) См. выше стр. 288.

© ГПНТБ СО РАН

Хошуны:	число юрт:	число душ:	число верблюдов:	на юрту:	на душу:
Цоктой туше-гун	600	2.859	1.077	1,7	0,3
Эрдэни цинь-ван	669	2.620	803	1,2	0,3
Джонон-бэйлэ	888	4.536	1.399	1,5	0,3
Хошучи-бэйсэ	1.809	5.763	2.666	1,4	0,4
Батор-бэйсэ	401	1.501	89	0,2	0,05
Далай Чойнхор цинь-ван	5.647	24.219	1.199	0,2	0,05
Эйтэй-гун (Ачиту-гун?)	240	1.147	6	0,02	0,01
Мергэн-гун	788	3.137	89	0,1	0,03
Цэцэн цинь-ван	2.203	9.946	445	0,2	0,04
Шаби Хамбо Номун-хан	249	1.006	37	0,1	0,03
„ Нару-банчэн-хутухта	130	658	409	3,1	0,6
„ Чин-судзикту Номун-хан	272	1.666	340	1,2	0,2
„ Ширету-хутухта	286	1.024	1	—	—
			число кр. рог. скота:		
Дайчин-ван	471	2.639	6.150	13,0	2,3
Дархан-гун	238	610	1.697	7,1	2,7
Цоктой туше-гун	600	2.859	5.013	8,5	1,7
Эрдэни цинь-ван	669	2.620	6.572	9,8	2,5
Джонон-бэйлэ	888	4.536	10.189	11,4	2,2
Хошучи-бэйсэ	1.809	5.763	20.080	11,0	3,4
Батор-бэйсэ	401	1.501	6.983	17,4	4,6
Далай Чойнхор цинь-ван	5.647	24.219	63.958	11,3	2,6
Эйтэй-гун (Ачиту-гун?)	240	1.147	1.964	8,1	1,7
Мергэн-гун	788	3.137	6.731	8,5	2,1
Цэцэн цинь-ван	2.203	9.946	96.494	12,0	2,6
Шаби Хамбо Номун-хан	249	1.006	3.629	14,5	3,6
„ Нару-банчэн-хутухта	130	658	396	3,0	0,6
„ Чин-судзикту Номун-хан	272	1.666	3.708	13,6	2,2
„ Ширету-хутухта	286	1.024	2.633	9,2	2,5
			число овец и коз:		
Дайчин-ван	471	2.639	29.308	62,2	11,1
Дархан-гун	238	610	20.068	84,3	32,8
Цоктой туше-гун	600	2.859	73.203	62,0	13,0
Эрдэни цинь-ван	669	2.620	52.462	78,3	20,0
Джонон-бэйлэ	888	4.536	50.303	56,6	11,0

Хошуны:	число юрт:	число душ:	число овец и коз:	на юрту:	на душу:
Хошучи-бэйсэ	1.809	5.763	106.049	58,6	18,4
Батор-бэйсэ	401	1.501	28.112	70,1	18,7
Далай-Чойнхор цинь-ван	5.647	24.219	165.993	29,3	6,8
Эйтэй-гун (Ачиту-гун?)	240	1.147	5.502	22,9	4,7
Мергэн-гун	788	3.137	25.318	32,1	8,0
Цэцэн цинь-ван	2.203	9.946	101.443	46,0	10,1
Шаби Хамбо Номун-хан	249	1.006	11.900	47,7	11,8
„ Нару-банчэн-хутухта	130	658	10.898	83,8	16,5
„ Чин-судзикту Номун-хан	272	1.666	18.935	69,6	11,3
„ Ширету-хутухта	286	1.024	6.989	24,4	6,8

Для того, чтобы правильно отнестись к этим цифрам, следует иметь в виду нижеследующее:

До событий 1911—1912 г.г. немалое число халхаских семейств было лишь номинальными владельцами своего скота, который составлял китайскую собственность. Этот переход монгольского имущества в китайские руки совершился не сразу, но, тем не менее, достаточно быстро и притом следующим путем.

Когда обстоятельства заставляли монгола Халхи кредитоваться у китайского купца, то обычно необходимая ему сумма деньгами или товаром выдавалась ему под скот, с обязательством доставить кредитору в положенный срок соответственное число, скажем, годовалых баранов. По беспечности монгола, срок этот им часто не соблюдался, что вызывало новую сделку на новый срок, но уже на то же число двухлетних баранов. Монголам такие условия казались приемлемыми; он продолжал как-бы считаться владельцем всего своего живого инвентаря, становившегося, однако, с каждым годом все более и более чужою собственностью; и вот, постепенно он обращался в дарового китайского пастуха, неся всю ответственность, весь риск за дальнейшую целость этого инвентаря, так как его потери в животных от бескормицы, эпизоотий и других стихийных бедствий его кредиторами не учитывались. Китайские торговые фирмы, в особенности же банкирские дома, очень скоро нашли такой выпас „заданного“, по выражению русских купцов,

© ГПНТБ СО РАН

скота для себя очень прибыльным и в дальнейшем уже всячески старались затянуть в подобного рода сделки побольше монголов, что им конечно и удавалось, так как кочевник всегда охотно шел на сделки в кредит. Что касается риска для китайцев потерять при такой системе кредита весь свой капитал, то его всецело устраняла существовавшая в то время в Халхе круговая порука: за несостоятельного плательщика отвечал своим достоянием весь хошун.

Все это резко изменилось после революции 1911—12 г.г.: круговая порука была уничтожена, долговые обязательства монголов по отношению к китайцам были аннулированы, китайцы должны были покинуть страну, и китайский скот перешел в собственность пасших его монголов. К этому времени и относятся данные переписи 1918 года. Но уже в следующем году автономная Монголия фактически перестала существовать; китайские власти и китайские войска заняли Ургу, Улясутай и Кобдо; одновременно же стали возвращаться в Монголию и китайские купцы, которые и не замедлили пред'явить монголам счет своих потерь за период времени с 1911 по 1920 г., выразившихся в колоссальной для Халхи цифре, значительно превысившей стоимость всего живого инвентаря этой страны. Так, по словам И. Майского [1]), с одного Кобдоского округа они стали требовать 55.000 верблюдов, 75.000 лошадей, 400.000 голов крупного рогатого скота и свыше 500.000 баранов, тогда как в этом округе, включая в это число скот дöрбётов, баитов, ölётов и других народностей, его населяющих, имелось всего лишь: 35.000 верблюдов, 130.000 лошадей, 120.000 голов крупного и не свыше 1 миллиона мелкого рогатого скота (коз и овец) [2]). Политическое положение Северной Монголии в настоящий момент крайне неопределенное; но если китайцам удастся

[1]) Op. cit., стр. 266.

[2]) Согласно данным, собранным *И. Майским* следующим путем (см. op. cit., стр. 120): для князей и монастырей путем опроса сведующих лиц, а для всей массы податного населения путем исчисления среднего количества скота, приходящегося на одну душу в группе податного населения Халхи.

приобрести в ней прежнее значение, то население ее окажется в еще более бедственном положении, чем накануне революции 1911 года, когда оно, по словам И. М. Морозова [1]), „несло на себе цепи экономического рабства и находилось всецело во власти китайского капитала“. Трудно было в то время, по словам того же автора, встретить в Халхе монгола, который не был-бы должен китайскому купцу или китайской торговой фирме; редко также можно было найти в ней князя, не опутанного сетью своих долговых обязательств китайцам; видимые же богатства Монголии и зажиточность ее населения были фиктивными, так как большинство многочисленных стад крупного и мелкого рогатого скота, табуны лошадей и верблюдов уже не составляли собственности монголов; они успели перейти в руки китайцев, и для тех же китайцев ими только выхаживались и выращивались. Когда то владелец, монгол остался к 1911 году только сторожем и пастухом своих прежних стад. Не в лучшем положении, чем народная масса, находились и многие из князей Халхи, и часто действительными правителями в хошунах являлись уже не эти последние, а их кредиторы—китайцы. Неудивительно поэтому, что под влиянием такого гнета китайского капитала создалась в Халхе и та неприязнь к китайцам, которая наблюдалась тогда повсеместно в этой стране.

Революция и последующий, весьма благоприятный в климатическом отношении, ряд лет должны были в значительной степени восстановить благосостояние Халхи, и монгольская перепись 1918 года подводит ему конечные итоги.

Из приведенных выше данных видно, что в означенном году в Дзасакту-хан'овском аймаке, считая в его составе как халхаские, так и хотогойтские хошуны, при общем количестве коз и овец, выражавшемся цифрой 895.743, приходилось в среднем на одно хозяйство 55,7 голов, на одну душу—12,9 голов тех и других; в 11 же княжеских хошунах и 4 шаби Сайн-ноин'овского аймака, при общем количестве мелкого рогатого скота 706.283 головы,—57,2 и 13,4 голов. Но и эти цифры не выражали еще в 1918 году действительного богатства

[1]) Op. cit., стр. 279.

© ГПИБ СО РАН

Западной Халхи мелким рогатым скотом, так как, по мнению И. Майского [1]), они должны были-бы быть увеличены по крайней мере на 30%, т. е. должны были-бы быть заменены цифрами:

	число овец и коз:	на юрту:	на душу:
в Дзасакту-хан'овском аймаке	1.167.066	72,4	16,8
„ Сайн-ноин'овском аймаке	918.168	74,4	17,4

Эти цифры получают особое значение, если сравнить их с приводимыми ниже цифрами тех количеств овец [2]), которые приходятся на одно кочевое хозяйство в степных областях Западной Сибири, согласно данным исследований, произведенных в них экспедициями Щербины и Кузнецова; именно, этими экспедициями было исчислено для

Акмолинской области	23	гол. на одно хоз.
Семипалатинской области, Каркаралинского у.,	30	„ „ „ „
„ „ Зайсанского у. . .	37	„ „ „ „

Принимая даже во внимание, что в остальном племенном составе халхаских и киргиз-казацких стад таких значительных разниц не наблюдается [3]), все же столь большое превышение в числе наиболее доходных из домашних животных—овец должно было-бы свидетельствовать о сравнительно большей зажиточности монголов Халхи, чего, однако, как мы ниже увидим, в действительности вовсе не наблюдается.

От этих общих соображений перехожу к характеристике разводимых в Халхе типов животных.

Халхаская овца принадлежит к породе короткохвостых, курдючных; рост ее большой, до 16 вершков [4]), так что

[1]) Op. cit., стр. 122.

[2]) Я воспользовался тем материалом, который нашел у *И. М. Морозова* в его цитир. выше статье; в ней говорится только об овцах, а не об обоих видах мелкого рогатого скота; впрочем, киргиз-казаки разводят лишь весьма небольшое количество коз.

[3]) Так, например, лошадей у киргиз-казаков Зайсанского уезда приходится на одно хозяйство не меньше, чем у халхасцев Сайн-ноин'овского аймака, и больше, чем у дзасактухановцев.

[4]) *Майский*, op. cit., стр. 113, барану дает даже более высокий рост, а именно 18—19 вершков. Такой высоты баранов мне, однако, не доводилось встречать в Западной Монголии. Достаточно крупный торгоутский баран такой высоты также никогда не достигает.

в этом отношении она лишь немногим уступает овце, разводимой в юго-восточной России и Тургайской области; ее голова сравнительно небольшая, сухая, с сильно развитыми у барана рогами; нос ее узкий, горбатый; туловище хорошо сложенное с широким, жирным хвостом до 10 фунтов веса, кончающимся сухим S-образным придатком, далеко не доходящим до скакательного сустава; ноги достаточно высокие, сухие и сильные; шерсть грубая с коротким подпушком, спадающая ясно выраженными косицами длиной до $3^1/_2$ вершков; основная ее масть—белая с черными отметинами на голове, шее, боках и у корня хвоста; чисто белые овцы встречаются редко [1]).

Состав бараньего стада в Халхе обыкновенно таков: 60% выпадает на долю маток, 25% составляют ярки, 13% валахи и 2% бараны; сравнительно большой процент маток об'ясняется тем, что, давая, помимо шерсти, приплод и молоко, они являются наиболее доходной статьей в хозяйстве монгола.

Ежегодный отход маток И. М. Морозов [2]) определяет в 10%, рождаемость ягнят в 90%, их отход в 20% [3]) ежегодный расход валахов в 60%.

Молочность овцы в удойный период за четыре месяца тот же автор определяет в 4 ведра, шерстную ее продуктивность в 4 фунта [4]), и, учитывая засим стоимость убоины, выводит валовую доходность бараньего стада в 40 голов в 116 р. мет. по ценам на сырые продукты овцеводства, державшимся в Халхе в 1910 году, или в 2 р. 90 к. на голову, причем этот валовой доход для большинства халхасцев являлся и чистым, так как никаких расходов по содержанию своих овец монгол не несет; вместе с тем, однако, он был для него в значительной своей части и фиктивным, так как потреби-

[1]) *И. М. Морозов*, op. cit., стр. 245—246.

[2]) Op. cit., стр. 243.

[3]) Этот процент следует считать не средним, а минимальным; см. по сему поводу то, что мной пишется ниже.

[4]) У валахов эта продуктивность несколько бо́льшая и определяется в 5 фунтов.

© ГПНТБ СО РАН

телем главной массы этих продуктов являлся он сам, на рынок же поступали лишь только частью шерсть, кожи и в редких случаях масло.

Барана на племя халхасцы выбирают в самом раннем возрасте, руководствуясь, главным образом, следующими признаками: происхождением от молочной жирнохвостой овцы, здоровым и хорошим развитием организма при крепких ногах и широком хвосте и преобладанием в руне белого цвета.

Случка овец производится осенью, причем к ней допускают иногда даже шести и семимесячных ярок [1]), ягнение же происходит ранней весной, после чего маток выводят на самые лучшие пастбищные участки.

Несмотря на то, что ягнение происходит в феврале и марте месяце, никаких теплых или по крайней мере достаточно защищенных от холодных ветров помещений для маток в Халхе не устраивается; впрочем, обыкновенно новорожденных ягнят халхасцы берут в свои юрты, и только у наиболее состоятельных для них отводится отдельная юрта. Холод и голод, благодаря недостатку молока у истощенных маток, и отсутствие надлежащего ухода настолько иногда губительно отзываются на ягнятах, что бывают годы, когда их смертность достигает 50 и даже 90%.

Стрижка овец продолжается с конца мая месяца до июля. В последнее время все более и более входят в употребление ножницы, но там, где их еще нет, подрунившуюся на овцах шерсть просто обирают руками, причем количества ее получаются далеко не одинаковые: очень часто монгол из боязни холодов передерживает шерсть на овцах и начинает сдирать ее уже тогда, когда некоторая ее часть оказывается утраченной. Шерсть монгольской овцы более нежная, чем киргизской.

Скупаемая русскими купцами шерсть до отправки ее в Россию предварительно очищается от грязи, для чего она и поступает на „мойки“, имеющиеся почти при каждом крупном русском заведении в Западной Монголии. На этих „мой-

[1]) *И. М. Морозов*, op. cit., стр. 250.

ках“ работает лишь беднейший элемент туземного населения, получая за свой дневной труд от 15 до 20 к. мет. частью серебром, частью товаром, но и при такой ничтожной плате, вследствие малой продуктивности монгольской работы, очистка пуда шерсти обходится купцу не дешевле 30 коп. мет., восходя нередко до рубля, причем из пуда грязной шерсти едва оправдывается 25—26 фунтов.

Порода монгольской козы не отличается существенно от разводимой в России; ростом она ниже монгольской овцы, но убойный ее вес не меньше бараньего; мясо по вкусовым качествам значительно уступает бараньему, но молочностью коза превосходит овцу, давая в удойный период до 10 и даже 12 [1]) ведер молока.

Монгол козы не стрижет, а вычесывает пух железным гребнем, причем в год с одного животного получается до $^3/_4$ фунта пуха с волосом [2]), который перерабатывается монголками в нитки, идущие на изготовление рукавиц и чулок. Из козлиных шкур, как уже писалось выше [3]), монголы шьют себе дохи, которые и носят поверх шубы.

Халхаский крупный рогатый скот мельче урянхайского и принадлежит к типу средне-тяжелого животного. Рост быка в холке достигает 30 вершков [4]), коровы 25—26 вершков. Спина у него почти прямая, с слабой лишь вогнутостью непосредственно позади холки, кожа толстая, шерсть густая и длинная; постановка рог, их длина и форма очень разнообразны, хотя преобладают рога сравнительно короткие и прямые, комолых же особей в Халхе почти не встречается; цвет масти преимущественно красный, красно-пегий и черный, иногда переходящий на хребте в бурый. Скот этот очень

[1]) *Майский*, op. cit., стр. 114.

[2]) *Морозов*, op. cit., стр. 257.

[3]) Стр. 321.

[4]) *Морозов*, ibid. Средний рост халхаского быка определен *Майским*, op. cit., стр. 110, в 28—29 вершк. или в 124—129 сант.; между тем средний рост урянхайского (см. выше стр. 68) равен 134 сант. при максимальном в 138 сант.

© ГПИБ СО РАН

неприхотлив в отношении ухода и корма и отличается чрезвычайной выносливостью, что и понятно, так как чуть не две трети его жизни проходит в тренировке на голод, холод, а иногда и на жажду. Зато, по словам Морозова [1]), он прекрасно оплачивает малейший уход за собой и с этой стороны представляет из себя ценный материал для массового улучшения и выработки целесообразных типов, особенно мясного и рабочего.

Убойный вес быка составляет около 50% его живого веса и в зависимости от возраста изменяется следующим образом:

от 1 до 2 лет	$1^3/_4$— $2^1/_2$	пуда
„ 2 „ 3 „	3 — 4	„
„ 3 „ 4 „	4 — 6	пудов
„ 4 „ 5 „	6 — 8	„
„ 5 „ 6 „	8 —10	„
„ 6 „ 7 „	9 —12	„
„ 7 „ 8 „	11 —13	„
свыше 8 лет	12 —15	„ [2]),

причем костей от убойного веса, в зависимости от упитанности животного, получается от 20 до 60 (?) процентов [3]); сала от 25 фунтов до 1 пуда 15 фунтов; шкура взрослого быка весит от $1^1/_2$ до 2-х пудов. Вполне взрослым бык считается, начиная с шести лет, предельный его возраст в Халхе 18—20 лет.

Коровы пускаются на племя по третьему году, но так как производитель ходит обыкновенно в стаде, то сплошь и рядом телятся полуторагодовалые телки. Теленок пользуется молоком матери во весь период доения, т. е. с весны до зимы, причем лишь первые две недели получает все молоко, а затем монгол начинает понемногу сдаивать корову, а теленка выгонять на пастбище. В случае зимнего отела корову вовсе не доят, оставляя все молоко теленку.

---

[1]) Loc. cit.

[2]) *Майский*, op. cit., стр. 111. С этими данными согласуются и цифры, приводимые в цит. выше ст. *И. М. Морозова*.

[3]) *И. М. Морозов*, op. cit., стр. 260.

Средний годовой удой коровы около 35 ведер при 5—7% жира [1]); такой высокий процент жира приходится приписать всецело высоким кормовым качествам степных трав Халхи.

В возрасте одного года бычков кастрируют, оставляя на племя лишь необходимое число производителей от лучших коров. Масть выбирается при этом по возможности темная, так как скот светлых мастей считается в Халхе менее устойчивым в борьбе с стихийными явлениями, в особенности же с низкими температурами [2]), и сверх того животное с густой и длинной шерстью, которая давала-бы ему лишнее прикрытие от морозов [3]).

В Хангайских горах монголы разводят в сравнительно большом числе домашних яков, сарлыков, которые являются незаменимыми животными в суровых условиях местного климата. Тепла сарлык не выносит и в солнечные теплые дни прячется под скалы, где и ложится на снег или сырую землю, предварительно обнажив ее своими копытами. Особенно любит он высокие горные пастбища, где его можно подчас встре-

---

[1]) *И. М. Морозов*, op. cit., стр. 259. *И. Майский*, op. cit., стр. 110, сильно расходится в этом случае с *Морозовым*, высчитывая годовой удой „приблизительно в 60 ведер". Эта последняя цифра, несомненно, много выше действительной, так как ни одна из туземных пород Азии, не исключая и урянхайской, не дает такого удоя.

[2]) Несомненно, что между мастью и натурой животного должна существовать какая-то зависимость. Среди бедуинов давно укоренилось убеждение, что лошади вороной масти—наихудшие скакуны. *В. К. Хлюдзинский* („Архив Ветер. Наук", 1889, № 1) пишет, что весьма многие факты указывают на совпадение белой окраски животных с их более высокой культурностью; особенно же это верно в отношении крупного рогатого скота, среди которого наиболее высококультурные породы отличаются или целиком белой рубашкой или мастями, в которых белый цвет преобладает. Достаточно также известно, что белопестрые или одномастные лошади с белыми отметинами, в особенности на ногах, более нежны и впечатлительны к заболеваниям. Замечательно, что горный скот почти всегда одномастный, притом темных мастей.

[3]) *Морозов*, op. cit., стр. 259; у *Майского*, op. cit., стр. 110, однако, читаем: „на племя оставляют обыкновенно малошерстых быков красного и бурого цветов и при том преимущественно с небольшой головой". Прав, конечно, *Морозов*.

© ГПИБ СОРАН

тить на головокружительных крутизнах, которые он преодолевает с легкостью серны. По сравнению с рогатым скотом он требует за собой несравненно меньше ухода и более простого содержания, довольствуясь грубым кормом. Ест он преимущественно утром и перед вечером, а остальное время проводит в полусне [1]).

Самец сарлыка бывает ростом до 32 вершков [2]), корова же редко достигает даже 27 вершков; вес его, однако, меньше веса быка: считают, что при прочих равных условиях он на один пуд легче быка.

Спина его, шея, а особенно грудь и бока покрыты длинной [3]), густой, слегка волнистой шерстью, напоминающей лошадиный волос и дающей ему хорошую защиту от холода; хвост тоже напоминает лошадиный; на лбу у самцов свешивается такая широкая чолка, что часто совершенно прикрывает глаза. Преобладающей мастью на западе, на землях дӧрбётов и урянхов, а также в бассейне Катуни, является серая, в Халхе же господствуют темные масти—темнобурая и черная: большинство сарлыков здесь одномастны, и с белыми отметинами встречаются среди них очень редко [4]).

---

[1]) *Морозов*, op. cit., стр. 269. Этого наблюдения *Морозова* я с своей стороны подтвердить не могу. Домашних яков я встречал не только в Западной Монголии, но и в других частях Центральной Азии—на Памире и в области бассейна верхнего течения Желтой реки: всюду они паслись в течение целого дня. То же следует сказать и об их диких сородичах.

[2]) *Морозов*, op. cit., стр. 268. *Майский*, op. cit., стр. 111, дает несколько меньший предельный рост, а именно—30 вершков.

[3]) Редко длиннее 5 вершков. *Морозов*, op. cit., стр. 269, пишет: „стригут яка раз в год и получают 8—12 фун. волоса, продажная цена которого на 50% выше цены овечьей шерсти". Это сообщение *Майский*, ibid., считает „безусловно неправильным" и с своей стороны дает цифру 3 фун. волоса. Стрижки домашних яков наблюдать мне не приходилось.

[4]) *Кальнинг* — „Ветеринарные известия из Алтая и Монголии" в „Архиве Ветерин. Наук", 1875, сент., отд. IV, стр. 29, дает следующую характеристику сарлыков, разводимых у дӧрбётов.

Голова сравнительно маленькая, короткая и узкая, ноздри маленькие, зеркальце и лоб весьма узкие. Рога бывают у немногих (?), они—тонкие,

Самки сарлыков доятся монголами наравне с коровами, причем молоко их, отличаясь густотой и приятным вкусом, содержит до 10% жира. В удойный период они дают до 30 ведер молока [1]).

Сарлыки очень часто пасутся совместно с крупным рогатым скотом, причем дают метисов—ортомов и хайныков.

Ортомом называется ублюдок, происшедший от сарлыка-самца; он во всех своих статьях подобен отцу и ценится не дороже последнего [2]). Наоборот, помесь быка и сарлычки—хайнык представляет во всех отношениях превосходное животное, выгодно отличающееся от своих родителей и ростом, и силой и своей бо́льшей молочностью; хайнык вершка на два выше среднего роста быка и несколько тяжелее его по

широко расставлены, согнуты внутрь и направлены несколько вверх и вперед; кольца начинаются у их основания. Уши их меньше, чем у обыкновенного рогатого скота, но более отвислые. Шея тонкая и прямая и резко соединяется с грудью и холкой. Последняя значительно поднята над прямой спиной. Крестец—прямой. Хвост высоко посаженный, покрытый длинными волосами от самого основания и кончающийся на уровне скакательного сустава сразу, точно обрубленный; он выполняет собою все место между задними ногами. Ноги сравнительно коротки, но очень толсты; копыта их длинны и совершенно вертикальны. Вымя у коров маленькое, густо поросшее волосами. Все животное покрыто волосами неравномерной длины. Место между задними ногами, где у обыкновенных коров находится молочное зеркало, густо покрыто мелкими волосами. Голова, шея, спина, бока груди и брюха, крестец, ноги, начиная у передних от локтевого сустава, у задних от колена покрыты волосами до $1^1/_2$ дюйма длиной; на холке шерсть длиннее: плечи, ляшки, нижняя сторона брюха и груди покрыты шерстью дюймов в 8 длиною; самая длинная шерсть в хвосте, так что он походит на конский.

[1]) *И. М. Морозов*, op. cit., стр. 269. *Майский*, op. cit., стр. 111, и в этом случае расходится с *Морозовым*, определяя годовой удой самки сарлыка в 40—45 ведер.

[2]) *Кальнинг* там же дает ему следующую характеристику: голова и шея у него—коровьи; холка высокая, постепенно переходящая в прямую спину; прочее все, как у коровы (?), только шерсть длиннее, особенно на тех местах, где она очень длинна у сарлыка; хвост коровий, с половины поросший длинными волосами и оканчивающийся густой кистью волос; характер его сарлычий. Это—характеристика хайныка, а не ортома.

© ПНТБ СО РАН

весу; по своему экстерьеру и общей конструкции он напоминает последнего, но шерсть его длиннее, в особенности в хвосте и под брюхом; комолые между ними не редкость; хайнычки славятся своей молочностью, и годовой удой их процентов на 35 больше коровьего [1]), причем по качествам своим их молоко занимает среднее место между коровьим и сарлычьим; то же следует сказать и о вкусовых качествах их мяса. Обладая огромной силой и спокойным нравом, хайнык представляет превосходное упряжное животное—незаменимого в такой стране, как Монголия, тяжеловоза. Вообще это животное заслуживает полного внимания скотоводов, и можно лишь удивляться тому, как мало значения придают халхасцы разведению этой породы рогатого скота [2]). Хотя хайныки дают потомство, но я не имею сведений о том, передают-ли они ему свои высокие полезные качества. В отношении условий своего содержания и особенно кормления они более требовательны, чем сарлыки, но не более, чем рогатый скот.

Лошадь халхаской породы —небольшого роста: в среднем она не превышает 1 арш. 15 вершк. [3]); но при хорошем питании и уходе она способна дать индивидуума, достигающего 2 арш. 3 вершк. роста, что указывает на то, что малый ее рост представляет не типическую особенность породы, а является следствием тех тяжелых внешних условий, среди которых протекает вся ее жизнь; как замечено было выше, эти тяжелые условия отзываются и на ее долговечности: она выживает только до 20 лет.

Телосложение ее густое, сухое; голова сравнительно большая, тяжелая и некрасивая, с сильно развитой нижней челюстью; шея короткая, без подгривка; спина прямая, короткая, крестец мускулистый; грудь широкая и развитая; ноги

---

[1]) *Майский,* loc. cit., определяет годовой удой хайныка-самки в 80 ведер приблизительно.

[2]) Это замечание следует всецело отнести и к населению южной части Бийского уезда, как инородческому, так и русскому.

[3]) *Морозов,* op. cit., стр. 262; *Майский*, op. cit., стр. 110.

короткие с ясно выраженными мышцами; копыта и зубы очень прочные. Масти у этой породы довольно разнообразны, но преобладающими являются все оттенки гнедой.

Твердо выраженных очертаний, определенного типа в экстерьере ее, по словам И. М. Морозова [1]), не наблюдается, а потому она пригодна для самой разнообразной работы. В Халхе, впрочем, ее главное назначение—служить верховой, в запряжке же она ходит весьма редко; но при этом легко везет 20—25 пуд. [2]), делая переходы в 50 и более верст и не зная никакой ковки. Вообще неутомимость ее поразительная; хорошо накормленная, она способна изо дня в день делать переходы в 70—80, а при нужде и более верст; известны бегуны, делавшие без отдыха 250 верст в сутки. Характер у нее резвый, выносливость чрезвычайная. При этом она очень нетребовательна в отношении ухода и корма, и если монгол заслуживает упрека в невнимании и безучастности к судьбе разводимых им животных, то на первом месте среди этих последних должна быть поставлена лошадь; в этом отношении он представляет полную противоположность арабу, хотя для того и другого в условиях их кочевого быта лошадь одинаково необходима.

В течение круглого года лошадь находится на подножном корму; ни буран, ни мороз не дают ей права на закрытое помещение и готовый корм, и только в случае болезни ее отводят под прикрытие от господствующих ветров и слегка подкармливают сеном и соломой, если они заготовлены, или собранной ради этого случая ветошью, т. е. прошлогодней травой. Остальные лошади, собранные со всей общины в табуны, до 500 голов в каждом, угоняются двумя-тремя приставленными к ним пастухами в степь иногда за сотни верст от стойбища; в последнем остаются лишь дойные кобылы с жеребятами и раз'ездные, т. е. удержанные под верх, угнан-

---

[1]) Ibid.

[2]) *Морозов*, loc. cit.; *Майский*, ibid., однако, пишет: „меньше тройки запрягать в русский тарантас средних размеров невозможно: слишком миниатюрны и слабы монгольские лошади.

© ГПБ СОРАН

ному же табуну в течение всего зимнего периода предоставляется самому отыскивать себе средства к жизни, разгребая копытами снег.

Всего более лошади любят такие места, где из-под снега торчат стебли злаков, а самый снег остается рыхлым; но если он даже и смерзается, покрываясь с поверхности ледяной коркой, то это обстоятельство не мешает и не вредит лошадям. Гибельно на них действует только непостоянство погоды, смена тепла холодом, когда земля и трава покрываются льдом; такой корм и холодное ложе вызывают простудные заболевания и, как следствие, падежи. Опасны также для лошадей весенние бураны и бури, во время которых ослабевшие уже от зимней бескормицы животные в поисках защиты от ветра разбегаются и, попадая в овраги и ямы, там гибнут. Еще тяжелее для монгола по своим последствиям гололедица, когда несколько многоснежных дней сменяются сначала сильной оттепелью, а затем морозом; образующуюся в таких случаях на снегу толстую ледяную кору лошадь не в состоянии уже пробить своим копытом и, лишенная подножного корма, гибнет от голода. Падежи при гололедицах обычно принимают огромные размеры, распространяясь не только на лошадей, но и на другие группы животных, и обращая в один миг богача в нищего; в этих случаях монгол совершенно беспомощен и обречен на пассивное созерцание того, как рушится его благосостояние.

На племя строго проводимого подбора производителей в Халхе не ведется, да и условия табунной жизни служат тому не малой помехой. Все же, благодаря своевременной кастрации [1]) наименее удачных представителей расы, порода до некоторой степени поддерживается; об улучшении же ее стороннею кровью монголы прилагают мало забот, да оно-бы и встретило большие затруднения в косячном способе размножения.

---

[1]) Холощение жеребцов в Халхе производится как общее правило в возрасте трех лет. Полной силы монгольская лошадь достигает лишь в шесть лет.

Весной лошади разбиваются на косяки из 10—12 кобыл на одного жеребца, который тотчас же входит в свою роль и ревниво оберегает свой гарем не только от сторонних вожделений, но и от хищников, стараясь одновременно водить его по лучшим участкам знакомых ему пастбищ. Жеребенок остается при матери до тех пор, пока у последней не пропадет молоко, и в тех случаях, когда кобыла жеребится лишь раз в два года, сосет ее свыше года. Монголы начинают сдаивать часть молока по прошествии лишь четырех месяцев, после чего годовой удой кобылы Майский [1]) определяет максимум в 50 ведер.

В возрасте одного года жеребенку впервые подрезают гриву и хвост; затем стрижка повторяется лишь через год и в дальнейшем производится один раз в каждые два года [2]). Со взрослой лошади получается до шести фунтов волоса [3]).

К верховой езде лошадь начинают приучать с двух лет, но только с четырех пускают ее в настоящую работу, в запряжку и под вьюк; в дальние поездки берут лошадей не моложе шести лет.

Монгольский верблюд ни в чем не отличается от породы этого животного, разводимой в русской Средней Азии. В среднем рост самца достигает 2 арш. 10 вершк.—2 арш. 11 вершк., рост самки вершков на пять ниже [4]). Преобладающая их масть серовато-бурая, переходящая в темно-бурую, и белые выродки среди них очень редки; как таковые, они искони служили у кочевников одним из ценнейших подарков и, между прочим, фигурировали в числе „девяти белых“ [5]), которые в прежнее время представлялись халхаскими князьями маньчжурским императорам в качестве дани.

---

[1]) Ibid.

[2]) *Майский*, loc. cit., пишет, что халхасцы стригут только меринов, да и у этих последних одну только гриву, причем с лошади получается не свыше 1 фунта волоса.

[3]) *Морозов*, op. cit., стр. 264.

[4]) *Майский*, op. cit., стр. 112. Вышина в плечах верблюдов, разводимых в Тургайской области, больше, достигая 3-х арш. и даже более.

[5]) Состояли из одного верблюда и восьми лошадей белой масти. Может быть, впрочем, ценность верблюда белой масти об'яснялась не редкостью этой

© ГПНТБ СО РАН

Признаки хорошего верблюда следующие: большая голова с длинным носом; широкие у основания и не близко стоящие один возле другого горбы; толстые, с хорошо выделяющимися мышцами ноги, передние—широко поставленные; широкие лапы; просторные подмышники с мягкой, без рубцов, кожей, и толстый длинный хвост, покрытый волосами [1]). Такие верблюды избираются халхасцами в число бурунов, т. е. производителей, остальные же кастрируются в возрасте по четвертому году, так как к половой жизни верблюд вызревает не ранее четырех лет. Случка производится обыкновенно в начале весны (в феврале месяце), причем буруны становятся в этот период очень нервными, злыми и даже опасными для человека, в виду чего монголы имеют обыкновение отмечать их красными лентами, подвязываемыми к их гриве. Верблюдица (инга) рожает раз в два года. Новорожденный с неделю держится в юрте, потом его зашивают в войлок, в котором он и ходит до наступления теплых ночей. Кормится верблюженок молоком матери раза 3—4 в день, причем в течение первых двух месяцев жизни ему отдается материнское молоко целиком, а затем только часть, так как остальное монголы сдаивают для своих надобностей. Сосет верблюженок приблизительно до $1^1/_2$ лет. К своему детенышу верблюдица выказывает трогательную привязанность, бо́льшую, чем та, которая обычно наблюдается у других пород домашних животных. Это хорошо известно всем тем, кто занимается верблюдоводством. В „Цао-му-цзы"—записках Юаньской эпохи,

окраски, а тем, что белые животные считались у монголов вообще наиболее пригодными для подарков. Кажется, у всех народов земного шара белый цвет служит эмблемой чистоты, и животное этой масти предпочтительно избиралось для посвящения божеству; исключение, притом едва-ли не единственное, представляет лишь черный апис египтян. „Дань", подносившуюся монгольскими князьями маньчжурскому императору, всего правильнее рассматривать как внешнее, вещественное, выражение почтения низшего к высшему, и, конечно, она должна была представляться предметами, наиболее чтимыми в Монголии.

[1]) *Пржевальский*—„Монголия и страна тангутов", I, стр. 84, к этому добавляет: „широкий, не срезанный косо зад". Я не знаю, что хотел этим сказать *Пржевальский*.

читаем [1]): при погребении монгольских владык главное старание направлялось к тому, чтобы скрыть от непосвященных местонахождение их могилы, ради чего все следы ее старательно уничтожались, и по месту, где рылась могила, прогонялся табун; засим, на уравненной таким образом местности в присутствии матери закалывался верблюженок, и когда впоследствии наступало время жертвоприношения на могиле, то пускали верблюдицу—мать убитого верблюженка, которая и приходила с ревом на место его заклания, указывая тем с совершенной точностью на местонахождение гроба в земле [2]). Если этот факт верен, то он указывал-бы на такую глубину чувства и память животного, которых не допускает в нем человек.

Годовой удой Майский [3]) определяет в 60—70 ведер, причем говорит, что верблюжье молоко довольно приятно на вкус и содержит большое количество жира.

Верблюд довольствуется самой грубой пищей, находя ее там, где другие животные гибнут с голода [4]), и с удоволь-

[1]) *Арх. Палладий*—„Пояснения на путешествие Марко Поло по северному Китаю по китайским источникам" в „Изв. И. Русск. Геогр. Общ.", 1902, XXXVIII, стр. 14.

[2]) *Пржевальский*, op. cit., стр. 87, также пишет, что верблюдица „горячо любит свое детище и, будучи с ним разлучена, начинает глухо, но громко реветь".

[3]) Op. cit., стр. 112.

[4]) *Пржевальский*, op. cit., стр. 86, пишет, что верблюд „ест решительно все: старые побелевшие кости, собственные седла, набитые соломой, ремни, кожу и т. п.; у казаков верблюды с'ели как-то рукавицы и кожаное седло, а монголы однажды уверяли нас, что их караванные верблюды, долго голодавшие, с'ели палатку своих хозяев; некоторые верблюды едят даже мясо и рыбу; мы сами имели несколько животных, которые воровали у нас повешенную для просушки говядину; один из этих обжор подбирал ободранных на чучела птиц, воровал сушенную рыбу и доедал остатки собачьего супа; впрочем, подобные гастрономы составляют редкое исключение среди своих собратий".

То, что здесь пишет *Пржевальский*,—факт достаточно хорошо известный: в голодный, засушливый 1879 год уральские киргизы кормили своих верблюдов рыбой, а тургайские—мясом; отощавших верблюдов быстро поправляют тем, что через промежутки в несколько дней дают им топленое сало

ствием поедает даже молодые побеги колючих караган, саксаула и гребенщика (Tamarix). Он в состоянии оставаться дней пять без еды и питья [1]), продолжая нести караванную службу. На здоровье верблюда сильно действует только сырость [2]); морозы ему не страшны, бураны он выдерживает

порциями до трех фунтов. Не верно, однако, утверждение *Пржевальского* („Четвертое путешествие в Центральной Азии", стр. 36), что верблюд „без разбора ест все травы", среди которых попадаются в Гань-су и ядовитые, чрез что нередко погибает. Верблюд, как бы голоден ни был, не тронет касатика (различные виды Iris), тщательно обойдет Aconitum napellus и т. д. Кочевники Азии часто, не зная настоящей причины гибели своих животных, приписывают ее действию ядовитых трав. Отрицать подобные случаи, конечно, нельзя, но если они и бывают, то весьма редки.

Что безусловно необходимо верблюду, без чего он обойтись совершенно не может, это—соль, притом не комовая (хотя, за неимением другой, и такая годится), а так называемая гуджирная, солонец, на $^3/_4$ с землистыми примесями, так как верблюд не лижет ее, а грызет. Без соли верблюд быстро спадает с тела и начинает болеть. Верблюд охотно также ест золу, получающуюся при сжигании соломы и трав.

[1]) *Майский*, ibid., пишет, что верблюд может оставаться без питья и пищи по 10—15 суток, не теряя при этом заметно силы. Вероятно, в это заблуждение ввел его обычай монголов-возчиков осенью, перед отправлением в далекий путь, выдерживать без пищи своих взятых со степи и за лето там откормившихся верблюдов в течение десяти и более суток, давая им, однако, воду через каждые два дня в третий. Подобный пост необходим, по мнению монголов, верблюдам, у которых за это время спадает безобразно раздувшийся живот и „делается прочным запасенный ими в летние месяцы жир" (*Пржевальский*—„Монголия и страна тангутов", I, стр. 88—89). Зимой и весной такой, однако, „вывязки", как этот обычай называют живущие в Монголии русские, не делается, хотя-бы верблюды, вступающие в караван, брались прямо с пастбища и в том году еще не работали. Впрочем у *Пржевальского* („Четвертое путешествие в Центральную Азию", стр. 34) читаем: без водопоя верблюд может пробыть в особенности при корме водянистыми солянковыми растениями с неделю в свежую погоду; летом же верблюда необходимо поить ежедневно, а через день или два непременно, так как в эту пору года он более трех суток без воды не выдержит (*Пржевальский*—„Монголия и страна тангутов", I, стр. 86); без корма же он может протянуть несколько более, суток восемь или десять, но, конечно, не находясь при этом в работе.

[2]) Особенно для них вредно лежание на сырой земле; оно вызывает простуду, проявляющуюся кашлем и потерей аппетита, а иногда и образо-

очень стойко; не имеет для него того пагубного значения, как для других домашних животных монгола, и гололедица как потому, что он может выдержать более продолжительный голод, чем эти животные, так и потому, что и в такую пору для него остаются доступными полукустарные и кустарные растительные формы пустыни.

Начинают вьючить верблюда настоящим вьюком с пятилетнего возраста [1]), но обучение его носке вьюка ведется уже с четырех лет, и еще ранее, а именно, на втором году жизни ему протыкают нос и продевают через него костылек,

ванием на теле опухолей, переходящих в нарывы. В дождливую погоду в Ганьсуйских горах мы всегда укладывали своего верблюда на предварительно расчищенное кострище или на обрывки войлока.

[1]) Возраст верблюда определяется по его резцам. Вот, как различают его монголы (*Пржевальский*—„Четвертое путешествие в Центральную Азию", стр. 33):

годы:	состояние зубов:
1-й (ботого)	молочные зубы.
2-й (тормо)	„ „
3-й	теряет их.
4-й (хойр-шудуту)	выростает средняя пара резцов.
5-й (дурбан-шудуту)	„ вторая „ „
6-й	они крепнут и выполняются.
7-й, 8-й (цорган-шудуту)	все резцы, как верхние, так и нижние, достигают полного развития.
9-й	средние резцы начинают заостряться.
10-й	„ „ „ поднашиваться.
11-й	остается немного, чтобы средней паре сравняться с соседними резцами.
12-й	они с ними сравниваются.
13-й	начинает снашиваться вторая пара резцов.
14-й	четыре средних резца почти сравниваются с двумя крайними.
15-й	запас двух средних резцов остается самый малый.
16-й (тэкшилни)	все резцы выравниваются.
17-й	начинают снашиваться крайние резцы.
18-й (оран-души)	наполовину снашиваются все резцы.
19-й, 20-й (махан-шуду)	от резцов остаются лишь небольшие пеньки.
21-й (ихэ-махан-шуду)	резцы пропадают, коренные начинают шататься.

© ГПНТБ СО РАН

служащий для прикрепления повода (бурундука). Под вьюком верблюд может ходить до глубокой старости, т. е. лет до 25, но лучшим временем считается его возраст от 5 до 15 лет. Живет верблюд и долее 25 лет, при хороших условиях даже до 40.

Верблюд у монголов работает, начиная только с осени. Летом он линяет и в этом периоде очень слабеет. К концу июня его шерсть почти вся вылезает, и тогда он становится особенно чувствительным к холоду, сырости и дождю. Даже небольшой вьюк способен ему в эту пору сбить спину, почему монголы и не употребляют его в работу ранее сентября, когда он вновь обрастает шерстью и волосом. Обычно без дневок он в состоянии ходить по месяцу, делая ежедневно около 40 верст, и так с 10-дневными отдыхами он работает у монголов-возчиков в течение шести—семи месяцев, после чего, однако, настолько худеет и столь устает, что становится непригодным даже для перевозки самой небольшой клажи [1]); отправленный на пастбище, он, однако, быстро восстановляет там свои утраченные силы и к концу лета даже настолько жиреет, что требует, как говорилось уже выше [2]), перед новой работой особой голодной выдержки в течение десяти и более суток.

Нравственные качества верблюда Пржевальский [2]) ставит очень низко, называя его глупым, трусливым животным. С такой его аттестацией, однако, нельзя согласиться, и я лично за время своих многолетних странствований по Азии из наблюдений как над этим животным, так и над такими „глупыми“, как ослы и бараны, вывел совершенно обратное заключение. Приблизьте их к человеку, и они докажут природный свой „ум“, оставаясь же в табуне или стаде, конечно, приобретают в них некоторые свойства, которых от природы не имеют, или, если и наделены ими, то в значительно меньшей степени, проявляя их в одиночку не столь резко. Самая характерная психологическая особенность стада заключается в принижении интеллектуального контроля, т. е. в ослаблении контроля разума в каждом из образующих его индивидуумов, вследствие чего в нем развивается легкая возбудимость и инстинкт подражания; но ведь и разум человеческой толпы ниже разума каждого из образующих ее членов, взятых в отдельности. Это—факт, давно признанный, и если он верен по отношению к человеку, то должен быть столь же верен и по отношению к животному. Пржевальский указывает, например, на чрезвычайную трусливость верблюда. Верблюд, с которым я прошел шесть тысяч верст, побывав при этом в самых разнообразных положениях, этого качества, однако, вовсе не обнаружил. „Свалившееся седло или вьюк, пишет далее тот же исследователь азиатской природы, до того пугают верблюда, что он как сумасшедший бежит, куда глаза глядят“. Но ведь то-же проделывают и самые смирные лошади, которых никто, однако, не отнесет к числу особо трусливых и глупых животных. Засим, далее: „При нападении волка, пишет Пржевальский, верблюд и не думает о самозащите, хотя одним ударом лапы мог-бы убить хищника“. Но ведь для того, чтобы убить лапой, надо ею попасть в нападающего, домашний же верблюд [1]) для такого подвига слишком неповоротлив, не умеет лягаться и при встрече с волком может или расчитывать на быстроту своего бега или жаловаться на свою горькую участь криком, что он и делает. В общем верблюд необыкновенно кроткое животное, легко к тому же поддающееся выучке, что по опыту знают все те, кто имели с ним дело. Ровный и скорый шаг его, при отсутствии порывов и остановок, делает его особо пригодным для возки косилок, жатвенных машин и проч., причем, как показал опыт, он так быстро усваивает все особенности требую-

[1]) Верблюд в караване идет до последних сил: если он остановился от истомления и лег, то никакие понукания и даже побои уже не заставят бедное животное подняться, и его приходится бросать на произвол судьбы.

[2]) „Монголия и страна тангутов“, I, стр. 87.

[1]) Про диких же их сородичей, водящихся в западном Бэй-шане и на востоке от оз. Лоб, турфанские охотники рассказывают, что они весьма редко становятся добычей волков, которые почему-то избегают делать на них нападения.

© ГПНТБ СО РАН

щейся от него работы, что не нуждается ни в кнуте, ни в возжах, делая самостоятельно и своевременно нужные повороты. Все это, указывая на его сметливость, не свидетельствует о низком уровне его умственных способностей.

Болезни, которые поражают верблюдов, нам мало известны, как и способы их лечения. Всего чаще их поражает чесотка (хамун), выражающаяся в том, что все тело покрывается гноящимися небольшими язвами, причем шерсть на пораженных местах вылезает, и „хаса"—опухоль лап. Первая считается трудно излечимой и быстро ведет животное к гибели, вторая—проходит сама собой, но требует полного покоя. С хамуном монголы борются и иногда с результатом, присыпая язвы жженым купоросом и табаком и давая внутрь отвар из мяса козы или ревень, „хасу" же не лечат, хотя при караванном движении, выводя из строя значительный процент животных, она ставит иногда возчиков в весьма трудное положение, заставляя их оставлять как животных, так и часть порученного им груза в степи, у встречных монголов. Засим трудно излечимой считается „сарлун"—болезнь почек, и неизлечимой—сап.

У Пржевальского верблюды сравнительно легко выносили разреженную атмосферу горных перевалов Тибета, достигавших 16.000 фут. абсолютной высоты [1]); однако, упоминая об этом, он все же замечает [2]), что побывавшие на подобных высотах считаются монголами навсегда испорченными, так как, по их словам, они никогда уже, даже на пастбищах Халхи, не оправляются окончательно.

Это и все, что я нахожу нужным сказать о верблюдах.

Скотоводческое хозяйство халхасцев дает им шерсть, волос, меха, кожи, сало и молочные продукты, которые как в сыром, так и в переработанном виде лишь с недавнего времени стали служить им главнейшим материалом для обмена на недостающие им произведения культурных стран. Самым ценным из этих продуктов является в настоящее время верблюжья и баранья шерсть.

[1]) Мне лично не довелось подниматься с верблюдом выше 14.500 фут.

[2]) Op. cit., I, стр. 90.

Несмотря на кажущуюся однотипность халхаской овцы [1]), качества получаемой от нее шерсти далеко не одинаковы: лучшей считается шерсть улясутайского района, в особенности доставляемая из долины Идэра, где собирается так называемая „рунная", шелковистая, почти исключительно белая шерсть. В тех районах Западной Монголии, где овцы круглый год находятся на степи, шерсть получается более высоких качеств, чем в тех, где они на ночь загоняются, преимущественно в зимнее время, в закуты (хашаны) [2]), содержимые очень грязно, где шерсть на баранах сваливается и грубеет. В отличие от „степной", „гобийской", шерсть, собираемая в этих последних районах, получила в местной терминологии название „хашанной"; среди нее встречается много „желтяка", т. е. шерсти, пожелтевшей от сырости и грязи.

В шестидесятых годах прошлого столетия, когда русские впервые проникли в Монголию с торговыми целями, шерсть, не только верблюжья, но и баранья, не имела там никакой цены. Ее собирали лишь постольку, поскольку это считалось необходимым для хозяйственных целей. Рассказывают, что в ту пору все халхасцы жили в юртах, крытых хорошими, цельными войлоками; ныне те же юрты выглядят в Халхе совершенно иначе: войлока на большинстве из них старые, дырявые, в ярких заплатах. Шерсть стала ценным товаром, главной статьей монгольского сбыта в обмен на иностранный товар, и халхасец стал оставлять на покрытие собственных нужд лишь ничтожную ее часть.

В семье халхасца шерсть идет на изготовление лишь войлоков и таких, войлочных же, изделий, как чулки.

Войлок катают обыкновенно женщины. Изготовление его отличается простотой и состоит в том, что на кошму, т. е. на тот же войлок, разостланную на земле, накладывают

[1]) Дёрбётская овца ростом меньше халхаской; что касается этой последней, то существуют-ли какие-либо различия между овцами западной и восточной Халхи, установить мне не удалось.

[2]) Загоны для мелкого рогатого скота мне лично довелось видеть только на монгольских пикетах вдоль южной подошвы хребта Танну-ола.

© ГПИБ СОРАН

ровным слоем, толщиной в 1—1½ вершка, предварительно взбитую палками. но лишь в редких случаях старательно отсортированную шерсть, которую затем слегка смачивают водой и вместе с кошмой обворачивают вокруг деревянного вала; обвязав засим кошму волосяной веревкой, чаще же шерстяной лентой, вал в течение часа катают по ровному месту, и войлок готов, так как за это время влажная шерсть от вращения вала успевает сваляться [1]).

Халхаский войлок ниже качеством киргиз-казацкого, не говоря уже о кашгарском или узбекском; он его рыхлее, не отличается прочностью и легко разлезается. Войлок, который идет на изготовление чулок, катается всегда из предварительно тщательно отсортированной белой „рунной“ шерсти; он тонок и сравнительно более прочен.

Верблюжья шерсть не утилизируется самими монголами; она всецело поступает на иностранный рынок [2]), притом предварительно не подвергаясь ни механической, ни мокрой очистке [3]). Верблюдов не стригут, но шерсть обдирают с них просто руками [4]).

Конский и сарлычий волос также главным образом вывозится за границу; халхасцы вьют из него [5]), мешая с шерстью, только веревки (арканы).

В большом спросе на внутреннем халхаском рынке овчины и мерлушка; местная их выделка в общем удовлетворительна [6]);

---

[1]) *Морозов*, op. cit., стр. 254.

[2]) Верблюжью шерсть начали скупать раньше всего англичане в Калгане. Впоследствии она пошла через Ургу и Кяхту в Западную Сибирь, где на Ирбитской ярмарке на нее вскоре образовался большой спрос. Установление карантинов на монгольской границе нанесло удар этой торговле, однако, она вскоре оправилась от него, найдя новые пути для следования в Сибирь (*Морозов*, op. cit., стр. 268).

[3]) Только перед окончательной формировкой тюков уже в Сибири ее перетряхивают, причем обычно ее отходит при этом до 15% общего веса.

[4]) *Морозов*, op. cit., стр. 267—268, пишет, что верблюдов в Монголии „стригут“. Я не могу подтвердить этого известия.

[5]) Не столько из конского, сколько из сарлычьего волоса.

[6]) В литературе я не нашел указаний на способ их выделки в Халхе.

но кож монголы не умеют выделывать [1]), не исключая и сыромяти, исчезающее в Халхе производство которой дает товар очень низкого качества.

Из молока халхасцы приготовляют: урюм—пенку с кипяченого молока, который идет в пищу, как самостоятельное изделие, но в то же время, как мы ниже увидим, служит и материалом для выделки масла; тарык—варенец; цуриэм—варенец из овечьего и козьего молока; ицзы-угэй—высушенный на огне творог; шара-тосо—масло; цаган-тосо—белое масло, сбитое непосредственно из сметаны и сливок [2]); арул—род сыра [3]); бисылык—сыр, но без присущей ему ноздреватости; арахи—монгольскую водку—спиртной напиток, о способах выгонки которого из квашеного молока народностями, населяющими Монголию, мне уже приходилось писать выше [4]), и айрик—кумыс [5]). Из числа этих продуктов для экспорта имеет значение только масло [6]),

---

[1]) Однако мы все же находим у них прекрасно выполняющие свое назначение собственной выделки турсуки, т. е. кожаные мешки для хранения жидких продуктов.

[2]) *Потанин* упоминает еще о третьем продукте, носящем имя тосо и представляющем серую массу в комьях из смеси молока, сала и ячменной муки.

[3]) *Потанин* пишет арульи или хурут, курт у киргиз-казаков.

[4]) Стр. 97, 208—209. В Халхе подобно тому, как в Засаянском крае, арахи потребляется в очень большом количестве, причем, как и там, пьют ее не только взрослые, но и дети, пьют сосредоточенно, часто с утра, до полного опьянения; к современным монголам не может уже быть отнесено следующее замечание *Плано Карпини*: „монгольские князья, особенно в собраниях, пьют (водку) не иначе как при звуках песен и струнных инструментов“; в такой обстановке они уже не нуждаются и пьют ее во всякие моменты жизни, когда только представится к тому какая-либо возможность.

[5]) Кумыс называют еще кое-где устаревшим названием—хурун-гуну-арахи, водку—хара-арахи. Ср. *Потанин*—„Очерки сев.-зап. Монголии“, II, стр. 111, который пишет, что кумыс у монголов известен под названием чигэн или гуни арик, т. е. кобыльего арика.

[6]) *Майский*, op. cit., стр. 137, пишет, что халхасцы очень неохотно пускают в продажу молоко и молочные продукты; к тому же у них с такой продажей связано не мало суеверий; так, по монгольским понятиям молоко нельзя продавать после захода солнца, в период тавренья лошадей и рогат скота, стрижки овец и т. д.

© ГПНТБ СОРАН

об изготовлении которого Майский [1]) пишет следующее: ежедневно в дойный период на малом огне кипятится в котле молоко, в результате чего оно покрывается густой, иногда в палец толщиной, пенкой—урмой (урюмом), которая снимается и складывается в особую деревянную домбу или кожаный мешок; там она накапливается в течение более или менее продолжительного времени, иногда в течение нескольких месяцев, причем в верхних слоях горкнет и подсыхает, в нижних же киснет и ферментуется; нередко в ней заводятся даже черви; когда же сосуд наконец наполнится урмой, ее вываливают в котел и вытапливают из нее масло, которое и сливают для дальнейшего хранения в вывернутые на изнанку желудки рогатого скота и лошадей; в растопленном виде оно имеет зеленоватый цвет и издает запах, почти невыносимый для европейца; этот-то запах и закрывает ему дорогу в Европу; впрочем за последнее время в Забайкалье нашли способ его переработки, дающий хорошие результаты [2]).

Способы изготовления прочих молочных продуктов у халхасцев те же, что и у остальных кочевников Западной Монголии.

Отсутствие в Халхе ремесл и земледелия в сколько-нибудь значительных размерах отдало эту страну во власть торгового капитала, который дает ныне ее населению все то, в чем оно ощущает нужду, а нужда эта огромна, так как современный монгол не может уже ни накормить себя, ни одеть, не прибегая к покупному товару: мы только что видели, как ограничено его личное производство ему необходимых предметов.

Торговый капитал дает ему в настоящее время даже то, что он мог-бы извлечь из своего кочевого хозяйства, постепенно парализуя в нем хозяйственную инициативу и прежнюю самодеятельность и приучая покрывать рост своих потребностей продажей того сырья, которое при иных условиях могло-бы быть им использовано в собственных нуждах, приложив лишь небольшую долю труда.

[1]) Op. cit., стр. 138.

[2]) У *о. Иакинфа*—„Записки о Монголии“, I, читаем: „Коровье масло приготовляют чисто и наливают в бараньи брюшины“. Очевидно, он говорит о цаган, а не шара-тосо.

Фабрика давно уже овладела положением в Европе, вытеснив из многих отраслей производства самостоятельное ремесло, которое удержалось в ней лишь в тех из них, где машины сравнительно мало сберегают труд и где самая форма мелкого производства способствует экономии труда и материалов.

То же, хотя и в несколько ином порядке, наблюдается и в Халхе: более совершенные китайские изделия, отчасти же русские, вытеснили в ней выделку кож [1]), шитье из нее обуви, выделку деревянных ленчиков и седельных частей и принадлежностей, домашней утвари [2]), некоторых металлических изделий и проч., и в настоящее время эта страна является потребительницей большого числа китайских товаров или европейских, лишь доставляемых ей китайцами, но не русских, так как русские производители, пренебрегая монгольским рынком, не стремились до сих пор приноровиться к потребностям и вкусам монгольских потребителей. Вообще же иностранный, главным образом китайский, торговый капитал успел уже сыграть значительную роль в Монголии, не только упрочив, но и придав законченность той экономической организации, которая в ней наблюдается в настоящее время, так как только при ввозе в нее целого ряда товаров стало возможным преобладание в ней скотоводческого хозяйства в той чистой форме, которая теперь в ней существует [3]).

[1]) В прежнее время, как и в других районах Западной Монголии, в Халхе умели выделывать кожи. См. *о. Иакинф*, op. cit., I, стр. 181.

[2]) *Морозов*—„Из путевого дневника“ („Моск. тор. эксп. в Монголию“, стр. 145) пишет, что монголы, живущие при переправе через р. Селенгу, занимаются столярным ремеслом и изготовляют, главным образом, сундуки, которые засим и развозят по ближайшим хошунам, выменивая сундук на барана.

[3]) Ни в какие времена своей более, чем двадцативековой, истории Северная Монголия не была так экономически беспомощна, как в настоящее время; даже во времена хуннов в ней существовали производства, ставив-

© ГПИБ СО РАН

Поставив же Халху в зависимость от иностранного рынка, китайский капитал подчинил ее население китайскому влиянию полнее, чем то могла сделать политика Пекина в этой стране.

Известно, что возмущения инородческого населения бассейнов верхних течений Ян-цзы-цзяна и Желтой реки подавлялись китайским правительством не столько силой оружия, сколько запрещениями ввоза туда кирпичного чая, и то же едва не повторилось в наши дни и в Халхе: автономная Монголия капитулировала-бы перед Китаем, если-бы не своевременные меры, принятые русским правительством к снабжению ее населения кирпичным чаем и мануфактурой по доступным для него ценам [1]).

Скотоводство дает халхасцу основные ингредиенты его питания [2]), тем не менее чай, приготовленный по монгольскому способу, заправленный иногда маслом, всегда молоком и солью, не сходит с монгольского очага и играет важнейшую роль в угощении посетителей и на общественных собраниях, например, при торжественных богослужениях; для менее же состоятельного халхасца чай, указанным способом приготовленный, может считаться главнейшим предметом питания, и расход на этот предмет в его бюджете играет очень видную роль.

Постепенно в монгольском быту получает распространение пшеничная мука самых низких сортов, затем ячмень

шие ее в независимое от Китая положение; известно, например, что уже хунны умели выделывать все свое вооружение, возили при войсках шанцевый инструмент, поставляли Китаю упряжных лошадей и проч.

[1]) Чай был направлен в Ургу удешевленным транзитом: Шанхай—Владивосток—Харбин—Кяхта, причем залог в размере насчитанной на него пошлины возвращался по вывозе товара за границу, т. е. в Халху; впоследствии эти залоги были даже отменены и заменены обязательствами.

[2]) *Майский*, op. cit., стр. 156, приходит к заключению, что первое место в пищевом бюджете халхасца принадлежит молоку и молочным продуктам, дающим 55,31% всего количества калорий, второе—растительным продуктам—24,38% и третье—мясу—20,31%; при этом, однако, он помещает чай в число вкусовых продуктов и не принимает его как элемент питания вовсе в расчет.

и пшено. Часть этой муки поступает на монгольский рынок с пашен Халхи, находящихся главным образом в китайских руках, часть привозится из Сибири.

Все халхасцы, даже их женщины и девушки, курят табак; табак—также китайский продукт.

И затем одежда, обувь, утварь, предметы обстановки юрты, предметы культа, седла, все то, что на нем, что окружает халхасца, все это у него покупное, привозное, все это приобретается им главным образом в кредит и оплачивается основной ценой с наростающим на нее высоким процентом.

Вся торговля в Халхе, как и в остальной Монголии, построена на кредите. Условия его здесь крайне тяжелы, и, как мы уже видели, редкий из халхасцев не был до 1911—1912 г.г. запутан сетью своих долговых обязательств, по которым не всегда в состоянии был платить даже проценты: самостоятельность его хозяйства стала призрачной, сам же он перешел в положение по отношению к заимодавцу близкое к крепостному.

О торговой эксплоатации населения Западной Монголии я буду говорить в другом месте [1]), здесь же еще только замечу, что коренное противоречие в халхаском экономическом быту в том именно и заключается, что в Халху доставляются из-за границы одни лишь сравнительно дорогие фабрикаты, а вывозится из нее исключительно дешевое сырье.

Имелась до последнего времени и еще одна причина в числе других, ведшая к обеднению халхасца: это хошунное хозяйство монгольских князей. Их поборы с монголов направлены были на то же самое хозяйство, которое не могло спасти свою самостоятельность от натиска торгового капитала. Наличность торгового класса, бывшего всегда готовым предложить хошунным властям деньги, вызвала у князей жадные и хищнические инстинкты. Если-бы князь в любую минуту не мог прибегнуть к кредиту у купца, то его поборы с ему подвластного населения, в прежние времена имевшие преимущественно вид натуральных повинностей, были-бы ограничены

---

[1]) См. вып. 2, главу IX.

© ЕНБ

размером потребностей его собственного хозяйства; но когда с этого населения явилась возможность брать не только сырьем или скотом, но и серебром, это серебро развязало князьям руки. Они стали взимать его с хошунов при посредничестве китайцев, которым в таких случаях отдавалось на откуп право сбора налогов. Натуральный сбор в Халхе падает на главные статьи ее отпускной торговли—на шерсть или скот. Таким образом он захватывает не только доход монгольского хозяйства, но часто и его капитал, и так-же, как и кредитная торговля, подрывает самостоятельность его ведения монголом: последний делается пастухом чужого скота [1]).

Здесь мы подходим к крупнейшему явлению в жизни халхасца, которое впрочем в настоящее время утратило уже повсеместно в автономной Монголии свое былое значение, а именно к тем поборам, которые под общим именем „алба“ или „албан“ взимались с населения Халхи его правителями, будь-то светские или духовные власти.

Кроме податей, уплачивавшихся ежегодно населением в пользу князя в определенном размере (шусы), с него ежегодно же, по особой каждый раз разверстке, взыскивались и вызываемые экстренными надобностями чрезвычайные сборы, общий размер которых обычно во много раз превышал его коренную повинность князю—„шусы“, причем главнейшее зло этих сборов и заключалось до последнего времени в том, что при их взимании хошунные власти никогда почти не обходились без посредничества китайцев, которые, внеся в казну князя требовавшуюся ему сумму весовым серебром, выговаривали себе у него право взыскать ее с населения путем перевода ее на сырье и скот по оценке последнего ниже его рыночной стоимости.

Чрезвычайные сборы не имели никаких узаконенных оснований, взимались в самых разнообразных размерах и по самым различным поводам. Поездки князя до 1911 года

---

[1]) *М. И. Боголепов* и *М. Н. Соболев*—„Очерки русско-монгольской торговли“, стр. 129.

в Пекин, позднее—в Ургу, куда он также не мог явиться с пустыми руками, относились всегда на счет хошуна; всякое дело, восходившее до разбора китайских властей, хотя-бы такое бесспорное, как утверждение князем своего сына в правах наследства, требовало от хошуна огромных расходов; хошун же оплачивал и каждый наезд судейских чиновников. Какая-нибудь фантазия князя, пишут в своей книге профессора Боголепов и Соболев [1]), способна была ввести хошун в неоплатные долги в какие-нибудь два-три года; так, рассказывают про одного князя, сделавшегося поклонником русских обычаев и культуры, что он выстроил себе дом в русском стиле, завел экипажи, выездных лошадей, наладил домашнее хозяйство на европейский лад и повел открытую жизнь, в результате же его „русофильства“ хошун оказался закабаленным китайцам. И хотя, как в этом, так и в других, ему подобных, рассказах, которые приходится слышать часто в Халхе, всегда имеется доля преувеличения, тем не менее одно несомненно: за долги князя расплачивался всегда наследственно управлявшийся им хошун.

Помимо „шусы“—содержания князя, и поборов, вызывавшихся экстренными надобностями вроде указанных выше, без которых в хошунах Халхи не обходилось года, Майский [2]) насчитывает следующие 16 видов албы:

1) уртонная повинность—содержание почтовых станций;

2) подводная повинность—содержание земских подводных пунктов в хошунах;

3) „уя“ в Урге—содержание лошадей и подвод для служебных раз'ездов ургинских чиновников;

4) „уя“ при аймачных и хошунных управлениях;

5) воинская повинность;

6) караульная повинность [3]);

---

[1]) Стр. 146.

[2]) Op. cit., стр. 284.

[3]) *Майский*, повидимому, имеет в виду содержавшуюся до 1911 года монголами и ныне, насколько известно, не упраздненную караульную линию вдоль границы Урянхайской земли, по южному склону хр. Танну-ола, и далее на восток, до оз. Косогола, где она сходилась с караульной же

7) обязательная служба в общественно-административных и полицейских должностях [1]);

8) „хунэсэ“—столовое и квартирное довольствие чиновникам и писцам в хошунных и аймачных управлениях;

9) сборы на строительство и ремонт монастырей и отдельных кумирен и на отправление общественных богослужений;

10) содержание аймачных управлений;

линией вдоль государственной границы с Сибирью. На этой линии пикеты носят названия гэрь—и мори-хараул'ов в зависимости от того, временный или постоянный состав монгольских солдат их занимает. Солдаты гэрь-хараул'ов хотя и числятся по разным хошунам, но редкий из них посещал родину своих предков, большинство же родилось на караульной линии и нигде, кроме соседних караулов не бывало; на мори-хараул'ах же служат халхасцы, назначаемые на срок, по истечении которого они и возвращаются в свой хошун. На эти караулы монголы назначаются обычно из отдаленных хошунов, гэрь-хараулы же содержатся монголами ближайших хошунов. Каждому караулу отведены для кочевок земли вдоль линии, которые и тянутся здесь на протяжении 15—20 верст в обе стороны от пикета. Пастбища на линии почти везде превосходны, и линейные солдаты выделяются среди прочих халхасцев своими достатками. *Потанин*—„Очерки сев.-зап. Монголии“, вып. 2, стр. 45, видел на линии всюду большие стада баранов, рогатого скота, сарлыков и табуны лошадей и верблюдов. Обязанности линейных солдат сводятся к надзору за границей и к перевозке почты; из повинностей они несут только уртонную. Жалованья не получают, но каждый из них имеет право за счет хошуна, в котором числится, забирать у китайских торговцев товара на сумму до 25 ланов. Каждый пикет управляется цсанги, которые ныне ближайшим образом подчинены мэйрэну, как ранее подчинены были хя, китайскому офицеру, заведывавшему несколькими пикетами; во главе же всей караульной линии стоит один из князей, избираемых на срок. Вооружение линейных солдат самое архаическое и находится к тому же в самом неудовлетворительном состоянии, так как монголы рассуждают так: „к чему иметь лучшее? С русскими мы живем в полном согласии, и не нужно нам даже никаких караулов: земель и у русских и у нас еще много. И на что могут быть годны луки и стрелы, когда даже каждый русский соит (этим именем зовут халхасцы русских инородцев Саян и Алтая) имеет „пистулэ“ (пистолет), а чу-фый'-ские солдаты (русские таможенные стражники) стреляют и попадают на расстоянии 5 ли! Разве есть при таких условиях какая-нибудь польза от наших луков?“ (*А. Позднеев*—„Монголия и монголы“, I, стр. 356).

[1]) *Майксий* едва-ли правильно включает эту службу в число монгольских повинностей. Она связана с такими доходами, которые заставляют монголов ее добиваться путем иногда даже значительных взяток.

11) содержание чжисанов—аймачных учреждений в городах [1]);

12) „даньшик“ и „мандал“—сборы на подношения богдо-гэгэну;

13) содержание управлений аймачных цзянь-цзюней—командующих войсками;

14) экстренные расходы по командировкам военных команд;

15) уплата (китайцам) старых аймачных и хошунных долгов [2]);

16) пособие государственной казне в размере 25% всех расходов по содержанию милиции [3]).

Взыскание тех из этих сборов, которые предназначались на покрытие хошунных нужд („шуса“, содержание „тамги“, т. е. хошунного управления, уплата хошунных долгов, ремонт хошунного монастыря и проч.), производилось распоряжением князя по „бакам“ в соответствии с количеством населения

---

[1]) До 1911 года халхасцам приходилось содержать в гор. Улясутае следующие свои учреждения:

1) албану-малун-чжиса, т. е. очередное управление казенными стадами, содержавшимися китайским правительством в Халхе в целях военных и административных; их выпас составлял повинность монголов трех западных аймаков;

2) гурбун-аймагун-чжиса—очередное управление трех аймаков: Дзасакту-хана, Сайн-ноина и Тушету-хана, ведавшее, главным образом, подготовительной частью судебных дел, восходивших на рассмотрение и решение улясутайского цзянь-цзюня;

3) цакда-цэригун-чжиса—очередное управление улясутайского гарнизона и

4) цохор-ёртёнэй-чжиса—очередное управление состоящим при канцелярии улясутайского цзянь-цзюня почтовым отделом.

[2]) В 1911 году все долги китайцам были аннулированы; но засим, с восстановлением в Халхе китайской власти, соответственный декрет ургинского правительства был отменен, и большинство китайских купцов пред'явило хошунам бывшей автономной Монголии требования об уплате задолженных ими сумм с наросшими на них процентами.

[3]) Этот перечень халхаских повинностей не вполне их исчерпывает. Во время китайского управления страной все земляные работы на казенных пашнях выполнялись монголами принудительно; то-же следует сказать и о работах в крепостях по ремонту стен и зданий, заготовке и доставке лесных и иных материалов и проч.; но и при ургинском правительстве к числу натуральных повинностей халхасцев относились, относятся и теперь, доставка и окарауливание преступников и обслуживание тюрем в Урге и хошунах.

© ГПИБ

и уровнем благосостояния каждого из них, после чего, в свою очередь, старшина бака совместно с „бошко"—сборщиком податей, руководствуясь тем же принципом, распределял общую сумму налога между членами бака; сборы же на нужды общегосударственные и аймачные производились по распоряжению „чулган-дарги"—председателя сейма, согласно устанавливавшейся на сейме по тому же принципу для каждого года „эрухэ", т. е. доли участия в общих расходах каждого из хошунов аймака.

Такая постановка дела взыскания налогов представляла гарантию полной справедливости обложения: каждый монгол платил в соответствии со своим достатком, причем, так как налоги устанавливались не единожды навсегда, а пересматривались ежегодно, то в годины стихийных бедствий имелись шансы быть вовсе освобожденным от платежа повинностей. Но это—в теории. В действительности же налоговое дело в Халхе обставлено совершенно иначе вследствие достаточно хорошо известной продажности монгольских чиновников. Майский [1]) высказывает даже уверенность, что от одной трети до половины всех сумм, взыскивавшихся с халхасцев в порядке „алба", раскрадывалось имевшими власть всех рангов и положений. Вот причина, почему все эти налоги ложились так тяжело на плечи монголов Халхи.

Из этих повинностей, несомненно, наиболее тяжелой должна считаться уртонная.

Происхождение ее очень давнее. История упоминает о ней уже за столетие до Р. Хр., когда китайцы потребовали от правителей государств, лежавших к западу от Дунь-хуана (Са-чжоу), бесплатного содержания в пути по их владениям и бесплатного же предоставления перевозочных средств тем из китайских подданных, которые по распоряжению правительства отправлялись на запад. При императоре Ву-ди, пишут китайцы [3]), сношения с Западом участились: в течение

[1]) Op. cit., стр. 285.

[2]) *Иакинф*—„Собр. свед. о народ., обит. в Средн. Азии в древн. врем.", III, стр. 39.

одного года отправлялось туда до десятка посольств [1]), и Лэулань и Гу-ши, лежавшие на их пути, очень страдали от этих проездов, требовавших от них непомерных расходов... В 3 году по Р. Хр. такое событие, как открытие нового кратчайшего пути между городами Хэ-си и Притяньшаньем, дало даже повод к восстанию и изгнанию из края китайцев, так как оно должно было повести к введению уртонной повинности в попутных владениях [2]). Одно из восстаний в Халхе в эпоху маньчжуро-ойратских войн имело также ближайшим поводом непосильное для монголов бремя этой повинности.

Тяжела она населению не сама по себе, тяжелы те злоупотребления, для которых она создает удобную почву.

Помимо перевозки тяжелой и легкой почты [3]) на халхасцев до 1911 года ложилась обязанность снабжать лиц, проезжавших по казенной надобности, перевозочными средствами, предоставляя им в то же время на станциях помещение, топливо и пищевое довольствие—чай и баранов в предусмотренном особым положением количестве, которое должно было быть тем бо́льшим, чем значительнее было едущее лицо. Бараны при этом редко с'едались, но за оставшихся монголам, последние повинны были уплачивать проезжающим их стоимость кирпичами чая из расчета четыре кирпича за барана.

Как этой повинностью пользовались китайцы, это хорошо известно всем тем, кто хоть раз посетил Халху. Достаточно указать, что за взятку китайские купцы получали нередко ордер на право пользования по трактам даровым содержанием и даровой же перевозкой товаров, причем в таких случаях для под'ема всего груза требовалось иногда до сотни вьючных

[1]) В то время отправлявшиеся на запад посольства отличались особым многолюдством, причем для перевозки конвоя, персонала и багажа требовались сотни животных.

[2]) *Грум-Гржимайло*—„Описание путешествия в Западный Китай", I, стр. 216—217, II, стр. 21 и след.

[3]) Даже артиллерийские орудия китайцы перевозили через Монголию, пользуясь верблюдами и лошадьми, содержимыми монголами на своих станциях.

© ПГПБ

животных [1]). В книге А. М. Позднеева читаем [2]): „Здесь мы повстречали китайца—рассыльного из ямуня улясутайских амбаней; он вез какой-то пакет сайр-усу'скому цзаргучаю; его сопровождали три улачина (подводчика); в полуверсте далее повстречался нам еще и слуга того же рассыльного, тоже китаец, при котором состояло два провожатых; с таким-то шиком, требуя себе 10 лошадей и 5 проводников, раз'езжают по Монголии простые китайские рассыльные, везущие один какой-нибудь пакет!" На одной из станций Позднеев [3]) застал большое скопление народа, вызванное прибытием „цаган-аду"—той традиционной дани, которую под названием „девяти белых" [4]) направляли кочевники Тарбагатайского округа в Пекин. Этим случаем воспользовался местный хэбэйамбань, присоединив к этому „белому табуну", под конвоем 19 солдат при одном офицере и своих лошадей, не менее ста голов, предназначавшихся им в подарок пекинским родственникам и знакомым. Составленный таким образом караван требовал от попутных станций, кроме содержания людей, 19 лошадей под верх, 2 под багаж и 40 верблюдов под громоздкие тяжести, при 36 верховых проводниках, причем и солдаты и офицер, „простой бошко" [5]), держали себя на этих станциях самым вызывающим, непозволительным образом, раздавая удары нагайкой даже цзангинам —монгольским чиновникам IV класса.

Из этих далеко не крайних примеров легко составить себе представление о том, во что обходилась монголам уртонная их повинность; а что такие злоупотребления этой повинностью не были явлением лишь последних дней, а обычаем, освященным традицией, это доказывает нам история [6]), дающая не мало примеров того, как доведенное до крайности население попутных местностей избивало на станциях китайских послов.

---

[1]) *Богоявленов* и *Соболев*, op. cit., стр. 148.
[2]) Op. cit., I, стр. 187.
[3]) Op. cit., I, стр. 191.
[4]) См. т. II, гл. XI, и выше стр. 367.
[5]) Op. cit., стр. 200.
[6]) См. хотя-бы цитированное выше место, стр. 39, книги *Иакинфа*.

Не менее были тягостны и условия несения халхасцами прочих повинностей, благодаря тем злоупотреблениям, которыми они обычно сопровождались, причем монгольские чиновники, воспитанные на китайских образцах, проявляли в этом отношении не меньшие изобретательность и беззастенчивость, чем их учителя. Хищнические инстинкты даже до такой степени сильно развиты в их среде, что еще и в настоящее время рядовые халхасцы опасаются разжигать их, проявляя в чем-нибудь свой достаток: в современной Халхе, как впрочем и в остальной Монголии, сложились ныне совершенно такие же отношения, какие существовали когда-то во Франции, где крестьяне, раззоряемые повинностями и налогами, боялись поставить лишний улей, чтобы этим не привлечь на себя усиленного внимания фискальных чиновников.

События 1911—1912 годов, позволившие монголам сбросить с себя иго наиболее сильных из своих эксплоататоров, и ряд последующих благоприятных в климатическом отношении лет, давший возможность экономически им оправиться, явились лишь временной передышкой в их давно уже не прекращающейся борьбе с развивающимся в их среде нищенством. Уже осенью 1919 года заняли Ургу китайские войска, в „дворец" богдо-гэгэна под предлогом его охраны введена была военная часть, и у повелителя монголов насильно вырвана была подпись под петицией китайскому правительству об обратном принятии его и его подданных под высокую руку Серединного государства [1]); автономная Монголия прекратила кратковременное свое бытие, а вслед затем всплыли и аннулированные в 1911 г. монгольские долги китайским купцам.

Размеры этих долгов в некоторых случаях поражают своей огромностью; так, по данным, собранным Майским [2]), на хошуне Дархан-гуна Сайн-ноин'овского аймака, насчитывающем 238 юрт, числится долгов на общую сумму 240 тысяч лан, что составит 1.008 лан на одну юрту, 400 лан на человека.

---

[1]) *Майский*, op. cit., стр. 266.
[2]) Op. cit., стр. 285—286.

© ГПИБ

Эти и им подобные цифры получают еще большее значение, если принять во внимание, что, по исчислению того же исследователя [1]), стоимость всего средне-типичного хозяйства халхасца не превосходит в лучшем случае 1.000 лан [2]).

---

[1]) Op. cit., стр. 159.

[2]) Эту цифру *Майский* выводит, определяя достаток средне-типичного монгольского хозяйства следующим количеством живого инвентаря:

3	верблюда	225 руб. мет.
14	лошадей	350 „ „
13	голов крупного рогатого скота	390 „ „
90	„ мелкого „	270 „ „
	итого	1.235 руб. мет.

остальную цифру 1864 руб. мет. (1,000 лан)—1.235=629 руб. мет. составляет стоимость мертвого инвентаря: одежды—339 руб., жилища и его обстановки—93 руб., домашней утвари—62 руб., рабочего инвентаря (?)—78 руб. и предметов культа и развлечений (?)—57 руб.

При этом *Майский* берет семью в 5 человек, т. е. семью несколько превышающую действительную среднюю монгольскую семью, состоящую из 4,5 членов, и сверх того столь высокую норму благосостояния, которая отнюдь не может считаться средней в Дзасакту-хан'овском и Сайн-ноиновском аймаках, ибо в этих аймаках на юрту приходится:

в Дзасакту-хан'овском:

4,8	лошадей	125 руб. мет.
1,1	верблюдов	80 „ „
6,0	голов крупного рогатого скота	180 „ „
58,3	„ мелкого „	175 „ „
	итого	560 руб. мет.

в Сайн-ноин'овском:

8,2	лошадей	201 руб. мет.
1,2	верблюдов	90 „ „
10,6	голов крупного рогатого скота	318 „ „
51,9	„ мелкого „	156 „ „
	итого	765 руб. мет.

что вместе со стоимостью мертвого инвентаря, которую я принимаю в цифре, исчисленной *Майским*, хотя она и возбуждает некоторые сомнения, составит для одного хозяйства:

в Дзасакту-хан'овском аймаке 1.180 руб. мет.=634 лана
„ Сайн-ноин'овском „ 1,394 „ „ =749 лан,

каковые суммы уже не всегда покрывают лежащих на этих хозяйствах долговых обязательств.

При свете подобных цифр, восклицает далее Майский, становится понятным, почему в Халхе имеются такие князья, как Уйдзин-гун, Дзасакту-хан'овского аймака, все имущество которого составляют 12 лошадей, 2 верблюда и 9 быков!

Беден князь, еще беднее его подданные, и если халхасцы в светлый для них период 1911—1919 годов выглядели сравнительно зажиточными, то период этот, повидимому, для них уже миновал, и едва-ли не предстоит им вновь погрузиться в прежнюю беспросветную нищету, которая, как известно, ведет к понижению народной нравственности и к потере человеком индивидуальной свободы, причем процесс этот должен совершаться в Монголии тем быстрее, что страна эта не принадлежит к числу тех, где идея справедливости и ее общественной целесообразности прочно усвоена населением.

Уже первые путешественники, знакомившие нас с монголами, хотя и воздавали должное их гостеприимству, приветливости, миролюбию, незлобливости и добродушию [1]), но в то же время рисовали их народом, склонным к „корысти, хищничеству и обману“ [2]); впрочем Тимковский [3]) писал, что „воровство, а тем более грабеж—порок у них необыкновенный“, хотя с такой аттестацией и не согласовались как воровская репутация хошуна восточных сунитов, о которой он говорил раньше [4]), так и случай значительной покражи в его караване, виновником которой оказался монгол, понесший, кстати сказать, весьма легкое наказание за свое преступление. Хорошей иллюстрацией к аттестации Тимковского служит и следующее место книги А. Позднеева [5]): „Еще

---

[1]) *А. Позднеев*—„Монголия и монголы“, I, стр. 370, пишет: народ этот не знает досады и не помнит обид. То-же читаем мы и у *гр. А. П. Бенингсена*—„Несколько данных о современной Монголии“, 1912, стр. 61: „монголы добродушны и доверчивы, скоро забывают зло, которое им сделали“.

[2]) *Иакинф*—„Записки о Монголии“, I, стр. 170. *Позднеев*, op. cit, I, стр. 370, также замечает, что монгол, сколь высокое положение ни занимал-бы он в обществе, никогда не постеснится смошенничать даже в таком малом деле, о котором не стоило-бы и говорить.

[3]) „Путешествие в Китай“, III, стр. 299.

[4]) Op. cit., I, стр. 237.

[5]) Т. I, стр. 394.

© ГПНТБ СОРАН

под'езжая к тамаге (Далай-вана), мы были поражены массой стоящих здесь палаток и майханов; из расспросов выяснилось, что все это было жилища воров, высланных баками в тамагу для производства над ними следствия и суда". Майский [1]) с своей стороны пишет, что в настоящее время воровство в Халхе стало преступлением обычным, причем имеются даже хошуны, с именем которых связывается та или иная преступная репутация; так, например, хошун Цэцэн-вана, Дзасактухан'овского аймака, известен как гнездо конокрадов [2]).

Кроме воровства за последнее время в Халхе стали развиваться и такие более сложные преступления, как подлоги; например, получение по подложным документам денег. Впрочем Майский тут же оговаривается, что как ни характерны для современной Халхи случаи различных, происходящих в ней, правонарушений, все же обобщать их было-бы несправедливо: широкая масса монгольского народа пока еще не имеет к ним отношения, и лучшим доказательством этого факта может служить то обстоятельство, что вплоть до настоящего дня различного рода коммерческие сделки русских и китайских купцов с монголами, в том числе и долговые обязательства, совершаются без всяких документов, просто на слово; при этом очень редко случается, чтобы монгол отказывался от уплаты по сим обязательствам, и, наоборот,

[1]) Op. cit., стр. 44.

[2]) *Шишмарев*—„Сведения о Халхаских владениях" в „Зап. Сиб. отд. И. Русск. Геогр. Общ.", 1864, VII, стр. 89, дает даже такую нелестную аттестацию нравственных качеств монгола: „Страсть к обману и воровству развита между ними в высшей степени; монгол за несколько серебряных монет по страсти к деньгам готов решиться на всякое преступление. Заставить монгола уважать себя только и можно хорошею обстановкою и деньгами". Наконец, о воровских наклонностях монголов писал и *Н. Г. Спафарий* („Описаніе первыя части вселенныя именуемой Азіи, в ней же состоит Китайское государство съ прочими его городы и провинціи", Казань, 1910, стр. 16): „Четвертой путь есть новой, нынѣ сыскан от Селенгинского острога степью, чрез одну мунгальскую землю, где Очерой единъ ханъ и кутухта лама владѣетъ... Толко неболшая нужда есть тамо, что невомногихъ мѣстѣхъ воду с собою носят, и дров не обрѣтается, пачеже всего опасно от кражи, потому что мунгелы по ночам крадут коней и верблюдов, и надобно беречь накрѣпко".

очень часто бывает, что купцы, пользуясь беспомощностью монгола, взыскивают с него долг по нескольку раз.

Эту беспомощность нельзя, однако, ставить в плюс монголу, ибо она свидетельствует об инертности его характера, об упадке волевой силы, которую не может в нем пробудить даже защита собственных интересов. Не забудем, что Пржевальский беспомощность, проявляемую верблюдом при нападении волков, приводил в числе доказательств „глупости" этого животного [1]).

И. Майский [2]) рассказывает, между прочим, следующий интересный случай, вполне справедливо считая его весьма показательным для характера монгола: однажды один из русских коммерсантов послал хорошо знакомого ему монгола в Улясутай с весьма ценным грузом: монгол должен был доставить в этот город 50.000 руб. кред. билетами и несколько пудов серебра; сдав этот груз полностью, посланный уже на обратном пути, под'езжая к кошу своего хозяина, украл из его стада по соглашению с пастухом четыре овцы, не сумел скрыть этого воровства и попался. В этом происшествии действительно сказался весь монгол, с его натурой ребенка, с его первобытной импульсивностью, с его слабо развитым еще сознанием собственности.

Цитирую еще одно место книги Майского [3]):

„Но если, пишет этот исследователь современной Монголии, воровство, подлог и тому подобные преступления нашли уже себе дорогу в среду монгольского народа, то о грабежах и разбоях здесь пока еще не слышно, и насилия над человеком, убийств и пролития крови Монголия еще не знает".

Если принять во внимане, что значительную долю ответственности за современную порочность монголов он возлагает на китайских и русских купцов, то вышеприведенные строки способны оставить в читателе впечатление, будто некогда Монголия представляла собою страну, население которой

[1]) См. выше стр. 373.

[2]) Op. cit., ср. 144.

[3]) Ibid.

© ЦГИА РБ

отличалось особой чистотой нравов. Достаточно, однако, прочесть „Юань-чао-ми-ши“, чтобы придти к обратному заключению; даже Темучин, давший монголам ясу—свод жестоких карательных постановлений, которыми он пытался обуздать монгольские нравы [1]), не остановился перед тем, чтобы под влиянием ничтожнейшей ссоры убить безоружного брата; да и Шишмарев, писавший, что любой монгол способен за несколько серебряных монет пойти на всякое преступление [2]), высказывал это мнение о халхасцах еще до вступления на их территорию русских купцов и до того момента, как развилась в Халхе хошунная, т. е. развозная торговля китайцев. Нет, в раз'едающей современную Халху преступности русские купцы неповинны; она коренилась в натуре халхасца, и если в настоящее время в этой стране замечается ее усиление, то главнейшую тому причину следует искать в упадке материального его благосостояния: на преступления гонит халхасца борьба за существование, в характере же его нет достаточно сильных нравственных устоев, которые могли-бы задержать его на этом пути.

---

[1]) *Рашид эд-Дин* следующими словами характеризует татар (монголов): „Ненависть, гнев и зависть, говорит он („История монголов“, „Введение“, стр. 49), преобладали в природе их; они прославились убийствами и поражали друг друга ножами и саблями из-за неосторожно сказанных слов подобно курдам и франкам“. По словам того же автора, Чингис-хан так говорил о своей государственной деятельности: „У степных народов, которых я подчинил своей власти (стало-быть, не только у монголов, но и у других племен, впоследствии с ними смешавшихся и образовавших совокупно с ними ту народность, которую мы называем халхаской), воровство, грабеж и прелюбодеяние составляли заурядное явление; сын не повиновался отцу, младший не признавал авторитета старшего, муж не доверял жене, жена не считалась с волей мужа, богатые не помогали бедным, низшие не оказывали почтения высшим, и всюду господствовали самый необузданный произвол и безграничное своеволие. Я положил всему этому конец и ввел у них законность и порядок“.

Законы Чингис-хана карали смертью убийство, грабеж, кражу, скупку краденого, принятие в услужение или сокрытие беглого раба, невозвращение владельцу утраченного им в бою оружия и тому подобные преступления.

[2]) См. выше стр. 392.

Все писавшие о роли буддизма в Монголии, начиная с императора Цянь-луна, который, будто-бы, высказал мысль, что монголы упали духом и ослабели под влиянием ламаизма [1]), приписывали этому вероучению те глубокие изменения в народном характере монголов, которые стали ясно намечаться уже в начале XVIII столетия, но с особой силой проявились в ближайшую к нам эпоху, когда взамен прежних воинственности, предприимчивости и энергии в монголах стала развиваться пассивность, достигшая ныне крайней степени своего выражения, перейдя даже в совершенно необ'яснимое тяготение к зависимости от других.

Мне кажется, что в этом есть доля преувеличения: буддизм не уничтожил воинственности монголов; она у них лишь притупилась, так как с XVIII столетия существенно изменилась политическая кон'юнктура во всей Средней Азии, где сомкнулись в своих границах Китай и Россия и где не стало условий, дотоле воспитывавших в них воинский дух. Более полно этого вопроса я имел уже случай коснуться во втором томе настоящего сочинения [2]) и здесь я не нахожу нужным

---

[1]) См. *арх. Палладий*—„Дорожные заметки на пути по Монголии в 1847 и 1859 г.г.“ в „Зап. И. Русск. Геогр. Общ. по общ. геогр.“, 1892, XXII, № 1, стр. 42. *Арх. Палладий* далее продолжает: „Вот как развивает эту истину (?) один из новейших писателей в Китае: „Бессилие монголов для Китая составляет благо, а управление Монголией посредством буддизма есть одно из самых важных политических соображений Китая. Если сравнить монголов с хуннами и древними турками, которые являлись неожиданно, оглашали все границы стуком своего оружия и в своих диких степях пили кровь и пожирали мозг, то представляется вопрос: как это случилось? Теперь чувство милосердия истребило в них страсть к убийству; вера в воздаяние обуздала их свирепость; это подвиг Цзун-хавы, принесший пользу и Китаю и другим народам. Оттого-то при Минской династии пятьдесят (?) лет сряду на границах Китая не зажигались вестовые маяки, а при настоящей династии монголы уже двести лет живут в глубоком мире“.

Если император Цянь-лун действительно приписывал буддизму такое могучее влияние на изменение народного характера, то странно, что он не принял никаких мер против распространения этого вероучения среди маньчжуров, утрата коими воинской доблести могла повести и к утрате Дайцинами власти в империи.

[2]) См. гл. IX.

© ГПИБ СО РАН

развивать высказанные там мысли; замечу лишь, что монгольская пассивность коренится в натуре этой расы, и если она стала с особой силой проявляться в халхасцах лишь начиная с XVIII столетия, то это произошло потому, что к этому времени окончательно угас в их среде тот активный элемент, каким являлись потомки древних динлинов.

Будда призывал человечество не к жизни, а к смерти, он обещал людям спасение не на пути действия, а на пути созерцания и рисовал им блаженство в виде вечного, ничем не возмутимого покоя. Такая религия не является конечно тем источником, в котором человек может черпать силы для борьбы с физической природой, она не двинет его по пути прогресса, не вселит в него бодрости и активности, но с другой стороны она и находит почву для своего распространения лишь в среде таких народностей, у которых пассивность и отсутствие настойчивости составляют врожденные, преобладающие черты характера. В Монголии буддизм стал официальной религией при императоре Хубилае, но только три века спустя [1]), в эпоху морального упадка этой страны, после того, как наиболее деятельный и энергичный ее элемент, настраивавший народную массу на воинственный лад, рассеялся из нее по соседним странам, он одержал в ней действительную победу.

Но если не буддизм вызвал у халхасцев утрату ими воинственности, энергии и предприимчивости, то его роль в смягчении их нравов была все же значительной, и уменьшение в их среде убийств и насилий [2]) следует поставить в неоспо-

[1]) См. т. II наст. соч., гл. IX. Распространителем ламаизма, т. е. реформированного буддизма, в Халхе должен считаться Абатай-хан, строитель первого халхаского монастыря Эрдэни-цзу, возведенного в 1586 г. (год начала его постройки) на месте Угэдэевского Кара-корума.

[2]) Что и современный халхасец не чужд проявлений самого необузданного своеволия и буйства, это доказывает случай, рассказанный *А. Позднеевым* на стр. 179 его книги „Монголия и монголы“, I, когда, накануне его приезда на одну из станций Улясутайского тракта, сын в порыве злобы стал избивать своего старика отца, причем дошел до такой степени ожесточения, что только соединенным усилиям сбежавшихся на крики избиваемого удалось вырвать из его рук его жертву.

римую ему заслугу, как вероучению, проповедующему величайшее уважение к жизни.

Нет в мире народности более преданной буддизму, чем халхаская [1]); в ее среде интересы религии отодвинули в настоящее время на второй план даже общественно-экономические, чисто бытовые запросы жизни [2]), не говоря уже о национально-политических идеалах, которые у кочевников Халхи впрочем и прежде не выражались особенно ярко. Халхасца всецело поглотила религия в той искаженной форме, которая является самым странным смешением буддийских (ламайских) доктрин и догматики с одухотворением сил природы—остатками древнего шаманизма. Низкий уровень интеллектуального развития и полное невежество в области познания природных явлений, создающие почву для суеверия, заставляют монгола-ламаита, подобно тому как прежде монгола-шаманиста, видеть на каждом шагу демонов и гениев, распоряжающихся течением событий, направляя их иногда во вред человеку, причем в таких случаях спасение может явиться только из рук того, кто призван служить посредником между миром духов и человеком, т.-е. ламы, как в прежнее время шамана, ибо ламаизм овладел душою шаманиста-монгола не прежде, как усвоил элементы его древней религии и принял в свой пантеон бесчисленный рой тех духов, которые в его представлении себе вселенной населяют воду, землю и воздух. Такая роль ламы совершенно совпадает с той, какую возложил на него и Цзонхава—служить руководителем мирянина в его пути к приобретению святости; лама должен быть его первым путеводителем на дороге к неведомому, проводником в страну ужасов; он его первый наставник в борьбе с человеческими страстями и уступает свое место более высокому руководи-

[1]) Это отмечает и *Пржевальский* („Монголия и страна тангутов“, I, стр. 52), писавший, что „ламайское учение пустило в Монголии такие глубокие корни, как, может быть, ни в одной другой стране буддийского мира“.

[2]) У *Гюка* („Souvenirs d'un voyage dans la Tartarie“, I, стр. 48) читаем: „Будущая жизнь занимает всецело их мысли, и земные дела кажутся им ничтожными; оттого-то они живут в этом мире, точно не принадлежа ему“.

© ГПНТБ СО РАН

телю—бодисатве только тогда, когда эти страсти побеждены; но именно потому, что к этой труднейшей победе ведет его лама, что только освещая путь свой светом его наставлений, он может возвысить свою природу до способности пользоваться учением бодисатв, роль этого первого его руководителя важнее для него роли последующих, принадлежащих уже к высшим царствам мира—бодисатв, будды, обладающего свойствами хубилганства (превращения), и будды, обладающего свойствами всеблаженства; к тому же подняться так высоко—не удел мирянина; он должен довольствоваться руководителем низшей ступени—ламой, причем, если-бы ему и показалось, что-либо соблазнительным в поступках последнего, то он не должен давать в своей душе места сомнению, а признать самое это сомнение грехом, происшедшим от его собственного помрачения и неспособности понимать истинное значение им обнаруженного. И под влиянием соответственных внушений миряне действительно и видят и не видят тех вопиющих иногда отступлений от обетов монашества, которые разрешают себе не только рядовые монахи, но даже и высшие представители духовной иерархии, не исключая и стоящих вне этой иерархии, но выше ее, хубилганов [1]). Другое, однако, отношение к своим жрецам было бы с их стороны совершенно несправедливым. Waddell считает, что в Тибете, рассаднике ламаизма, один монах приходится на 6—8 душ населения; в Халхе, по мнению А. М. Позднеева, число монашествующих превосходит это отношение, Майский же [2]) определяет их число в 105.500 чел., что составляет 44,6% всего мужского населения четырех аймаков Халхи, причем едва одна

[1]) *Майский*, op. cit., стр. 310, рассказывает, что некий „святитель церкви“ Набранчи-гэгэн (Нару-банчэн-хутухта), живший в конце прошлого века, отличался особо диким нравом; пьянствовал, стрелял из винтовки по людям, однажды в'ехал даже в Улясутай в телеге, запряженной пятью проститутками, и наконец похитил дочь генерал-губернатора. В рассказе этом конечно сгущены краски, но считать его плодом злостной выдумки также нельзя, тем более, что даже и ургинские хутухты, не исключая и недавно скончавшегося правителя Монголии, часто и далеко отступали от требований строгой морали.

[2]) Op. cit., стр. 29.

треть (не свыше 40.000) [1]) этого числа монахов живет при монастырях, остальные же рассеяны по всей стране, ведя образ жизни, ни в чем не отличающийся от образа жизни мирян. При таких условиях и принимая во внимание, что в монахи идут в Халхе не по призванию, а по воле родителей, посвящающих церкви своих детей, едва достигших весьмилетнего возраста, с каковой возраста обычно и начинается их „отшельническая“ жизнь (и хубилганы в этом отношении не составляют исключения), трудно ожидать от каждого такого представителя Будды на земле той жизни подвижника, которую требуют от него его монашеские обеты. К тому же большинство халхаских лам носит этот титул незаконно, хотя и имеет все внешние отличительные его признаки: бритую голову, желтое одеяние и на левом плече длинный красного цвета шарф, пропускаемый засим под правую мышку, так как они только еще „баньди“, послушники, „ученики веры“, обязанные выполнять всего лишь десять из 253 обетов монаха. Немногие из баньди достигают степени „гэцуля“, но только третья степень ламайского посвящения—„гэлун“ делает из посвященного церкви настоящего монаха. „Великое посвящение“ может получить, однако, только монах не моложе 25 лет, стало-быть уже сознательно идущий на отрешение от утех мирской жизни, и только к такому монаху могут быть пред'явлены требования высокой морали.

Большинство писавших о роли ламайского духовенства в Монголии относилось к нему отрицательно, приписывая ему значение элемента, не только развращающего народную нравственность, но и истощающего платежные ресурсы страны, так как содержание огромного количества лам следует считать расходом по меньшей мере совершенно непроизводительным.

Такой взгляд, однако, односторонен и потому совершенно несправедлив. Ведь значительное большинство лам остается не оторванным от земли; ведь они продолжают вести такое же скотоводческое хозяйство, как и остальные миряне; ведь даже и те из них, которые входят в монастырские штаты, не

[1]) *Майский*, op. cit., стр. 303.

© ГПБ СО РАН

освобождены от необходимости ухода за скотом, так как каждый монастырь является крупным собственником живого инвентаря. По вычислению И. Майского [1]), монастырям в Халхе принадлежит 17% всего скота автономной Монголии; но ведь и 40 тысяч приписанных к ним монахов составляют также не более 17% общей цыфры населения этой страны, а это указывает, что и на каждого штатного монаха приходится работы по выпасу скота не меньше, чем на мирянина [2]). А затем: в какой иной, как не монашеской среде, Халха находит наибольшее число ремесленников, художников, лекарей и лиц других профессий, без которых даже такие малокультурные страны, как автономная Монголия, обходиться не могут? А если так, то чем-же, как не недоразумением можно об'яснить мнения тех исследователей Монголии, которые видят в ламайском духовенстве язву на теле этой страны?

Монашеское сословие в Халхе составляет несомненно ее интеллигенцию, обладающую наиболее крупным, по монгольскому, конечно, масштабу, запасом теоретических и практических сведений. Но для того, чтобы их приобрести в тех тяжелых условиях, в каких приходится жить огромному большинству „учеников веры", им следует прежде всего исцелиться от того общего всем монголам недуга, который называется ленью. А затем много и много следует им положить труда, и притом труда упорного, настойчивого, на то, чтобы получить даже ту сумму знаний, которая считается обязательной в Халхе для рядового монаха, и не ламам пристало носить там прозвище тунеядцев. Если же приобретаемые ими знания и имеют отвлеченный, до некоторой степени схоластический характер, если в основе этих знаний лежат не естественно-разумные принципы и доказательства, а сверх, естественное, то не они ведь заслуживают в том упрека.

---

[1]) Op. cit., стр. 307.

[2]) Впрочем очень часто монастыри раздают свой скот для выпаса состоятельным монголам—мирянам, или же этот скот пасут шабинары, однако лишь ту его часть, которая составляет монастырскую собственность; скот же, принадлежащий монастырским общинам (аймакам), как частную собственность, пасут обыкновенно сами монахи.

Они—монахи, их область знаний—теология, и они еще твердо верят, что идут по верному пути к высшему принципу познания, к обладанию высшей истиной, которой разум человеческий без помощи свыше не может постигнуть, причем их ум не поднялся еще до той высоты, на которой коллизия между авторитетом и разумом разрешается в пользу последнего. И все же церковь в Халхе является ныне единственным хранителем того знания, которое составляет удел этой страны, и рассадником в ней просвещения. Неудивительно поэтому, что она дает тон и направление и всей духовной в ней жизни, что, между прочим, сказалось и в памятную эпоху 1911—1912 годов, когда во главе национального движения стояли монахи.

Знания, которые получает монах-ламаит, поднимают несомненно деятельность его ума, но, не восходя за пределы религиозных представлений и не составляя об'ективных истин, они далеки от того, чтобы вызвать в нем стремление к независимому мышлению: его миросозерцание не выходит из границ, определенных учителями церкви, и он остается неспособным подчинить себе природу и овладеть ею путем непосредственного опыта. В его представлении природою руководит одно только законодательство—небесное; он и не пытается поэтому выйти из круга абстрактных идей; а при таких условиях его мысль, методически не подготовленная к решению вопросов, требующих точности экспериментального исследования, не может не теряться в фантастических образах.

Эти знания, заставляя его углубляться в самого себя, работать лишь над усовершенствованием человеческой духовной природы, не делают его способным стать народным руководителем в его борьбе с внешним миром, поднять его до уровня современных требований жизни, и Халха остается и ныне на той же ступени развития, как и три столетия тому назад, и даже еще более низкой, так как в ней убита прежняя ее самодеятельность под гнетом мысли, что все в руках божиих и ничего—человеческих. В этом и заключается трагизм положения Халхи: ее губит ее религия;

© ГПНТБ СОРАН

ламы же, как часть народа халхаского, являются не меньшею ее жертвой, чем оставшиеся в миру.

Как говорилось выше, значительное большинство лам живет жизнью мирян, отличаясь от них только одеждой. Сан не освобождает их от несения общественных повинностей, и даже чаще, чем мирянина, можно встретить ныне ламу отбывающим эту повинность [1]). Даже наиболее тяжелая из них—уртонная их не обходит, и бритых монголов в ламайских одеждах можно встретить не только среди содержателей почтовых станций, но и среди пастухов и подводчиков [2]), причем нагайка китайского солдата до 1911 года так-же свободно разгуливала по их спинам, как и по спинам мирян. А так как ламы на ряду с последними наряжались на службу и в пограничные караулы [3]), то не миновала их даже и воинская повинность: хувараки на ряду с своими сверстниками мирянами обучались иногда стрельбе из лука [4]), и это искусство, повидимому, не чуждо было и некоторым хубилганам Халхи, судя по тому, что некоторые из них с увлечением предавались запретной охоте на дикого зверя [5]). От этих повинностей освобождаются лишь штатные ламы монастыря [6]), но их всего сорок тысяч на всю автономную Монголию, и когда пишут о том, что „многочисленный класс ламайского духовенства в Халхе живет на общественный счет“, то следует иметь в виду только эти сорок тысяч. В какой, однако, стране клир, как и органы административной власти, не содержатся на народные средства? Но монастыри в Халхе

[1]) *А. Позднеев*—„Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу“ в „Зап. И. Русск. Геогр. Общ. по отд. этногр., 1887, XVI, стр. 113.

[2]) *А. Позднеев*, op. cit., стр. 114.

[3]) *А. Позднеев*, loc. cit.

[4]) *А. Позднеев*, loc. cit.

[5]) *А. Позднеев*—„Ургинские хутухты“. „Исторический очерк их прошлого и современного быта“, 1879, стр. 26.

[6]) Только при вступлении в штат ламы исключаются из податного сословия; но для того, чтобы попасть в число штатных лам, требуется согласие хошунных властей, изложенное в письменной форме, причем даже для гэлунов не делается в этом отношении исключения.

имеют и свои определенные доходы [1]), и обыкновенно расходные свои сметы сводят, не расчитывая на добровольные приношения мирян, которые если и поступают в их казначейства, то и расходуются согласно их назначению. Из этого явствует, что и вышеприведенное обвинение не более обосновано, чем остальные, раздававшиеся по адресу ламайского духовенства.

Майский [2]) определяет сумму ежегодного расхода халхасцев на церковь в 6—7 милл. руб. мет., составляя эту цифру из следующих слагаемых:

плата за требы и пожертвования . .	1 мил. руб. мет.
устранение 40.000 монахов от производительной работы, что составляет потерю—138,5 руб. мет. в год на человека, всего же	5 5
Итого . . .	6,5 мил. руб. мет.

Эти цифры настолько произвольны, что оспаривать их не приходится, но уже тот факт, что к ним приходится прибегать, чтобы хотя сколько-нибудь обосновать вышеприведенное обвинение, достаточно сам по себе показателен [3]). Майский, впрочем, поступает осторожнее других исследователей Монголии, ограничивая число лам, „оплачиваемых“ населением Халхи, цифрой в 40 тысяч человек.

Кроме богословского образования ламы в некоторых монастырях Халхи получают и сведения по медицине и астрономии.

[1]) *А. Позднеев* на стр. 38 и 417 своего сочинения „Монголия и монголы“, I, указывает на источники таких доходов халхаских монастырей. Кроме подушной подати шабинаров их слагают суммы, выручаемые из скотоводческого хозяйства, извоза и сдачи земельных угодий в арендное пользование китайцам. *Майский*, op. cit., стр. 307, указывает еще на один источник доходов монастырей: отдачу монастырского капитала в рост под хорошие проценты, достигающие в некоторых случаях 60 годовых. Наконец, учитываются, без сомнения, монастырями и те суммы, которые поступают в их кассы за выполнение треб.

[2]) Loc. cit.

[3]) Как-бы, однако, мы ни смотрели на монастыри, их нельзя отнести к числу насосов, выкачивающих из страны народные средства, так как последние остаются в ней, меняя лишь своего владельца.

© ГПНТБ СССР

Обучение лам медицине введено было вторым ургинским хутухтой Лубсан-Дамба-Донми, причем он повел это дело столь энергично, что даже преждевременная его кончина, последовавшая в 1757 году, не остановила его, что видно хотя-бы из факта образования в 1760 году в Урге общества ученых лам-медиков [1]).

В Халху медицина проникла из Тибета, куда в свою очередь занесена была буддистами, вероятно, не ранее VIII века нашей эры из Индии. Сколь много при этом потеряла индийская медицина—сказать трудно, но что потери ее были очень значительны, в этом убеждает нас тот факт, что современные хранители медицинской науки в Тибете совершенно незнакомы с оперативной хирургией и акушерством—отделами медицины, стоявшими на высокой ступени развития в древней Индии. В Халхе медицинская наука не могла, конечно, стать совершеннее, чем в Тибете, и в настоящее время представляет сводку некоторых эмпирических средств и методов лечения, действительно полезных, и самого беззастенчивого знахарства, имеющего своим источником полное незнакомство врачующих лам с тем организмом, который они берутся лечить. Впрочем они и не скрывают от себя несовершенств своей „медицинской науки", но считают, что роль их, как врачей, ограничена самой природой вещей: дни человека ведь сочтены; продолжительность его жизни измерена—как-же можно надеяться, что медицина в состоянии изменить что-нибудь в этом ходе предопределенных свыше явлений?

Обучение лам астрономии или, точнее, собранию сведений о разных отдельных, не связанных между собою фактах, касающихся небесных светил, в соединении с астрологией введено было в главнейших монастырях Халхи четвертым ургинским хутухтой в 1787 году, когда и учреждено было им ургинское общество астрономов [2]). В каком положении находится в настоящее время как эта, так и другие науки в Халхе—сведений не имеется, но нельзя не согласиться с Майским [3]),

[1]) *А. Позднеев*—„Ургинские хутухты", стр. 12.
[2]) *А. Позднеев*, op. cit., стр. 16.
[3]) Op. cit., стр. 309.

который пишет, что образование монахов в Монголии страдает двумя крупными недостатками: оно требует от них колоссальной затраты энергии и труда на протяжении чуть-ли не всей жизни и является чужеземным цветком на монгольской ниве, так как ведется на тибетском языке и таким образом совершенно лишено национального облика; в то же время оно не может и подняться над тем уровнем, какого достигло в Тибете.

Преступность среди ламайского духовенства развита в меньшей степени, чем среди мирян, и о барантачах и грабителях-ламах, не говоря уже об убийцах, в Халхе вовсе не слышно. Приписать это явление большей обеспеченности монахов нельзя, так как до 70 процентов последних остается жить в миру, не выходя из состава податного сословия и неся на ряду с остальными все тяготы натуральных повинностей и налогов; среди них даже более неимущих, чем среди мирян-простолюдинов, если судить по тому факту, что в городах Халхи легче найти поденщиков даже на самую трудную работу среди людей с бритыми головами и в остатках желтых халатов, чем в одеждах мирян; да и нищенствующих монахов не мало в этой стране. Очевидно, что в данном случае для огромного их большинства их обеты—блюсти себя от порочной жизни, от „пяти греховных дел, во главе которых стоит убийство" [1]),—от „четырех унизительных падений", в числе коих разумеется и воровство [2]),—не пустой звук и носимое ими священное одеяние (номту дэбэль) их к чему-то обязывает.

Монастырский устав в Халхе очень строг и налагает суровые наказания за малейшие проступки лам, причем следствие об этих проступках производится, и наказание приводится в исполнение во время хуралов, т. е. публично, даже в том случае, если виновный приговаривается к пле-

[1]) *А. Позднеев*—„Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии", etc., стр. 118. Дается посвящаемым в убаши при обряде посвящения.
[2]) *А. Позднеев*, op. cit., стр. 122. Дается баньди при обряде пострижения.

© ЦГИБ СО РАН

тям [1]). Неисправимые пьяницы навсегда изгоняются из монастыря, с них снимаются их обеты и монашеские одежды; если же преступление более тяжко, если виновные в ссоре и драке нанесут увечья и раны, то монастырь, лишая их сана ламы, передает их гражданским властям для наложения на них взысканий по гражданским законам. То-же угрожает и всем гэлунам, гэцулям и баньди, отступившим от четырех основных обетов монашества и совершившим чрезвычайный проступок или постыдное для ламы деяние. Что особенно характерно в означенном уставе, это— наложение строгих наказаний на учителей и руководителей провинившихся. Он требует нелицеприятного следствия и предания суду также и начальствующих монастыря с отрешением их от должностей и наложением штрафа в пользу монастыря в тех случаях, когда обнаруживается, что содеянному преступлению способствовал недостаточно с их стороны строгий надзор за монахами.

Высшей мерой наказания, налагаемой духовным судом, является лишение виновного сана и изгнание его из монастыря. Сему предшествуют штрафы, плети, стояние во время хуралов, одного или нескольких, на коленях, поклоны в числе иногда многих тысяч и проч., включительно до назначения на грязные работы в монастыре; но доминируют над всеми этими наказаниями плети, в чем усматривается сходство монастырского устава с тем уложением, коим руководствуются судьи гражданского ведомства.

В последний раз это уложение пересматривалось в 1820 г., а затем к нему издавались лишь дополнения, не всегда согласовавшиеся с основными статьями, что создало почву для произвольных толкований и повело к различной практике суда часто в смежных хошунах. Так обстояло дело до 1912 года, когда правительство автономной Монголии поняло, наконец, необходимость упорядочить судопроизводство в стране и создать для нее нормированное право. С этою целью им обра-

[1]) Об этом уставе см. *А. Позднеев*, op. cit., стр. 182 и след. Он, впрочем, не одинаков во всех монастырях Халхи, хотя отклонения от нормального в тех „правилах", коими руководствуются их настоятели, в общем, повидимому, и незначительны.

зована была особая комиссия, на которую и возложена была задача составления свода законов. К 1919 году она закончила свою работу [1]), которая вылилась в 64 тома, из числа коих к 1920 году, когда Майский приступил к составлению своей книги о Монголии, отпечатано было восемь. Дальнейших сведений о результатах этой законодательной работы мы не имеем, но несомненно, что под влиянием новых течений в монгольской жизни допускавшиеся до сего времени жестокие пытки [2]), которым при следствиях подвергались не только ответчики, но иногда даже истцы и свидетели, если и не были отменены в новом уложении окончательно, то были значительно ограничены в своем применении. Что касается норм наказания, то в этой области едва-ли введены были какие-либо существенные изменения; по крайней мере тюрьмы всюду в Халхе, и в частности в Улясутае и Урге, остались прежними [3]),

[1]) *Майский*, op. cit., стр. 286.

[2]) Эти пытки более жестоки, чем те, которые применяются урянхайскою следственной властью (см. выше стр. 158—159). Легчайшей из них считается битье по щекам шагаем; тягчайшими — прожигание ладони расплавленным свинцом и вырывание особыми крючками кусков мяса через отверстие в китайской медной монете, которая ради этой цели прикладывается в раскаленном состоянии к истязуемой части тела. Обе эти пытки переняты халхасцами у своих соседей—китайско-подданных киргизов-киреев и китайцев, но там они применяются не при следствии, а как высшие меры наказаний: киргизы прожигают расплавленным свинцом ладони у неисправимых воров, китайцы истязают вышеописанным способом тело преступников, осужденных на смерть в тягчайших мучениях. В одной из записанных *Потаниным* („Очерки сев.-зап. Монг.", II, стр. 169) монгольских легенд о Шидыр-ване говорится об этой казни. „Шидыр-ван перед казнью говорил: „меня казнят, но это не беда; душа моя войдет в утробу жены эдзен-хана (китайского императора)". Шидыр-ван был обезглавлен. Ханьша забеременела, родился сын с рубцом на шее. Хан спросил у мудрецов, что это значит; мудрецы ответствовали, что это душа казненного Шидыр-вана вошла в утробу царицы. Эрдзен-хан велел тогда убить родившегося, снимая с него мясо кусочками величиною с монету (дзосу); после того ханьша вновь забеременела и родила рябого мальчика..."

[3]) Тюрьмы в Халхе—чаще всего отдельные небольшие срубы из тонких бревен, имеющие в площади не свыше 20 кв. аршин, в вышину не более двух, с земляным полом, без окон, с очень низкой и узкой, плохо пригнанной дверью. В таких, не отапливаемых зимой, до невозможности

© ГПБ

не отменены до сих пор и колодки [1]) и прочие наказания, введенные в Монголии с подчинением ее Китаю; должны были быть, однако, окончательно оставлены, впрочем и без того применявшиеся в Халхе очень редко, притом исключительно к одним лишь закоренелым преступникам, такие кары, как ослепление, отнятие варварским способом кистей рук и ног [2]) и проч., которым подвергались виновные не по закону, а в силу обычая, унаследованного монголами от времен глубокой древности.

В монголо-ойратских законах, в „Уставе взысканий" 1640 года [3]), преимущественной мерой наказания был штраф; в монгольском уложении, изданном при императоре Цяньлуне, телесным наказаниям отдано было предпочтение, практика же последнего времени сделала плети самой употребительной формой наказания в Монголии, причем даже состоятельные халхасцы предпочитали сечение штрафу [4]).

Последний уступил свое место плетям и в монастырях, так как обладающих достатком среди монахов очень немного. Чингис-хан предписывал воздерживаться от применения такой меры наказания, как плети, указывая на то, что этим принижается человеческое достоинство, в настоящее же время в Халхе настолько привыкли к кнуту, что даже монголы-чиновники высших рангов со смирением сносили удары

загрязненных помещениях отбывают свое наказание иногда до шести человек заключенных (см. *Майский*, op. cit., стр. 290). Особенно, однако, ужасны тюрьмы, носящие название мухулэ. Это такие же ящики из досок, как и кара-бажин урянхайцев (см. выше стр. 161); но урянхайцы отбывают в них наказание за особо тяжкие преступления, у монголов же мухулэ, по словам *А. М. Позднеева* („Монголия и монголы", I, стр. 16), исполняют сверх того весьма часто и роль домов предварительного заключения для подследственных арестантов.

[1]) Колодки эти двоякого рода—шейные и ножные. О них см. выше стр. 159; полное представление о последних дает фотоцинкография, приложенная к стр. 104 книги—„Московская торговая экспедиция в Монголию".

[2]) Тем же способом, как и у урянхайцев; см. выше стр. 161 и 162.

[3]) См. т. II, гл. X.

[4]) *А. Позднеев* в гл. VII цит. выше книги рассказывает об одном таком случае.

нагайки [1]), и такой возглас, как „руби меня сабля, не бей царская плеть" был-бы здесь едва-ли понятен. Закон, впрочем, освобождал князей и тайджи всех четырех степеней от телесного наказания.

Низшей судебной инстанцией в Халхе являлось хошунное управление (тамага), но ему не были подсудны цзасаки, т. е. князья-правители, их ближайшие родственники и высшие иерархи церкви, дела которых переносились в Ургу; дела же остальных тайджи хотя и рассматривались в хошунных управлениях, но приговоры по ним вступали в законную силу не прежде, как по утверждении их центральною властью. Границы компетенции хошунных судов, впрочем, были довольно ограничены, и все дела крупного значения поступали в более высокую инстанцию—канцелярию чугулган-дарги, председателя сейма; сюда же в апелляционном порядке переносились и дела по обжалованию приговоров первой инстанции. Третьей инстанцией являлась канцелярия наместника (в прежнее время улясутайского цзянь-цзюня), пред которым было возможно обжалование приговора чугулган-дарги, четвертой—министерство юстиции в Урге, одной из главнейших функций которого являлась судебная; оно санкционировало смертные приговоры [2]), утверждало приговоры низших инстанций по делам тайджи и постановляло окончательные решения по делам цзасаков. Последним прибежищем обвиненных являлся богдогэгэн, которому в порядке монаршего милосердия принадлежало право помилования, как-бы велико ни было содеянное преступление [3]).

---

[1]) См. *А. Позднеев*, op. cit., I, стр. 200.

[2]) *Майский*, op. cit., стр. 291, утверждает, что в Халхе еще сохранился следующий вид смертной казни: „осужденного зашивают в сырую кожу, зарывают по горло в землю (песок?) и, чтобы продлить агонию, слегка подкармливают его чаем и молоком; сырая кожа, ссыхаясь, причиняет сильную боль, потом начинается гниение заживо, и в конце концов человек погибает, промучившись иногда 2—3 месяца.

[3]) *Майский*, op. cit., стр. 287. Далее он пишет: „Если истец и ответчик являются подданными двух разных хошунов, то дело разбирается смешанным судом из представителей заинтересованных хошунных управлений; при этом каждый такой представитель является не столько судьей,

© ГПИБ

Где-бы, однако, ни судились монголы, каковы-бы ни были законы их родины, продажность чиновников низводила и прежде, продолжает низводить и теперь, правосудие в Халхе на столь низкую ступень, что только одна крайность может заставить потерпевшего искать в этой стране защиты суда.

Продажность монгольских чиновников не составляет результата китайского воспитания, как это принято думать, она—наследие далекого прошлого, порок, с которым не в силах был справиться даже такой человек, как Чингис-хан; его стремление, чтобы выслушавший приговор выносил убеждение, что с ним поступлено по закону, а не под влиянием сторонних причин, влиявших на его осуждение, осталось не осуществленным, и в его обширной монархии суд и расправа и при нем „продолжали вертеться на золотом колесе произвола“ [1]).

сколько адвокатом своего однохошунца. Обычно при первом разбирательстве дела в смешанном суде никакого приговора не выносится, так как судоговорение по общему правилу заканчивается ссорой и даже потасовкой между чиновниками различных хошунных управлений. После такого финала дело, собственно говоря, должно было-бы перейти на рассмотрение чулганы, но, желая избежать лишних расходов и волокиты, стороны для ликвидации возгоревшегося спора большею частью обращаются к „своим средствам“, освященным вековыми нормами традиции: начинается взаимный захват скота и притом не только у непосредственно заинтересованных в столкновении лиц, но и у их однохошунцев. Загорается межхошунная распря, хошун у хошуна угоняет скот. Когда обе стороны достаточно утомятся междоусобной борьбой, снова с'ежаются чиновники двух хошунных управлений и на этот раз уже приходят к какому-нибудь решению“. *Майский*, в этом случае очевидно введен в заблуждение. Началом взаимной баранты служит обычно попытка обиженной стороны вознаградить себя за счет имущества обидчика, не доводя дела до суда, с'езд же судей венчает этот самоуправный образ действий, а не наоборот. Действительно, как-бы низко мы ни ставили чиновничий класс в Халхе, трудно допустить, чтобы хошунные управления были если не зачинщиками, то потворщиками такого часто чреватого последствиями образа действий, как угон скота у противной стороны.

[1]) Характерны следующие монгольские поговорки:

Задавивший овцу волк ушел целым, а голодный—попался (говорится о суде).

Искать в управлении (суде) правды—то же, что гоняться за зайцем в телеге.

Прежде, чем идти к хану, сладься с его слугой.

Чиновники в Халхе не составляли замкнутой касты, хотя часто должности их и передавались по наследству от отца к сыну; кадром для замещения высших должностей служил при этом класс тайджи, на низшие же князем обычно избирались наиболее толковые и грамотные из его челядинцев. Но откуда-бы ни попадал монгол в число должностных лиц, как-бы ни были велики его личные достатки, он быстро осваивался с атмосферой лихоимства и становился таким же вымогателем, как и все остальные его сослуживцы, что тем менее удивительно, что даже высшие лица администрации в Халхе заражены были тем же недугом.

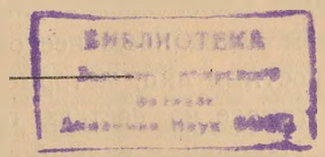
Помощником князя в управлении хошуном и начальником тамаги являлся тусалакчи, который имел товарищем цзахирахчи, старшего чиновника для поручений при князе. Письменною частью в тамаге ведал секретарь тусалакчи—бичэчи [1]), который часто и являлся действительным вершителем дел по управлению княжеством и одновременно следователем и судьей своих однохошунцев; под непосредственным его начальством находились: несколько писарей, рассыльных и те из должностных лиц, которые поочередно прикомандировывались к тамаге из состава преимущественно старшин (дарга) баков. Наконец, в личный состав тамаги входили еще следующие чиновники: мэйрэнь, цзалан и цзангин, функции которых были очень неопределенны, но которые по существу являлись младшими чиновниками для поручений при князе, неся службу иногда в дальних командировках, например, заведуя уртонной службой на определенной дистанции почтового тракта. Все эти чиновники за исключением тусалакчи, утверждение которого в должности до 1912 года зависело от Пекина, позднее же—от Урги, и назначались и увольнялись князем, обязанным лишь доносить о соответственных распоряжениях председателю сейма, и потому естественно являлись лишь послушными исполнителями его воли. Впрочем, и независимо от сего права хошунного князя были весьма широки, и хотя законодательные функции и были из'яты из его компе-

---

[1]) Так именуются в Монголии все вообще исполнительные чиновники по письменной части, а также простые писцы.

© ГПНТБ СОРАН

тенции, почему он и не мог быть назван автократом, но в делах внутреннего управления уделом он оставался полным хозяином. Особенно резко это выражалось в его праве устанавливать налоги и всякие сборы с населения, и хотя за последним и удержалось право протеста против княжеских поборов, но реального значения оно в Халхе не имело, так как, согласно установившемуся там обычаю, хошун отвечал всем своим достоянием за долги своего владельца. Этим и об'ясняется причина того широкого кредита, которым пользовались владетельные монгольские князья у китайских банкиров, и та степень обнищания, до которого доведены были их расточительностью некоторые из хошунов Халхи. Вообще же княжеское управление в этой стране не существенно отличалось от того, какое мы застали в Урянхайской земле, где, как мы видели, произвол, поборы и лихоимство свили себе столь прочное гнездо.



ОГЛАВЛЕНИЕ ПЕРВОГО ВЫПУСКА III ТОМА.

		стран.
Предисловие	. . . . .	I—IV
Глава I	Народности, населяющие Западную Монголию и Урянхайский край. Сойоты (Урянхайцы) . . .	1—64
Глава II	Народности, населяющие Западную Монголию и Урянхайский край. Сойоты (урянхайцы). Продолжение.	65—118
Глава III	Народности, населяющие Западную Монголию и Урянхайский край. Сойоты (урянхайцы). Продолжение.	119—183
Глава IV	Народности, населяющие Западную Монголию. Торгоуты, хошоуты, дөрбёты	184—239
Глава V	Народности, населяющие Западную Монголию. Баиты, мингаты, өлёты, цзахачины, хотогайту, хотоны	240—284
Глава VI	Народности, населяющие Западную Монголию. Халхасцы. . . .	285—345
Глава VII	Народности, населяющие Западную Монголию. Халхасцы. Продолжение.	346—412

© ГПНТБ СО РАН

ОПЕЧАТКИ.

Страница.	Строка.	Напечатано:	Следует читать:
7	19 снизу	*Хурузин*	*Харузин*
10	14 „	опечатки (напр.,	опечатки, напр.,
18	21 сверху	*Березин*, loc. cit.,	прим. *Березина* к Рашид эд-Дину.
18	13 снизу	(донгот). (*Кастрен*—	(донгот) (*Кастрен*—
23	14 сверху	камучин	калиучин
53	6 „	*Кон.* пишет	*Кон* пишет
56	17 „	familiares	familiaris
58	13 „	делится поровну	делится не поровну
77	9 „	ранее	раннее
79	14 снизу	цынковой	цинковой
80	21 сверху	редкесть	редкость
84	4 „	подрасывания	подбрасывания
88	19 „	верхий	верхний
89	6 „	теснение	тиснение
108	3 снизу	*Кон*, переводит	*Кон* переводит
119	5 „	сострой	сестрой
166	15 сверху	владевшими	владевший
204	9 снизу	*баруи*	*барун*
205	17 „	цегедек	цегедэк
245	7 сверху	что	чего
267	8 „	Шан-си	Шань-си
281	3 „	мул	мулл
317	10 сверху	именовалосе	именовалась
372	20 „	после слов „уже выше“	сноску 2) выкинуть
400	8 снизу	сверх, естественное	сверх'естественное.

© ГПНТБ СОРАН